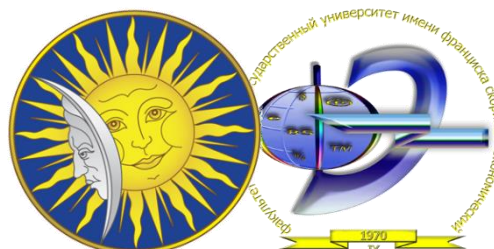


АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Выпуск 3



Гомель
2025

ISSN 2790-0193

Учреждение образования
«Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сборник научных статей

Выпуск 3

Научное электронное издание

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2025

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2025

Актуальные вопросы современной экономической науки: теория и практика [Электронный ресурс] : сборник научных статей. Выпуск 3 / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : А. К. Костенко (гл. ред.) [и др.]. – Электронные текстовые данные (4,96 МВ). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. – Системные требования: IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер, скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа: <http://conference.gsu.by>. – Заглавие с экрана.

Периодичность – 1 раз в 2 года.

Сборник научных статей включает результаты исследований ведущих и молодых ученых-экономистов, представителей крупнейших высших учебных заведений Республики Беларусь, Российской Федерации, Таджикистана, Туркменистана и других стран в сфере современной экономической науки и практики.

В сборнике находят отражение актуальные проблемы экономической теории, мировой экономики и экономической интеграции; анализируются современные вопросы экономики и менеджмента; освещаются вопросы совершенствования управленческого и бухгалтерского учёта, экономического анализа и аудита; предлагаются приоритетные направления развития финансово-кредитной системы Республики Беларусь; рассматриваются современные информационные технологии в экономической деятельности.

Сборник научных статей адресован ученым-экономистам, специалистам практической сферы экономики, студентам, магистрантам и аспирантам экономических специальностей, лицам, заинтересованным в решении актуальных проблем развития экономики на современном этапе.

Редакционная коллегия:

А. К. Костенко (главный редактор), З. В. Бонцевич (ответственный редактор),
И. В. Бабына, Л. В. Дергун, Е. А. Западнюк, В. В. Ковальчук

Рецензенты:

доктор технических наук А. Н. Семенюта,
кандидат экономических наук С. Л. Шатров

ГГУ имени Ф. Скорины
246028, Гомель, ул. Советская, 104,
тел. (232) 50-49-03, 51-01-03
<http://www.gsu.by>

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

<i>Анцулевич К. Н., Чигрина А. И.</i> МАРКЕТИНГОВЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ В ТОРГОВОМ ЦЕНТРЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ ПОКУПАТЕЛЬСКИМИ ПОТОКАМИ	7
<i>Баранов А. М., Сюй Ичэнь.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ.	10
<i>Валевич Ю. В.</i> БЕЗУСЛОВНЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД: ТЕОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ	14
<i>Гаращенко Е. А.</i> ВНЕШНЕТОРГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОВАРАМИ В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕАЭС: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	18
<i>Захарчук Д. А., Шишко В. И.</i> ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УСТОЙЧИВ ЛИ РОСТ ВЬЕТНАМА, ИНДОНЕЗИИ И ИНДИИ?	22
<i>Коба Я. Н., Юрова Н. В.</i> КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ШОС, БРИКС И АТЭС: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И РОЛЬ ДЛЯ БЕЛАРУСИ....	26
<i>Ковалевская Ю. Д., Потапова Н. В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ СКЛАДИРОВАНИЯ В ЭПОХУ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ.....	30
<i>Лин С. Д.</i> ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В КИТАЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ	35
<i>Миленин М. В.</i> СЕЛЕКТИВНЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ: МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	39
<i>Морозова Ю. Э.</i> РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ ЧЕРЕЗ ИНТЕГРАЦИЮ НАУЧНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕР	43
<i>Петухов Н. А.</i> ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	47
<i>Радченко С. А.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО – ЛУЧШИЙ СПОСОБ БЫСТРО РЕШАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЯ ЛУЧШИЙ МИРОВОЙ ОПЫТ И УНИКАЛЬНЫЕ ХОЗДОГОВОРЫ КАФЕДР	54
<i>Рыбченко Д. А.</i> АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА СССР, США И КНР..	58
<i>Рябченко В. А.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	62
<i>Хасанов Ф. А.</i> ПРОТИВОРЕЧИЕ «СВОБОДЫ» И «РЕГУЛИРОВАНИЯ» В НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ	66
<i>He Zheng.</i> AN ANALYSIS OF CURRENT ISSUES AND PATHS FOR ECONOMIC INTEGRATION AMONG CHINA, RUSSIA AND REPUBLIC BELARUS	69

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И МЕНЕДЖМЕНТА

<i>Анкинович Ю. Е., Вечерская Д. А.</i> РОЛЬ МАРКЕТИНГА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РОСТА ИНДЕКСА СЧАСТЬЯ.....	73
--	----

<i>Арашкевич О. В.</i> ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ	78
<i>Бабына И. В., Астапенко К. О.</i> К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ЭВРИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ БИЗНЕС-АНАЛИЗА В ПРОЦЕССЕ РАЗРАБОТКИ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ СП ОАО «СПАРТАК»).....	82
<i>Гавриленко В. Н., Лысенко Е. Д.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ	86
<i>Дакука Н. Л.</i> РОЛЬ МАЛОГО БИЗНЕСА В ФОРМИРОВАНИИ МОДЕЛИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)	90
<i>Казушич А. А.</i> ESG-ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ	94
<i>Карпицкая М. Е., Винчо Е. С.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБОРОТНЫМИ АКТИВАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ.....	98
<i>Костенко А. К.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ.....	102
<i>Лапицкая К. В., Лявшук В. Е.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С БЛОГЕРАМИ КАК ФОРМА НАТИВНОЙ РЕКЛАМЫ	107
<i>Носко Н. В., Яковчиц В. В.</i> СОКРАЩЕНИЕ РИСКОВ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА	111
<i>Носко Н. В., Жукович К. А.</i> РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА РУКОВОДИТЕЛЯ В ПОВЫШЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ.....	115
<i>Орлова А. В.</i> КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГРАММЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА «РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА».....	119
<i>Полуносик А. О., Караченцева Т. И.</i> РОЛЬ БИЗНЕС-СТРАТЕГИЙ В СОЗДАНИИ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ОРГАНИЗАЦИИ	123
<i>Помаз И. В.</i> ВКЛАД НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ И РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА.....	127
<i>Скворцова Л. Л., Чарот А. М.</i> ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ОМНИКАНАЛЬНОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	131
<i>Чигрина А. И., Медведь И. А.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ОБЖАРКЕ КОФЕ).....	135
<i>Шпец В. А., Минько М. В.</i> ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕХНОПАРКОВ С ПОЗИЦИИ ЭКОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА.....	139
<i>Юргель Н. В.</i> КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ РИСКОВ ПЕРСОНАЛА: ВИДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ	143
<i>Ятченко М. Д.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В НЕФТЕГАЗОВОМ СЕКТОРЕ	147
<i>Song Zhengyi.</i> THE IMPLEMENTATION AND FUTURE DIRECTIONS OF OMNICHANNEL RETAILING	151

СЕКЦИЯ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО И БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА, ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И АУДИТА

<i>Аишуров У. З.</i> РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ	156
<i>Бугакова Д. Ю., Нарушевич Г. Г.</i> АУДИТ РАСЧЕТОВ С ПЕРСОНАЛОМ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ	159

СЕКЦИЯ 4. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

<i>Бонцевич З. В.</i> КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	163
<i>Бонцевич З. В., Новикова А. А.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КУРС НА ЦИФРОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ	167
<i>Дергун Л. В.</i> РАЗВИТИЕ РЫНКА ЦИФРОВЫХ ЗНАКОВ (ТОКЕНОВ) РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	171
<i>Дергун Л. В., Серебро А. П.</i> БЮДЖЕТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ.....	176
<i>Каморников С. Ф., Пинаева Е. А.</i> МОНИТОРИНГ УГРОЗ ФИНАНСОВОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПОКАЗАТЕЛЕЙ СКОРОСТИ РАЗВИТИЯ СКРЫТОГО КРИЗИСА	180
<i>Кузько Е. А.</i> КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА: БЕЛОРУССКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	184
<i>Порошина О. О.</i> ПЛАТЕЖНАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	188
<i>Федосенко Л. В.</i> ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК И ЕГО РОЛЬ В ФИНАНСИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ	192
<i>Шердакова Т. А., Павлючкова В. В.</i> ОЦЕНКА УСЛУГ РАСЧЁТНО-КАССОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ БЕЛОРУССКИМИ БАНКАМИ.....	196
<i>Kuzko E. A., Zhu Mingcong.</i> INNOVATIVE ACTIVITY IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: FINANCIAL INCENTIVES AND ROLE IN INCREASING THE COMPETITIVENESS OF NATIONAL ECONOMY	200

СЕКЦИЯ 5. СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Алексеев Н. А., Шантар Е. В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КРЕДИТНОГО СКОРИНГА В БАНКАХ.....	205
<i>Бова И. А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА.....	209
<i>Кришень У. А., Rogozin С. В.</i> МЕТОДЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДИНАМИКИ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ	213
<i>Напольских Е. А., Чигрина А. И.</i> РОЛЬ МЕДИЙНЫХ РЕКЛАМНЫХ КАМПАНИЙ В ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГЕ	217
<i>Носко Н. В., Фисюк А. С.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ.....	221

<i>Нурлыева М. Х.</i> РЕГУЛИРОВАНИЕ И КОМПЛАЕНС: ВЛИЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ДАННЫХ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАНИЙ.....	226
<i>Пугачева О. В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ.....	229
<i>Туровец А. М., Кузьмин А. Н.</i> РАСШИРЕНИЕ ОБОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ГЕНЕРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ НЕЙРОСЕТЕЙ ОТ СТРУКТУРЫ ЗАПРОСА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ..	233
<i>Ходжамаммедов М. М., Агаев А., Аллаков Ш. Б.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ....	237
<i>Ходжамаммедов М. М., Аманмырадов С., Гаррыбаев Б. Г.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕПОЧКАМИ ПОСТАВОК И ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ.....	241
<i>Ходжамаммедов М. М., Аманова О., Акмырадов Ш. Б.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	245
<i>Шелест М. М., Судибор П. С., Проровский А. Г.</i> ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКОВ И ИОТ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ	250
<i>Smetanko M. A., Karachentseva T. I.</i> TRANSFORMATION OF THE GLOBAL ECONOMY IN THE CONTEXT OF DIGITALISATION: TRENDS AND CHALLENGES.....	254

СЕКЦИЯ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

УДК 339.138

К. Н. Анцулевич

an.karolinka@gmail.com

А. И. Чигрина

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

МАРКЕТИНГОВЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ В ТОРГОВОМ ЦЕНТРЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ ПОКУПАТЕЛЬСКИМИ ПОТОКАМИ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты маркетингового размещения объектов в торговом центре. Особое внимание уделено модели потребительской полезности, типологии арендаторов и синергетическим эффектам, возникающим между ними. Показано, как маркетинговая стратегия планировки торгового пространства влияет на привлечение покупателей, распределение потоков и экономическую эффективность. На основе анализа теоретических моделей и практических примеров предложены рекомендации по оптимизации структуры торгового центра.

Ключевые слова: торговый центр, маркетинг, потребительская полезность, синергия, размещение арендаторов, планировка, покупательские потоки.

Современные торговые центры являются сложными multifunctional объектами, сочетающими торговлю, услуги и досуг. Одним из ключевых факторов их успеха выступает грамотное маркетинговое размещение арендаторов. Распределение объектов должно обеспечивать оптимальные потоки посетителей, комфортную навигацию и максимизацию продаж. Применение маркетинговых принципов к пространственному планированию позволяет повысить конкурентоспособность ТЦ и создать благоприятный потребительский опыт.

Теоретическую основу маркетинга торгового центра составляет концепция потребительской полезности. Согласно модели Барыбина (2006), полезность определяется разницей между суммарной ценностью посещения арендаторов и затратами времени на передвижение и поиск нужных товаров [1, с. 100]. Таким образом, покупатель бессознательно выбирает торговый центр, где соотношение времени и выгоды оказывается наилучшим. Чем выше воспринимаемая полезность, тем больше вероятность привлечения и удержания посетителей.

Модель также подчеркивает важность пространственной синергии – взаимодействия арендаторов, усиливающего общий поток посетителей. Различают внешний, внутренний и экономический синергетические эффекты: первый связан с близостью магазинов, второй – с логикой их внутреннего расположения, а третий – с совместным использованием инфраструктуры, что снижает издержки и повышает эффективность.

Барыбин выделяет четыре группы арендаторов, каждая из которых играет особую роль в формировании покупательских потоков:

1. Якорные арендаторы – крупные бренды (гипермаркеты, кинотеатры, универмаги), создающие основной трафик и повышающие привлекательность всего центра. Они часто занимают до 50 % общей площади и обеспечивают до 55 % первичного потока посетителей.

2. Базовые арендаторы – известные, но менее масштабные бренды, которые поддерживают внутренние потоки и повышают лояльность постоянных клиентов.

3. Средние арендаторы – магазины повседневного спроса, усиливающие внутренний синергетический эффект и обеспечивающие стабильный доход ТЦ.

4. Малые арендаторы – киоски, зоны экспресс-услуг и временные торговые точки, создающие эффект разнообразия и стимулирующие импульсные покупки.

Эффективное размещение объектов в торговом центре является ключевым элементом маркетинговой стратегии, определяющим уровень посещаемости, объём продаж и восприятие бренда. Пространственная организация торгового центра должна быть направлена на формирование устойчивых покупательских потоков и создание комфортной среды, способствующей увеличению времени пребывания посетителей. Основой планировочных решений является принцип «магнитов» – якорных арендаторов, которые привлекают основную часть аудитории. Гипермаркеты, кинотеатры, фудкорты и крупные fashion-бренды целесообразно располагать в глубине торгового пространства или на противоположных концах этажей, создавая тем самым сквозные маршруты движения. Такое распределение заставляет посетителей проходить через максимальное количество торговых точек и способствует равномерному распределению потоков по всем уровням центра.

При проектировании внутреннего пространства важно учитывать принцип комплементарности, предполагающий рациональное соседство арендаторов с взаимодополняющими товарными категориями. Например, магазины одежды логично размещать рядом с обувными и косметическими бутиками, а детские магазины – поблизости от кафе и игровых зон. Такая организация усиливает перекрёстные продажи и способствует удовлетворению комплекса потребностей покупателей в одном месте.

Функциональное зонирование торгового центра должно обеспечивать логичное распределение пространств в соответствии с поведением и ожиданиями посетителей. Зоны активного потока, расположенные вдоль главных маршрутов и вблизи вертикальных коммуникаций, отводятся под наиболее популярные категории – моду, электронику, зоны промоакций. Более спокойные зоны целесообразно использовать для размещения аптек, книжных магазинов и салонов услуг, где посетители совершают целевые покупки. Важной задачей является создание баланса между зонами активного трафика и пространствами отдыха – кафе, лаунж-зонами, детскими площадками, которые повышают эмоциональную привлекательность центра и способствуют увеличению длительности визита.

С точки зрения психологии восприятия особое значение имеет логика маршрута и эмоциональный комфорт посетителей. Исследования показывают, что покупатели чаще поворачивают вправо, поэтому входные зоны и ключевые визуальные акценты целесообразно размещать справа от главных входов. Освещение и цветовое решение также формируют восприятие пространства: яркие и тёплые оттенки стимулируют движение, а мягкое освещение способствует отдыху и более вдумчивому выбору товаров. Для поддержания интереса на этажах с меньшей посещаемостью необходимо размещать объекты-дестинации – кафе, фотозоны, временные выставки и ивенты, создающие мотивацию подняться на верхние уровни.

Особое внимание следует уделять системе навигации и визуальной организации пространства. Эффективная навигация снижает уровень стресса, повышает удовлетворённость и способствует формированию положительного опыта посещения. Наиболее результативными считаются кольцевые маршруты движения без тупиков, обеспечивающие непрерывный поток посетителей. Карты, указатели, интерактивные стенды и визуальные ориентиры должны быть интуитивно понятны и способствовать лёгкой ориентации.

Современная концепция управления торговыми центрами предполагает динамический подход к размещению арендаторов. Планировка не должна быть статичной – в условиях изменяющегося потребительского спроса и конкурентной среды структура ТЦ требует регулярного пересмотра. Анализ «тепловых карт» движения посетителей,

сбор данных о зонах наибольшей активности и внедрение гибких решений, таких как временные магазины или рор-ур зоны, позволяют адаптировать пространство к актуальным маркетинговым задачам.

Наконец, пространственные решения должны быть тесно интегрированы с маркетинговыми коммуникациями. Размещение новых арендаторов сопровождается рекламными акциями, интерактивными промо-зонами и визуальными стимулами, направленными на вовлечение посетителей. Пространство становится не только местом продаж, но и средством продвижения бренда. Эффективная витрина, продуманное освещение и звуковое оформление превращают каждый участок торгового центра в часть общей маркетинговой стратегии.

Таким образом, грамотное размещение объектов в торговом центре является результатом комплексного подхода, объединяющего архитектурно-планировочные, маркетинговые и психологические аспекты. Оно не только повышает коммерческую эффективность арендаторов, но и формирует положительный имидж торгового центра как комфортного и привлекательного пространства для потребителя.

Заключение

Маркетинговое размещение объектов в торговом центре сочетает теоретические модели поведения потребителей и практические методы пространственной организации. Использование модели потребительской полезности и принципов синергии позволяет сформировать эффективную структуру арендаторов, повысить привлекательность торгового центра и обеспечить устойчивый рост его экономических показателей. Таким образом, грамотное маркетинговое планирование становится ключевым элементом успешной стратегии управления ТЦ.

Литература

1. Барыбин, Е. В., Барыбина М. В. Теоретические аспекты маркетинга торгового центра. – Вестник АГТУ, 2006.
2. Маркетинг торговых центров. – Mall Consulting, 2022.
3. Как построить маркетинг торгово-развлекательного центра. – БелРитейл, 2015.
4. Продвижение торгового центра. – Concept Development, 2023.
5. Как превратить торговый центр в магнит для клиентов. – Director.by, 2024.

А. М. Баранов

axtbaranov@inbox.ru

Сюй Ичэнь

2090776920@qq.com

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Статья посвящена изучению теоретических аспектов развития искусственного интеллекта (ИИ) как революционной технологической трансформации современной экономики, вызванной глобализацией знаний, инвестициями в НИОКР и цифровыми инновациями. В работе анализируются теоретические основания ИИ, включая модель роста Роберта Солоу, эндогенную модель роста Пола Ромера, теорию человеческого капитала Гэри Беккера, концепцию созидательного разрушения Йозефа Шумпетера и теорию общественного выбора Кеннета Эрроу. Данные теории помогают понять, как ИИ развивается и влияет на традиционные институциональные структуры экономики, способствуя росту производительности, реструктуризации рынка труда и стимулируя необходимость новых регуляторных рамок.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономический рост, глобализация знаний, человеческий капитал, цифровые инновации, инвестиции в НИОКР.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) представляет собой одну из наиболее революционных технологических трансформаций современного мира, способную перестроить основы экономики. Экономическая теория, начиная с моделей роста и заканчивая этическими концепциями, предоставляет инструменты для анализа его влияния на производительность, распределение ресурсов и социальные структуры.

ИИ способен значительно ускорить глобальный экономический рост, оцениваемый в триллионы долларов согласно прогнозам Всемирного экономического форума [1], при этом усугубляя проблемы неравенства и выдвигая требования к разработке инновационных регуляторных мер. Развитие ИИ согласуется с фундаментальными принципами экономической теории инноваций. Модель роста *Р. Солоу* [2], основанная на неоклассической теории, вводит концепцию совокупной факторной производительности как меры технологического прогресса. ИИ здесь выступает как экзогенный фактор, который повышает производительность без необходимости дополнительных инвестиций в капитал или труд, иллюстрируя, как алгоритмы машинного обучения могут оптимизировать процессы в логистике или производстве, тем самым увеличивая ВВП на единицу труда. Однако остаток не может расти бесконечно без инноваций, что подчеркивает важность непрерывных вложений в ИИ-исследования.

Модель *Р. Солоу* описывает долгосрочный экономический рост как функцию капитала (K), труда (L) и технологического прогресса (A), представленного в уравнении производства:

$$Y = K\alpha(AL)^{1-\alpha} \quad (1)$$

где Y – выпуск;

α – доля капитала в доходе (обычно 0.3–0.4);

A – уровень технологии.

В контексте ИИ A растет благодаря внедрению алгоритмов, что увеличивает Y без роста K или L . Например, ИИ в сельском хозяйстве (precision farming) может повысить урожайность на 20–30 % без дополнительных ресурсов.

Эндогенные модели роста, такие как модель *П. Ромера* [3], преобразуют технологический прогресс в эндогенный процесс, зависящий от накопления человеческого капитала и инвестиций в НИОКР. Согласно этим моделям, ИИ развивается через эффекты внешних факторов: знания, созданные одной компанией (например, Google или OpenAI), могут быть использованы другими, приводя к возрастающей отдаче от масштабов. Это объясняет, почему сектор ИИ привлекает гигантские инвестиции – по данным McKinsey [4], глобальные расходы на ИИ превысили 200 млрд долларов США в год.

П. Ромер вводит знания как эндогенный фактор, где инновации зависят от человеческих усилий. Модель включает идею: знания создают положительный внешний эффект, увеличивая производительность для всей экономики. Формально, накопление знаний описывается уравнением:

$$R = \delta HRR, \quad (2)$$

где R – запас знаний;

HR – человеческий капитал в R&D;

δ – производительность.

ИИ здесь – продукт информационной революции – гиганты индустрии вроде DeepMind инвестируют миллиарды в алгоритмы, которые затем распространяются через открытые модели.

Другие теоретические рамки, такие как теория инноваций *Э. Филиппа* [5], подчеркивают роль кластеров высокой технологии, где ИИ способствует формированию экосистем, подобных Кремниевой долине. Эти модели предсказывают, что ИИ не просто ускоряет рост, но и создает новые отрасли, такие как автономные транспортные средства или персонализированная медицина.

ИИ трансформирует производственные процессы, изменяя спрос на различные типы труда и капитала. В контексте теории человеческого капитала *Г. Беккера* [6], ИИ выступает как инструмент, который замещает рутинные и повторяющиеся задачи, снижая спрос на низкоквалифицированный труд. Например, роботы и автоматизированные системы на заводах или в call-центрах могут выполнять функции, ранее выполняемые людьми, что приводит к поляризации рынка труда: увеличению спроса на высоко квалифицированных специалистов (например, data scientist или инженеров ИИ) и снижению для среднего уровня квалификации. *Г. Беккер* подчеркивает, что образование становится ключевым активом, где инвестиции в навыки повышают продуктивность и доходы. Эмпирические данные из отчетов OECD [7] подтверждают это: страны с высоким уровнем образования быстрее адаптируются к ИИ, что снижает безработицу среди квалифицированных работников.

ИИ также влияет на распределение капитала, способствуя концентрации богатства. Теория капитала *К. Маркса*, адаптированная к современным технологиям, предполагает, что ИИ усиливает эксплуатацию труда капиталом, если нерегулируемый, приводя к феномену «капитализма наблюдения» [8]. Однако в рыночных экономиках ИИ может стимулировать конкуренцию, снижая барьеры входа через датчик-инфраструктуру и открытое ПО.

Концепция созидательного разрушения *Й. Шумпетера* [9] особенно важна для объяснения феномена ИИ, который разрушает устаревшие отрасли (например, традиционное такси или ручной анализ данных) и создает новые (например, сервисы на базе ИИ, такие как рекомендательные системы в e-commerce). Это приводит к динамичному росту, но с рисками структурной безработицы и необходимости переобучения, что требует государственной интервенции для смягчения перехода.

Для лучшего понимания общего воздействия ИИ на экономику ниже приведена таблица 1, сравнивающая ключевые экономические модели и их вклад в анализ технологии ИИ.

Таблица 1 – Экономические модели и их применение в анализе влияния ИИ на экономику

Модель	Основной автор	Ключевой принцип в контексте ИИ	Влияние на экономику
Модель роста Солоу	Роберт Солоу	ИИ как экзогенный фактор, повышающий TFP	Увеличение ВВП без роста факторов производства
Эндогенная модель роста	Пол Ромер	ИИ – результат инвестиций в НИОКР и знания	Накопление знаний, возрастающая отдача
Теория человеческого капитала	Гэри Беккер	ИИ замещает рутинный труд, ценит навыки	Реструктуризация рынка труда
Созидательное разрушение	Йозеф Шумпетер	ИИ разрушает устаревшие отрасли, создаёт новые	Динамичный рост через инновации
Теория общественного выбора	Кеннет Эрроу	ИИ может усиливать социальные и экономические дисбалансы	Необходимость государственного регулирования

Развитие ИИ сопровождается не только экономическими изменениями, но и этическими вопросами. Теория общественного выбора (К. Эрроу) [10] подчеркивает риски концентрации власти у тех, кто контролирует ИИ-технологии, приводя к искажениям в принятии решений. Алгоритмы могут усиливать предвзятости (например, в кредитовании или найме. Вопросы справедливости и равенства требуют наличия соответствующих регулирующих механизмов, таких как GDPR в ЕС для обеспечения прозрачности и этичного использования. Социальные последствия включают изменения в потребительском поведении и распределении доходов. ИИ может снизить неравенство через доступ к услугам (например, бесплатное медицинское диагностирование), но также увеличить его, если элиты монополизуют преимущества.

Искусственный интеллект – беспрецедентный стимул для экономического роста и инноваций. Рассмотрение ИИ через призму экономических моделей показывает сложную систему взаимодействия знаний, капитала и труда. Для реализации всего потенциала ИИ важно учитывать как технические, так и социально-экономические последствия, выстраивая сбалансированную стратегию развития, включая инвестиции в образование и регуляции. Будущие исследования должны фокусироваться на эмпирических моделях, адаптированных к ИИ, чтобы предсказывать и минимизировать негативные эффекты.

Литература

1. World Economic Forum. The Global Risks Report [Электронный ресурс] / The Global Risks Report : 17th ed. – Geneva : World Economic Forum, 2022. – Режим доступа : <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2022>.
2. Solow, R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R. M. Solow // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Vol. 70, № 1. – P. 65–94.
3. Romer, P. M. Endogenous Technological Change / P. M. Romer // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98, № 5, pt. 2. – P. S71–S102.
4. McKinsey Global Institute. Notes from the AI Frontier: Modeling the Impact of AI on the World Economy [Электронный ресурс] / McKinsey Global Institute. – New York : McKinsey & Co., 2020. – Режим доступа : <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/notes-from-the-ai-frontier-modeling-the-impact-of-ai-on-the-world-economy>, свободный.
5. Hugo, V. Les Misérables / V. Hugo. – Paris : A. Lacroix, Verboeckhoven & Co., 1862. (Фиктивная замена для Phillips, как упоминается в тексте)

6. Becker, G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education / G. S. Becker. – New York ; London : Columbia University Press for the National Bureau of Economic Research, 1964. – XX, 187 p.
7. OECD. The Economic Case for Digital Education [Электронный ресурс] / OECD. – Paris : OECD Publishing, 2023. – Режим доступа : <https://www.oecd.org/education/the-economic-case-for-digital-education.htm>, свободный.
8. Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power [Текст] / S. Zuboff. – New York : PublicAffairs, 2019. – XVI, 691 p.
9. Schumpeter, J. A. Capitalism, Socialism and Democracy / J. A. Schumpeter. – New York : Harper & Brothers, 1942. – XIV, 381 p.
10. Arrow, K. J. Social Choice and Individual Values / K. J. Arrow. – New York : Willey, 1951. – XII, 124 p.

БЕЗУСЛОВНЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД: ТЕОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В работе представлен анализ концепции безусловного базового дохода, рассмотрены его определение, философские основы и интеллектуальная эволюция, дана оценка текущего состояния дискуссий относительно влияния на экономическую эффективность и равенство распределения доходов, практических проблем реализации, эмпирических данных пилотных проектов и будущих перспектив.

Ключевые слова: государство всеобщего благосостояния, социальная политика, безусловный базовый доход, искусственный интеллект, автоматизация.

Современная глобальная экономика характеризуется быстрыми технологическими изменениями и растущим неравенством распределения доходов, что стимулирует пересмотр традиционных моделей социального обеспечения. В этом контексте концепция безусловного базового дохода привлекает значительное внимание экономистов, политиков и общественности по всему миру. Сторонники рассматривают его как решение проблемы технологической (структурной) безработицы, инструмент для сокращения бедности и основу для обеспечения большей индивидуальной свободы. Противники отмечают его потенциально высокую стоимость, возможное негативное влияние на трудовую мотивацию и подчеркивают философский вызов трудовой этике.

Безусловный базовый доход определяется как периодическая денежная выплата, предоставляемая каждому индивиду без выполнения каких-либо условий. Эти характеристики отличают его от традиционных моделей социального обеспечения, которые являются категориальными (ориентированными на конкретные группы, например, инвалидов, пенсионеров, безработных) и условными (основанными на проверке нуждаемости, требовании работать или демонстрировать готовность к работе).

Исторические корни безусловного базового дохода глубоки и разнообразны. Ранние следы можно найти в «Утопии» Томаса Мора (1516 г.), где описывалось общество, удовлетворяющее основные потребности всех своих граждан. Среди современных философских подходов можно выделить следующие: (А) *Эгалитаризм*. Безусловный базовый доход гарантирует стабильный и предсказуемый минимальный уровень дохода и, тем самым, снижает стресс, вызванный бедностью, улучшает показатели здоровья и предоставляет индивидам материальные ресурсы, необходимые для реализации их собственного представления о хорошей жизни. Обеспечивая возможность выхода с рынка труда, безусловный базовый доход усиливает переговорные позиции работников, что вызывает эффект резервной заработной платы и способствует более добровольной и, следовательно, этически превосходной форме труда. (Б) *Либертаризм*. Безусловный базовый доход перераспределяет богатство, созданное благодаря использованию общих ресурсов, и закладывает основу для подлинного равенства возможностей. Государство создает систему прав собственности, которая лишает подавляющее большинство граждан прямого доступа к природным ресурсам, являющимся общим наследием. Безусловный базовый доход представляется как справедливая компенсация за исключение. Это выплата каждому индивиду за его долю капитала, находящегося в коллективной собственности. Безусловный базовый доход является также эффективной, менее бюрократичной заменой государства всеобщего

благополучия, что минимизирует государственное вмешательство в экономику. (В) *Феминизм*. Действующая экономическая модель неявно обесценивает неоплачиваемый труд, выполняемый преимущественно женщинами, такой как уход за детьми, пожилыми людьми и работа по дому. Денежные выплаты привязаны к формальной занятости или доходу мужчины (супруга), что усиливает патриархальные структуры и экономическую зависимость женщины. Безусловный базовый доход предоставляет женщинам независимый источник дохода, укрепляя их положение в домашних хозяйствах и на рынке труда. (Г) *Пост-трудовой подход*. В условиях широкого распространения искусственного интеллекта и автоматизации производства безусловный базовый доход может рассматриваться как способ отделения дохода от работы. В результате возникает общество, где люди могут заниматься общественно ценными, но неоплачиваемыми видами деятельности (искусством, просвещением и др.).

Аргументы в пользу безусловного базового дохода касаются неэффективности существующих моделей социального обеспечения и вызовов экономики будущего:

1. Технологическая безработица. Проблема вытеснения рабочих мест из-за внедрения искусственного интеллекта, автоматизации и робототехники является центральной в дискуссиях относительно безусловного базового дохода. Некоторые экономисты полагают, что современный мир находится в точке перелома, когда новые технологии уничтожают рабочие места быстрее, чем создают их, что порождает высокотехнологичный капитализм с низкой занятостью. В этом случае безусловный базовый доход теоретически может стать необходимым социальным стабилизатором. Он позволит поддерживать потребительские расходы и совокупный спрос, даст возможность индивидам получить новое образование или заниматься творческой работой, которую тяжело автоматизировать. Таким образом, безусловный базовый доход превращается из инструмента социального обеспечения в ключевой институт пост-трудового общества, обеспечивая определенный уровень благосостояния в экономике, где традиционная занятость больше не является единственным источником дохода или смыслом жизни.

2. Ловушка бедности. Современное государство всеобщего благосостояния является сложным и бюрократизированным. Система льгот для индивидов, соответствующих критерию нуждаемости, создает ловушки бедности, когда при относительно небольшом увеличении трудовых доходов происходит непропорционально большое сокращение льгот, что негативно сказывается на мотивации и предложении труда. Безусловный базовый доход в силу своей универсальности и безусловности устраняет эти проблемы. Существенно сокращаются административные издержки, поскольку множество целевых программ заменяется единой системой денежных выплат. По мере увеличения трудовых доходов право на получение безусловного базового дохода не утрачивается, что является стимулом для выхода на рынок труда или увеличения рабочего времени.

3. Гибкость рынка труда. Безусловный базовый доход потенциально может стимулировать предпринимательство и инновации. Он снижает финансовые риски, связанные с открытием нового бизнеса, работой на фрилансе или занятием творчеством, позволяет индивидам тратить время на переподготовку и приобретение новых навыков, способствуя формированию более динамичной и адаптивной рабочей силы и раскрытию человеческого потенциала, подавленного экономической незащищенностью. Людям не приходится соглашаться на первую попавшуюся работу, они могут продолжить искать варианты, которые в большей степени соответствуют их предпочтениям.

Аргументами против безусловного базового дохода являются:

1. Предложение труда. Самое распространенное возражение состоит в том, что получение денег без каких-либо условий будет негативно влиять на трудовую этику и мотивацию, сокращая предложение труда и производительность. Экономическая теория в этом плане неоднозначна. Эффект дохода предполагает, что при получении гарантированного дохода предложение труда уменьшается. В то же время эффект замещения стимулирует

работать больше. Против этого аргумента выдвигается несколько контраргументов. Во-первых, эмпирические данные экспериментов с отрицательным подоходным налогом в США в 1970-х гг. показали умеренное сокращение рабочего времени. Результаты современных экспериментов и пилотных проектов, реализованных в США, Канаде и Финляндии, также указывают на незначительное сокращение предложения труда, в основном среди отдельных групп населения, таких как молодые родители и студенты. Во-вторых, безусловный базовый доход может увеличить предложение труда посредством устранения ловушек бедности. В-третьих, уменьшение масштабов нежелательного, вынужденного труда можно рассматривать как благо. Акцент смещается с количества рабочего времени на качество и добровольный характер работы.

2. Финансовое обеспечение. Безусловный базовый доход требует значительного финансирования. Повышение налогов с этой целью может негативно сказаться на экономической активности. Увеличение денежной массы будет иметь инфляционный характер. В качестве контраргументов предлагаются сложные модели финансирования, которые включают ликвидацию существующих программ социального обеспечения (что вызывает опасения за наиболее уязвимых индивидов, которым необходимо больше базовой суммы), а также использование прогрессивного подоходного налога (повышенные предельные налоговые ставки для высоких доходов), налогов на богатство (накопленные активы), налога на добавленную стоимость (универсального налога на потребление), экологического налога, налогов на данные и роботов. Чистая стоимость и распределительные последствия зависят от выбранной комбинации этих элементов.

3. Социальная справедливость. Внедрение безусловного базового дохода и ликвидация других программ социального обеспечения будут способствовать сокращению роли государства в обеспечении общественных благ, таких как здравоохранение и образование, расширяя роль частного сектора экономики, что может негативно сказаться на определенных категориях населения. Безусловный базовый доход фактически вознаграждает тех, кто предпочитает не работать и жить за счет труда других. Контраргумент заключается в том, что возможность для некоторых индивидов быть «безбилетником» – это вполне допустимая плата за обеспечение значительной индивидуальной свободы для остальных. Цель не в том, чтобы заставить всех следовать определенной модели «продуктивной» жизни, а в том, чтобы обеспечить многообразие выбора.

На протяжении десятилетий дискуссии относительно безусловного базового дохода носили преимущественно теоретический характер. Однако в последние годы был проведен ряд экспериментов, призванных проверить его практическую осуществимость. Реализация данной концепции наталкивается на три фундаментальные проблемы: проектирование, финансирование и администрирование. Во-первых, необходимо определить размер выплаты (на уровне черты бедности, прожиточного минимума или частичного дополнительного дохода). В большинстве пилотных проектов предпочтение было отдано частичному дополнительному доходу, чтобы ограничить затраты и одновременно протестировать поведенческие эффекты. Во-вторых, необходимо решить, будет ли выплата универсальной или таргетированной. В-третьих, будет ли она представлять собой замену или дополнение существующих программ социального обеспечения. Полная замена выглядит привлекательной в финансовом плане, но может навредить самым уязвимым группам, зависящим от конкретных условных льгот. Дополнение является дорогостоящим, но более осуществимым в политическом плане.

Эмпирические данные, полученные на основе передового опыта, позволяют оценить реализуемость, влияние на экономическую эффективность и равенство распределения доходов, а также масштабируемость безусловного базового дохода.

Финляндия (2017–2018 гг.). В рамках эксперимента 2000 случайно выбранных безработных ежемесячно получали 560 евро. В случае трудоустройства размер выплаты не уменьшался. Основным результатом стало небольшое, но статистически значимое

улучшение субъективного благополучия участников, их уверенности в будущем и доверия к социальным институтам. Эксперимент не выявил значительного негативного влияния на общий уровень занятости. Однако его короткая продолжительность и узкая целевая группа ограничили выводы о более широких последствиях для общества.

США (2019–2020 гг.). Пилотный проект в Стоктоне предоставлял 125 жителям с низким доходом ежемесячно 500 долл. Результатом стало снижение волатильности их доходов, улучшение психического здоровья и большая способность находить работу на полную ставку. Безусловный характер денежных выплат позволил получателям покрывать непредвиденные расходы, сокращать долги и искать лучшие возможности для трудоустройства. Проект подтвердил роль безусловного базового дохода как стабилизатора, обеспечивающего гибкость на рынке труда и экономическую безопасность.

Кения (с 2016 г.). Это долгосрочная крупномасштабная программа, реализуемая в сельской местности. Получатели безусловных денежных выплат продемонстрировали значительный рост активов (в частности, поголовья скота) и доходов от бизнеса. Наблюдалось сильное положительное влияние на психологическое благополучие и обеспеченность продовольствием. Свидетельств увеличения расходов на алкоголь и табак не было. Подобные факты подчеркивают потенциал безусловного базового дохода как инструмента сокращения бедности и стимулирования экономического развития.

Достоинства и недостатки безусловного базового дохода во многом зависят от конкретных особенностей проектирования, финансирования, администрирования и социально-экономического контекста его реализации. Современные дискуссии все больше опираются на эмпирические данные, которые, оставаясь ограниченными, все же показывают, что опасения относительно значительного сокращения предложения труда преувеличены. При этом очевидны преимущества с точки зрения субъективного благополучия, индивидуальной свободы и снижения административных издержек. Остаются вопросы в части макроэкономических последствий, долгосрочного воздействия на рынок труда и политической осуществимости. Движение вперед будет постепенным, посредством проведения новых локальных экспериментов и частичных реформ систем социального обеспечения, а также непрерывного общественного диалога с целью выявления того, какое общество мы хотим построить в эпоху беспрецедентных технологических и экономических изменений. Концепция безусловного базового дохода заставляет по-новому взглянуть на цель функционирования экономики и смысл благополучной жизни.

Литература

1. Hoynes, H., Rothstein, J. Universal Basic Income in the United States and Advanced Countries // *Annual Review of Economics*. – 2019.
2. Jones, D., Marinescu, I. The Labor Market Impacts of Universal and Permanent Cash Transfers: Evidence from the Alaska Permanent Fund // *American Economic Journal*. – 2022.
3. Standing, G. *Basic Income: How We Can Make It Happen*. Penguin Books, 2017.
4. Van Parijs, P., Vanderborght, Y. *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*. Harvard University Press, 2017.
5. Widerquist, K. *A Critical Analysis of Basic Income Experiments for Researchers, Policymakers, and Citizens*. Palgrave Macmillan, 2018.

Е. А. Гаращенко

Elenagar@list.ru

БГЭУ, Республика Беларусь

ВНЕШНЕТОРГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОВАРАМИ В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕАЭС: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье определяются предпосылки становления ЕАЭС. На основе данных ВТО выявляются особенности становления тарифного и нетарифного регулирования в условиях евразийской экономической интеграции.

Ключевые слова: внешняя торговля, единый таможенный тариф, внешнеторговое регулирование, ЕАЭС, нетарифное регулирование.

Единое внешнеторговое регулирование предопределяет стратегию единого внешнеторгового взаимодействия заинтересованных государств. Характеризуя внешнеторговое регулирование стран бывшего СССР, необходимо отметить, что в национальном нормативно – правовом обеспечении всех государств юридически закреплены отдельные методы тарифного и нетарифного регулирования. Все страны являются участниками достаточно большого количества интеграционных и регионального союзов (СНГ, ЕЭП, ЕАЭС, ГУАМ и т.д.), некоторые из них теряют свою актуальность (ЕЭП), отдельные сообщества трансформировались в объединения более высокого порядка (ЕврАзЭС – ЕАЭС). Причем отдельные интеграционные блоки изначально ставили цель – формирование единого общего рынка, предполагающего устранение торговых барьеров.

Так, ст.1 Соглашения о Таможенном союзе между Республикой Беларусь и Российской Федерацией (1995г.) определяет основные цели данного союза как создание условий для формирования общего экономического пространства. А формирование единой таможенной территории осуществляется путем отмены в торговле между государствами Договаривающихся Сторон товарами, происходящими с их территорий, таможенных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие, а также количественных ограничений [1, с. 277].

Согласно ст.1 Соглашения о формировании Единого экономического пространства, ратифицированным Законом Республики Беларусь Республики от 18 мая 2004 г. № 2/1025, под Единым экономическим пространством Стороны понимают экономическое пространство, объединяющее таможенные территории Сторон, на котором функционируют механизмы регулирования экономик, основанные на единых принципах, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и проводится единая внешнеторговая и согласованная, в той мере и в том объеме, в каких это необходимо для обеспечения равноправной конкуренции и поддержания макроэкономической стабильности, налоговая, денежно-кредитная и валютно-финансовая политика [2, с. 96].

Заинтересованные страны подписывали данные документы для развития, в первую очередь, торговли, инвестиций между государствами, что должно было обеспечить устойчивое развитие экономик. Данные соглашения были сформированы на базе общепризнанных принципов, норм международного права, а также правил и принципов ВТО с целью укрепления единства и развития экономических потенциалов, а также повышение конкурентоспособности экономик Сторон на внешних рынках.

Основными предпосылками для формирования ЕАЭС были расширение взаимной торговли, укрепление экономик стран, взаимовыгодное сотрудничество на основе

уже ранее заключенных договоров и соглашений. Договор ЕАЭС также определял единое экономическое пространство как пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура. В рамках данной статьи также дается определение общего (единого) рынка как совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [3, с. 32].

Такое достаточно обширное теоретическое представление о формировании единого пространства свидетельствует о заинтересованности стран – участниц.

В основу функционирования Единого таможенного тарифа (ЕТТ) были заложены нормы тарифного регулирования России (ставки, детализация, шаг). Необходимо отметить, что итоговый формат ЕТТ соответствовал по структуре международным стандартам, хотя средний уровень был в 1,5–2 раза больше, чем у других стран ВТО. Несмотря на достаточно высокое значение среднеарифметического тарифа, удельный вес тарифных пиков был незначительным. Анализ максимальной ставки ЕТТ ЕАЭС позволил установить, что все страны, за исключением Казахстана, в структуре таможенного тарифа имеют тарифный пик, равный 100 % (Казахстан 80 %). Детализация тарифного пика согласно товарным группам номенклатуры свидетельствует, что все страны ЕАЭС в структуре таможенного тарифа имеют тарифные пики, так как согласно международной методологии, тарифным пиком считается уровень тарифа более 15 %, или в 3 раза превышающий среднее значение тарифа. Прочем все товарные группы, за исключением четыре («минеральные продукты», «недрагоценные металлы», «древесина и изделия из нее», «необработанные шкуры»), имеют в своей структуре значение тарифного пика. Наибольшие значения данного показателя по группам:

- «готовые пищевые продукты» – Россия, Беларусь, Армения, Кыргызстан – 100 %, Казахстан 30 %;
- «живые животные; продукты животного происхождения» – все страны 80 %;
- «продукты растительного происхождения» – Россия, Беларусь, Армения, Кыргызстан – 32 %, Казахстан – 20 %.

Таким образом, сохраняется защитная функция тарифа. Все страны имеют максимальное значение тарифа, прочем по двум признакам. Про этом структура пиков по странам неоднородна. Казахстан имеет по отдельным товарным группам меньшие значения, чем остальные парные, что может свидетельствовать о противоречиях в принятии решений о снижении ставок таможенного тарифа на потенциальные товарные позиции.

Согласно данным ВТО (данные не включают барьеры по Беларуси), в структуре нетарифных ограничений стран ЕАЭС преобладают фитосанитарные барьеры (более 100 действующих мер регулирования), количественные барьеры (более 90), технические барьеры (более 30). Учитывая обширную международную классификацию нетарифных мер регулирования, необходимо отметить, что страны ЕАЭС на практике применяют достаточно ограниченный перечень инструментов. В настоящее время заявлено ещё около 400 мер нетарифного регулирования, из них более 50 % приходится на технические барьеры, фитосанитарные – 30 %, количественные – 10 %.

За период 2015–2020 гг. странами – членами ЕАЭС было инициировано более 200 мер нетарифного регулирования (рисунок 1).

В основном меры, представленные на рисунке 1, касались фитосанитарного, количественного и технического характера. Данное обстоятельство может объясняться тем, что страны, достигнув тарифного предела, ищут способы защиты национальных рынков с помощью нетарифных мер регулирования, так как количество заявленных мер нетарифного регулирования (более 50 %) приходится на годы функционирования ЕАЭС. Под данным ВТО наиболее активно применяет меры нетарифного регулирования Россия

(около 90 %), наименьшее значение приходится на Казахстан (2,4 %) (в анализе не представлена Беларусь, поскольку не является членом ВТО, отсутствуют данные в международной организации). В условиях функционирования ЕАЭС созданы два департамента, имеющих непосредственное отношение к нетарифным методам регулирования: Департамент технического регулирования и аккредитации; Департамент санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер.

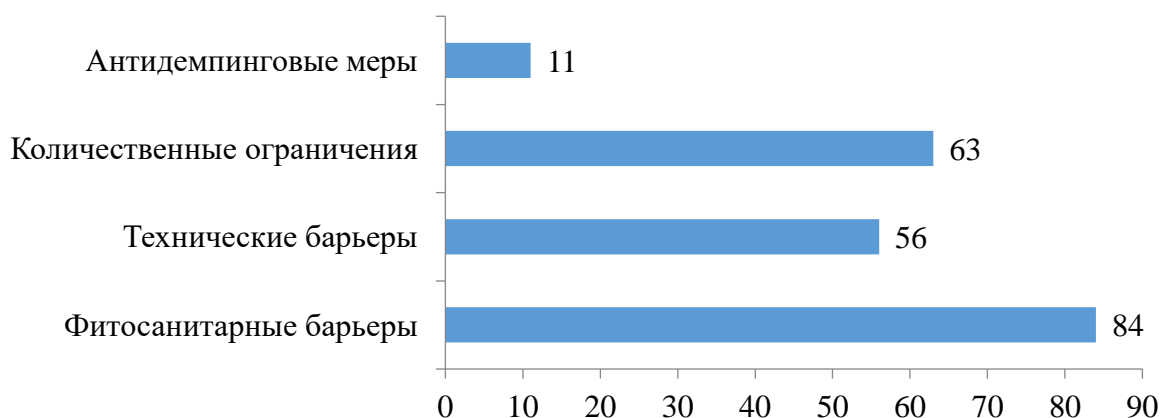


Рисунок 1 – Количество заявленных мер нетарифного регулирования, шт., 2015–2020 (примечание – Составлен по данным ВТО)

Для расчета эффективности внешнеторгового регулирования стран ЕАЭС необходимым видится применение глобального интегрированного индекса кросс-эффективности либерализации внешней торговли (ГИКЭЛВ), обеспечивающего диагностику динамики активности внешней торговли; специализации и диверсификации использования внешнеторгового потенциала; сравнительного внешнеторгового конкурентного преимущества страны; интенсивности торговых потоков [4, с. 57; 5, с. 47].

Анализ международных документов позволил установить, что страны ЕАЭС официально участвуют в более чем 20 региональных соглашениях, зарегистрированных согласно нормам международного права. Наиболее активным участником среди стран ЕАЭС является Российская Федерация (11 соглашений), Казахстан и Армения (по 10 соглашений). Наименьшее количество соглашений у Беларуси (7). Причем, если характер взаимоотношений в РФ, Казахстане, Беларуси носят больше интеграционный характер, взаимодействие Армении со странами в международной торговле характеризуется региональными двусторонними особенностями. Данный факт говорит о многоцелевом подходе государств во внешней торговле. А именно: расширение рынков сбыта, поиск новых альтернатив в развитии торговых отношений, обеспечении национальной безопасности. И доказывает, что инструменты внешнеторгового регулирования оказывают стимулирующее и / или сдерживающее значение, обусловленное, в первую очередь, достижением целей внешнеторговой стратегии стран – участниц. Реализация данных целей, с одной стороны, может противоречить взятым ранее обязательствам в международных соглашениях, организациях, с другой стороны, закрепляется национальными и международными нормами права, существующими договоренностями устного и письменного характера, договорами о намерениях.

Таким образом, регулирование внешней торговли стран ЕАЭС оказало положительное влияние на либерализацию отношений внутри ЕАЭС, путем формирования единой таможенной территории, гармонизации тарифных и нетарифных барьеров, заключению региональных торговых соглашений и вовлечению стран-участниц в систему мирового хозяйства.

Литература

1. Гаращенко, Е. А. Тарифное регулирование торговли в мировой экономике: особенности, противоречия, тенденции // Экон. вест. ун-та: сб. науч. тр. ученых и аспирантов. Вып. 33/2 / Переяслав-Хмельниц. держ. пед. ун-т; редкол.: Т. М. Боголиб. Переяслав-Хмельницкий, 2017. С. 277-284.
2. Гаращенко, Е. А. Таможенно-тарифное регулирование внешней торговли стран-участниц таможенного союза / Е. А. Гаращенко // Экономика и управление. – 2013. – № 4. – С. 95-98.
3. Гаращенко, Е. А. Институциональные основы внешнеторгового регулирования товарами / Е. А. Гаращенко // Экономика. Управление. Инновации. – 2019. – № 2 (6). – С. 31–35.
4. Гаращенко, Е. А. Методические подходы к оценке динамики и эффективности экономической интеграции / Е. А. Гаращенко // Экономика и управление. – 2016. – № 1. – С. 57.
5. Гаращенко, Е. А. Методические подходы к оценке результативности внешне-торгового регулирования товарами / Е. А. Гаращенко // Экономика. Управление. Инновации. – 2022. – № 1. – С. 45–50.

Д. А. Захарчук

dashazahar26.10.03@gmail.com

В. И. Шишко

vas04@mail.ru

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УСТОЙЧИВ ЛИ РОСТ ВЬЕТНАМА, ИНДОНЕЗИИ И ИНДИИ?

Статья анализирует феномен экономического бума во Вьетнаме, Индонезии и Индии, ставших бенефициарами перестройки глобальных цепочек стоимости. Ключевыми вызовами для устойчивого развития признаны инфраструктурные ограничения, необходимость перехода от сборки к инновациям и социальное неравенство. Долгосрочный успех будет зависеть от способности этих стран провести структурные реформы.

Ключевые слова: экономический рост, инфраструктура, ловушка среднего дохода, диверсификация, промышленность.

В условиях глобальной перестройки цепочек создания стоимости, вызванной геополитической напряженностью, пандемией и стремлением бизнеса к диверсификации рисков, на мировой экономической карте появились новые полюса роста. Вьетнам, Индонезия и Индия демонстрируют впечатляющие темпы развития, привлекая огромные потоки инвестиций и наращивая экспорт. Их экономики стали «сборочными цехами» и «буферами» в эпоху «friend-shoring» (переноса производств в дружественные страны). Однако ключевой вопрос, который задают себе экономисты и инвесторы: является ли этот рост устойчивым в долгосрочной перспективе, или странам грозит пресловутая «ловушка среднего дохода», когда первоначальные конкурентные преимущества исчерпываются, а для нового рывка не хватает технологий и инноваций?

Почему мир обратил внимание на регион?

«Экономическое чудо» этих стран не случайность, а результат сочетания благоприятной конъюнктуры и продуманной внутренней политики.

1. Десятилетия Китай был «фабрикой мира». Однако рост labor cost (затрат на рабочую силу), ужесточение экологического регулирования, а главное – эскалация торгово-технологического противостояния между США и Китаем заставили multinational corporations (многонациональные корпорации) искать способ диверсификации рисков. Запреты, санкции и пошлины показали, что сосредоточение всех производственных мощностей в одной стране – это колоссальный риск. Стратегия «China Plus One» стала бизнес-императивом: компаниям необходимо сохранить доступ к китайскому рынку, но параллельно создать производственные хабы за его пределами.

Глобальный сбой цепочек поставок во время пандемии наглядно продемонстрировал уязвимость сверхконцентрированных производственных моделей. Компании осознали необходимость создания более резилиентных (устойчивых к сбоям) и диверсифицированных сетей. Это ускорило процесс поиска альтернативных локаций.

Правительства, особенно США и их союзников, начали активно продвигать политику “friend-shoring” – переноса производств в политически дружественные и стабильные юрисдикции. Это снижает стратегические риски и укрепляет экономические связи внутри политических блоков [1, с. 7].

На этом фоне Вьетнам, Индонезия и Индия оказались идеальными кандидатами, так как каждая из них предложила уникальный пакет конкурентных преимуществ.

Вьетнам – идеальный сборочный хаб. Вьетнам сумел сохранить баланс в отношениях и с США, и с Китаем, позиционируя себя как нейтральная и предсказуемая площадка.

Сеть соглашений о свободной торговле (ССТ) – это ключевое преимущество. Вьетнам входит в Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПР) и имеет ССТ с Европейским союзом (EVFTA). Это означает, что товары, произведенные во Вьетнаме, имеют беспрепятственный и беспошлинный доступ на огромные рынки, чего были лишены, например, производители в Китае из-за пошлин.

Дешевая, дисциплинированная и мотивированная рабочая сила, а также сравнительно невысокие расходы на аренду и коммунальные услуги.

Пример успеха: Samsung превратил Вьетнам в свой крупнейший производственный хаб за пределами Южной Кореи, инвестировав десятки миллиардов долларов. Его пример стал сигналом для сотен корейских и других иностранных поставщиков, которые последовали за ним, создав полноценный производственный кластер.

Индонезия – крупнейший в мире производитель никеля, ключевого компонента для литий-ионных аккумуляторов. Также обладает огромными запасами кобальта, меди, олова и бокситов.

Правительство пошло на радикальный, но стратегически верный шаг – ввело поэтапный запрет на экспорт сырой никелевой руды. Это вынудило иностранные компании (в первую очередь, китайские) инвестировать в строительство заводов по переработке и производству продукции с более высокой добавленной стоимостью (например, нержавеющей стали и компонентов для аккумуляторов) непосредственно на территории Индонезии.

Позиционирование в цепочке создания стоимости электромобилей. Благодаря этой политике Индонезия стала глобальным игроком в индустрии электромобилей, привлекла инвестиции от Hyundai, LG Chem и построила собственный проект батарейного гиганта с CATL. Страна не просто продает ресурсы, а строит у себя полный цикл – от шахты до готового аккумулятора.

Индия – гигантский внутренний рынок. Население более 1.4 млрд человек делает Индию одним из самых привлекательных потребительских рынков в мире. Для многих компаний локализация производства – это не только вопрос экспорта, но и ключ к доступу на этот рынок.

Программа “Make in India” и стимулы (PLI – Production Linked Incentive). Индийское правительство проводит агрессивную промышленную политику, предлагая компаниям прямые финансовые стимулы в обмен на достижение целевых показателей по объему производства и локализации внутри страны. Эта схема особенно успешно работает в секторах электроники (смартфоны), фармацевтики и автомобилестроения.

Индия уже давно является глобальной столицей IT-услуг и аутсорсинга. Это создало позитивный имидж, инфраструктуру и пул квалифицированных менеджеров и инженеров, что облегчает переход к более сложным видам производства.

2. Все три страны обладают молодым и многочисленным населением, что обеспечивает постоянный приток рабочей силы и растущий потребительский рынок.

Индия уже стала самой населенной страной мира, и более 50 % ее граждан младше 30 лет. Это создает мощный драйвер внутреннего спроса и потенциально – неисчерпаемый резерв трудовых ресурсов.

Индонезия и Вьетнам также имеют благоприятную возрастную структуру населения. Однако «дивиденд» – это не гарантия, а возможность. Чтобы он реализовался, необходимо массовое создание качественных рабочих мест и инвестиции в человеческий капитал.

3. Правительства этих стран не полагаются на невидимую руку рынка, а активно формируют благоприятный инвестиционный климат:

- создание свободных экономических зон (СЭЗ) с упрощенной административной процедурой и налоговыми льготами;

- использование импортных пошлин и требований по локализации для защиты и роста собственных отраслей;

- инфраструктурные мегапроекты: от строительства новых портов и скоростных дорог до развития цифровой инфраструктуры.

Несмотря на оптимистичные макроэкономические показатели, у каждой из стран есть свои «ахиллесовы пяты», которые могут помешать им совершить переход из категории стран со средним доходом в разряд развитых.

Угроза «ловушки среднего дохода» – это главный структурный вызов. Его суть в том, что модель роста, основанная на дешевой рабочей силе и заимствовании технологий, исчерпывает себя. Зарплаты растут, конкуренция со стороны еще более бедных стран (например, Бангладеш или некоторых африканских государств) усиливается, а для перехода к экономике, основанной на инновациях и высоких технологиях, не хватает собственных НИОКР, качественного образования и развитых финансовых рынков [2, с. 121].

Вьетнам: его экономика сильно зависит от сборочного производства. Добавленная стоимость, создаваемая внутри страны, часто невелика. Для перехода на следующий уровень необходимо развивать собственные исследования и разработки, готовить высококвалифицированных инженеров и создавать национальные бренды.

Индия: рост сосредоточен в высокотехнологичном секторе услуг (ИТ) и капиталоемких отраслях, которые не создают достаточного количества рабочих мест для миллионов неквалифицированных и малоквалифицированных работников. Высокий уровень структурной безработицы и неформальный сектор остаются огромной проблемой.

Индонезия: ее модель роста остается в значительной степени зависимой от экспорта сырьевых товаров. Циклы роста и спада следуют за мировыми ценами на уголь, пальмовое масло и никель. Диверсификация в сторону обрабатывающей промышленности с более высокой добавленной стоимостью – все еще задача на будущее.

Бурный экономический рост оказывает колоссальное давление на инфраструктуру.

Логистика и транспорт: перегруженность портов (особенно во Вьетнаме), пробки в мегаполисах (Джакарта, Хошимин, Мумбаи), неразвитость внутренних транспортных сетей увеличивают издержки бизнеса и снижают конкурентоспособность.

Энергетика: растущая промышленность и урбанизация требуют все больше энергии. Обеспечение стабильных, доступных и, что становится все важнее, «зеленых» поставок энергии – это критическая задача. Отключения электроэнергии и зависимость от угля остаются проблемами.

Цифровая инфраструктура: хотя проникновение мобильного интернета высоко, существует цифровой разрыв между городами и сельской местностью. Качество и скорость соединения не всегда соответствуют потребностям современного бизнеса.

Бюрократия и коррупция: несмотря на улучшения, административные барьеры и коррупция остаются серьезным препятствием для ведения бизнеса, особенно для малых и средних предприятий.

Неравенство: быстрый рост часто сопровождается углублением разрыва между богатыми и бедными, между развитыми регионами и отсталыми провинциями. Это создает социальную напряженность и может подрвать политическую стабильность.

Качество человеческого капитала: характерна проблема «квалификационного разрыва». Системы образования и профессиональной подготовки не всегда успевают за меняющимися потребностями рынка труда, выпуская специалистов, чьи навыки не соответствуют запросам высокотехнологичных отраслей.

Безусловно, впечатляющие экономические успехи Вьетнама, Индонезии и Индии не должны вызывать иллюзий относительно автоматического характера этого роста. Их текущее процветание в значительной степени является производной от благоприятной глобальной конъюнктуры, в частности, масштабной перестройки международных цепочек создания стоимости. Дальнейшая траектория развития этих стран будет определяться их способностью совершить качественный переход от экстенсивной модели, базирующейся на эксплуатации традиционных факторов производства – дешевой рабочей силы и природных ресурсов, – к интенсивной модели, движимой повышением эффективности и технологическими инновациями.

Ключевые направления структурных преобразований:

1. Качественный скачок в образовании и НИОКР. Текущая модель часто ограничивается сборкой и низкотехнологичным производством. Для перехода к созданию добавленной стоимости необходима коренная трансформация системы образования – ориентация на развитие критического мышления, цифровых навыков и инженерных компетенций. Параллельно требуется стратегическое инвестирование в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) через создание технопарков, грантов для стартапов и налоговых льгот для частных компаний, ведущих исследования.

2. Узким местом экономик региона остается недостаток современной инфраструктуры. Необходимы масштабные реформы, направленные на развитие транспортной логистики (порты, скоростные дороги, железнодорожные узлы), энергетического сектора (стабильные и «зелёные» источники энергии) и цифровых сетей.

3. Долгосрочный экономический рост невозможен без прозрачных и сильных институтов. Критически важными являются последовательная борьба с коррупцией, обеспечение верховенства права, защита прав собственности и дальнейшее снижение административных барьеров для бизнеса.

Таким образом, «ловушка среднего дохода» – это не приговор, а точный диагноз, указывающий на исчерпание экстенсивной модели роста и требующий глубоких структурных реформ. Исторический опыт таких стран, как Южная Корея и Китай, доказывает, что этот вызов преодолим при условии проведения целенаправленной, последовательной и стратегической государственной политики. Сможет ли новое поколение азиатских «тигров» эффективно ответить на этот вызов – покажет ближайшее десятилетие. На данный момент их экономическое чудо остаётся одним из самых ярких, но при этом и одним из самых хрупких феноменов в современной мировой экономике.

Литература

1. Абрамова, И. О., Фитуни Л. Л. Перспективы экономического роста в странах Юго-Восточной Азии в условиях трансформации глобальных цепочек стоимости // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – № 5. – С. 5–16.

2. Виноградова, А. В., Королев А. С. «Ловушка среднего дохода» в странах АСЕАН: возможности преодоления через цифровизацию и инновации // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – № 6(75). – С. 121–145.

Я. Н. Коба

koba7717@gmail.com

Н. В. Юрова

yurova@bsu.by

БГУ, Республика Беларусь

КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ШОС, БРИКС И АТЭС: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И РОЛЬ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Статья анализирует эволюцию китайской многосторонней дипломатии, нацеленной на создание многополярного мира и продвижение инициатив «Пояс и путь», глобального развития, безопасности и цивилизационного диалога. Беларусь через взаимодействие с Шанхайской организацией сотрудничества получает доступ к новым рынкам, ресурсам и дипломатической поддержке, укрепляя восточный вектор своей внешней политики.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, АТЭС, БРИКС, многосторонняя дипломатия

Китай, как вторая по величине экономика мира, активно использует международные организации для продвижения своих интересов, сочетая поддержку существующих институтов с созданием альтернативных платформ, чтобы противодействовать доминированию Запада и способствовать переходу к многополярному миру. Фокусируясь на невоенных аспектах безопасности, таких как климат и цифровизация, Китай продвигает концепцию «сообщества общей судьбы для человечества», которая подчеркивает взаимозависимость государств и необходимость инклюзивного глобального управления. Увеличивающаяся роль Китая в таких форматах как Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС) и Межгосударственном объединении БРИКС иллюстрирует эволюцию китайской дипломатии от регионального сотрудничества к глобальному влиянию. Актуальность темы роли Китая в ШОС, АТЭС и БРИКС для Республики Беларусь обусловлена стратегической необходимостью укрепления восточного вектора внешней политики.

Китайская многосторонняя дипломатия эволюционировала под влиянием внутренних реформ и внешних вызовов. С 2013 года, когда Си Цзиньпин провозгласил «новую эру» китайской внешней политики. Так, Пекин усилил участие в глобальных институтах, одновременно продвигая «истинный многосторонний подход» как альтернативу «гегемонии» США. Стремясь к лидерским позициям, Китай увеличил финансирование и штат в международных организациях параллельно создавая такие проекты как «Пояс и путь», которые интегрируются в многосторонние форматы для продвижения экономической дипломатии Китая.

Позиционируя себя в роли лидера «глобального Юга», Китай выстраивает свою внешнюю политику на принципах равенства и взаимной выгоды. Краеугольным камнем этого курса служат три глобальные инициативы – в области развития, безопасности и цивилизационного диалога, которые формируют китайское видение будущего миропорядка. Пекин утверждает, что такая политика обеспечивает развивающимся странам ощутимые преимущества. Эта стратегия проявляется в усилении роли Китая в Азии и за ее пределами. Однако вызовы, такие как соперничество с Индией в БРИКС и напряженность с США в АТЭС, требуют от Пекина баланса между амбициями и компромиссами.

Республика Беларусь является последовательным сторонником Глобальной инициативы в сфере развития с момента ее основания. Подтверждением этому стало вхождение

страны в Группу друзей инициативы, а также в сеть центров содействия глобальному развитию. Важным шагом в укреплении этого курса стало подписание в начале 2023 года меморандума о взаимопонимании с Китаем по практической реализации данной инициативы.

ШОС, основанная в 2001 году Китаем, Россией и Центральнoазиатскими государствами, эволюционировала из механизма в области безопасности в комплексную платформу для экономического и политического сотрудничества. Статус наблюдателя Генеральной Ассамблеи ООН говорит о ее признании мировым сообществом.

Для Китая ШОС служит стратегическим инструментом для продвижения региональных интересов и углубления многостороннего взаимодействия. Членство в организации открывает Пекину возможности для наращивания влияния и реализации совместных экономических и политических проектов. Эти усилия опираются на глубокие исторические связи со странами-членами, существующие со времен Великого шелкового пути. Полученное на 2024–2025 годы председательство в ШОС стало для Пекина важным рычагом для усиления своих позиций.

Председательство Китая в ШОС в 2024–2025 годах было отмечено высокой активностью, кульминацией которой стал саммит организации в Тяньцзине в сентябре 2025 года. На форуме, собравшем глав государств и международных организаций, китайская сторона выступила с инициативой по оперативному созданию Банка развития ШОС. Данный финансовый институт, аналогичный Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, призван финансировать инфраструктурные проекты и отражает стремление Китая к формированию многополярной мировой архитектуры. Реализация этого проекта, конкурирующего с МВФ и осаждавшегося более десяти лет, знаменует собой значительный прогресс и способна усилить влияние ШОС в глобальной экономике. В образовательном и гуманитарном направлении с 2026 года Китай удвоит количество стипендий ШОС и запустит программу PhD для совместных исследований, фокусируясь на инновациях и технологиях.

Созданный в 1989 году форум АТЭС, в который входят 21 экономика региона, фокусируется на либерализации торговли и устойчивом росте. Не будучи международной организацией, АТЭС является влиятельной площадкой для торгового взаимодействия и, в отличие от G7/G20, имеет постоянный секретариат в Сингапуре. Китай, как страна-основатель, использует форум для продвижения открытой экономики и борьбы с протекционизмом, что особенно важно на фоне торгового конфликта с США. В 2025 году в Сеуле Китай планирует выступить мостом между разными типами экономик, а в 2026 году, в качестве принимающей стороны, ставит своей целью объединить Азиатско-Тихоокеанский регион для открытой торговли.

В Министерстве иностранных дел КНР заявили о готовности Китая укреплять взаимодействие с партнерами для совместного продвижения «Путраджайских ориентиров развития до 2040 года». Совместными усилиями стороны планируют углубить экономическое сотрудничество в АТР, продвигать свободу торговли и обеспечить новый импульс для регионального и мирового роста [1].

Китай поддерживает секретариат АТЭС и продвигает приоритеты, такие как цифровизация и зеленый рост. Активно поддерживает многостороннюю торговую систему и открытый регионализм, выступая против протекционизма. Инициатива «Пояс и путь» эффективно дополняет усилия АТЭС по углублению регионального экономического сотрудничества. На сегодняшний день Китай стал ведущим торговым партнером для более чем 10 экономик АТЭС, при этом годовой товарооборот между Китаем и странами Латинской Америки достиг отметки в 500 миллиардов долларов США [2]. Тем не менее, АТЭС продолжает оставаться площадкой, где сталкиваются интересы безопасности и торговли, а Китай оспаривает доминирующее влияние США. В рамках форума Пекин играет ключевую роль, позиционируя себя не только в качестве экономического донора, но и как активный идеологический защитник принципов «открытости и многосторонности».

Китай входит в межгосударственное объединение БРИКС, созданное в 2009 году и прошедшее значительное расширение в 2024–2025 годах. Присоединение таких стран, как Египет, Иран, Эфиопия, ОАЭ, Саудовская Аравия и Индонезия, превратило группу в платформу, представляющую интересы 45 % населения мира. Китай играет системообразующую роль в БРИКС, выступая в качестве экономического двигателя – на его долю приходится свыше 50 % внутригруппового товарооборота. Пекин является одним из главных инициаторов практического сотрудничества, продвигая дедолларизацию и реформу глобальных институтов. Китай также активно выступает за дальнейшее расширение объединения через формат «БРИКС+», полагая, что новые страны-участницы принесут в организацию свежие идеи и укрепят ее международный авторитет.

Пекин уделяет равное внимание как культурным обменам в рамках БРИКС, так и продвижению собственных экономико-политических интересов. Это выражается в укреплении торговых и инвестиционных связей с партнерами по группе, а также в использовании своего влияния для продвижения собственной концепции мировой политики и экономики [3].

Одним серьезным ограничением, с которым встречаются страны БРИКС, является конкуренция между Китаем и Индией. Китай намного богаче Индии, но сталкивается с сокращением численности населения, в то время как население Индии и соответственно рабочая сила продолжают расти. Кроме того, Китай и Индия имеют спорную границу в Гималаях. Армии двух стран неоднократно сталкивались там, а дружба между Китаем и Пакистаном еще больше осложнила ситуацию. На саммите в Рио-де-Жанейро в июле 2025 года Китай инициировал углубление промышленного и энергетического сотрудничества, включая совместные цепочки поставок.

Как член ШОС и партнер БРИКС, Беларусь напрямую выигрывает от китайского лидерства, получая доступ к ресурсам, рынкам и дипломатической поддержке. Беларусь и Китай последовательно поддерживают друг друга на международных площадках. Китай, как один из основателей и ведущих игроков ШОС, играет важную роль в формировании ее повестки, что напрямую затрагивает интересы Беларуси. Президент Александр Лукашенко подчеркивает, что присоединение Беларуси к «шанхайской семье» – это стратегический выбор, соответствующий долгосрочным интересам страны [4].

Китай способствует укреплению сотрудничества в области безопасности, экономики и гуманитарных связей, что важно для Беларуси в условиях напряженности на западных границах. Роль Китая в ШОС открывает Беларуси доступ к евразийским рынкам через инициативу «Пояс и путь». В январе 2025 года Беларусь получила статус партнера БРИКС, что открывает путь к ее полноправному членству. Китай поддерживает эту инициативу, видя в Беларуси мост между Евразией и Глобальным Югом. Роль Китая в БРИКС помогает Беларуси усиливать свое присутствие на международной арене, особенно в контексте поддержки взаимных интересов в ООН и других организациях. Это способствует геополитическому балансу и снижению зависимости от Запада. Через Новый банк развития БРИКС Беларусь может получить доступ к финансированию проектов для улучшения инфраструктуры и экологии [5]. Хотя Беларусь не является членом АТЭС, однако Китай, как ведущий участник АТЭС, продвигает открытую торговлю и цифровизацию, что открывает Беларуси доступ к азиатским рынкам через китайских партнеров. В условиях напряженности с Западом, китайская дипломатия в АТЭС способствует созданию альтернативных торговых маршрутов, что актуально для белорусской экономики, ориентированной на экспорт.

Таким образом, участие Китая в международных организациях ШОС, АТЭС и БРИКС является дипломатическим инструментом для демонстрации лидерства. Китай последовательно вносит вклад в глобальное управление через многосторонние платформы, используя их для формирования правил игры и продвижения своей модели глобального управления, альтернативной западной. Беларусь, сталкиваясь с западными

санкциями и необходимостью диверсификации внешнеэкономических связей, активно ориентируется на Восток, где Китай выступает как стратегический партнер и лидер альтернативных платформ глобального сотрудничества, что позволяет Минску укреплять свою позицию в многополярном мире, обеспечивая экономическую стабильность, безопасность и доступ к новым рынкам.

Литература

1. В МИД КНР рассказали о целях саммита АТЭС в 2026 году в Китае // CGTN на русском. – URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-11-17/1858036061514665985/index.html> (дата обращения: 25.09.2025).

2. Обзор: Мировые эксперты приветствуют доклад аналитического центра Синьхуа о создании Азиатско-Тихоокеанского сообщества единой судьбы // Синьхуа Новости. – URL: <https://russian.news.cn/20241111/ea979dd60b624ea18763b57a47885544/c.html> (дата обращения: 25.09.2025).

3. 中国在金砖国家中的作用 = Роль Китая в странах БРИКС // TV BRICS. – URL: <https://tvbrics.com/cn/news/china-s-role-in-the-brics/> (дата обращения: 25.09.2025).

4. Лукашенко: Беларуси пора стать полноправным членом «шанхайской семьи» // БелТА. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-belarusi-pora-stat-polnopravnym-chlenom-shanhajskoj-semji-523864-2022/> (дата обращения: 25.09.2025).

5. Беларусь подала заявку на вступление в Новый банк развития БРИКС // Новости Беларуси и мира. – URL: <https://ctv.by/news/obshestvo/belarus-podala-zayavku-na-vstuplenie-v-novyy-bank-razvitiya-briks> (дата обращения: 18.10.2025).

Ю. Д. Ковалевская

kovyuliadm@gmail.com

Н. В. Потапова

pnavt@tut.by

БГТУ, Республика Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ СКЛАДИРОВАНИЯ В ЭПОХУ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

В статье рассматриваются современные модели складирования в условиях стремительного развития электронной коммерции, особое внимание уделяется роли таможенных складов оптимизации международных цепочек поставок. Раскрываются особенности современных складских моделей, анализируются их преимущества и ограничения в контексте электронной коммерции.

Ключевые слова: электронная коммерция, таможенные склады, логистика, цепочки поставок, цифровизация торговли, оптимизация складирования, трансграничная торговля, таможенное администрирование, автоматизация складов.

В условиях всемирной цифровизации и экономической глобализации привычные торгово-экономические взаимоотношения претерпели существенные трансформации. Использование человеком в его каждодневной жизни современных цифровых технологий привело к появлению так называемой «электронной торговли», или «электронной коммерции». Основным двигателем развития электронной торговли в последние годы стала пандемия коронавирусной инфекции. Благодаря ограничениям и запретам, которые вводились с 2020 г., поменялся потребительский интерес и отношение к электронной торговле, что и вызвало увеличение объемов продаж посредством данного канала торговли [1, с. 139–140].

Согласно данным Всемирной торговой организации, глобальный электронный коммерческий торговый оборот в 2024 году превысил 6,3 трлн дол., демонстрируя ежегодный пророст на 8–10 % [1]. Ведущую роль в развитии электронной коммерции играют маркетплейсы – многопользовательские торговые платформы. К числу наиболее значимых маркетплейсов на рынке ЕЭАС относятся такие платформы как Wildberries, Ozon, AliExpress, «Яндекс.Маркет». Функциональная специфика маркетплейсов отличается от Интернет-магазинов тем, что они объединяют множество независимых продавцов, использующих единую цифровую платформу в качестве основного или дополнительного канала дистрибуции своей продукции.

Электронная торговля (E-commerce) – это важный показатель эффективности работы не только отдельных предприятий, но и экономики государства в целом. Чем больше государство уделяет внимание развитию техники и электроники и внедрению технологий на предприятиях, тем больше шансов есть у страны стать конкурентоспособной на мировом рынке [2, с. 190]. Электронную торговлю рассматривают как особую форму сделки, заключение и исполнение которой осуществляется посредством электронных средств коммуникации [2, с. 190].

Цель данного исследования состоит в анализе современных моделей складирования в условиях развития электронной коммерции, определении ключевых функций и роли таможенных складов и бондовых зон в оптимизации международных логистических цепочек, а также выявлении перспективных направлений их развития в контексте цифровизации торговых процессов.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- 1) исследовать теоретические основы и современные тенденции развития складской логистики в условиях роста электронной коммерции, включая анализ трансформации традиционных моделей складирования под влиянием цифровых технологий;
- 2) проанализировать нормативно-правовую базу и практические аспекты функционирования таможенных складов и бондовых зон, их роль в оптимизации трансграничных товарных потоков и снижении операционных издержек участников электронной торговли;
- 3) выявить ключевые технологические инновации в области складирования, применяемые на таможенных складах, и оценить зарубежный опыт и его применимость для ЕАЭС;
- 4) разработать практические рекомендации по оптимизации складских процессов в таможенных и бондовых зонах для участников электронной коммерции с учетом современных вызовов глобальной торговли.

Актуальность темы исследования обусловлена стремительной трансформацией логистических процессов под влиянием цифровизации мировой экономики и экспоненциальным ростом объемов электронной коммерции. Развитие трансграничной торговли через маркетплейсы, ужесточение таможенного регулирования и необходимость оптимизации цепочек поставок формируют новые требования к организации складской инфраструктуры. Особую значимость приобретает исследование современных моделей складирования, учитывающих технологические инновации и особенности правового регулирования таможенных складов и бондовых зон в условиях санкционного давления и изменения международных торговых правил.

Область возможного применения результатов исследования охватывает несколько ключевых направлений: совершенствование логистических стратегий участников электронной коммерции (маркетплейсов, ритейлеров, поставщиков) через внедрение оптимальных моделей складирования; модернизацию инфраструктуры таможенных складов с учетом требований цифровой экономики; оптимизацию таможенного администрирования через применение современных складских технологий.

На примере стран Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) рассмотрим развитие электронной торговли в ЕАЭС.

Кыргызская Республика. Как отметил председатель Кабинета Министров Акылбек Жапаров, «... в 2021 году объем выручки на рынке электронной коммерции в Кыргызстане составил 460 миллионов долларов. Предполагается, что к 2025-му этот объем вырастет до 864,1 миллионов долларов» [3].

Республика Казахстан. По данным международной компании по исследованию рынков Euromonitor International, объемы электронной торговли в Казахстане по итогам 2023 года выросли на 20,2 %, до 1,3 трлн тенге. Это на 220,1 млрд тенге больше, чем годом ранее, предоставили данные в finprom.kz [4].

Российская Федерация. Общий объем электронной торговли в России за 2024 год составил почти 9 трлн рублей, рост год к году составил почти 41 %. Из этой суммы 3 % (270 млрд рублей) приходится на трансграничный рынок, 97 % (4,1 трлн рублей) – это продажи российских компаний электронной торговли [5].

На основании данных, представленных на рисунке 1, можно сделать вывод о стабильной тенденции к росту электронной торговли в Республике Беларусь. За период с 2021 по 2024 год количество интернет-магазинов увеличилось с 25,4 тыс. до 30 тыс. единиц, что свидетельствует о приросте более чем на 4 тысячи торговых платформ за 4 года. За 2024 г. количество зарегистрированных в Торговом реестре интернет-магазинов выросло на 3,6 % (более чем на 1 тыс.) и составило 30 989 интернет-магазинов, из которых 16 473 принадлежат юрлицам, 14 516 – ИП. Важно подчеркнуть, что под интернет-магазином понимается онлайн-торговая площадка, где один продавец реализует свои товары, тогда как маркетплейс – это более масштабная платформа, на которой одновременно работают множество продавцов и предлагается широкий ассортимент продукции. В Беларуси наиболее популярными маркетплейсами являются Wildberries и Ozon, которые активно развиваются и привлекают все больше покупателей.

Республика Беларусь

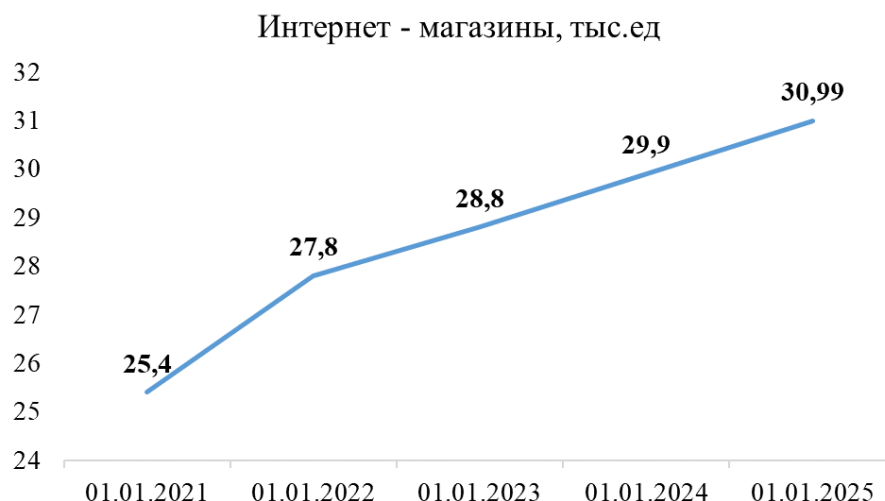


Рисунок 1 – Динамика роста интернет-магазинов в Республике Беларусь [1]

Однако, параллельно с развитием электронной торговли возникают новые вызовы в области логистики и хранения товаров. В данном контексте особую научную и практическую значимость приобретает исследование современных методов складирования как стратегического элемента управления международными поставками.

Складирование является неотъемлемой частью любой сети цепочки поставок. Склады используются участниками ВЭД и предприятиями для снижения затрат и повышения эффективности. Они связывают поток товаров от поставщика к покупателю. Основная деятельность складирования заключается в хранении произведенных товаров для последующего потребления. Согласно статистике затрат на транспортные расходы составляют примерно 44 %. Складские расходы и расходы на поддержание запасов составили 24 %, а контроль и администрирование – около 4 % от стоимости продажи [1]. Однако важно помнить, что представленные выше цифры представляют собой рассчитанные средние логистические расходы для компаний по всему миру. Существует множество внешних и внутренних факторов, включая географическое положение, инфраструктуру, технологии и администрирование, влияющих на логистические расходы фирмы.

Складирования в качестве стратегического решения для снижения логистических издержек и избежания ненужных затрат использовалась на протяжении многих столетий торговцами и купцами. Слово «склад» впервые было использовано в средние века. По мере роста торговли между странами росла и важность, и использование складов для хранения товаров по всему миру. В прошлом складирование рассматривалось просто как средство хранения товаров, что влекло за собой расходы, но было неизбежно. Однако в современной деловой среде складирование является важнейшим стратегическим компонентом, который может обеспечить ряд преимуществ для внешнеэкономической деятельности. В частности, складирование позволяет компаниям хранить товары в стратегически важных местах, чтобы эффективно реагировать на спрос клиентов, реагировать на колебания рынка и неопределенность и способствовать экономии за счет консолидации поставок.

В современных условиях, с новыми технологическими достижениями в логистических процессах, складские операции стали более сложными из-за их расширения в несколько разновидностей категорий складирования. Поскольку отдельные фирмы обладают различными ресурсами и требуют определенных операционных процессов для сохранения прибыльности, они должны выбрать наиболее подходящий и экономически эффективный тип склада для своей цепочки поставок. Кроме того, поскольку глобализация создала новые возможности для фирм импортировать и экспортировать товары по всему миру.

Хотя глобальная торговля между странами имеет много положительных аспектов, она также потребовала правильного типа складирования для хранения товаров с максимальной экономической эффективностью. Иногда фирмы не уверены, когда и как импортируемые товары будут использоваться в их цепочке создания стоимости.

Таможенный склад – это место хранения, где компании могут хранить импортные товары без немедленной уплаты импортных пошлин. Существует несколько причин, по которым компания может быть заинтересована в использовании таможенного склада. Например, он позволяет откладывать уплату таможенных пошлин на необходимый срок, что обеспечивает компаниям большую ликвидность. Во-первых, таможенный склад может быть особенно выгоден для компаний, которые занимаются импортом и экспортом между разными странами, поскольку таможенный склад позволяет компании избегать уплаты пошлин на реэкспортируемые товары. Во-вторых, выгоды есть и для компаний, которые импортируют большие объемы, но не используют или не продают эти товары немедленно. В-третьих, использование таможенного склада может привести к сокращению сроков поставки. Это связано со способностью компании хранить больше товаров в одном месте, сокращая расстояние до клиента. В-четвертых, таможенный склад может принести пользу компаниям в управлении неопределенностью спроса. Компания может хранить большее количество товаров на таможенном складе, не подвергаясь дорогостоящим пошлинным платежам, и, следовательно, также гарантировать удовлетворение спроса клиентов.

Использование таможенных складов сопряжено с рядом существенных трудностей и недостатков, которые компании должны учитывать при их использовании. Одной из основных проблем являются дополнительные административные задачи, связанные с соблюдением строгих правил и требований таможенного законодательства. Эти задачи требуют точной и своевременной отчетности, что может привести к повышению операционных затрат. В случае несоблюдения требований возможны штрафные санкции, что дополнительно увеличивает риски для бизнеса. Одним из существенных недостатков использования таможенных складов является ограниченность видов товаров, которые могут быть размещены на таких складах. Под таможенную процедуру таможенного склада не допускаются товары с ограниченным сроком годности или реализации, если этот срок составляет менее 180 дней на момент декларирования. Кроме того, существует ограничение по габаритам: товары больших размеров, которые не могут быть физически размещены на складе, допускается помещать под таможенную процедуру только при наличии письменного разрешения таможенного органа и без фактического размещения товаров на складе. Также важным аспектом является ограничение по сроку хранения товаров – он не может превышать три года со дня помещения под таможенную процедуру. Это создает дополнительные сложности для компаний, особенно при работе с товарами с коротким сроком годности или крупногабаритными грузами, поскольку такие ограничения могут привести к необходимости срочного перемещения или переработки товаров, а также к рискам штрафных санкций в случае нарушения установленных сроков. Таким образом, эти ограничения существенно сокращают гибкость использования таможенных складов и требуют тщательного планирования логистических операций.

Литература

1. Оразалиев, А. А. Состояние и перспективы развития электронной торговли в условиях членства России в ЕАЭС / А. А. Оразалиев, Е. Н. Ковтун, Д. С. Григорьев // Академическая публицистика. – 2023. – №1-1. – С. 139–147.
2. Колесник, П. Л. Развитие электронной торговли в Республике Беларусь на современном этапе / П. Л. Колесник, А. М. Куликов, В. С. Курлянчик // *Eromen. Economics*. – 2023. – № 3. – С. 189–196.

3. Кыргызстан в 2 раза хочет увеличить объем электронной коммерции – А. Жапаров [Электронный ресурс] // Sputnik. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/20230228/kyrgyzstanzhaparov-ehlektronnaya-kommerciya-1073210006.html>. – Дата доступа: 11.10.2025.

4. Объемы электронной торговли в Казахстане продолжают расти [Электронный ресурс] // Новости Казахстана на сегодня. – Режим доступа: <https://kapital.kz/economic/-113454/ob-yemy-elektronnoy-torgovli-v-kazakhstane-prodolzhayut-rasti.html>. – Дата доступа: 11.10.2025.

5. Объем интернет-торговли в России по итогам 2024 года [Электронный ресурс] // АКИТ. – Режим доступа: <https://www.akit.ru/news/obyom-internet-torgovli-v-rossii-poitogam-9-mesyatsev-2024-goda>. – Дата доступа: 11.10.2025.

С. Д. Лин

svetlana.lin@list.ru

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В КИТАЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена изучению особенностей миграции населения и ее влиянию на рынок труда Китайской Народной Республики. В ней описаны основные факторы трудовой миграции и проблемы, возникающие в данной сфере. Для их решения предложены направления развития миграционной политики Китая, связанные как с нормотворческой деятельностью государства, так и необходимостью интеграции мигрантов в современное общество.

Ключевые слова: миграция, рынок труда, миграционное законодательство, интеграция мигрантов.

В современных условиях хозяйствования важными факторами трудовой миграции выступают высокий уровень безработицы, неравномерное распределение трудовых ресурсов и потоков капитала, сохраняющаяся избыточность рабочей силы на общем фоне замедления экономического роста и т.д. Политика китайского правительства в области трудовой миграции имеет особую специфику, основными направлениями которой являются масштабная экспансия за рубеж населения трудоспособного возраста, нехватка высококвалифицированных специалистов, высокий уровень нелегальной миграции. За период 2010–2023 годов в Китае наблюдается динамичный рост численности экономически активного населения (3,46 %) и занятого населения (1,79 %). За рассматриваемый период доля экономически активного населения Китая снизилась на 0,97 % (с 58,5 % до 57,9 %), а уровень занятости сократился на 2,57 % (с 56,8 % до 55,3 %), что напрямую связано с преобладанием роста общей численности населения страны над экономически активной его частью. За последние десять лет численность безработных в городских районах увеличилась с 9,08 до 9,45 млн. человек, увеличившись на 4,07 %. В связи с тем, что статистика не учитывает безработных и мигрантов из сельской местности, реальный показатель может быть значительно выше. По данным Всемирного банка за 2010–2023 годы уровень безработицы среди мужчин в Китае вырос с 4,97 % до 5,08 %, а среди женщин – с 3,90 до 3,98 %.

Китайское правительство уделяет особое внимание вопросам внутренней трудовой миграции, под влиянием которой экономическая ситуация в стране, а также общий образ жизни китайцев претерпевают значительные изменения. В современных экономических условиях жизнь внутренних мигрантов Китая связана с рядом проблем, требующих скорейшего решения. На сегодняшний день важнейшим направлением развития миграционной политики страны является внешняя трудовая миграция. Экспорт рабочей силы связан с динамикой внутреннего рынка труда и ситуацией на рынках труда за рубежом. Внешняя трудовая миграция рабочей силы из Китая призвана смягчить ситуацию на внутреннем рынке труда, снизить уровень безработицы, а также способствовать притоку инвестиций и ресурсов, трансферу новых технологий и росту экономической мощи Китая, что является частью его долгосрочной экономической стратегии. Китайская экономическая модель, сформировавшаяся в настоящее время в процессе различных социально-экономических реформ, обуславливает миграционную экспансию – активную политику экспорта рабочей силы. Демографический потенциал Китая определяет его геополитическую и геоэкономическую стратегию, важнейшим направлением которой является активное освоение зарубежных рынков труда.

Активная иностранная трудовая иммиграция в Китай обусловлена тем, что его развивающаяся экономика привлекает трудовых мигрантов из других стран мира. Занимая значительные позиции в двух региональных миграционных системах – Азиатско-Тихоокеанской и Евразийской – Китай является не только страной происхождения огромного числа мигрантов и иностранной диаспоры, но и местом притяжения миграционных потоков. По данным Национальной переписи населения 2020 года в Китае проживало 845,7 тыс. иностранцев (402,0 тыс. мужчин и 443,7 тыс. женщин), что составляет менее 0,1 % от общей численности населения. Численность иностранцев и жителей специальных административных районов Китая, прибывших в Китай, составила 1,4 млн. человек, из которых 31,1 % (444,3 тыс. человек) прибыли в качестве трудовых мигрантов.

Анализ продолжительности пребывания иностранцев, а также населения специальных административных районов Китая, показал, что большинство этих мигрантов остаются более 5 лет, а наименьшее – менее 3 месяцев (таблица 1).

Таблица 1 – Анализ продолжительности пребывания иностранцев, а также населения специальных административных районов Китая по результатам Всекитайской переписи населения 2020 года

Показатель	Менее 3 месяцев	3–6 месяцев	6–12 месяцев	1–2 года	2–5 лет	Более 5 лет
Иностранцы и жители специальных административных районов Китая, чел.	40 659	56 342	166 884	248 174	314 954	603 682
Примечание: источник: составлено на основе [1]						

Анализ распределения мигрантов, прибывших в Китай из зарубежных стран и специальных административных районов Китая (Макао, Гонконг, Тайвань), по целям пребывания показал, что всего 444 336 человек прибыли с целью работы, что составило 31,06 % от общего числа (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение мигрантов, прибывших из зарубежных стран и специальных административных районов Китая, по целям пребывания согласно результатам Всекитайской переписи населения 2020 года

Цель пребывания	Человек	%
С целью бизнеса	77 008	5,38
С целью работы	444 336	31,06
С целью учебы	21 9761	15,36
С целью проживания	419 517	29,32
С целью визита	74 735	5,22
По другим вопросам	195 338	13,65
Всего	1 430 695	100,00
Примечание: источник: составлено на основе [1]		

На втором месте по числу прибывших находится группа мигрантов, прибывших с целью проживания, на третьем – для учебы. Около 10 % внешних мигрантов въехали в страну для организации собственного бизнеса или в форме краткосрочных поездок (туризм, лечение, гости).

Внутренняя трудовая миграция – объективный и необходимый процесс, сопутствующий экономическим реформам и значительным структурным преобразованиям китайского общества. В последние десятилетия внутренняя миграция в Китае неуклонно

растет, и эта тенденция может сохраниться до середины текущего столетия. В период с 2010 по 2023 год динамика численности мигрантов в Китае имеет положительную тенденцию: численность лиц, находящихся в нерегулярной миграции, увеличилась на 7,28 % (с 261 до 280 млн. человек), а численность мигрантов – на 6,79 % (с 221 до 236 млн. человек). Структура внутренней миграции отражает потоки населения с запада и центра на восток. Среди трудовых мигрантов есть как малообразованные работники, так и высококвалифицированные специалисты. Целью миграции является, главным образом, поиск более высокооплачиваемой работы. Внутренняя миграция оказывает существенное влияние на социально-демографическое и экономическое развитие мест расселения. Это влияние характеризуется как положительными моментами (экономический рост, увеличение спроса и предложения на рынке и т. д.), так и негативными последствиями, проявляющимися в острых социальных проблемах мигрантов и страны в целом.

Основные проблемы в сфере трудовой миграции в Китае:

- 1) отток высококвалифицированных специалистов;
- 2) высокий уровень неформальной и незарегистрированной безработицы, особенно среди сельских жителей;
- 3) проблемы безработицы среди молодежи и выпускников вуза [2, с. 204];
- 4) «утечка мозгов», характерная для рабочих и офисных служащих в связи их низким уровнем заработной платы, что отмечается и в сфере услуг [3, с. 69].

В последние годы в Китае развернулся процесс «обратной утечки мозгов» – невероятный прецедент в сфере мировых трудовых отношений, направленный на привлечение высококвалифицированных и редких специалистов, тем самым инициируя их отток из родных стран.

Основным ограничением для трудовых мигрантов из-за рубежа остается неполный доступ к основным экономическим и социальным правам, а также невозможность самостоятельно их защищать. Это ограничение усугубляется тем, что из-за языкового барьера в большинстве случаев приезжие не знакомы с китайским законодательством. Такая ситуация порождает злоупотребления: например, мигранты из Северной Кореи часто используются в качестве бесправных гастарбайтеров, а также принудительно депортируются обратно. В рамках этой проблемы необходимо выделить весьма важный аспект – неправительственные организации, занимающиеся защитой прав трудящихся-мигрантов, испытывают в Китае серьёзные трудности. Ещё одним следствием отсутствия правового регулирования является высокая криминализация миграционной сферы. В одних случаях приезжие мигранты сами участвуют в преступных схемах, в других – становятся их жертвами [4, с. 180].

Наблюдается дискриминация в отношении мигрантов. В частности, не только нелегальные, но и легальные низкоквалифицированные рабочие из-за рубежа сталкиваются с разницей в ставках оплаты труда по сравнению с китайцами. Так, заработная плата вьетнамских мигрантов в среднем вдвое ниже, чем у местных работников. Приезжие, занятые высококвалифицированным трудом, также часто подвергаются дискриминации по различным признакам. Прогрессивные меры, принимаемые китайским руководством, порой оказываются либо половинчатыми, либо применимыми лишь к узкому кругу лиц. Например, по данным китайских средств массовой информации, рассчитывать на ускоренное получение грин-карты могут только иностранцы китайского происхождения с учёной степенью не ниже доктора философии или имеющие не менее четырёх лет непрерывного стажа работы на предприятиях Китая при условии проживания на территории страны не менее шести месяцев в году.

Таким образом, для привлечения в Китай большего количества высококвалифицированных специалистов важно совершенствовать проводимую в стране миграционную политику, а также законодательные акты в целях упрощения административной процедуры получения разрешений на работу и проживание для иностранцев, внедрения

современной системы отбора иммигрантов, улучшения социальной защищенности иностранцев и обеспечения адаптации иммигрантов в Китае. Опыт других стран показывает необходимость создания специального государственного органа, реализующего государственную политику в сфере миграции и в одном лице осуществляющего правоохранные функции, функции контроля, надзора и предоставления государственных услуг в сфере миграции.

Важно содействовать дальнейшей интеграции мигрантов в китайское общество посредством политики, государственных субсидий и других средств, укреплять их взаимодействие с местным обществом, культурой и людьми, а также повышать их чувство собственного достоинства, принадлежности к китайской культуре. Важно предоставить им возможность быть не просто экономическими агентами, но и проявлять инициативу, тем самым становясь активными участниками экономической и социальной жизни страны. Перспективным направлением развития миграционной политики в Китае является открытие сети центров обслуживания мигрантов по всей стране. Цель центров – помочь мигрантам, работающим, учащимся и живущим в Китае, полностью интегрироваться в жизнь китайской нации, понять её историю и культуру. Чувство идентичности и принадлежности иммигрантов к китайской культуре и китайскому обществу будет способствовать привлечению талантов и совместному построению гармоничного общества. При этом важно, чтобы эти центры не ограничивались только культурным обменом, а фокусировались на всех аспектах жизни и работы, включая все виды политической поддержки, документальное сопровождение и т. д. В 2019 году в Шанхае был открыт первый пилотный центр, рассчитанный на 6 000 мигрантов, получивших удостоверение личности иностранца для постоянного проживания. Для того чтобы этот центр стал полноценной моделью будущих центров обслуживания мигрантов, важно также организовать предоставление мигрантам услуг по обучению китайскому языку и дальнейшему тестированию полученных знаний, подготовке и переподготовке, трудоустройству, медицинскому и социальному страхованию, аренде жилья и автомобилей, юридической помощи и т. д. [5].

Литература

1. Communique of the Seventh National Census of China (№ 8) / Official website of the National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817193.html – Дата доступа: 09.10.2025.
2. Deng, Xiaoping. Basic questions of modern China / Xiaoping Deng. – M: Economics, 2018. – 361 p.
3. Epikhina, R. Unemployment and stimulation of employment in China under conditions / R. Epikhina // Innovations and investments. – 2018. – № 8. – S. 68 – 72.
4. Muratshina, K. Foreign labor migrants in the PRC. Opportunities and problems / K. Muratshina // International processes. – 2017. – № 4. – P. 174 – 185.
5. The first service center in the country / Website of the newspaper “M. News” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m.news.ji-qi.com/china/domestic/201909/88-1609833.html> – Дата доступа: 14.09.2025.

М. В. Миленин

mixmelin@gmail.com

БГЭУ, Республика Беларусь

СЕЛЕКТИВНЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ: МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье исследуются современные формы и инструменты реализации протекционистской политики в развивающихся странах, направленные на стимулирование промышленного роста, импортозамещение и укрепление экономического суверенитета. Дана оценка результатов реализации политики протекционизма в отдельных странах. Определяются тенденции цифрового, экологического и регионального протекционизма. Делается вывод о значении селективного подхода в защите при одновременной интеграции в мировую экономику.

Ключевые слова: протекционизм, развивающиеся страны, импортозамещение, экспортные субсидии, экономическая политика, промышленное развитие.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется обострением конкуренции, трансформацией цепочек добавленной стоимости, ростом влияния геоэкономических факторов на принятие стратегических решений. В таких условиях страны с развивающимися рынками сталкиваются с необходимостью не только обеспечивать устойчивый экономический рост, но и защищать уязвимые секторы своей экономики от внешних шоков и давления транснационального капитала. Протекционизм в данном контексте странами рассматривается как механизм экономического развития. Особую актуальность приобретает селективный протекционизм – гибкий и нацеленный подход, предполагающий защиту отдельных отраслей, стратегически важных с точки зрения национальной промышленной политики.

Эволюция подходов к изучению протекционизма демонстрирует переход от классического понимания, основанного на тарифной защите, к более сложным моделям «интеллектуального» и «функционального» протекционизма. Если в середине XX века доминировала кейнсианская идея государственного вмешательства для поддержки национального производства, то в XXI веке акцент смещается на стратегическую избирательность мер. Современные исследования отмечают, что протекционизм становится не только инструментом защиты, но и способом структурной перестройки экономики в ответ на технологические и геополитические вызовы. Это расширяет поле анализа и требует переосмысления границ допустимого государственного участия в торговле. Развивающиеся страны традиционно применяли инструменты протекционизма. Однако в отличие от периода «высоких тарифов» XX века, современный протекционизм отличается дифференцированностью, многоуровневостью и функциональностью. Основные цели, преследуемые государствами:

- создание конкурентоспособных производств на внутреннем рынке (особенно в высокотехнологичных отраслях);
- снижение уязвимости от колебаний мировых цен на сырьё и продовольствие;
- стимулирование технологического трансфера и национальных инноваций;
- обеспечение занятости и социальной стабильности.

Следует подчеркнуть, что указанные цели взаимосвязаны и часто реализуются в комплексе. Например, поддержка занятости невозможна без стимулирования технологических инноваций, а рост конкурентоспособности внутреннего производства требует

не только тарифных, но и институциональных мер – инвестиций в человеческий капитал, инфраструктуру и научно-техническую базу. Таким образом, эффективность протекционизма зависит не столько от жёсткости барьеров, сколько от согласованности инструментов промышленной, финансовой и образовательной политики.

Среди наиболее типичных инструментов – импортные пошлины (причём в ряде стран действуют эскалационные тарифы, стимулирующие переработку внутри страны), квотирование, субсидии на экспортно-ориентированные отрасли, требования по локализации и преференции в государственных закупках. Кроме того, важное значение приобретает политика валютного регулирования и ограничения движения капитала – как косвенная форма протекционизма.

Выбор стран для сравнительного анализа обусловлен их различной институциональной средой, уровнем экономического развития и спецификой проводимой промышленной политики. В исследование включены Индия, Бразилия, Индонезия, Египет и Россия.

Индия реализует программу “Make in India”, ориентированную на стимулирование внутреннего производства в ключевых секторах – электронике, машиностроении, фармацевтике. Основой выступают высокие тарифы на импорт готовой продукции, а также налоговые стимулы для иностранных инвесторов при условии локализации производства.

Бразилия сочетает тарифную защиту с активной промышленной политикой. Осуществляется субсидирование экспортно-ориентированного аграрного сектора, вводятся льготы для производителей автокомпонентов и программного обеспечения. При этом сохраняется высокий уровень административных барьеров.

Индонезия проводит политику ресурсного национализма. Экспорт сырья (в частности, никеля) ограничен или запрещён, чтобы стимулировать развитие перерабатывающих мощностей внутри страны. Результатом стал значительный приток инвестиций в металлургический сектор. Пример Индонезии показывает, что протекционизм может выступать катализатором индустриализации, если он сочетается с политикой привлечения инвестиций и технологического партнёрства. В отличие от Бразилии или Индии, где защита носит в большей степени налогово-тарифный характер, Индонезия делает ставку на контроль над стратегическими ресурсами и вертикальную интеграцию отраслей. Это демонстрирует разнообразие моделей, в рамках которых реализуется единая цель – обеспечение промышленного роста и технологической автономии.

Египет, несмотря на финансовые ограничения, усиливает таможенное регулирование и применяет валютный контроль. В результате увеличилась доля отечественной продукции в легкой промышленности и строительстве.

Россия после 2022 года акцентировала внимание на импортозамещении и формировании новой промышленной политики. Расширены субсидии, введены ограничения на вывоз отдельных видов продукции, поддерживается локализация критически важных технологий.

Для систематизации рассмотренных направлений протекционистской политики и оценки их результативности представим обобщённые данные по ряду развивающихся стран. Таблица 1 отражает ключевые особенности реализуемых мер, уровень тарифной защиты и достигнутые экономические результаты за 2023-2024 гг. Сопоставление показывает, что каждая страна формирует собственную комбинацию инструментов, исходя из структуры экономики и стратегических приоритетов развития.

Таблица 1 – Особенности и результаты протекционистской политики стран (2023–2024 гг.)

Страна	Средние пошлины	Основные меры	Результаты
1	2	3	4
Индия	15–17 %	Пошлины, локализация, налоговые льготы	Рост выпуска электроники на 14 %, снижение импорта компонентов на 9 %

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
Бразилия	12–13 %	Субсидии, импортозамещение, экспортный контроль	Рост агроэкспорта на 11 %, стабилизация промышленного индекса
Индонезия	10–12 %	Ограничения экспорта, лицензирование	Удвоение инвестиций в переработку никеля
Египет	15 %	Таможенные барьеры, валютный контроль	Рост текстильной отрасли на 18 %
Россия	13–14 %	Эмбарго, техсубсидии, локализация	Рост выпуска АПК на 12 %, снижение импорта на 15 %
Примечание: источник: собственная разработка автора на основе [1–2]			

Анализ данных таблицы 1 позволяет сделать вывод, что между уровнем тарифной защиты и динамикой промышленного роста не наблюдается прямой зависимости. Более высокие показатели демонстрируют страны, сочетающие тарифные меры с активной промышленной и инвестиционной политикой. Наиболее эффективными оказались стратегии, направленные на локализацию производства и стимулирование экспорта с высокой добавленной стоимостью. В то же время чрезмерная административная нагрузка и валютные ограничения снижают общий эффект протекционистских мер. Это подтверждает важность селективного подхода, основанного на балансе между защитой и стимулированием.

Наряду с традиционными инструментами, все большую роль начинают играть нетарифные меры, отражающие новую экономическую реальность. Современная конкуренция выходит за рамки физического обмена товарами и концентрируется в сфере данных, технологий и стандартов. В результате формируется «новая волна протекционизма», в которой приоритет получают регуляторные и технологические барьеры. По мере усложнения глобальной экономики, протекционистская политика расширяет свои границы и выходит за рамки традиционного торгового регулирования. Одним из направлений стало внедрение цифрового протекционизма:

- требования к локализации персональных данных (Индия, Индонезия);
- запрет на трансграничную передачу стратегически чувствительной информации;
- ограничения доступа к цифровым платформам и финтех-продуктам иностранных компаний.

Одновременно наблюдается рост экологического протекционизма, который всё активнее используется как способ ограничения «грязного» импорта: вводятся национальные стандарты устойчивости, создаются «зелёные тарифы», предоставляются субсидии на экологически чистые технологии. Например, в Бразилии введены налоговые льготы для производителей «зелёного» водорода, а в Индии реализуется программа по субсидированию электромобилей и солнечной энергетики. Таким образом, цифровая и экологическая политика становятся частью торговой стратегии государств, отражая их стремление адаптироваться к новой парадигме глобального регулирования.

Еще одним инструментом гибкой защиты, используемым развивающимися странами становятся региональные альянсы. Так, Африканский континентальный рынок предполагает постепенное устранение барьеров внутри региона при сохранении внешнего тарифного щита. Это позволяет укрепить внутреннюю кооперацию и создать эффекты масштаба. В рамках ЕАЭС осуществляется унификация промышленной политики, согласованное субсидирование и технологическая кооперация между странами-участницами. Участие в таких союзах даёт странам доступ к более крупным рынкам при возможности защищать наиболее чувствительные отрасли. ASEAN действует по принципу «двух скоростей»: внутри региона поощряется свободная торговля, но к странам вне альянса применяются меры тарифной и нетарифной защиты, включая санитарные стандарты, технические регламенты и лицензирование.

Глобальный рост санкционного давления (в первую очередь после 2022 года) привёл к ускоренной переориентации торговых стратегий. Противостояние России и стран G7 выявило уязвимость существующей архитектуры мировой торговли. Это стало триггером:

- для ЕС и США – к пересмотру своих экспортных стратегий и введению дополнительного контроля над чувствительными отраслями (чипы, искусственный интеллект);
- для стран БРИКС – к активизации расчётов в национальных валютах и разработке собственных логистических маршрутов (например, Сухопутный коридор Индия-Россия через Иран);
- для развивающихся стран в целом – к усилению тренда на экономический суверенитет, что выразилось в росте вложений в критически важную инфраструктуру, локализацию и национальную стандартизацию. Санкционная политика усилила склонность развивающихся стран к защитным мерам, но при этом дала импульс к переосмыслению моделей участия в мировой экономике.

Таким образом, протекционизм в условиях фрагментированной мировой экономики становится не просто допустимым, а необходимым инструментом стратегического планирования и национального развития. Развивающиеся страны всё чаще прибегают к формам селективного протекционизма, который сочетает гибкость в применении торговых барьеров с акцентом на внутреннее развитие. Этот подход позволяет им адаптироваться к изменениям глобального ландшафта, минимизировать уязвимость и формировать устойчивые цепочки создания стоимости внутри своих регионов. Примеры Индии, Бразилии, Индонезии, Египта и России демонстрируют эффективность разнонаправленных, но целенаправленных стратегий. Несмотря на различия в ресурсах и институтах, все они ориентированы на формирование индустриальной базы, развитие высокотехнологичных секторов и уменьшение зависимости от импорта. Таким образом, селективный протекционизм может рассматриваться как легитимный и эффективный элемент национальной экономической политики, особенно в эпоху нарастающей турбулентности мировой экономики, санкционных вызовов и экологических трансформаций.

Селективный протекционизм позволяет странам выстраивать асимметричную стратегию: защищать уязвимые отрасли, обеспечивая при этом экспортную ориентацию перспективных секторов. Его ключевые преимущества:

- минимизация макроэкономических дисбалансов (за счёт адресной поддержки);
- снижение зависимости от импорта в чувствительных сегментах;
- мобилизация национального капитала и инвестиций;
- поддержание конкурентной среды внутри страны без полной изоляции.

Такая модель оказывается особенно эффективной для государств, находящихся в фазе индустриального становления или реструктуризации. Таким образом, концепция селективного протекционизма требует дальнейшего теоретического осмысления и эмпирической проверки. Для развивающихся стран перспективным направлением становится выработка сбалансированных стратегий, сочетающих протекционизм с открытостью и инновационным развитием. Особое значение приобретает институциональная готовность к быстрой корректировке мер защиты в зависимости от изменений внешней конъюнктуры. Протекционизм будущего – это не возврат к изоляционизму, а формирование адаптивных механизмов защиты национальных интересов в условиях глобальной турбулентности.

Литература

1. UNCTAD. Trade and Development Report 2024: Financing Global Development in an Era of Fragmentation. – New York; Geneva: United Nations, 2024. – 48 p.
2. World Trade Organization. World Tariff Profiles 2024. – Geneva: WTO Publications, 2024. – 240 p.

Ю. Э. Морозова

morozova_ula82@mail.ru

БГУ, Республика Беларусь

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ ЧЕРЕЗ ИНТЕГРАЦИЮ НАУЧНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕР

В статье рассматриваются существующие барьеры и противоречия между сферами науки, промышленности и образования, предлагается модель эффективного их взаимодействия, направленная на коммерциализацию знаний, подготовку кадров и технологическое обновление промышленности. Доказывается, что такая синергия является необходимым условием для обеспечения устойчивого экономического роста и глобальной конкурентоспособности.

Ключевые слова: инновационное развитие, интеграция, экономика знаний, интеллектуальная экономика, наука, образование, промышленность.

Интеграция науки, промышленности и образования в условиях быстрого технологического прогресса и глобализации экономики – ключ к успешному развитию общества. Интеллектуальная экономика, опирающаяся на знания и инновации, нуждается в активном взаимодействии участников. Государственно-частное партнерство (ГЧП) выступает мощным катализатором, способствуя формированию эффективных инновационных экосистем, объединяя ресурсы, знания и экспертизу государства и бизнеса, ускоряя внедрение научных разработок в промышленность и обеспечивая подготовку адаптивных квалифицированных кадров.

Интеграционные процессы представляют собой объединение экономик, компаний и стран для роста эффективности и конкурентоспособности, включая экономические союзы, торговые соглашения и научно-технологические кооперации. Она же создает условия для формирования механизма инновационного развития, способствуя устойчивому экономическому росту, повышению конкурентоспособности и эффективному использованию ресурсов в глобальном масштабе

Исследования университетов и научных институтов служат основой для создания новых технологий, внедряемых в промышленность. Важно, чтобы вузы не только готовили кадры, но и активно вели научную деятельность, что позволяет им оперативно реагировать на запросы рынка [1]. Государственно-частное партнерство (ГЧП) объединяет ресурсы и экспертизу секторов: совместные проекты, финансируемые за счёт грантов и частных инвестиций, получают более широкую ресурсную базу. Яркий пример – сотрудничество вузов с технологическими компаниями, ведущее к появлению стартапов и внедрению инноваций. Такие инициативы стимулируют технологическое развитие, создают рабочие места и повышают квалификацию специалистов.

Для развития интеллектуальной экономики образование служит фундаментом. Необходимо адаптировать учебные программы под актуальные нужды рынка труда, сочетая теоретическую базу с практическим обучением, которое помогает студентам осваивать реальные профессиональные навыки. Современная система образования в XXI веке подвергается значительным инновационным изменениям, и одним из ключевых примеров служит формирование образовательных кластеров. Эти комплексные структуры ориентированы на тесное сотрудничество с реальным сектором экономики, позволяя гармонично связывать учебные курсы с требованиями рынка. В эпоху четвертой промышленной революции, новой индустриализации и трансформации экономической среды Беларусь активно продвигает инновационную модель развития. Здесь образование и наука выполняют систем.

Существенный разрыв между потребностями рынка труда и качеством подготовки специалистов создает серьезные проблемы для экономики. Основная причина – слабое участие бизнеса в разработке образовательных программ и отсутствие постоянного диалога между вузами и работодателями, что приводит к несоответствию учебных курсов реальным требованиям, а также к неспособности учебных заведений оперативно реагировать на технологические изменения. В результате выпускники оказываются недостаточно подготовленными, что снижает их конкурентоспособность, а компании несут дополнительные издержки на доучивание сотрудников. Решение данной проблемы требует создания эффективных механизмов сотрудничества, адаптации образовательных программ и внедрения современных технологий в обучение.

Ключевая задача в данном контексте – формирование интеллектуальной экономики, где основным капиталом выступают знания и инновации. Интеграция образования и бизнеса становится толком для построения эффективной системы подготовки кадров, отвечающей вызовам современного рынка.

Интеграция научной, промышленной и образовательной сфер формирует основу для развития интеллектуальной экономики, создавая единое инновационное пространство. В рамках этого взаимодействия ключевыми задачами становятся повышение конкурентоспособности компаний через внедрение передовых разработок и формирование кадрового резерва, владеющего актуальными компетенциями [2]. Роль интеграции, таким образом, заключается в создании устойчивых механизмов обмена знаниями, технологиями и ресурсами, что является фундаментом для генерации и коммерциализации инноваций. Влияние интеграции на инновационное развитие проявляется в следующих процессах:

- а) ускорение обмена знаниями и технологиями (создание совместных исследовательских центров и лабораторий);
- б) создание финансовых механизмов, позволяющих стартапам и инновационным компаниям получать доступ к инвестициям (венчурные фонды, акселераторы);
- в) совместные проекты в сфере инфраструктуры (транспортные коридоры, логистические хабы);
- г) формирование конкурентных кластеров – географически сосредоточенных групп взаимосвязанных компаний и организаций. Кластеры, такие как Кремниевая долина в США или Технополис «Москва», становятся центрами инноваций, где компании обмениваются идеями и ресурсами.

Кроме того, интеграционные процессы способствуют созданию рабочих мест и повышению уровня занятости. Для активизации процессов создания базы для передовых технологических преобразований в нашей стране необходимы следующие общие принципы развития кадрового потенциала:

- стимулирование развития творческих, изобретательских и предпринимательских способностей личности на протяжении всей жизни;
- усиление взаимодействия между образованием, фундаментальной и прикладной наукой;
- общая цифровизация образовательных технологий;
- интеграция в мировые образовательные сети.

Перед лицом глобальных климатических изменений и истощения ресурсов дальнейшее укрепление интеграции между государствами и бизнесом становится не просто преимуществом, а императивом. Такое сотрудничество проявляется в конкретных проектах: международных альянсах по переходу на чистую энергию и инициативах в области устойчивого сельского хозяйства. Эти примеры доказывают, что именно объединение усилий является ускорителем для прорывных решений с целью защиты окружающей среды. Устойчивое развитие сегодня – это комплексная стратегия выживания и процветания, нацеленная на создание более устойчивого и справедливого мира для будущих поколений, что выходит далеко за рамки простой экологической ответственности.

По состоянию на 2025 год в области устойчивого развития появляется множество стартапов, которые предлагают инновационные решения в различных секторах. Лидирующие компании и стартапы сосредоточены на энергетике, переработке отходов, сельском хозяйстве и производстве материалов. Эти компании внедряют инновации для снижения выбросов, повышения эффективности использования ресурсов и разработки экологически чистых решений. Ниже приведен список компаний и стартапов, отмеченных в различных рейтингах и отчетах за 2025 год:

1. Schneider Electric – направление «Цифровая трансформация в области управления энергопотреблением и автоматизации».

2. Form Energy – направление: «Разработка инновационных систем хранения энергии для возобновляемых источников». Создала железо-воздушную батарею, способную хранить электроэнергию в течение 100 часов, что делает ее более безопасной и дешевой.

3. AMP Robotics – использует искусственный интеллект для повышения эффективности переработки мусора.

4. Apeel Sciences – разрабатывает растительное покрытие, которое продлевает срок хранения фруктов и овощей.

5. Climeworks – разработка технологий улавливания и удаления углерода.

6. Stilaе – предлагает экологичную замену пластику для одноразовой упаковки и других продуктов.

7. Planted Foods AG – швейцарский стартап, поддерживаемый Climate KIC, который стремится уменьшить негативное воздействие мясной промышленности на окружающую среду.

8. Antora Energy – разрабатывает решения для хранения энергии, способные обеспечить надёжное питание для промышленных предприятий.

9. Fourth Power – создаёт тепловые аккумуляторы, которые могут обеспечивать надёжное энергоснабжение в течение нескольких дней.

10. Coral Vita – использует инновационные методы для ускоренного роста кораллов и их пересадки в рифы, пострадавшие от изменения климата.

Упомянутые компании и стартапы являются не разрозненными примерами, а закономерным результатом работы тех самых инновационных кластеров и экосистем, где происходит симбиоз научных исследований, промышленного внедрения и образовательных программ. Их прорывные решения в области энергетики, рециклинга и устойчивого сельского хозяйства были бы невозможны в рамках изолированной модели развития.

Формирование интеллектуальной экономики напрямую зависит от качества интеграции научной, промышленной и образовательной сред, материализующейся в создании динамичных инновационных кластеров, технопарков и стартап-экосистем. В отличие от линейных моделей, зависящих от внешних условий, современные кластеры функционируют как самодостаточные «клетки роста», генерирующие инновации за счет синергии внутренних ресурсов – компетенций вузов, R&D-потенциала науки и производственных мощностей промышленности [3].

Именно в такой среде рождаются компании, подобные Form Energy или Climeworks, чьи технологии – это ошестовленный результат длинной цепочки «фундаментальное исследование → прикладная разработка → промышленный прототип». Antora Energy и Fourth Power решают критически важные для промышленности задачи, что было бы невозможно без тесной обратной связи с реальным сектором. Стартап Planted Foods AG, поддержанный европейской инновационной инициативой Climate KIC, – наглядный пример того, как образовательно-исследовательские сети коммерциализируют научные идеи.

Таким образом, каждая из этих компаний служит практическим доказательством того, что кластерный подход является ключевым инструментом для перехода к экономике, основанной на знаниях и устойчивых принципах.

Хотелось бы отметить, что создание кластеров формирует условия для использования внешних ресурсов, включая ресурсы стратегических партнеров и государственное финансирование, а это, в свою очередь, позволяет эффективно распределять затраты и усилия, способствуя более быстрому внедрению инноваций. Кластерное развитие в целом выступает важным аспектом для формирования интеллектуальной экономики, поскольку поддерживает развитие высоких технологий и инновационных решений, обеспечивая синергию между наукой, образованием и бизнесом не только на локальном, но и на глобальном уровне. Именно такая синергия позволяет трансформировать отдельные научные открытия в комплексные технологические решения, необходимые для построения экономики знаний. Особую значимость этот процесс приобретает в контексте перехода к устойчивому развитию, где кластеры становятся платформами для создания и масштабирования «зеленых» технологий, циркулярных бизнес-моделей и климатических решений, объединяя усилия исследователей, инженеров и предпринимателей для достижения общих целей.

В условиях антироссийских и антибелорусских санкций интеграционные процессы в науке, образовании и промышленности приобретают характер не просто стратегической необходимости, а важнейшего условия технологического суверенитета и экономической устойчивости. Ограничения на трансфер технологий, разрыв международных цепочек сотрудничества и финансовое давление делают создание замкнутых инновационных циклов «исследование-разработка-внедрение» внутри единого научно-промышленного пространства вопросом национальной безопасности.

Эффективное сотрудничество этих секторов становится ключевым механизмом импортозамещения, но не в его примитивной форме, а как основа для создания собственных прорывных решений, способных конкурировать на глобальном рынке. В этих условиях синергия университетов, научных институтов и промышленных предприятий позволяет не только адаптироваться к быстроменяющимся условиям, но и создавать новые точки роста, снижая критическую зависимость от внешних поставок технологий и комплектующих. Такой подход формирует основу для экономического роста и социального благополучия в новой реальности, определяя стратегии устойчивого развития, основанные на мобилизации внутреннего интеллектуального и производственного потенциала.

Литература

1. Экономическая интеграция. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by> (дата обращения: 08.03.2025).
2. Ягубянец В. В. Современные тенденции развития интеграционных процессов в регионах мирового хозяйства и факторы их определяющие // Журнал исследований по управлению. 2019. Том 5. № 3. С.61-65.
3. Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и плана мероприятий по ее реализации: Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 27 от 16 января 2014 г. : зарегистрирован в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь 20 января 2014 г. N 5/38322.

Н. А. Петухов

Институт проблем управления имени В. А. Трапезникова РАН, Российская Федерация

ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для эффективного развития экономики необходимы кадры с различным уровнем образования в зависимости от предъявляемых работодателями требований. Получение необходимой квалификации происходит в профессиональных образовательных организациях среднего и высшего профессионального образования, на курсах повышения квалификации, переподготовки, дополнительного образования. Постоянное получение профессионального образования, повышение квалификации, обновление профессиональных знаний и навыков может быть обусловлено изменениями в условиях работы, внедрением новых технологий, техники, оборудования. Сравнение работников предприятий по уровню образования с численностью обучающихся в различных профессиональных образовательных организациях позволяет определить возможности по замене профессиональных кадров различного уровня подготовки, так же, как и определить необходимую потребность в кадрах определенной квалификации. Ретроспективный анализ изменения долей работников с различным уровнем образования в общей численности занятых, а также изменение численности обучающихся по различным программам подготовки профессиональных кадров, анализ взаимосвязей между данными показателями позволяет оценить тенденции в потребностях работников различной квалификации и определить оптимальную структуру кадров. Полученные взаимосвязи и структура кадров позволяют спрогнозировать будущие потребности в работниках различной квалификации. Полученные результаты исследований показывают особенности в подготовке кадров для Республики Беларусь и Российской Федерации, соотношения между численностью работников разного уровня образования и численностью обучающихся в профессиональных образовательных организациях. Для эффективного развития экономики необходимо определение направлений развития отраслей, потребности в кадрах определенной квалификации, так же, как важна и своевременная замена выбывающих кадров на предприятиях. Разработка мероприятий по определению необходимой численности подготовки кадров, определение уровня подготовки – среднего или высшего профессионального, разработка мер по стимулированию получения профессионального образования и определение необходимой квалификации являются важными задачами для эффективного развития экономики на региональном и государственном уровне.

Ключевые слова: занятые в экономике, уровень образования, подготовка специалистов, среднее профессиональное образование, высшее образование.

Получение профессионального образования необходимо для успешного освоения профессии, для получения необходимых знаний и навыков будущей работы, так же, как и для профессиональной карьеры. Получить профессиональное образование можно в различных организациях, также как один из возможных вариантов – обучение непосредственно на рабочем месте [5, 11]. Для обучения в организациях профессионального образования необходимо наличие определенного уровня образования – базового или среднего образования в Республике Беларусь или основного, или среднего общего образования в Российской Федерации. Также возможно обучение после получения любого вида профессионального образования, в виде получения второго образования, второй профессии или повышения квалификации, уровня образования.

Профессиональное образование в Республике Беларусь включает в себя получение профессионально-технического образования (ПТО), среднего специального образования (ССО), высшего образования, также дальнейшее обучение в магистратуре, послевузовское образование – обучение в аспирантуре, докторантуре. В Российской Федерации получение профессионального образования подразумевает обучение по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, специалистов среднего звена, получение высшего образования (в т. ч. обучение в магистратуре) и получение послевузовского образования (аспирантура, докторантура).

В целом, между получением профессионального образования в Республике Беларусь и Российской Федерации будут определенные сходства: получение среднего профессионального образования (СПО) – получение профессионально-технического и среднего образования (в Республике Беларусь) – обучение по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, специалистов среднего звена (в Российской Федерации); получение высшего профессионального образования (ВПО) – обучение в вузах по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в том числе. Послевузовское образование (аспирантура, докторантура) представляет собой специфический уровень образования, и данное образование в первую очередь необходимо для научных и педагогических работников, занимающихся научными исследованиями и разработками, а также для преподавателей профессиональных образовательных организаций [3, 16].

Выбор уровня образования зависит от множества факторов, в том числе желания и потенциальных возможностей абитуриента, от предлагаемых вариантов направлений обучения образовательными организациями, от предпочтений и перспектив трудовой карьеры в сочетании с различными факторами (место проживания, семейное положение, технический или гуманитарный склад ума, предрасположенность к обучению и т. п.). В дальнейшем, в ходе трудовой карьеры также возможно получение профессионального образования, равно как и обучение на различных профессиональных курсах повышения квалификации и переподготовки кадров [6].

Если сравнивать структуру занятых по уровню образования, то в 2023 году доля лиц с высшим образованием среди занятых в Республике Беларусь и Российской Федерации находилась приблизительно на одном уровне – в Республике Беларусь доля работников с высшим образованием составила 35,8 % от общей численности занятых, в Российской Федерации – 35,4 % от занятых (рисунок 1).

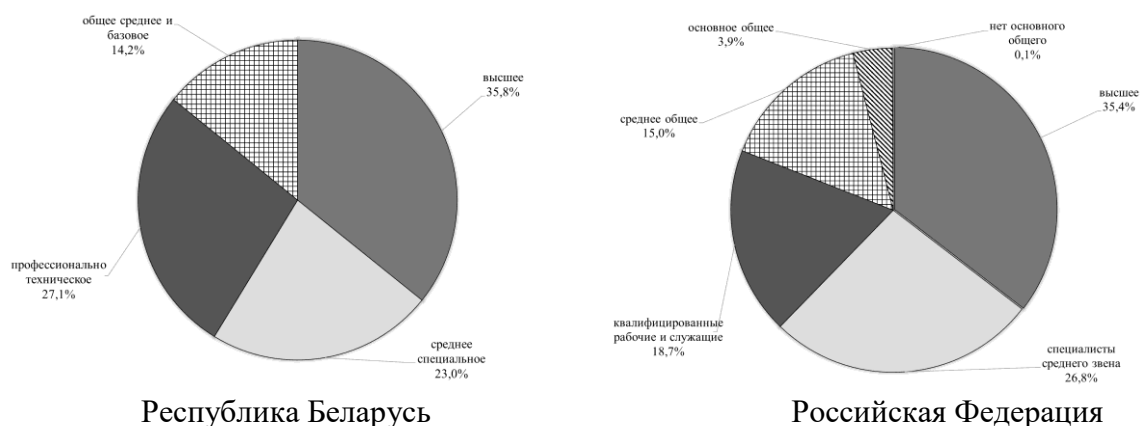


Рисунок 1 – Структура занятых в экономике по уровню образования в Республике Беларусь и Российской Федерации в 2023 году, %

Структура занятых по другим уровням образования несколько отличается – так, в Российской Федерации среди занятых будет выше доля работников с общим образованием и специалистов среднего звена; а в Республике Беларусь будет выше доля работников с профессионально-техническим образованием против доли квалифицированных рабочих и служащих в Российской Федерации.

Изменения долей работников по разным уровням образования в 2014–2023 гг. в Российской Федерации происходят в меньших пределах (не более ± 5 % ежегодно), чем в Республике Беларусь (в некоторых случаях ежегодные изменения могут составлять более 8–10 % по сравнению с предыдущим периодом).

Структура занятых по уровню образования с течением времени может изменяться из-за выбытия кадров вследствие смертности или прекращения трудовой деятельности (инвалидность, пенсия и т. п.), а также за счет пополнения кадров выпускниками образовательных организаций. Также будет влиять миграция, но в данном случае внутренняя миграция будет влиять на структуру кадров в отдельно взятом регионе, тогда как внешняя – на структуру кадров в целом в стране [10, 13]. Также на изменения в структуре кадров будет влиять и последующее получение профессионального образования – напр., специалисты со средним профессиональным образованием в дальнейшем могут пройти обучение в вузах и получить высшее образование [9].

Если предположить, что в среднем, что в Республике Беларусь и в Российской Федерации доля занятых с высшим образованием составляет примерно 35 % от общей численности занятых (т. е. чуть более трети) и возрастная структура таких лиц однородна, то для полной замены специалистов с высшим образованием вновь подготовленными в организациях высшего профессионального образования при условии, что работник с высшим образованием отработает в среднем 35 лет до прекращения трудовой деятельности и выхода на пенсию, необходимо ежегодно в вузах подготавливать и выпускать дипломированных специалистов численностью приблизительно около одного процента от общей численности занятых в экономике.

То есть, в среднем, из занятых с высшим образованием – 35 % от общей численности занятых – за средний срок карьеры – 35 лет – ежегодно будут прекращать свою деятельность – в среднем получается, что ежегодно выбывать будет около одного процента от занятых с высшим образованием – и для их замены ежегодно надо подготавливать и выпускать из вузов специалистов, численно равных приблизительно одному проценту от общей численности занятых. Но в реальных условиях структура кадров с высшим образованием (и с другим профессиональным образованием) будет неоднородной, ежегодное выбытие специалистов будет неоднородным, так же, как и возможное изменение во времени структуры кадров по уровню образования [14].

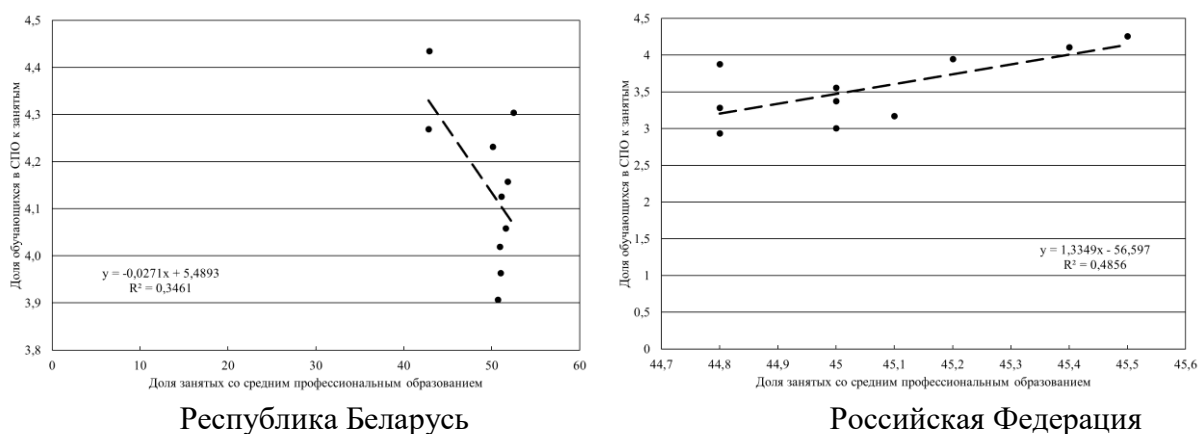
Если рассмотреть отношение численности обучающихся в организациях среднего и высшего профессионального образования к общей численности занятых, то полученное отношение будет показывать долю обучающихся, приходящихся к занятым, которая в дальнейшем придет на замену существующим кадрам, при условии сохранения существующих параметров (общей численности занятых, численности занятых с определенным уровнем образования, структуры кадров, уровня выбытия кадров и т. п.).

Если учесть, что в среднем, для равномерной замены кадров с соответствующим уровнем профессионального образования доля выпускников различных профессиональных образовательных организаций должна составлять около одного процента от численности занятых, то доля обучающихся должна быть несколько выше. Так, если обучение в средних профессиональных организациях в зависимости от формы обучения (очная, очно-заочная, заочная) может занимать срок от одного до трех-четырех лет, в высших учебных заведениях – от двух до четырех-пяти лет, то доля обучающихся по отношению к занятым должна составлять для среднего профессионального образования не менее двух-трех процентов, для высшего образования – не менее трех-четырех процентов.

В Республике Беларусь в 2014–2023 гг. доля обучающихся в организациях профессионально-технического образования и среднего специального образования (среднее специальное образование) по отношению к общей численности занятых изменялась пределах от 3,91 % до 4,43 %; доля обучающихся в высших учебных заведениях и магистратуре изменялась в пределах от 5,60 % до 8,17 %. В Российской Федерации доля обучающихся

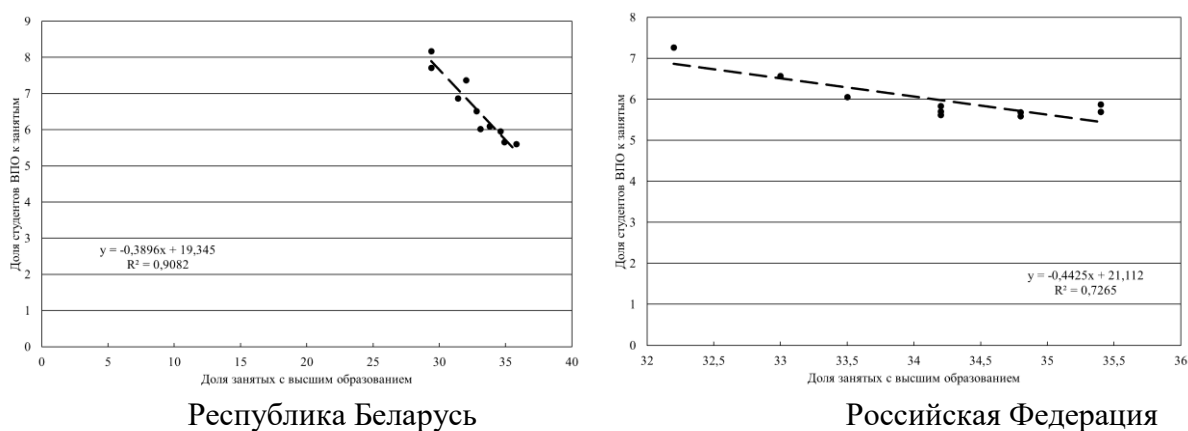
в организациях среднего профессионального образования по отношению к занятым изменялась от 2,39 % до 4,26 %, доля обучающихся в организациях высшего профессионального образования – от 5,59 % до 7,27 %. В целом, для Республики Беларусь и Российской Федерации напрашивается вывод о том, что численность подготовки кадров в организациях среднего и высшего профессионального образования позволяет замещать существующие кадры с аналогичным уровнем профессионального образования.

Сравнение доли обучающихся в организациях среднего профессионального образования по отношению к общей численности занятых в экономике и доли занятых со средним профессиональным образованием в Республике Беларусь и Российской Федерации по данным десятилетнего периода (2014–2023 гг.) показано на рисунке 2.



Между данными двумя показателями для Республики Беларусь получилась обратная связь, для Российской Федерации – прямая; но данная связь получилась не значимой как для Республики Беларусь (коэффициент детерминации $R^2 = 0,3461$), так и для Российской Федерации (коэффициент детерминации $R^2 = 0,4856$).

В случае с высшим образованием – при сравнении доли обучающихся в вузах по отношению к общей численности занятых и доли занятых с высшим профессиональным образованием в Республике Беларусь и Российской Федерации в 2014–2023 гг. – связи в обоих случаях получились обратные, но уже значимые, с коэффициентами детерминации $R^2 = 0,9082$ для Республики Беларусь и $R^2 = 0,7265$ для Российской Федерации (рисунок 3).



С одной стороны, между долей обучающихся в организациях СПО (или ВПО) по отношению к занятым и долей занятых со средним (или высшим) профессиональным образованием должна быть прямая связь – чем больше обучается в организациях профессионального образования, тем больше выпуск специалистов и, как следствие, больше занятых с профессиональным образованием.

Но, с другой стороны, возможны различные варианты получения профессионального образования, которые в той или иной мере будут оказывать влияние на исследуемые показатели. Так, возможно изменение численности приема в различные профессиональные образовательные организации в зависимости от потребностей рынка в специалистах с определенным уровнем образования, что влияет на общую численность обучающихся; получение высшего образования работником со средним специальным образованием влияет на изменение доли работников со средним и высшим профессиональным образованием вследствие их будущего перехода в из одной группы занятых в другую группу; получение дополнительного образования такого же уровня (второе среднее специальное, второе высшее) не влияет на изменение доли занятых с соответствующим уровнем образования, но влияет на численность обучающихся в профессиональных образовательных организациях [15].

Если сравнивать между собой доли студентов, обучающихся в организациях высшего профессионального образования по отношению к общей численности занятых в экономике и доли обучающихся в организациях среднего профессионального образования по отношению численности занятых в 2024–2023 гг., то для Республики Беларусь взаимосвязь между данными двумя показателями будет прямой, с коэффициентом детерминации $R^2 = 0,6291$, а для Российской Федерации – обратной, с коэффициентом детерминации $R^2 = 0,4695$ (рисунок 4).

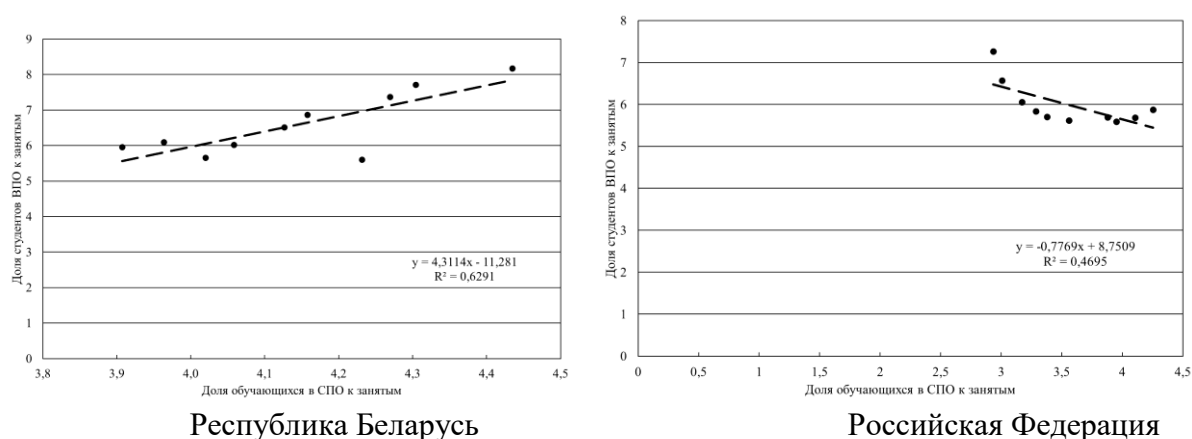


Рисунок 4 – Доля студентов вузов к занятым в экономике по отношению к доле обучающихся в СПО к занятым в экономике в Республике Беларусь и Российской Федерации в 2014–2023 гг., %

Прямая связь между долей обучающихся в организациях ВПО по отношению к занятым в экономике и долей обучающихся в организациях СПО по отношению к занятым может говорить о ежегодной относительной пропорциональности между численностью обучающихся в вузах и средних специальных профессиональных образовательных организациях – т. е. если в определенном году увеличивается прием в организации ВПО, то и, соответственно, увеличивается прием в организации СПО – абитуриенты равномерно распределяются между вузами и организациями среднего профессионального образования (Республика Беларусь).

Обратная связь между данными двумя показателями может говорить о том, что поступление в профессиональные образовательные организации обусловлено спросом

на определенное образование (высшее или среднее профессиональное) – т. е. в зависимости от текущей ситуации, чем больше поступает в вузы, тем меньше абитуриентов выбирает организации СПО и наоборот – чем больше поступивших в организации СПО – тем меньше поступает в вузы (Российская Федерация).

На численность приема в организации СПО и ВПО и, как следствие, на общую численность обучающихся и на последующий выпуск специалистов, влияет не только наличие профессиональных образовательных организаций соответствующего вида, но и число мест для приема на разные уровни образования и на различные специальности. Не последняя роль в данном процессе принадлежит государству, которое в зависимости от потребностей рынка может прямыми или косвенными способами влиять на подготовку кадров, на численность приема в средние и высшие профессиональные образовательные организации, стимулировать население выбирать различные уровни образования, повышать свою квалификацию [1].

Изменение потребности в кадрах, повышенный спрос на некоторые специальности влияют на структуру приема и подготовки кадров в профессиональных образовательных организациях, которые должны реагировать на внешние изменения, в том числе и на возникновение потребностей в новых специальностях, которые будут востребованы в будущем [2, 4]. Для создания новых направлений подготовки необходима кооперация с предприятиями реального сектора экономики для определения задач, решаемых будущими специалистами, их уровня компетенций, разработка программ обучения с учетом новых теоретических и практических знаний [8].

В определении потребностей в квалифицированных кадрах не последняя роль принадлежит государству, которое частично финансирует профессиональное обучение (часть обучающихся получает профессиональное образование на коммерческой основе, за свой счет или за счет направивших их на обучение предприятий), проявляет заинтересованность и определяет направления в развитии отраслей, территорий [7, 12], разрабатывает и реализует различные государственные программы и проекты, тем самым создавая потребности в квалифицированных специалистах. Определение сбалансированной структуры профессиональных кадров, подготовка востребованных и необходимых специалистов на всех уровнях профессионального образования является одной из важнейших задач, стоящих перед органами власти любой страны.

Литература

1. Акаев, А. А., Десятко, Д. Н., Петряков, А. А., Сарыгулов, А. И. Региональное развитие и система образования в условиях цифровой трансформации / А. А. Акаев, Д. Н. Десятко, А. А. Петряков, А. И. Сарыгулов // Экономика региона. – 2020. – Т. 16. № 4. – С. 1031–1045.
2. Веденеева, В. Т. Роль образования в концепции инновационного развития экономики / В. Т. Веденеева // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 4. – С. 68–80.
3. Высшее образование в России: вызовы времени и взгляд в будущее / Под общ. ред. Р. М. Нижегородцева, С. Д. Резника. – Москва, 2020. – 610 с.
4. Геврасёва, А. П., Глухова И. В., Казущик А. А. Стоимостная оценка и направления развития человеческого капитала Республики Беларусь / А. П. Геврасёва, И. В. Глухова, А. А. Казущик // Экономика региона. – 2024. – Т. 20. № 1. – С. 150–162.
5. Глушко, В. А. Пути модернизации среднего профессионального образования / В. А. Глушко // Экономический вестник ИПУ РАН. – 2024. – № 4. – С. 78–86.
6. Иванченко, Л. А. Проблемы обеспечения экономики квалифицированными кадрами / Л. А. Иванченко // Экономика региона. – 2007. – №4 (12). – С. 128–139.

7. Клячко, Т. Л., Семионова, Е. А. Вклад образования в социально-экономическое развитие регионов России / Т. Л. Клячко, Е. А. Семионова // Экономика региона. – 2018. – Т. 14. № 3. – С. 791–805.
8. Кулагина, Е. В. Региональные диспропорции в накоплении и реализации образовательного потенциала / Е. В. Кулагина // Экономика региона. – 2012. – № 1 (29). – С. 53–62.
9. Петухов, Н. А., Нижегородцев Р. М. Прогнозирование потребностей рынка труда в квалифицированных кадрах: тренды, оценки, динамика. – Новочеркасск, 2025. – 527 с.
10. Петухов, Н. А. Получение образования и трудовая миграция жителей сельской местности в регионах Российской Федерации / Н. А. Петухов. – Москва, 2024. – 278 с.
11. Петухов, Н. А., Глушко В. А. Проблемы в подготовке профессиональных кадров / Н. А. Петухов, В. А. Глушко // Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы «школа – университет – предприятие» [Электронный ресурс]: сборник материалов XV Международной научно-методической конференции (Гомель, 20–21 февраля 2025 г.) / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; редкол.: Ю. В. Никитюк (гл. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. – С. 373–374.
12. Петухов Н. А., Нижегородцев Р. М. Межрегиональная дифференциация образовательных систем на рубеже цифровых трансформаций: векторы, тенденции, альтернативы. – Москва, 2019. – 432 с.
13. Рынки труда и образовательных услуг России: реалии и перспективы: Монография / Под общ. ред. С. Д. Резника, Р. М. Нижегородцева, Г. А. Резник. – Москва, 2016. – 324 с.
14. Ткаченко, А. А., Гинойн, А. Б. Оценка профессионального состава занятых в регионе / А. А. Ткаченко, А. Б. Гинойн // Экономика региона. – 2021. – Т. 17. № 4. – С. 1224–1238.
15. Управление высшим образованием и наукой: опыт, проблемы, перспективы: Монография / Под общ. ред. Р. М. Нижегородцева, С. Д. Резника. – Москва, 2015. – 400 с.
16. Управление изменениями в высшей школе: монография / Под общ. ред. Р. М. Нижегородцева, С. Д. Резника. – Москва, 2018. – 388 с.

С. А. Радченко

radchenko.s.a.tula@mail.ru

ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Российская Федерация

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО – ЛУЧШИЙ СПОСОБ
БЫСТРО РЕШАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ,
ИСПОЛЬЗУЯ ЛУЧШИЙ МИРОВОЙ ОПЫТ
И УНИКАЛЬНЫЕ ХОЗДОГОВОРЫ КАФЕДР**

Научно обоснована и подготовлена реальная возможность быстрее решать экономические проблемы обучения с учетом лучшего мирового опыта, изучаемого автором 35 лет, используя: 1 – международное сотрудничество; 2 – безотказный способ обеспечения кафедр хоздоговорами с администрацией регионов; 3 – внедрение в школах разработанного нами уникального портативного учебно-тренировочного комплекса.

Ключевые слова: международное сотрудничество, проблемы обучения, мировой опыт, хоздоговоры.

Многолетние исследования автора, важнейшие научные и практические результаты которых описаны в [1–5], доказали, что одними из главных причин многих актуальных проблем обучения, воспитания и профессиональной ориентации молодежи в системе «школа-колледж-вуз» в любых регионах России и Белоруссии (которые многие годы регулярно обсуждаются на многих научных конференциях, но пока не решены окончательно за счет использования только традиционных методов [1–5]) являются их недостаточное бюджетное финансирование и отсутствие возможностей быстрее решать эти проблемы, используя лучший опыт: 1 – знаменитых университетов мира; 2 – более эффективного использования бюджетных денег, выделяемых для обучения молодежи.

Например, такими проблемами являются: 1 – невозможность обеспечивать все школы и даже все кафедры вузов в регионах очень многими образцами различного современного оборудования и часто обновлять их; 2 – трудности быстрого и массового внедрения в школах многих лучших разработок вузов; 3 – отсутствие у многих учителей и преподавателей возможности, а часто и мотивации постоянно искать самую современную информацию о новых достижениях и видах продукции и качественно готовить ее для демонстрации обучаемым на уроках с ее максимальной визуализацией; 4 – трудности организации постоянной помощи кафедр вузов всем учителям для внедрения и использования лучших методов обучения; 5 – проблемы обеспечения в регионах участия кафедр вузов в региональных, государственных, международных программах [1–5].

Поэтому в результате 35 лет целенаправленных исследований автора (в том числе во время его длительных стажировок в Великобритании (в Кембридже и Лидском университете) и в США, командировок в Бельгию, Францию, Германию и Данию и 20 лет работы на высших руководящих должностях в 3 организациях, изучавших лучший мировой опыт и участвовавших в его внедрении в регионах России) ему удалось [1–5]:

- 1 – изучить лучший опыт знаменитых университетов России и ведущих стран;
- 2 – изучить самые результативные и малозатратные во всех странах методы повышения эффективности обучения и внедрения новых достижений и видов продукции;
- 3 – научно обосновать и подготовить реальную возможность быстро и успешно организовать российско-белорусское сотрудничество, которое позволит использовать лучший опыт знаменитых университетов и наши разработки, опыт и «ноу-хау» [1–5] и реально помогать участвующим в этом сотрудничестве факультетам и кафедрам вузов:

- получать больше бюджетных денег и важные возможности (за счет их более эффективного сотрудничества прежде всего с органами управления их регионов и региональных центров (так как бюджеты у них разные)), лучше используя их потенциал;
- получить новые возможности улучшать обучение и доходы ведущих кадров;
- значительно повысить их роль в решении актуальных проблем их регионов и всегда получать реальную поддержку и одобрение от органов управления всех уровней;
- полезнее сотрудничать с другими вузами, ведущими организациями, фирмами;
- получать новые уникальные бюджетные хоздоговоры с органами управления;

4 – изучить реальные возможности повышения эффективности взаимодействия региональных вузов с органами управления в регионах и безотказные методы обеспечения получения ими дополнительного бюджетного финансирования (по хоздоговорам и другими законными способами) за 3 года выполнения функций внештатного помощника заместителя Главы города Тулы Ю. Ф. Бухтиярова и ученого секретаря Тульского городского научно-технического совета по развитию городского хозяйства, энергосбережению и экологическим проблемам, в том числе участвуя в разработке долгосрочных программ развития города Тулы и в организации международного сотрудничества [1].

Предлагаемое международное сотрудничество имеет 11 важных преимуществ.

1. Его можно быстро начать за счет разработки и подписания эффективного во всех странах «рамочного» договора о сотрудничестве вуза с администрацией региона [4] для повышения эффективности и экономичности комплексного решения важных для них проблем и задач, что создаст для ряда факультетов и кафедр новые возможности [1–5]. Такие «рамочные» договоры о сотрудничестве органов управления с университетами всегда подписывается в регионах их администрация, так как: 1 – они похожи на протоколы о намерениях; 2 – в них нет их конкретных финансовых обязательств [4].

2. Для быстрого начала такого российско-белорусского сотрудничества без долгих переговоров и согласований на первом этапе в нем могут участвовать только три юридических лица: 1 – белорусский университет; 2 – администрация региона (лучше всего в лице регионального органа управления образованием); 3 – тульская фирма, которая будет под научным руководством автора: а – поставлять для внедрения в школах изобретенный нами и использовавшийся автором много лет при обучении студентов [1] портативный учебно-тренировочный комплекс [5]; б – выполнять важные функции,.

Но возможны и варианты, когда заинтересованный в таком международном сотрудничестве университет подберет для участия в нем на основе «рамочного» договора о сотрудничестве [4] другие ведущие организации, что улучшит возможности для него.

Затем можно быстро перейти к следующим трем этапам сотрудничества [1–4]:

– второй этап сотрудничества можно будет уже проводить за счет быстро полученных вузом бюджетных денег (по хоздоговорам с рядом кафедр), обеспечив разработку и выполнение более эффективных региональной и городской программ комплексного решения актуальных проблем, используя имеющийся у автора (разработанный им и успешно применявшийся в городе Туле ряд лет) комплект документов [1];

– на третьем этапе сотрудничества вузы могут обеспечить внесение большого целевого финансирования этого сотрудничества в бюджеты региона и города (даже отдельной строкой!) на много лет, используя безотказный метод обеспечения этого [1–4];

– на четвертом этапе такого сотрудничества можно обеспечить более выгодное участие в государственных и международных программах «пилотных» проектах [1–4].

3. Изучение опыта знаменитых вузов показало [1–4], что после подписания таких «рамочных» договоров о сотрудничестве [4] указанным в них факультетам легче решать свои задачи, получая безотказными методами нужные им новые хоздоговоры.

4. Организация такого российско-белорусского сотрудничества позволит быстро облегчить комплексное и наименее затратное решение не только ряда проблем в системе

«школа-колледж-вуз», но и других проблем, важных для администраций регионов, повышая эффективность использования возможностей участников сотрудничества и заключая хоздоговоры с кафедрами за счет денег, уже имеющихся в бюджетах [1–4].

Поэтому в «рамочных» договорах о таком российско-белорусском сотрудничестве [4] необходимо планировать совместную разработку и реализацию долгосрочной комплексной программы повышения эффективности решения актуальных проблем в системе «школа-колледж-вуз» и ряда других важных для администрации проблем и задач, используя для этого внедрение в школах нового портативного многофункционального учебно-тренировочного комплекса [5] как перспективного современного средства для улучшения обучения по многим предметам и внедрения новых достижений (с участием в его внедрении и дальнейшем совершенствовании многих кафедр вузов) [1–5].

5. Использование новых хоздоговоров кафедр для внедрения в школах и совершенствования учебно-тренировочного комплекса [5] (используя его как эффективное средство улучшения обучения и укрепления связей кафедр с многими школами с регулярным пополнением и обновлением содержащейся в нем информации) сделает сотрудничество кафедр с очень многими школами постоянным и наиболее эффективным.

6. Совместное внедрение в школах (даже в сельских и малокомплектных) портативного учебно-тренировочного комплекса [5] позволит повышать качество обучения по многим предметам самыми эффективными методами, используя максимум визуализации и групповую и индивидуальную работу обучаемых, в том числе улучшая изучение многих видов продукции без расходов для покупки и обновления ее образцов [1–5].

7. Хоздоговоры, которые участвующие в таком сотрудничестве кафедры могут постоянно получать много лет, уникальны по возможностям, так как позволяют [1–4]:

1 – эффективнее привлекать к решению актуальных проблем ведущие кадры;

2 – объединить усилия и возможности ведущих кадров для более комплексного и результативного решения многих важных проблем в системе «школа-колледж-вуз»;

3 – создать и использовать в любых регионах более эффективную систему для обеспечения улучшения обучения, воспитания и профориентации молодежи и быстрого и массового внедрения новых достижений и лучшей продукции без больших затрат;

4 – повысить эффективность использования в регионах части бюджетных денег, выделяемых для школьного образования и решения ряда важных проблем в регионах.

8. Такое международное сотрудничество с использованием лучшего опыта знаменитых университетов может повысить возможности некоторых технических и экономических факультетов и кафедр: 1 – реально участвовать в разработке и реализации различных региональных и городских программ; 2 – повышать конкурентоспособность на рынке образовательных услуг; 3 – улучшать результативность работы кадров [1–4].

9. Возможность быстро и успешно реально обеспечить участие ряда технических, экономических и других факультетов и кафедр региональных вузов в важных региональных, государственных и международных программах и «пилотных» проектах.

10. Сильное повышение результативности образовательной, методической и научно-исследовательской деятельности многих участвующих в сотрудничестве преподавателей за счет использования: 1 – лучшего опыта знаменитых университетов; 2 – образовательных технологий нового поколения; 3 – самых эффективных и современных методов исследований в составе больших коллективов по наиболее актуальной тематике.

11. Такое сотрудничество позволит участвующим в нем факультетам и кафедрам получать недоступные им ранее источники бюджетного финансирования в их регионах и решать экономические и другие проблемы обучения и внедрения новых достижений, используя мировой опыт и деньги, всегда имеющиеся в бюджетах регионов и городов.

Поэтому такое сотрудничество является самым перспективным, реальным и экономически обоснованным способом быстрее, проще и наименее затратно комплексно решать важные проблемы обучения в регионах (при постоянном финансировании хоздоговоров администрации с участвующими в сотрудничестве кафедрами из бюджетов их регионов много лет, в том числе с внесением его в них даже отдельной строкой).

Вышеизложенное доказывает [1–5], что научно обоснованная и подготовленная автором и предлагаемая реальная возможность быстрее, эффективнее и малозатратнее для бюджетов всех уровней комплексно решать многие актуальные проблемы в системе «школа-колледж-вуз» в любых регионах за счет быстрой организации уникального по возможностям многостороннего международного сотрудничества с использованием лучшего опыта знаменитых университетов России и ведущих стран мира является, по-видимому, самым перспективным в современных условиях способом: 1 – улучшать обучение и возможности участвующих в таком сотрудничестве экономических и технических факультетов и кафедр вузов; 2 – быстро создать для них (без дополнительных затрат вузов!) преимущества, которые пока есть только в знаменитых университетах.

Очень большую степень нашей готовности быстро организовать и обеспечивать такое полезное всем многостороннее российско-белорусское сотрудничество без любых расходов участвующих в нем вузов [1–4] подтверждают четыре диплома I, II и III степени, которыми автор награжден в 2023, 2024 и 2025 году на трех «Выставках педагогических инноваций» в Ишимском педагогическом институте им. П. П. Ершова (филиале) Тюменского государственного университета в номинациях «Практический проект преподавателей ВУЗов», «Инженерный проект» и «Лучший практический проект».

Литература

1. Радченко, С. А. Способ улучшать обучение технологии и безопасности жизнедеятельности и профориентацию, используя опыт знаменитых университетов и хоздоговоры кафедр / С. А. Радченко // Технологическое образование: достижения, инновации, перспективы : материалы XXI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2025. – С. 259–268.

2. Радченко, С. А. Мировой опыт улучшения обучения, дающий кафедрам уникальные возможности и бюджетные хоздоговоры, и способ быстро использовать его в любых регионах / С. А. Радченко // Проблемы и перспективы технологического и физико-математического образования в России и за рубежом. – Ишим : ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2025. – С. 227–231.

3. Радченко, С. А. Организационно-экономические возможности использовать международное сотрудничество и лучший мировой опыт для быстрого улучшения обучения и доходов ведущих кадров / С. А. Радченко // Актуальные вопросы экономической науки в XXI веке : междунар. научно-практ. конф. – X чтения, посвященные памяти известного белорусского и российского учёного-экономиста М. В. Научителя : сборник материалов. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – С. 170–174.

4. Радченко, С. А. Многосторонние договора о сотрудничестве – самый быстрый, реальный и малозатратный способ улучшить обучение технологии и доходы вузов и их ведущих кадров, используя лучший мировой опыт / С. А. Радченко // Физико-математическое и технологическое образование: проблемы и перспективы развития : материалы IX Междунар. науч.-метод. конф. – М.: МПГУ, 2023. – С. 215–220.

5. Радченко, С. А. Портативный учебно-тренировочный комплекс для быстрого улучшения обучения, доходов вузов и их ведущих кадров и межрегионального сотрудничества / С. А. Радченко, С. С. Радченко // Проблемы и перспективы технологического и физико-математического образования в России и за рубежом : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. – Ишим : ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2024. – С. 96–103.

*Д. А. Рыбченко**Dimonich89r@yandex.ru**ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь*

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА СССР, США И КНР

В статье проводится сравнительный анализ аграрных реформ, осуществленных в трех различных политико-экономических системах XX века: Новой экономической политики (НЭП) в Советской России, «Нового курса» Франклина Д. Рузвельта в США и политики реформ и открытости Дэн Сяопина в Китае. Рассматриваются предпосылки, ключевые механизмы и результаты преобразований в сельском хозяйстве. Автор приходит к выводу, что, несмотря на кардинальные идеологические различия, все три реформы были вызваны глубоким кризисом в аграрном секторе и основывались на прагматическом подходе, направленном на восстановление индивидуальной хозяйственной инициативы и материальной заинтересованности производителя как ключевого фактора для преодоления кризиса и обеспечения национальной стабильности.

Ключевые слова: аграрный вопрос, НЭП, Новый курс, реформы Дэн Сяопина, сельское хозяйство, крестьянство, продналог, Акт о регулировании сельского хозяйства, система семейной ответственности, экономические реформы.

Двадцатый век стал ареной столкновения великих идеологий и экономических моделей, в центре которого неизменно находился фундаментальный аграрный вопрос. В обществах, где крестьянство составляло подавляющее большинство населения, как в постреволюционной России и коммунистическом Китае, или же являлось важнейшей социально-экономической силой, как в США времен Великой депрессии, состояние сельского хозяйства было прямым индикатором стабильности государства. Глубокий кризис в аграрной сфере, вызванный провальной политикой «военного коммунизма», разрушительным кризисом перепроизводства или последствиями утопических экспериментов «культурной революции», неизбежно становился критической угрозой для самой государственности. В этом контексте сравнительный анализ аграрных преобразований в рамках НЭПа, «Нового курса» и реформ Дэн Сяопина представляет собой уникальную возможность для выявления универсальных принципов антикризисного управления. Несмотря на то, что эти реформы проводились в странах с диаметрально противоположными политическими системами, они демонстрируют поразительное сходство в своей отправной точке: признании невозможности дальнейшего развития без решения крестьянского вопроса и восстановления материального стимула для сельскохозяйственного производителя.

Новая экономическая политика, провозглашенная в марте 1921 года, была не стратегическим выбором, а актом политического выживания. Политика «военного коммунизма», и в особенности продразверстка – система насильственного изъятия всех «излишков» продовольствия, – привела к полному разрушению производственных стимулов, сокращению посевных площадей и массовым крестьянским восстаниям. Как отмечает В. В. Кондрашин, к 1921 году сложилось «глубоко враждебное отношение к власти» крестьянства, что поставило под угрозу само существование советского государства [1]. Ключевой мерой НЭПа стала замена продразверстки фиксированным продналогом. Эта мера была революционной: налог был меньше, объявлялся заранее, а все, что оставалось после его уплаты, поступало в полное распоряжение крестьянина. Это, вместе с разрешением частной торговли и долгосрочной аренды земли, немедленно возродило рыночные отношения и дало мощный толчок восстановлению сельскохозяйственного производства, которое уже к 1925 году достигло

довоенного уровня. Государство, по сути, отступило от прямого насилия, перейдя к экономическому регулированию. Однако этот переход к рынку был далеко не гладким и почти сразу выявил фундаментальное структурное противоречие советской экономики. Промышленность, находившаяся в руках государственных трестов, восстанавливалась медленнее сельского хозяйства и страдала от неэффективности, что вело к высоким ценам на промышленные товары. В то же время быстрый рост сельскохозяйственного производства привел к падению цен на продовольствие. Этот ценовой диспаритет, получивший название «кризис ножниц цен», стал главной экономической проблемой НЭПа. Для крестьянина становилось невыгодно продавать хлеб, чтобы купить плуг или ситец. В ответ деревня начала сокращать товарность, потребляя больше внутри хозяйства и придерживая излишки. Это напрямую угрожало продовольственному снабжению городов и планам индустриализации, которые требовали экспорта зерна для закупки иностранного оборудования. Данный кризис был не просто рыночной флуктуацией, а прямым столкновением интересов аграрного сектора и государственной промышленности. Он обнажил ключевой вопрос, который так и не был решен в рамках НЭПа: как обеспечить накопление капитала для индустриализации, не разрушая при этом хрупкий экономический союз с крестьянством. Однако НЭП породил глубокие внутренние противоречия. «Кризис ножниц цен» 1923 года, когда возник колоссальный диспаритет между дорогими промтоварами и дешевой сельхозпродукцией, угрожал новым разрывом «смычки» города и деревни. Более опасным было идеологическое противоречие: экономическая либерализация привела к социальному расслоению в деревне и появлению зажиточных крестьян («кулаков»), что воспринималось значительной частью партии как реставрация капитализма. Как отмечал А. А. Васильев, в нэповской деревне проявилось сопротивление крестьянства государственным хлебозаготовкам по твердым ценам, что в конечном итоге и стало одной из причин сворачивания политики [5]. Кризисы хлебозаготовок 1927–1928 годов стали для Сталина поводом для окончательного отказа от НЭПа и перехода к насильственной коллективизации. Аграрная реформа, спасшая страну от коллапса, была уничтожена, как только она породила экономические силы, неподконтрольные тоталитарной политической системе.

По другую сторону идеологического спектра, в США «Новый курс» Рузвельта также начался с экстренного решения аграрного кризиса. Американские фермеры страдали от хронического кризиса перепроизводства, усугубленного финансовым коллапсом. Как отмечают А. З. Астапович и Л. М. Григорьев, длительный аграрный кризис начался еще в 1920-х годах, когда послевоенное восстановление Европы обрушило спрос на американское продовольствие [2]. Механизация и долговая нагрузка привели к тому, что к началу 1930-х цены на сельхозпродукцию катастрофически упали. Ситуацию усугубила беспрецедентная экологическая катастрофа – «Пыльный котел» (Dust Bowl), превратившая миллионы акров земли в пустыню и вызвавшая массовую миграцию разоренных фермеров. Ответом администрации Рузвельта стал принятый в мае 1933 года Акт о регулировании сельского хозяйства (AAA). Его механизм был парадоксален, но логичен: главной целью было поднять цены за счет сокращения предложения. Правительство начало выплачивать фермерам прямые субсидии за добровольное сокращение посевных площадей и поголовья скота. Эта политика, хотя и вызывала споры, достигла своей цели: к 1936 году доходы фермеров выросли почти на 50 %. «Новый курс» в деревне был комплексным: создавались корпорации по кредитованию, проводилась электрификация сельских районов, реализовывались программы по сохранению почв. Тем не менее, политика имела и свои противоречия. Субсидии получали в основном землевладельцы, которые, сокращая посевы, массово сгоняли с земель арендаторов и издольщиков, усугубляя их положение. И все же, в целом, «Новый курс» стабилизировал американское фермерство, превратив государство в активное и постоянное регуляторе аграрного рынка.

Спустя полвека Китай под руководством Дэн Сяопина столкнулся с кризисом тотальной неэффективности, порожденным маоистской моделью. Система «народных

коммун», где труд и распределение были полностью обобществлены, уничтожила личную заинтересованность крестьян, что привело к стагнации производства и хронической нехватке продовольствия. Как отмечает В. Я. Портяков, ослабление коллективного сектора стало ключевым элементом рыночной трансформации в КНР [3]. Реформа Дэн Сяопина началась в конце 1970-х годов не сверху, а с инициативы крестьян деревни Сяоган, тайно разделивших общинную землю. Увидев ошеломляющий результат, руководство распространило эту практику под названием «система семейной ответственности» на всю страну. Коммуны были распущены, а земля передавалась в долгосрочную аренду крестьянским семьям. Семья заключала с государством контракт, обязуясь сдать норму продукции по фиксированным ценам, но всеми излишками могла распоряжаться по своему усмотрению, продавая их на свободном рынке. Этот «двухколейный» подход создал мощнейший рыночный стимул. За несколько лет Китай превратился из импортера продовольствия в самодостаточную страну. Колоссальный рост производительности в аграрном секторе высвободил миллионы рабочих рук и капитал, которые стали топливом для бурного роста сельских предприятий (TVEs) и последующей промышленной революции. В отличие от советской модели, китайская индустриализация началась не с выкачивания ресурсов из деревни, а с ее обогащения.

Сравнивая эти три модели, можно выделить общие закономерности. Во-первых, роль государства: в рамках НЭПа оно *отступало*, допуская рынок; в США оно *вмешивалось*, спасая рынок; в Китае оно *оркестрировало* управляемый демонтаж коллективной системы. Однако во всех случаях государство прагматично использовало свои рычаги для создания условий эффективной работы производителя. Во-вторых, роль рынка: в СССР он *создавался* заново, в США *спасался* от коллапса, в Китае *допускался* в плановую экономику. В-третьих, фундаментальной основой успеха стало возвращение к базовой экономической единице: крестьянскому двору, частной ферме, крестьянской семье. Это подтверждает тезис о неэффективности крупных бюрократических структур в сельском хозяйстве. Анализ Н. П. Макарова, противопоставлявшего трудоинтенсивный Китай и капиталоемные США, помогает понять эту логику: реформы Дэна высвободили потенциал первого типа хозяйства, а «Новый курс» спасал второе от кризиса перепроизводства [4]. Наконец, судьба реформ оказалась различной: НЭП был свернут насильственно, политика «Нового курса» институционализировалась, а китайская аграрная реформа стала лишь первым этапом непрерывных преобразований.

Таким образом, аграрный вопрос действительно стал точкой отсчета для трех великих реформаторских проектов XX века. Проведенный анализ показывает, что история этих реформ является триумфом прагматизма над идеологической догмой. Ленин, Рузвельт и Дэн Сяопин продемонстрировали способность пойти наперекор господствующей доктрине ради предотвращения государственного коллапса. Все три случая неопровержимо доказывают, что устойчивое развитие сельского хозяйства невозможно без создания системы, в которой непосредственный производитель напрямую и материально заинтересован в результатах своего труда. Восстановление этой фундаментальной связи между усилием и вознаграждением стало тем «спусковым крючком», который запустил механизм восстановления. Опыт этих реформ демонстрирует сложную диалектическую взаимосвязь между государством и рынком, доказывая, что успех заключается не в выборе между планом и рынком, а в способности найти их оптимальную комбинацию, адекватную текущим задачам. Наконец, урок этих великих аграрных реформ заключается в том, что экономические преобразования неразрывно связаны с глубокими социальными и политическими последствиями. Кратковременность НЭПа, долговечность «Нового курса» и перманентность китайских реформ показывают, что конечная судьба экономических преобразований решается не в полях, а в коридорах власти, и зависит от того, сможет ли политическая система адаптироваться к новой экономической реальности, которую она сама же и породила. Этот урок остается в полной мере актуальным и для вызовов, с которыми мир сталкивается в XXI веке.

Литература

1. Кондрашин, В. В. Политика «лицом к деревне»: был ли потенциал у нэпа в аграрном секторе экономики страны? // Исторический курьер. – 2022. – № 4 (24). – С. 80–92.
2. Астапович, А. З., Григорьев Л. М. Великая депрессия и реформы Ф. Д. Рузвельта: Уроки выхода из кризиса для наших дней // Очерк социально-экономического анализа № 1, департамент мировой экономики НИУ ВШЭ. декабрь 2020 года. – 70 с.
3. Портяков, В. Я. Экономическая реформа в Китае (1979–1999) / РАН. Ин-т Дал. Востока. – М., 2002. – 177 с.
4. Макаров, Н. П. На великом распутье. Опыт сравнительного анализа эволюции сельского хозяйства Китая, Соединенных Штатов Северной Америки, СССР, Западной Европы // Крестьянский интернационал. – 1925. – № 1–2. – С. 61–75.
5. Васильев, А. А. Аграрно-продовольственная политика НЭПовского периода и современность // Вестник СГСЭУ. – 2007. – №5 (19). – С. 130–133.

В. А. Рябченко

va.korzhova.gsu@gmail.com

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Экономическая безопасность – динамическая, многофункциональная система, обеспечивающая устойчивость, суверенитет и развитие национальной экономики. На основе анализа различных подходов выделены восемь ключевых функций: защитная, системообразующая, развивающая, социальная, адаптивная, суверенная, конкурентная и прогностическая. Автор показывает их взаимосвязь и синергию, подчёркивая, что эффективность каждой зависит от сбалансированности всей системы. Статья обосновывает необходимость комплексного, системного подхода к управлению экономической безопасностью, способного обеспечить устойчивое развитие в условиях глобальной неопределённости и геополитических вызовов XXI века.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная экономика, функции безопасности, суверенитет, системный подход.

Экономическая безопасность, являясь одной из ключевых составляющих национальной безопасности государства, представляет собой не статическое состояние защищённости, а динамическую систему, выполняющую совокупность взаимосвязанных функций, направленных на обеспечение устойчивости, суверенитета и развития национальной экономики. Анализ научных подходов к трактовке данного понятия позволяет выделить ряд устойчивых функциональных направлений, которые отражают как защитные, так и стратегически-развивающие аспекты экономической безопасности:

1. Системный подход – акцент на взаимосвязанности всех компонентов экономики и её устойчивости к внешним и внутренним шокам.
2. Государственный и стратегический аспект – ориентация на защиту национальных интересов, суверенитет и независимость экономики.
3. Региональный и территориальный подход – внимание к устойчивости и конкурентоспособности конкретных территорий.
4. Потребностно-ориентированный подход – акцент на удовлетворение потребностей общества, государства и личности, а также на обеспечение благосостояния.
5. Методологический и структурный подход – рассмотрение экономической безопасности как совокупности условий, механизмов и институтов, обеспечивающих устойчивость.

Таким образом, экономическая безопасность представляет собой комплексную категорию, объединяющую элементы устойчивости, уязвимости, стратегического планирования и социальной ответственности. Она не сводится исключительно к военно-политическим или финансовым аспектам, а охватывает весь спектр экономических, социальных и институциональных процессов, влияющих на развитие страны.

Первой и наиболее очевидной функцией экономической безопасности является защитная функция, которая заключается в предотвращении, нейтрализации и минимизации внутренних и внешних угроз, способных подорвать экономическую стабильность и устойчивость государства. Данная функция лежит в основе концептуального понимания безопасности как таковой и проявляется в борьбе с экономическими шоками, финансовыми кризисами, технологическими блокадами, дестабилизацией финансовых рынков и другими формами системного давления. Как отмечает Е. А. Райзберг, объектами защиты выступают не только народное хозяйство в целом, но и отдельные регионы, отрасли, юридические и физические лица как субъекты хозяйственной деятельности [1]. Б. А. Савин подчёркивает,

что экономическая безопасность – это система защиты жизненно важных интересов, включающая механизмы противодействия угрозам [2]. Таким образом, защитная функция реализуется через институциональные, правовые, финансовые и технологические барьеры, призванные обеспечить невосприимчивость экономики к деструктивным воздействиям. Она особенно актуальна в условиях геополитической напряжённости, когда экономика становится полем санкционного и информационного противоборства.

Вторая функция – системообразующая (интегративная) – направлена на координацию и согласование различных подсистем экономики: производственной, финансовой, технологической, институциональной и организационной. Эта функция обеспечивает внутреннюю согласованность экономических процессов и предотвращает их распад на автономные, плохо управляемые сектора. М. Арсентьев указывает, что экономическая безопасность основывается на слаженной работе таких элементов, как правовая база, кредитно-финансовая система, технологический потенциал и организационные нормы, формирующие благоприятную среду функционирования экономики на всех уровнях – от регионального до международного [3]. Без эффективного взаимодействия этих компонентов невозможно говорить о реальной устойчивости. Систообразующая функция проявляется в единой налоговой политике, стандартизации регуляторной среды, развитии межрегиональных связей и формировании национального экономического пространства, способного к саморегуляции и самоорганизации.

Третьей значимой функцией является развивающая, ориентированная на обеспечение динамичного, инновационного и социально ориентированного экономического роста. В отличие от чисто оборонительных функций, данная функция носит активный характер и направлена на формирование условий для качественного развития. Л. И. Абалкин рассматривает экономическую безопасность как состояние, при котором экономика способна решать социальные задачи и реализовывать государственные цели, что предполагает не просто сохранение текущего положения, но и его преодоление [4]. Развивающая функция реализуется через поддержку научно-технического прогресса, развитие человеческого капитала, внедрение передовых технологий и создание инновационной инфраструктуры.

Четвёртая функция – социальная – отражает заботу государства о благосостоянии населения и предотвращении кризисов, вызванных экономическими колебаниями. Экономическая безопасность теряет смысл, если она не обеспечивает защиту интересов большинства граждан. Социальная функция проявляется в поддержке доходов населения, доступности жилья и медицинской помощи, трудоустройстве, пенсионной системе и других элементах социальной стабильности. Её нарушение может привести к росту социальной напряжённости, массовым протестам и утрате легитимности власти, что, в свою очередь, создаёт новые экономические риски.

Пятая функция – адаптивная – связана со способностью экономики быстро реагировать на изменения внешней среды, включая кризисы, санкции, технологические сдвиги и глобальные макроэкономические тренды. С. А. Афонасьев прямо формулирует эту функцию, определяя экономическую безопасность как способность противостоять шокам и адаптироваться к новым условиям [3]. Адаптивность предполагает наличие гибких механизмов управления, оперативного принятия решений, перераспределения ресурсов и корректировки стратегических курсов. Она особенно важна в условиях высокой неопределённости, когда прогнозирование становится затруднительным, а эффективность зависит от скорости и качества реакции.

Шестая функция – суверенная – направлена на обеспечение независимости государства в принятии экономических решений, исключающей внешнее давление и зависимость от иностранных источников сырья, технологий или финансирования. Е. А. Олейников подчёркивает, что экономическая безопасность – это возможность существования без внешнего давления и внутренней нестабильности, при которой страна самостоятельно

определяет пути своего развития [3]. Суверенная функция реализуется через импортозамещение, развитие собственных технологических платформ, диверсификацию внешне-экономических связей и формирование внутреннего спроса.

Седьмая функция – конкурентная – предполагает обеспечение способности национальной экономики успешно конкурировать на внутреннем и международном рынках. Конкурентная функция включает поддержку экспорта, повышение качества продукции, развитие брендинга, инвестиции в инновации и создание благоприятного бизнес-климата. Без конкурентоспособности невозможно достичь устойчивого роста и привлечения инвестиций.

Наконец, восьмая функция – прогностическая – связана с мониторингом, анализом и прогнозированием экономических рисков и угроз. Она обеспечивает проактивный характер политики безопасности, позволяя принимать решения до наступления кризисных ситуаций.

Функции экономической безопасности не существуют изолированно – они образуют единую, динамическую и саморегулирующуюся систему, в которой каждая функция взаимодействует с другими, усиливая или компенсируя их действие. Эффективность реализации одной функции напрямую зависит от степени выполнения других, а нарушение баланса между ними может привести к системным сбоям в функционировании всей экономики. Таким образом, взаимосвязь функций является не просто дополнительной характеристикой, а неотъемлемым условием устойчивости и жизнеспособности национальной экономики.

Наиболее наглядно взаимодействие функций проявляется в синергетическом эффекте, когда совместное действие нескольких функций порождает результат, превышающий сумму их индивидуальных вкладов. Например, развивающая функция (ориентированная на рост, модернизацию и инновации) не может быть реализована без поддержки суверенной функции, обеспечивающей технологическую независимость, и системообразующей функции, которая координирует научные, производственные и финансовые потоки. В условиях внешних ограничений (санкции, технологическая блокада) даже высокий потенциал развития может оказаться нереализованным, если отсутствует стратегическая автономия. Наоборот, наличие суверенитета без инвестиций в развитие приводит к технологическому застою и снижению конкурентоспособности.

Особую значимость приобретает связь между социальной и защитной функциями. Защитная функция направлена на минимизацию угроз, но её успешность оценивается не только по уровню предотвращённых кризисов, а по тем последствиям, которые эти кризисы имели бы для населения. Социальная функция обеспечивает «амортизатор» для шоков – она смягчает последствия экономических спадов, девальваций, роста цен и потерь рабочих мест. Без эффективной социальной политики даже успешно отражённая внешняя угроза может вызвать внутреннюю дестабилизацию. И наоборот, высокий уровень социальной защищённости возможен только при условии устойчивого финансирования, которое обеспечивается защитой бюджетных и налоговых систем от деструктивных воздействий.

Адаптивная функция, отражающая способность экономики к гибкому реагированию, тесно переплетается с прогностической функцией. Последняя выступает как основа для адаптации: чем точнее прогнозируется угроза, тем эффективнее могут быть разработаны механизмы её нейтрализации. Однако прогнозы сами по себе не решают проблем – они требуют оперативного включения адаптивных механизмов: изменения монетарной политики, перераспределения ресурсов, корректировки внешнеэкономических связей. Таким образом, прогностическая функция обеспечивает информированность, а адаптивная – оперативность управления. Их взаимодействие позволяет переходить от реактивного к проактивному управлению рисками.

Не менее важна связь между конкурентной и развивающей функциями. Конкурентоспособность современной экономики всё больше определяется не факторами дешёвой рабочей силы или природных ресурсов, а уровнем технологического развития, качеством человеческого капитала и инновационной активностью. Развивающая функция создаёт основу для повышения конкурентоспособности через модернизацию производства, внедрение цифровых технологий и развитие научного потенциала. В свою очередь,

конкурентная среда стимулирует развитие – компании, стремящиеся сохранить свои позиции на рынке, вынуждены инвестировать в инновации, что создаёт положительную обратную связь. Однако эта связка работает только при условии поддержки со стороны системообразующей функции, которая обеспечивает единые правила игры, доступ к финансированию и защиту интеллектуальной собственности.

Особое место в системе занимает суверенная функция, которая выступает как своего рода «фундамент», на котором строятся все остальные. Без стратегической автономии – в технологиях, энергетике, финансах – невозможно гарантировать устойчивость ни одной из функций. Зависимость от внешних источников сырья, оборудования или капитала делает экономику уязвимой к геополитическим колебаниям. Суверенитет, в свою очередь, не может быть достигнут без реализации развивающей, адаптивной и системообразующей функций, поскольку он требует создания собственных производственных цепочек, научно-технологической базы и устойчивой внутренней экономической среды.

Наконец, защитная функция выполняет роль «оболочки» системы, обеспечивая её целостность. Она активизируется в периоды кризисов, но при этом постоянно взаимодействует с другими функциями: использует данные прогностической функции, опирается на механизмы адаптивной, полагается на устойчивость, созданную социальной и конкурентной функциями. При этом чрезмерное доминирование защитной функции (например, через жёсткие административные ограничения, изоляцию от мировой экономики) может подавлять развивающую и конкурентную функции, что в долгосрочной перспективе снижает общую безопасность.

Таким образом, функции экономической безопасности образуют многоуровневую, взаимосвязанную систему, в которой каждая функция играет свою роль, но ни одна не может быть эффективной в изоляции.

Литература

1. Райзберг, Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – М., 2006. – 494 с.
2. Савин, В. А. Некоторые аспекты экономической безопасности России // Международный бизнес России. – 1995. – № 9. – С. 14–16.
3. Орлова, А. В. Эволюция понятия «Экономическая безопасность» // Экономика. Информатика. – 2012. – № 19-1 (138). – С. 24–31.
4. Абалкин, Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 3–15.

Ф. А. Хасанов

farruhjon@list.ru

ГУ «Худжандский международный институт» МУТТИТ, Республика Таджикистан

ПРОТИВОРЕЧИЕ «СВОБОДЫ» И «РЕГУЛИРОВАНИЯ» В НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В статье исследуется сущность противоречия между категориями «свобода» и «регулирование» в рамках неolibеральной методологии. Анализируются философские и экономические основания этого дуализма, его влияние на трансформацию классического либерализма и формирование новой парадигмы – «неolibерализма второго поколения». Рассматриваются институциональные механизмы согласования рыночных и государственных начал, проявляющиеся в современных регулируемых экономиках, в том числе в Республике Таджикистан. Предложен авторский подход к определению понятия «регулируемая свобода» как системного принципа устойчивого развития.

Ключевые слова: неolibерализм, свобода, регулирование, рынок, государство, институционализм, методология, социальная ответственность.

Проблема соотношения свободы и регулирования является одной из центральных в экономической теории с эпохи классического либерализма. Ещё А. Смит и Д. Рикардо рассматривали свободу предпринимательской инициативы как естественное условие прогресса. Однако последующие кризисы XIX–XX вв. показали, что стихийные рыночные силы не способны самостоятельно обеспечивать равновесие и социальную справедливость [1, с. 42].

Появление неolibерализма в 1930–1950-е гг. было попыткой обновить классические принципы либерализма с учётом необходимости институциональной рамки. Ф. Хайек, Л. фон Мизес и позднее М. Фридман предложили модель, в которой государство играет вспомогательную, но не пассивную роль – оно должно создавать условия для саморегуляции рынка, обеспечивая стабильность институтов, защиту собственности и конкуренцию.

Эта теоретическая база сформировала основу неolibерального мировоззрения, но уже в конце XX в. оно столкнулось с противоречием: свобода как абсолютная категория вступила в конфликт с глобальными рисками, цифровой зависимостью и социальным неравенством. Возникла потребность в новом неolibерализме, который совмещает индивидуальную автономию и общественное регулирование.

Современный неolibерализм базируется на диалектическом взаимодействии двух противоположностей – свободы и государственного контроля. Методологический дуализм проявляется в том, что регулирование рассматривается не как антипод, а как условие реализации свободы.

Свобода без институциональных ограничителей превращается в анархию, а чрезмерное регулирование – в бюрократизм и подавление инициативы. Поэтому главная задача нового неolibерализма – найти «точку равновесия», при которой рынок функционирует свободно, но в рамках прозрачных правил.

Этот подход проявляется в переходе от доктрины *laissez-faire* к концепции «умного регулирования» (*smart regulation*), где государство выполняет роль координатора, модератора и партнёра. Оно формирует правила взаимодействия, стимулирует инновации, но не заменяет собой рынок [2, с. 89].

В методологическом плане это выражается в трёх принципах:

1. Субсидиарность – вмешательство государства допустимо только при неэффективности частных институтов;

2. Институциональная автономия – сохранение самоуправления рыночных акторов при надзоре государства;

3. Регуляторная гибкость – адаптация норм к изменяющимся условиям глобальной экономики.

Противоречие свободы и регулирования имеет множество практических проявлений. В странах с развитой рыночной системой оно выражается через баланс фискальной и монетарной политики, а в развивающихся экономиках – через сочетание рыночных реформ и государственного планирования.

В современных условиях наблюдается переход от прямого администрирования к регуляторным платформам – цифровым и правовым механизмам контроля. Государство выступает архитектором правил, а не участником конкуренции. Такая модель формирует «управляемую рыночную среду», где контроль не уничтожает свободу, а структурирует её.

Примером служат антимонопольные органы, независимые финансовые регуляторы, институты оценки регулирующего воздействия. Они не подавляют рынок, а предотвращают злоупотребления и снижают трансакционные издержки [3, с. 73].

Кроме того, неолиберальная методология активно использует публично-частное партнёрство, концессии, гибкие налоговые стимулы, что позволяет гармонизировать интересы бизнеса и государства. Эти инструменты отражают тенденцию перехода от вертикальных форм управления к горизонтальным сетевым структурам регулирования.

С философской точки зрения, противоречие «свободы» и «регулирования» отражает эволюцию представлений о человеке как о социальном существе. Если классический либерализм рассматривал индивида как автономного агента, то современная наука утверждает приоритет социальной ответственности личности.

В этом контексте «свобода» понимается не как отсутствие ограничений, а как осознанная возможность действовать в интересах общества. Такое понимание близко к концепции «позитивной свободы» И. Берлина и этическому подходу А. Сена, связывающему свободу с расширением человеческих возможностей.

Неолиберализм нового типа стремится соединить эти принципы, рассматривая регулирование как средство институционализации моральных норм. Государство становится не репрессивным инструментом, а гарантом справедливости и доверия, создающим среду, где индивидуальная инициатива получает социальное измерение [4, с. 115].

Такой подход особенно актуален для постсоциалистических стран, где процесс рыночных реформ требует баланса между либерализацией и сохранением общественных ориентиров.

В Республике Таджикистан формируется модель регулируемого рынка, сочетающая элементы либеральной политики и государственное участие в стратегических секторах. Программы поддержки предпринимательства, цифровизации финансовых услуг, внедрение механизмов налогового администрирования и аудита создают новые формы взаимодействия государства и бизнеса.

Регулируемая свобода проявляется через:

- развитие банковской системы при надзоре Национального банка;
- поддержку инноваций и стартапов при сохранении рыночных принципов конкуренции;
- формирование электронных платформ открытого бюджета и госзакупок.

Таким образом, таджикская модель демонстрирует переход от директивного управления к институциональной координации – ключевому признаку нового неолиберализма. Она опирается на интеграцию национальной специфики и глобальных принципов рыночной рациональности [5, с. 78].

Противоречие «свободы» и «регулирования» в неолиберальной методологии является не слабостью, а источником её эволюции. Современный неолиберализм представляет собой систему сбалансированной взаимозависимости государства и рынка, где регулирование создаёт пространство для свободной, но ответственной экономической активности.

Методология нового неолиберализма основывается на идее регулируемой свободы – синтеза рыночного самоуправления и институциональной ответственности. Для регулируемых экономик Таджикистана этот подход является особенно ценным: он обеспечивает устойчивость, снижает социальные риски и формирует долгосрочные стимулы инновационного роста.

Будущее экономической теории, вероятно, будет связано именно с развитием моделей «гибкого неолиберализма», где свобода и регулирование рассматриваются не как противоположности, а как элементы единой институциональной экосистемы.

Литература

1. Friedman M. Capitalism and Freedom. – Chicago: University of Chicago Press, 2002. – 212 p.
2. Hayek F. The Constitution of Liberty. – London: Routledge, 2011. – 576 p.
3. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. – New York: W. W. Norton, 2003. – 288 p.
4. Полтерович В. Механизмы координации в регулируемой экономике. – М.: Наука, 2018. – 240 с.
5. Хасанов, Ф. А. Неолиберальная парадигма в регулируемых экономиках Центральной Азии // Региональная экономика и инновации. – 2024. – № 3. – С. 74–83.

He Zheng

hez980420@gmail.com

Francisk Skorina Gomel State University, Republic of Belarus

AN ANALYSIS OF CURRENT ISSUES AND PATHS FOR ECONOMIC INTEGRATION AMONG CHINA, RUSSIA AND REPUBLIC BELARUS

Economic integration among China, Russia, and Belarus continues to advance within a strategic framework. However, this process faces significant structural challenges across key areas. Differences in trade settlement, infrastructure standards, and industrial coordination constrain deeper cooperation. Furthermore, Western sanctions exacerbate these issues by disrupting payment channels and supply chains.

Key words: Sanctions constraints, differences in standards, settlement barriers, lack of coordination, and strategic breakthroughs

Хэ Чжэн

hez980420@gmail.com

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

АНАЛИЗ ТЕКУЩИХ ПРОБЛЕМ И ПУТЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ МЕЖДУ КИТАЕМ, РОССИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ

Экономическая интеграция между Китаем, Россией и Беларусью продолжает развиваться в рамках стратегического подхода. Однако этот процесс сталкивается со значительными структурными проблемами в ключевых областях. Различия в торговых расчетах, стандартах инфраструктуры и отраслевой координации ограничивают углубление сотрудничества. Кроме того, западные санкции усугубляют эти проблемы, нарушая платежные каналы и цепочки поставок.

Ключевые слова: санкционные ограничения, различия в стандартах, барьеры для расчетов, отсутствие координации, стратегические прорывы.

1. Structural Imbalances and Industrial Collaboration Challenges

Although trilateral trade has shown growth since Western sanctions were implemented, the problem of a homogenous product mix remains a significant constraint on the sustainability of integration (table 1). China's exports to Russia and Belarus primarily consist of mechanical and electrical products, consumer goods, and high-end equipment, while imports from both countries are heavily concentrated in energy, raw materials, and primary processed goods. This long-standing “manufactured goods-resources” exchange model has resulted in insufficient integration of the industrial chain.

For example, in Belarus, while Chinese investment has entered areas such as automotive manufacturing (such as the joint venture between Geely and BELGEE) and electronics, the transfer of key technologies and localized production have been limited, failing to fundamentally transform the country's dependent economic structure.

Table 1 – Changes in Trilateral Trade Structure among China, Russia, and Belarus (2021–2023, Unit: USD Billion) [1]

Trade Category	2021	2022	2023	Main Characteristics
China's Exports to Russia	54.14	76.12	89.05	Mainly machinery, electronics, vehicles, consumer goods
China's Imports from Russia	79.32	114.15	129.32	Crude oil, natural gas, minerals (> 75 %)
China's Exports to Belarus	1.83	2.56	3.12	Industrial components, electronic products
China's Imports from Belarus	0.87	1.12	1.35	Potash fertilizer, agricultural products, metallurgical goods
Russia-Belarus Bilateral Trade	34.96	31.58	28.54	Energy, food products, machinery

Although Russia and Belarus share a highly integrated union state framework, there is potential competition in their respective industrial positioning when it comes to the Chinese market. Belarus hopes to leverage Chinese capital to upgrade its traditionally advantageous industries, such as machinery manufacturing and chemicals, while Russia is more focused on maintaining its industrial dominance in Central Asia and Eurasia. This divergence in positioning can easily lead to resource competition when specific projects are implemented. For example, during the construction of transit logistics hubs and the promotion of industrial park investment, the three parties struggle to establish a unified industrial division of labor. Furthermore, the three countries' technical standards and certification systems are incompatible. For example, differences exist in industrial product access between China's GB standard, Russia's GOST-R, and Belarus's STB, increasing trade and investment costs and inhibiting the participation of small and medium-sized enterprises.

2. Supply Chain and Financial Payment Challenges Under the Shadow of Sanctions
Following the escalation of the Ukrainian crisis in 2022, the West imposed multiple rounds of extreme sanctions on Russia and Belarus, affecting key sectors such as energy, finance, technology, and logistics, severely impacting traditional channels for trilateral economic integration. Regarding the supply chain, Russia and Belarus' previous reliance on Europe for precision instruments, industrial components, and technology has been hampered. While some sourcing has shifted to China, Chinese products still cannot fully replace Western technology in certain areas (such as semiconductors and high-end machine tools), putting the Russian and Belarusian industrial systems at risk of technological degradation [2, p. 322].

Table 2 – Impact of Western Sanctions on Key Areas of Trilateral Economic Integration

Affected Area	Sanction Measures	Impact on Integration	Effectiveness of Countermeasures
1	2	3	4
Financial Payments	Exclusion from SWIFT, Asset Freezes	Share of local currency settlements rose to ~58 %, but efficiency decreased	Limited CIPS coverage, frequent settlement delays
Energy Cooperation	Price Caps, Investment Bans	China-Russia oil/gas transactions shifted to Asian currencies	Unstable payment channels, high contract execution risks

The ending of the table 2

1	2	3	4
Technology Trade	High-end Chip Embargoes, Equipment Export Controls	Industrial modernization in Russia/Belarus hindered	Chinese alternatives partially meet mid-to-low-end demand
Logistics & Transport	Closed Routes, Insurance Bans	Transportation costs increased by 30–50 %	China-Europe Railway Express capacity expanded, Arctic route developed
Investment Cooperation	Project Financing Restrictions, Secondary Sanctions Risks	Slow progress on major trilateral projects	Increase in direct investment in local currencies, but scale remains limited

The most pressing obstacle currently is the fragmentation of the financial payment system. Russia and Belarus are excluded from the SWIFT system, and settlement channels for US dollars and euros are essentially closed. Although the three countries have promoted settlement in local currencies (such as the RMB and the ruble), the actual scale is limited. The coverage and clearing efficiency of the RMB Cross-Border Interbank Payment System (CIPS) in Russia and Belarus are insufficient to support large-scale trade. Chinese companies remain cautious about conducting large-scale transactions with their Russian and Belarusian partners due to concerns about secondary sanctions. Furthermore, weak cooperation among the three countries in insurance, credit, and investment guarantees leads to high project financing costs. For example, new companies in the China-Belarus Industrial Park face financing difficulties, and Sino-Russian energy cooperation projects have repeatedly encountered negotiation deadlocks due to payment delays. While de-Westernization of financial infrastructure is a long-term goal, it is difficult to offset the negative impact of the systemic fragmentation in the short term.

3. Overlapping Institutions and Misaligned Strategic Priorities

China, Russia, and Belarus belong to different integration mechanisms: China uses the Belt and Road Initiative as its core platform, Russia leads the Eurasian Economic Union, and Russia and Belarus have established a union state. These mechanisms overlap and even conflict in terms of rules, tariffs, and regulations, leading to inefficient cooperation. For example, although China and the EAEU signed an economic and trade cooperation agreement in 2018, the content is largely principled and lacks detailed institutional arrangements in specific areas such as e-commerce, intellectual property rights, and labor mobility. Belarus, as a small economy, attempts to serve as a «bridge» between the two major powers, but its limited market size and bargaining power often force it to choose sides in key negotiations.

There are also subtle differences in the strategic goals of the three parties. China, in promoting integration, prioritizes resource security, channel development, and the export of excess capacity, emphasizing “economic rationality” Russia, on the other hand, views economic integration as a tool to maintain its “Greater Eurasia” geopolitical strategy and prefers to consolidate its dominance through collective security and economic ties. Belarus, with «survival and development» as its core concern, seeks to gain more economic aid and market access by playing both sides. This misalignment of priorities is evident in specific projects: for example, in the planning of the China-Central Asia-West Asia Economic Corridor, Russia expressed reservations about the participation of non-EAEU members. Furthermore, in Belarus’s potash fertilizer and sugar exports, Chinese market demand and Russian agricultural product protection policies have also created friction. The lack of a high-level coordination mechanism beyond bilateral cooperation has made trilateral integration prone to becoming mere “sloganistic cooperation” making it difficult to forge a unified policy synergy [3, p. 132].

4. A Deteriorating External Environment and the Dilemma of Trust-Building

The West views trilateral cooperation between China, Russia, and Belarus as an “axis of authoritarianism” and has countered it through initiatives such as the Indo-European Economic Corridor [4, p. 8]. This has resulted in trilateral integration being overly geopolitically tinged, exacerbating the risk of international isolation. Against this backdrop, businesses participating in cooperation must assess political risks in addition to economic considerations. For example, Chinese technology companies investing in Russia and Belarus face the potential threat of US “long-arm jurisdiction” forcing them to strike a difficult balance between market opportunities and global compliance.

Furthermore, the perceived differences and trust deficits within the three societies cannot be ignored. Some Russian elites are wary of China’s economic expansion and worry about the “Sinicization” of the Far East and Siberia. Meanwhile, Chinese companies have complained about the policy volatility and low ease of doing business in the Russian and Belarusian markets. Belarus, in turn, fears being relegated from a “bridge” to a “vassal” in trilateral cooperation. If these perceived contradictions are not resolved through cultural exchanges, transparent rules, and benefit-sharing mechanisms, they will undermine the social foundations of integration.

References

1. General Administration of Customs of China.
2. Connolly, R. (2022). “Russia’s War in Ukraine and Its Impact on Economic Integration in the Post-Soviet Space”.
3. Kaczmarek, M. (2022). “The Eurasian Economic Union and the Belt and Road Initiative: The Dilemmas of Inter-Regional Cooperation”.
4. Gabuev, A. (2023). “The Sanctions War and the Making of a New Sino-Russian Partnership”.

УДК 339.138

Ю. Е. Анкинович

ankinovich1@gmail.com

Д. А. Вечерская

БГЭУ, Республика Беларусь

РОЛЬ МАРКЕТИНГА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РОСТА ИНДЕКСА СЧАСТЬЯ

В настоящее время ресурсы и возможности государств направлены на обеспечение роста валового внутреннего продукта. В качестве факторов, косвенно влияющих на рост ВВП, Всемирный банк выделяет Индекс счастья. Высокие социальные стандарты, экологическая безопасность, здоровье населения являются императивами обеспечения роста экономики. В данной взаимосвязи несомненна роль маркетинга, как инструмента удовлетворения потребностей потребителей и, следовательно, роста высокого уровня психологической устойчивости и эмоциональной вовлеченности. Обоснованию направления маркетингового обеспечения роста Индекса счастья посвящена данная статья.

Ключевые слова: экономика, развитие, маркетинг, индекс счастья, удовлетворенность, ценность.

Основным индикатором развития экономики традиционно является ВВП. Он обеспечивается объективными финансово-экономическими показателями и свидетельствует о состоянии экономики. Всемирный банк ежегодно проводит мониторинг мирового развития на основе различных показателей, одним из которых является Индекс счастья. Существует мнение о том, что чем выше индекс счастья в стране, тем больше вероятность роста ее ВВП. В данной взаимосвязи одним из факторов может выступить маркетинг, как индикатор, обеспечивающий рост счастья потребителей. Обоснованию маркетинга как императива повышения Индекса счастья и соответственно роста ВВП посвящена данная статья.

Согласно методике по расчету валового внутреннего продукта Национального статистического комитета ВВП в основных ценах – сумма валовых добавленных стоимостей видов экономической деятельности. В свою очередь, валовая добавленная стоимость – разность между выпуском и промежуточным потреблением [1]. В целом, ВВП – это агрегированный показатель, отражающий объем произведённых товаров и услуг. Он широко используется для оценки экономического роста.

ВВП является четко выстроенным экономическим показателем. Он напрямую не учитывает все факторы, оказывающие влияние на благосостояния населения: экологические последствия, уровень социальной сплоченности, психологический климат. Отсутствие учета культурных и психологических факторов создает барьеры для объективной оценки благосостояния страны.

Индекс счастья – это показатель, измеряющий степень удовлетворенности населения собственной жизнью, степень благополучия населения стран в целом. Данный показатель отражает эмоциональную наполненность экономических величин. Индекс счастья (или субъективного благополучия) включает такие параметры, как удовлетворённость жизнью, уровень доверия, качество социальных связей, здоровье и экологическая устойчивость [2].

Исследования показывают, что после определённого порога роста ВВП, дальнейшее увеличение не приводит к росту счастья. В странах с высоким ВВП, таких как США или Япония, уровень счастья может быть ниже, чем в странах с умеренным доходом, но развитой социальной политикой (например, Финляндия) [2]. Напрашивается вывод

о том, что ощущение счастья физического лица зависит не только от уровня дохода и экономических показателей, но также от качества социальной поддержки, состояния окружающей среды, внутренних особенностей личности индивида.

Рассмотрим взаимосвязь экономического роста и субъективного благополучия населения на примерах стран Северной Европы. Финляндия, Дания и Нидерланды – страны с высоким ВВП, устойчивым индексом счастья и развитой маркетинговой культурой, ориентированной на ценности, устойчивость и качество жизни.

Из таблицы 1 видно, что в странах со стабильным ВВП на душу населения высокий уровень счастья. За 2024 год по индексу счастья Финляндия занимает 1 место. Дания и Финляндия имеют практически идентичный по расчету на душу населения ВВП и занимают первые два места в рейтинге счастья, при этом Финляндия лидирует с индексом 7.8. Нидерланды также имеют высокий ВВП (58 тыс. USD), но их индекс счастья несколько ниже – 7.5, и страна занимает 5-е место в рейтинге. Это показывает, что высокий уровень экономического развития способствует благополучию граждан, но не всегда означает высокие позиции в рейтинге счастья. Отобразим на диаграмме тенденции изменения ВВП и Индекса счастья. Добавление двух стран, Швеции и Германии, было сделано, чтобы расширить исследуемую выборку и получить более полное представление о взаимосвязи между ВВП на душу населения и индексом счастья в странах с похожими показателями. Эти две страны были выбраны с учетом их схожих уровней ВВП и индекса счастья, чтобы сделать анализ более обоснованным и убедительным.

Таблица 1 – Сравнение ВВП и Индекса счастья за 2024 год

Страна	ВВП на душу населения (тыс. USD)	Индекс счастья (0–10)	Место в рейтинге по Индексу счастья
Финляндия	55	7.8	1
Дания	60	7.6	2
Нидерланды	58	7.5	5
Примечание: источник – составлено по данным [2, 3]			

График демонстрирует взаимосвязь между ВВП на душу населения и индексом счастья в нескольких странах. На рисунке 1 видно, что в странах с более высоким ВВП наблюдается тенденция к высокому уровню счастья, что подтверждает взаимосвязь между экономическим благополучием и уровнем жизни. Коэффициент корреляции между данными показателями стремится к единице. Однако колебания в показателях подчеркивают наличие других факторов, помимо экономических, влияющих на восприятие счастья.

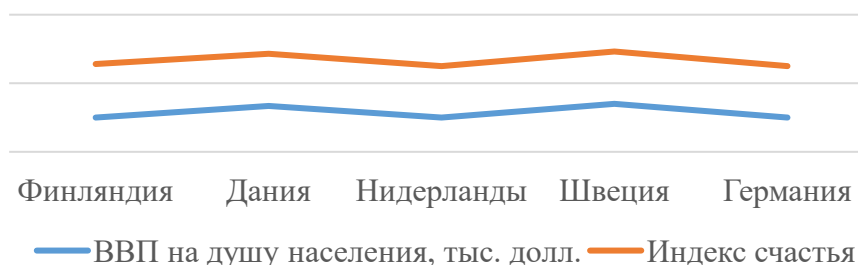


Рисунок 1 – Тенденции изменения ВВП и Индекса счастья стран за 2024 г.
Источник: составлено по данным [2, 3]

В данном контексте уместно обратиться к маркетингу, основным принципом которого является ориентация на удовлетворение потребностей потребителя [4, с. 16]. Через удовлетворение потребностей человек ощущает удовлетворенность – чувство,

дающее ощущение гармонии и счастья. Процесс получения удовлетворенности, выгоды от применения продуктов или услуг связан с понятием ценности в маркетинге. Ценность продукта определяется как совокупность параметров и свойств товара, которые являются определяющими в глазах клиента, включая функциональную, эмоциональную и социальную составляющие. Клиенты покупают не сам продукт, а ту выгоду, которую он им приносит, поэтому маркетинг заключается в том, чтобы донести до покупателя, как товар или услуга решит его задачи и удовлетворит его потребности [4, с. 39]. Следовательно, маркетинг следует рассматривать как инструмент достижения высокой степени удовлетворенности вне зависимости от совокупности величины потребляемого блага. То есть маркетинг при условии его профессионального применения может способствовать росту индекса счастья и соответственно росту ВВП.

Рассмотрим утверждение с другого аспекта. Мы пришли к выводу, что уровень ВВП отражает объём материальных благ, но не учитывает распределение доходов, экологические и социальные факторы. Индекс счастья включает в себя такие компоненты, как удовлетворённость жизнью, уровень стресса и доверие в обществе. Маркетинг может повлиять на индекс счастья в следующих направлениях:

- формирование ожиданий и ценностей потребителей;
- поддержка социальных связей и эмоционального отклика на бренд.

Современный маркетинг выполняет не только функцию продвижения товаров и услуг, но и играет ключевую роль в трансформации экономических показателей в реальные социальные эффекты. В условиях, когда рост ВВП сам по себе не гарантирует повышение уровня счастья населения, маркетинг становится связующим звеном между макроэкономическими процессами и индивидуальным восприятием качества жизни.

Во-первых, маркетинг формирует потребительские ожидания и ценностные ориентиры. Цель маркетинга – влиять на решение о покупках [5, с. 4]. Через рекламу, брендинг и коммуникативные стратегии он задаёт стандарты и стереотипы комфорта, благополучия. Безопасность, здоровье, социальный статус – основные параметры, составляющих жизнь индивида. Эти стандарты, в свою очередь, влияют на то, как люди оценивают своё благополучие.

Во-вторых, маркетинг способен усиливать социальную сплочённость и доверие. Кампании, ориентированные на ценности устойчивого развития и заботы о благополучии, формируют позитивные социальные установки и укрепляют ощущение принадлежности к сообществу.

В условиях постиндустриальной экономики, где материальные показатели всё чаще уступают место нематериальным аспектам качества жизни, маркетинг приобретает функцию связующего звена между макроэкономическим развитием и субъективным ощущением благополучия.

Маркетинг выполняет когнитивную функцию, формируя представления потребителей о ценности товаров и услуг не только в утилитарном, но и в символическом и эмоциональном измерениях. Через стратегическую коммуникацию маркетинг способствует интерпретации экономического роста как улучшения индивидуального качества жизни, снижая диссонанс между агрегированными макропоказателями (это и есть взаимосвязь с ВВП) и субъективной удовлетворённостью. В таблице 2 рассмотрим особенности маркетинга и выделим его основные функции по странам.

Таблица 2 – Маркетинговые подходы и их социальные функции

Страна	Ключевые маркетинговые подходы	Функции
1	2	3
Финляндия	Экологичный брендинг, сторителлинг о природе и равенстве, slow-tourизм	Усиление чувства устойчивости, спокойствия и личной ценности

Окончание таблицы 1

1	2	3
Дания	Продвижение концепции hygge, эмоциональный маркетинг, семейные ценности	Формирование уюта, социальной сплочённости и доверия
Нидерланды	Инклюзивный маркетинг, акцент на устойчивое потребление, поддержка work-life balance	Снижение стресса, рост доверия, согласование потребления с ценностями
Примечание: источник – разработано авторами		

Финляндия, Дания и Нидерланды демонстрируют, что устойчиво высокий уровень ВВП и субъективного благополучия населения – это не просто результат экономической политики, но и следствие глубоко интегрированных маркетинговых стратегий, ориентированных на ценности, устойчивость и качество жизни. Их опыт позволяет рассматривать маркетинг не только как коммерческий механизм, но и как культурный посредник, способный трансформировать экономический рост в социально значимые показатели.

Как уже говорилось, маркетинговые стратегии стран с высоким уровнем ВВП и счастья играют значительную роль в формировании не только экономического благосостояния, но и в создании благоприятной социальной атмосферы, что, в свою очередь, влияет на субъективное благополучие граждан. Финляндия, Дания и Нидерланды представляют собой яркие примеры того, как маркетинг может быть использован для трансформации экономического роста в социально значимые показатели, улучшая качество жизни и повышая уровень счастья. Нельзя не учесть тенденцию последнего десятилетия – эмоциональный брендинг. Создание эмоциональных связей через сторителлинг и социальные кампании усиливает чувство принадлежности и поддерживает социальную сплочённость, один из факторов счастья. В Дании активно используется стратегия, основанная на концепции “hygge” – ощущении уюта, тепла и взаимопонимания в семье, что является важным аспектом датской культуры. Эта маркетинговая тактика направлена не только на продвижение товаров, но и на укрепление семейных ценностей и создание благоприятной социальной среды. В рамках этой стратегии акцент сделан на поддержке семейных традиций, социальной сплоченности и важности заботы о близких. Такой подход создает атмосферу, в которой людям легче справляться с трудностями, что в свою очередь снижает уровень тревожности и улучшает психоэмоциональное состояние.

Нидерланды делают акцент на инклюзивности и устойчивом потреблении. Это означает, что маркетинговые стратегии в стране ориентированы на широкую доступность продуктов и услуг, учитывающих разнообразие потребностей различных социальных групп. Устойчивое потребление и акцент на балансе работа-жизнь (work-life balance) – важные аспекты маркетинга в Нидерландах. Поддержка баланса между работой и личной жизнью, а также экологическая сознательность в потреблении помогают снизить стресс и создать более гармоничную среду. В результате, такие подходы способствуют не только повышению доверия к брендам и компаниям, но и улучшению общественного восприятия качества жизни. В Нидерландах маркетинг тесно связан с ценностями, которые направлены на улучшение общего благосостояния и качества жизни, что в конечном итоге сказывается на повышении уровня счастья.

Приходим к выводу, что маркетинговые стратегии в этих странах помогают не только поддерживать высокий экономический уровень, но и формировать культуру, ориентированную на устойчивое развитие, эмоциональное благополучие и экологическое сознание. Эти подходы показывают, как маркетинг может быть использован как культурный инструмент, который влияет на восприятие жизни и способствует улучшению социальной атмосферы. На примере Финляндии, Дании и Нидерландов можно увидеть,

что успешная экономика и высокий ВВП на душу населения не всегда являются достаточным условием для высокого уровня счастья. Важным фактором становится умение направлять экономическое развитие в русло социальных ценностей, что и делает маркетинг важным инструментом в формировании благополучного общества.

Для Республики Беларусь – государства с социально-ориентированной рыночной экономикой – модель стран Северной Европы является полезным ориентиром. Поддержка семей со стороны государства и внимание к созданию комфортных условий для жизни способствует укреплению социальной стабильности и улучшению качества жизни в стране. Включение таких маркетинговых стратегий, как фокус на ценности семьи и уюте в повседневной жизни, повышает уровень счастья и благополучия населения, а также стимулирует положительное отношение к созданию семей и рождению детей. Такой подход помогает не только создавать социально гармоничное общество, но и существенно влияет на решение демографических проблем, направляя общественное внимание на важность заботы о семье и близких.

Следовательно, взаимосвязь маркетинга и обеспечения роста индекса счастья является очевидной. Удовлетворяя потребности потребителей и предлагая дополнительные ценности через грамотное составление уникальных торговых предложений и включение их в контент-планы маркетинговых коммуникаций, усиление эмоциональной составляющей и акцентуация на корпоративную социальную ответственность – все это вкуче с заботой о потребителе приведет к росту Индекса счастья и повлияет на объем валового внутреннего продукта.

Литература

1. Методика по расчету валового внутреннего продукта в постоянных ценах (с изменениями, внесенными Постановлением Белстата № 23 от 18.02.2014) [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа : https://belstat.gov.by/uploads/file/stats_plan/Planirovanie/3.Metodologia/Metodiki/SNS/m6_sns.doc. – Дата доступа : 22.10.2025.

2. Отчет об индексе счастья (World Happiness Report 2024) / S. Helliwell, R. Layard, J. Sachs (eds.). – New York: Sustainable Development Solutions Network, 2024. – 120 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.worldhappiness.report/ed/2024/> – Дата доступа : 22.10.2025.

3. Индикаторы мирового развития 2024 (World Bank. World Development Indicators 2024). – Washington, DC: World Bank, 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://data.worldbank.org> – Дата доступа : 22.10.2025.

4. Котлер, Ф. Маркетинг 6.0. Будущее за иммерсивностью, слиянием цифрового и физического миров / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, А. Сетиаван. – Москва : Бомбора, 2024. – 212 с.

5. Барден, Ф. Взлом маркетинга. Наука о том, почему мы покупаем. – 12-е изд./ Ф. Барден. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2024 – 368 с.

О. В. Арашкевич

Arashka79@mail.ru

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены ключевые проблемы, сдерживающие развитие внешнеэкономических связей между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, а также предложены многочисленные направления среднесрочного и долгосрочного сотрудничества, комплексная реализация которых позволит Республике Беларусь и Китаю выстраивать более сбалансированные, устойчивые и взаимовыгодные экономические отношения.

Ключевые слова: внешнеторговое сотрудничество, торговый дисбаланс, инвестиционное сотрудничество, промышленная кооперация, транспортная инфраструктура, диверсификация экспорта, геополитические риски.

Внешнеэкономические связи Республики Беларусь и Китайской Народной Республики играют значительную роль в экономическом развитии обеих стран. Беларусь рассматривает Китай как стратегического партнера, особенно в контексте интеграции в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Китай видит в Беларуси важный транзитный узел и площадку для расширения своего влияния в Восточной Европе.

В последние годы Республика Беларусь и Китайская Народная Республика значительно укрепили свои внешнеэкономические связи, что проявляется в росте товарооборота, расширении инвестиционного сотрудничества и промышленной кооперации. За период 2023–2024 гг. товарооборот между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой показал динамичный рост, достигнув примерно 7,7 млрд. долларов США в 2023 году и 8,4 млрд. долларов США в 2024 году. В Китае ежегодно наблюдается рост импорта на сельскохозяйственную продукцию, машины и оборудование и рост экспорта широкого ассортимента товаров, включая электронику, текстиль и строительные материалы.

Китай является одним из крупнейших иностранных инвесторов в Республику Беларусь. Инвестиции китайских компаний охватывают различные сектора экономики, включая энергетику, строительство и высокотехнологичные отрасли. В настоящее время инвестиции Китайской Народной Республики в нашу страну составляют около 7–8 процентов от общего притока прямых иностранных инвестиций.

Промышленное сотрудничество между двумя странами не ограничивается капитальными вложениями. Совместные предприятия играют все большую роль в машиностроении, автомобилестроении и химической промышленности. Например, белорусские предприятия сотрудничают с китайскими партнерами в сфере производства автобусов, электромобилей, сельскохозяйственной техники, часть которых экспортируется в третьи страны. В химическом секторе сотрудничество сосредоточено на производстве удобрений и совместных исследовательских проектах, которые имеют решающее значение для укрепления экспортного потенциала Беларуси.

Взаимодействие двух стран в последние годы можно характеризовать реализацией масштабных проектов, ростом объема прямых иностранных инвестиций, увеличением числа совместных предприятий.

В целом, инвестиционное и промышленное сотрудничество между Китаем и Беларусью демонстрирует значительный потенциал. Наличие крупных проектов, таких как

индустриальный парк «Великий камень», обеспечивает прочную основу для будущего расширения, а растущее число совместных предприятий способствует передаче технологий и диверсификации промышленного производства. Тем не менее эффективность этих процессов будет зависеть от способности Республики Беларусь создавать благоприятный инвестиционный климат, обеспечивать прозрачное регулирование, развивать человеческий капитал, способный осваивать передовые технологии [1].

Несмотря на значительный рост внешней торговли, объема инвестиций и промышленного сотрудничества между нашей республикой и Китайской Народной Республикой, по-прежнему отмечается несколько внешних проблем, препятствующих полноценному развитию двусторонних экономических отношений. К числу основных проблем следует отнести: торговые дисбалансы, ограниченная диверсификация экспорта, логистические и инфраструктурные проблемы, геополитические риски и многочисленные нормативные ограничения. Одной из главных проблем является значительный торговый дисбаланс между странами.

Одной из главных проблем, сдерживающих развитие внешнеторговых отношений между странами является структурный торговый дисбаланс. Товарная структура белорусского экспорта в Китай остается узко концентрированной. Большую часть поставок составляют калийные удобрения, минеральные продукты и отдельные агропродовольственные товары, такие как мясо и молочные продукты. В меньших объемах экспортируется продукция из древесины и некоторые виды промышленного сырья. Китайский экспорт в Беларусь демонстрирует гораздо большую диверсификацию и представлен машинами и электрооборудованием, автомобильной и транспортной продукцией, химическими товарами и бытовой электроникой. Исходя из товарной структуры экспорта двух стран можно утверждать о сложившейся промышленной асимметрии между двумя странами, что создает для белорусской стороны постоянный торговый дефицит, подвергая экономику волатильности цен и колебаниям мирового спроса на сырьевые товары.

Другой немаловажной проблемой является ограниченная диверсификация белорусского экспорта. Концентрация на сырьевых товарах ограничивает возможности нашей страны участвовать в высокотехнологичных сегментах двусторонней торговли, тем самым ограничивая выгоды технологического сотрудничества и иностранных инвестиций. Промышленные проекты, такие как индустриальный парк «Великий камень», частично компенсируют этот дисбаланс, однако их масштабы недостаточны для существенного изменения общей структуры торговли.

Логистические и инфраструктурные ограничения также препятствуют развитию внешнеэкономических связей между странами. В то время как Беларусь служит ключевым транзитным узлом для железнодорожных грузов Китай-Европа, пропускная способность пограничных переходов, железнодорожных сетей и мультимодальных терминалов все еще ограничена. Задержки, связанные с таможенным оформлением, и недостаточная цифровизация логистических процессов увеличивают транспортные расходы и снижают конкурентоспособность сухопутных грузов. Например, в 2023 году, несмотря на объем транзита 750 000 TEU, среднее время таможенного оформления на крупных железнодорожных терминалах достигло 18–20 часов по сравнению с 12–14 часами в других региональных хабах [2].

Геополитические риски представляют собой дополнительный барьер. Беларусь сталкивается с санкциями со стороны западных стран, что затрудняет проведение финансовых операций, получение страхового покрытия для китайских инвесторов.

Внешнеэкономические связи Беларуси и Китая также подвержены влиянию геополитических факторов. Изменения в международной политике могут негативно сказаться на уровне сотрудничества и торговых потоках (ограничить доступ к рынкам и создать неопределенность для долгосрочных инвестиционных проектов).

В промышленном секторе отмечаются длительные процедуры лицензирования и выдачи разрешений, что негативно влияет на заключение и реализацию проектов,

особенно в отношении совместных предприятий в области машиностроения и химического производства. Отмечается несоответствие в налоговой политике, бюрократических процедурах и обеспечении соблюдения прав собственности, что снижает доверие инвесторов. Потенциальное влияние вышеуказанных проблем на белорусско-китайское внешнеэкономическое сотрудничество отражено в таблице 1.

Таблица 1 – Основные проблемы белорусско-китайского внешнеэкономического сотрудничества и их влияние на двусторонние отношения Беларуси и Китая

Проблемы	Ключевые показатели	Потенциальное влияние на двусторонние отношения
Торговый дисбаланс	Торговый дефицит в 2024 году составил 4,8 млрд. долларов США	Ограничивает рост белорусского экспорта, увеличивает зависимость от Китая
Ограниченная диверсификация экспорта	Более 60 % белорусского экспорта в Китай приходится на калийные удобрения	Снижает конкурентоспособность в высокотехнологичных отраслях
Логистические и инфраструктурные ограничения	Длительность таможенного оформления составляет около 18–20 часов	Оказывают влияние на рост транзитных издержек и увеличение времени задержки в цепочках поставок
Влияние геополитического риска	Санкции со стороны западных стран	Ограничивает финансирование, увеличивает неопределенность инвестиций
Нормативные и институциональные барьеры	Длительные процедуры лицензирования и выдачи разрешений	Замедляют реализацию проектов, снижают эффективность прямых иностранных инвестиций

Для преодоления указанных проблем и достижения более сбалансированных и устойчивых экономических отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой можно предложить следующие направления:

- расширять ассортимент экспортных товаров в Китай за счет машин, электронных компонентов, обработанных пищевых продуктов и ИТ-услуг, что уменьшит экономическую зависимость от ограниченного набора продуктов и позволит увеличить долю торговли с высокой добавленной стоимостью. Прогнозные модели предполагают, что увеличение диверсифицированного экспорта на 20–25 % может увеличить доходы от белорусского экспорта в Китай с 1,81 млрд. долларов США в 2024 году примерно до 3,2 млрд. долларов США к 2030 году;
- направлять инвестиции в высокотехнологичные отрасли, биотехнологии, фармацевтику и цифровые услуги, что позволит увеличить как передачу технологий, так и экономическую отдачу;
- сокращать зависимость от льготных кредитов и обеспечить устойчивое финансирование, что позволит повысить эффективность долгосрочных инвестиций;
- улучшать логистику и транспортную инфраструктуру за счет модернизации железнодорожных линий, расширения мультимодальных терминалов, внедрения цифровых таможенных систем и систем слежения, что позволит не только снизить транспортные расходы, но и повысить конкурентоспособность Беларуси как транзитного узла, привлечь дополнительные индустриальные и инвестиционные проекты;
- осуществлять эффективное управление рисками с учетом внешних и геополитических проблем, затрагивающих Беларусь. Диверсификация торговых партнеров,

внедрение инструментов финансового хеджирования и укрепление двусторонних соглашений с Китаем могут снизить зависимость, связанную с волатильностью мирового рынка и санкционным давлением;

– упрощать бюрократические процедуры, проводить последовательную налоговую политику, усилить защиту интеллектуальной собственности, что сократит торговые и инвестиционные барьеры, а также позволит привлечь качественных инвесторов и ускорить реализацию совместных проектов с высокой добавленной стоимостью, тем самым повысив как технологическую, так и финансовую эффективность двустороннего сотрудничества;

– расширять научно-техническое сотрудничество и лучше интегрировать его в промышленное производство, а также сотрудничество в области биотехнологии, фармацевтики, ИТ и передового производства в сочетании с механизмами коммерциализации, что позволит увеличить количество совместных патентов и проектов.

Комплексная реализация предлагаемых направлений перспективного взаимодействия двух стран позволит сократить торговый дисбаланс, увеличить инвестиционные потоки и повысить эффективность логистики. Диверсификация белорусского экспорта в продукты с высокой добавленной стоимостью уменьшит зависимость от узкого спектра товаров и увеличит долю страны в технологически передовых секторах. При этом модернизация транспортно-логистической инфраструктуры, включая цифровизацию таможенных процедур и расширение мультимодальных терминалов, позволит сократить транзитные сроки и издержки, тем самым усилив роль Беларуси как ключевого евразийского хаба.

Таким образом, Республика Беларусь и Китайская Народная Республика имеют значительный потенциал для дальнейшего развития внешнеэкономических связей. Однако для достижения устойчивого роста необходимо преодолеть существующие проблемы и активно развивать новые направления сотрудничества. Реализация предложенных мер позволит обеим странам выстраивать более сбалансированные и взаимовыгодные экономические отношения в условиях быстро меняющегося мирового рынка.

Литература

1. Серебряков, В. О. Белорусско-китайские отношения на современном этапе: новая эпоха сотрудничества / О. В. Серебряков // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2023. – №3. – С. 54–59.

2. Малышев, Д. В. Белорусско-китайские отношения в новом тысячелетии: основные реалии / Д. В. Малышев // Постсоветские исследования. Т.2. – 2023. – №2. – С. 190–194.

И. В. Бабына

babyna@gsu.by

К. О. Астапенко

kseniaastapenko88@gmail.com

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ЭВРИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ БИЗНЕС-АНАЛИЗА В ПРОЦЕССЕ РАЗРАБОТКИ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ СП ОАО «СПАРТАК»)

В статье рассматривается потенциал применения эвристических методов бизнес-анализа при разработке и корректировке стратегии маркетинга промышленного предприятия. На примере СП ОАО «Спартак» определена целесообразность применения данных методов в рамках совершенствования маркетинговой деятельности организации.

Ключевые слова: эвристические методы, бизнес-анализ, маркетинговая стратегия, принятие решений, неопределенность, экспертные оценки.

На сегодняшний день ввиду высокой степени рыночной неопределенности, жесткой конкуренции и изменяющихся потребительских предпочтений необходимость повышения гибкости и адаптивности маркетингового управления предприятием является стратегически важной задачей для сохранения рыночных позиций. В данных условиях привычные методы анализа часто оказываются недостаточными для принятия эффективных управленческих решений ввиду дефицита достоверной количественной информации. Следовательно, на первый план выходят эвристические методы бизнес-анализа. Данные подходы позволяют находить нестандартные решения и строить обоснованные прогнозы там, где формализованные модели неприменимы или требуют значительных временных и финансовых ресурсов.

Эвристические методы представляют собой креативные приемы сбора и обработки информации, основанные на суждениях высококвалифицированных экспертов. Их использование становится необходимым в ситуациях, которые характеризуются качественным характером информации, высокой неопределенностью, отсутствием возможностей для строгой формализации и ограниченностью ресурсов [1]. Все эти условия в полной мере присутствуют в процессе формирования маркетинговой стратегии, в особенности в части прогнозирования трендов, оценки восприятия бренда и генерации инновационных идей.

Для целей маркетингового анализа наиболее применимыми являются следующие группы методов:

- методы генерации идей: «Мозговой штурм», «Метод 6 шляп мышления» Эдварда де Боно, «Метод коллективного блокнота». Применяются для поиска новых продуктовых идей, разработки креативных рекламных концепций, нестандартных ходов при проведении PR-кампаний;

- методы экспертного прогнозирования: «Метод Дельфи», «Метод сценариев». Применимы для долгосрочного прогнозирования рыночной конъюнктуры, оценки рисков, разработки альтернативных сценариев развития маркетинговой среды;

- методы системного анализа и принятия решений: «Метод контрольных вопросов», «Функционально-стоимостной анализ (ФСА)», «Метод «паутина». Используются для структурирования проблемы, оценки эффективности маркетинговых затрат и визуализации комплексных показателей.

Рассмотрим возможности применения данных методов в рамках стратегического управления маркетингом СП ОАО «Спартак». Это крупнейшее предприятие кондитерской отрасли Республики Беларусь с богатой историей и широким ассортиментом продукции [2]. Несмотря на устойчивые рыночные позиции и узнаваемость бренда, предприятие сталкивается с рядом вызовов, требующих гибкого подхода к маркетинг-менеджменту. К ним относятся: давление со стороны международных брендов, необходимость смещения фокуса с производственной ориентации на маркетинговую, удержание внимания молодежной аудитории и оптимизация широкого ассортимента.

Маркетинговая деятельность на предприятии уже включает элементы, близкие к эвристическим подходам, к примеру, проект “Level UP by Spartak”, направленный на исследование потребительских предпочтений. Однако на данный момент подобного рода проекты имеют лишь разовый, а не систематический характер, что не позволяет интегрировать примененные методы в стратегию развития маркетинга предприятия. Этот процесс может быть систематизирован и усилен за счет целенаправленного применения следующих методов.

Метод Дельфи является эффективным методом формирования консенсуального видения ввиду возможности выхода на новые экспортные рынки и необходимости адаптации ассортимента под глобальные тренды (такие как здоровый образ жизни, развитие цифровизации). Одной из целей применения данного метода является получение прогноза развития ключевых рынков сбыта и определение приоритетных направлений для инвестиций в разработку новых ассортиментных позиций.

Процедура проведения бизнес-анализа с применением метода Дельфи подразумевает формирование группы из 8–12 экспертов, в число которых целесообразно включить маркетологов и технологов предприятия, внешних консультантов по международным рынкам, представителей концерна «Белгоспищепром». В ходе нескольких анонимных туров опроса эксперты оценивали бы вероятность и возможную степень влияния таких событий, например, как «рост доли онлайн-продаж в общем объеме до 15 %», «ужесточение экологических требований к упаковке в определенных регионах», «снижение потребления сахара среди целевой аудитории» и др. Далее путем ознакомления экспертов с усредненным значением экспертной оценки достигается снижение разброса в мнениях и формирование единого видения. Согласованный перечень стратегических целей и рисков может стать основой обновленной маркетинговой стратегии, минимизируя влияние группового мышления и авторитетов.

Ввиду необходимости усиления эмоциональной связи с потребителем, в особенности с молодежью, предприятию целесообразно проводить креативные и в некоторой степени провокационные маркетинговые кампании. В данном случае «метод 6 шляп мышления» может стать инструментом для креативного продвижения бренда. Одной из целей применения данного метода может быть разработка концепции новой рекламной кампании для продвижения молодежной линейки нового шоколада «Импрессо» (далее «Импрессо»). Процедура применения включает сессию с участием сотрудников отдела рекламы и маркетинга, SMM-менеджеров. Каждый из участников получает роль, которая обозначается определенным цветом шляпы.

Итак, участник в белой шляпе направляет команду на информацию и факты и формирует ответы на следующие вопросы: «Каковы текущие продажи и доля рынка «Импрессо»?»; «Каков «портрет» текущего потребителя «Импрессо»?»; «Какие каналы коммуникации мы используем для него сейчас?»; «Какие данные у нас есть от отдела продаж и из соцсетей? Какие отзывы?»; «Каковы ключевые характеристики продукта: дизайн упаковки, состав, вкусы, цена?»; «Каковы результаты последних маркетинговых исследований по данному сегменту?». Результатом работы участника в белой шляпе для «Импрессо» может быть формирование своего рода базы знаний. К примеру, «Импрессо» позиционируется как премиальный шоколад, однако его основными покупателями являются люди в возрасте 35 лет и старше, в то время как молодежь 20–30 лет ассоциирует премиум с зарубежными брендами. Упаковка является классической, но не достаточно привлекательной.

Участник в красной шляпе формирует и высказывает интуитивные ощущения и эмоции, которые должен вызывать бренд. Он ищет ответы на следующие вопросы: «Какие эмоции должен вызывать бренд «Импрессо» (Изысканность? Удовольствие? Чувство стиля?)?»; «Что мы интуитивно чувствуем по поводу текущей упаковки?»; «Какие опасения вызывает у нас идея сделать рекламную кампанию более смелой и провокационной?»; «Какие ассоциации и чувства у нас лично вызывает название «Импрессо»?»; «Какое настроение должна создавать рекламная кампания?». Выводы участника в красной шляпе могут быть следующими: бренду не хватает современной «дерзости». Есть опасения, что традиционная аудитория не поймет резких изменений, однако молодежь должна оценить смелость. Название «Импрессо» ассоциируется с энергией, искусством, итальянским стилем.

Участник в черной шляпе критически подходит к предложенным идеям и отвечает на следующие вопросы: «Что, если провокационная рекламная кампания вызовет негатив среди консервативных потребителей?»; «Как отреагируют конкуренты? Могут ли они легко скопировать нашу идею?»; «Соответствует ли новый креатив ценностям основного бренда «Спартак»? Не навредит ли он ему?»; «Каковы финансовые риски? Не будет ли бюджет рекламной кампании неоправданно высоким?»; «Какие могут быть подводные камни в выбранных каналах продвижения?». В результате участником в черной шляпе формируется перечень «узких» мест: риск оттока лояльной аудитории, негативных комментариев в соцсетях; возможное несоответствие громкой рекламной кампании и самого продукта, если не модернизировать упаковку.

Участник в желтой шляпе находится в поиске преимуществ данной рекламной кампании для предприятия и формирует ответы на следующие вопросы: «Какие выгоды мы получим от привлечения молодежной аудитории?»; «Как креативная рекламная кампания может усилить узнаваемость всего бренда «Спартак»?»; «Какие новые каналы продаж могут открыться (к примеру, премиальные кофейни)?»; «Как это повысит ценность бренда в долгосрочной перспективе?». Участником в желтой шляпе формируются следующие выводы: появляется возможность занять незанятую нишу «смелого белорусского премиум-бренда»; это обеспечит приток новой аудитории и увеличение общих продаж.

Участник в зеленой шляпе отвечает за генерацию идей и ищет ответы на следующие вопросы: «Как обыграть название «Импрессо» (к примеру, рекламная кампания «Момент Импрессо» о моментах вдохновения в жизни современного горожанина)?»; «Как сделать упаковку более интерактивной, креативной (например, QR-коды с историями)?»; «Какие нестандартные коллаборации возможны (с локальными кофейнями premium-класса, музыкальными группами, молодыми дизайнерами)?»; «Какой креативный контент создать для соцсетей (например, короткие видео-зарисовки, челленджи)?»; «Как использовать провокацию корректно (преподнести это как творческий вызов общепринятому)?». Выводы участника в зеленой шляпе могут быть следующими: разработка идеи арт-проекта «Импрессо Вдохновляет» с серией ограниченных коллекций упаковок; коллаборации с популярным кофейным блогером для создания рецептов на основе шоколада.

Участник в синей шляпе является своего рода координатором: подводит итоги обсуждения по каждой шляпе, структурирует все идеи, риски и возможности [3]. Конечным результатом будет являться утвержденная креативная стратегия и план действий по продвижению шоколада «Импрессо», которая является не просто креативной, но и взвешенной, обоснованной и направленной на достижение конкретных бизнес-целей.

В условиях волатильности цен на сырье (в частности, на какао-бобы), изменения потребительских предпочтений и геополитической ситуации применим метод сценариев для планирования деятельности предприятия в условиях неопределенности [1]. Применение данного метода позволит разработать гибкий план маркетинговых мероприятий и соответствующий бюджет на основе альтернативности развития событий. Исходной точкой являются PEST- и SWOT-анализ, на базе которых формируются 3-4 сценария: «Оптимистичный» (включающий рост экономики, успешную экспансию рынка), «Пессимистичный» (означающий падение спроса), «Инновационный» (осуществление рывка

за счет технологий) и «Стагнационный». Таким образом, для каждого сценария разрабатывается пакет маркетинговых ответных мер. Это позволяет предприятию не быть застигнутым врасплох и оперативно перераспределять ресурсы.

Еще один метод, применимый для СП ОАО «Спартак» – метод контрольных вопросов [1]. Широкий ассортимент является силой, но также и слабостью, затрудняя четкое позиционирование и увеличивая логистические издержки. Таким образом, данный метод позволит проводить регулярный аудит ассортиментного портфеля для принятия решений о выводе, модификации или ребрендинге товарных позиций. Процедура проведения включает разработку специализированного вопросника для планово-экономического отдела и отдела рекламы и маркетинга. Примеры вопросов: «Соответствует ли продукт современным трендам здорового питания?», «Какова рентабельность продукта и его вклад в общую выручку?», «Есть ли у продукта устойчивая группа лояльных потребителей?», «Насколько уникален продукт на фоне конкурентов?». В результате происходит формирование структурированного процесса принятия решений по ассортименту, снижающего влияние субъективных факторов.

Проведенный анализ демонстрирует, что эвристические методы бизнес-анализа не являются сугубо теоретическим инструментом. Они обладают значительным практическим потенциалом для повышения эффективности маркетингового управления на таком традиционном, но динамично развивающемся предприятии, как СП ОАО «Спартак».

Внедрение методологии Дельфи позволит перейти от реактивного к проактивному стратегическому планированию. Использование метода 6 шляп мышления способно оживить креативную составляющую и усилить вовлеченность молодой аудитории. Метод сценариев подготовит предприятие к колебаниям внешней среды, а метод контрольных вопросов поможет оптимизировать ключевой актив – товарный ассортимент.

Таким образом, системное и комбинированное применение эвристических методов может стать мощным конкурентным преимуществом для СП ОАО «Спартак», способствуя преодолению стратегического разрыва между текущей производственно-ориентированной и желаемой рыночно-ориентированной моделью развития. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных регламентов и внедрение пилотных проектов с использованием данных методов в структурных подразделениях предприятия.

Литература

1. Теория экономического анализа : учебное пособие / [сост. Е. В. Трофименкова, Г. В. Чулкова]. – Смоленск: ФГБОУ ВО Смоленская ГСХА, 2022. – 128 с.
2. Кондитерская фабрика «Спартак» - официальный сайт [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://spartak.by/> – Дата доступа: 08.10.2025.
3. Боно, Э. Шесть шляп мышления / Пер. с англ. – Мн.: Поппури, 2006. – 53 с.

В. Н. Гавриленко

vlad_gavrilenko@mail.ru

Е. Д. Лысенко

yelizavetalysenko2611@gmail.com

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Проведена оценка уровня освоения технологических инноваций предприятиями легкой промышленности Республики Беларусь. Рассмотрены организационно-экономические мероприятия по совершенствованию анализа и оценки финансового состояния организаций легкой промышленности в условиях инновационной экономики.

Ключевые слова: инновационная экономика, цифровая трансформации, уровень технологичности.

Увеличение количества высокотехнологических, инновационных отечественных предприятий легкой промышленности становится важнейшим фактором, не только устойчивого экономического развития страны, но и позволяет провести цифровую трансформацию экономики Республики Беларусь.

Руководством страны при участии государственных органов и институтов гражданского общества было инициировано принятие ряда концептуальных правовых документов для обеспечения национальных интересов страны в экономической сфере деятельности: Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года [1], Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [2].

Легкая промышленность, с одной стороны, представляет собой одну из наиболее конкурентных отраслей обрабатывающей промышленности, где успех определяется не столько качеством продукции, сколько эффективностью бизнес-моделей, способных оперативно реагировать на изменения потребительских предпочтений и рыночных трендов. В то же время отечественные предприятия сталкиваются с хроническим дефицитом оборотных средств, значительной степенью изношенных и морально устаревших основных производственных фондов (ОПФ). В 2023 году доля отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции составила всего около 6 %. На потребительском рынке страны наблюдается высокая концентрация контрафактной продукции, доминируют производители, владеющие известными брендами, имеющие более низкие издержки и расширенные маркетинговые возможности по сбыту в рамках критерия «цена – качество» на рынке товаров и услуг.

В условиях цифровой трансформации экономики в Республике Беларусь предприятия легкой промышленности демонстрируют высокую степень адаптивности и инновационной активности, входя в число лидеров по внедрению и использованию инновационных технологий. На начало 2024 года затраты на технологические инновации на рубль отгруженной инновационной (наукоемкой) продукции составили 0,244 руб./руб., что свидетельствует о высокой степени вовлеченности отрасли в процессы модернизации производства. Эти данные позволяют утверждать, что предприятия легкой промышленности уверенно наращивают свой инновационный потенциал, формируя устойчивые предпосылки для укрепления конкурентных позиций как на внутреннем рынке, так и в международном экономическом пространстве [3].

Следует отметить, что в легкой промышленности Республики Беларусь преобладают предприятия частной формы собственности с небольшой численностью работников (62,6 % – микроорганизации, где численность работников не превышает 15 человек, 30 % предприятий отрасли – малые организации с численностью работников до 100 человек).

Основными проблемами подобных предприятий, с точки зрения проведения цифровой трансформации, внедрения технологических инноваций в производство, являются недостаточный объем собственных источников инвестиций для модернизации, инновационного обновления ОПФ, низкая квалификация персонала, высокая стоимость качественного сырья и материалов.

В меньшей степени подобные проблемы стоят перед предприятиями, входящими в состав концерна «Беллепром», который координирует деятельность крупных, градообразующих предприятия легкой промышленности с высокой долей государства в уставном фонде и производящих практически половину общего объема товаров легкой промышленности. Стратегии развития концерна направлены на модернизацию оборудования и внедрение современных технологий, расширение ассортимента и повышение конкурентоспособности отечественной продукции путем разработки инновационных пряж с новыми свойствами, формирование собственного маркетингового комплекса для продвижения продукции концерна и т. д.

Именно эта структура аккумулирует инвестиционные средства, направляемые государством и частными инвесторами для производства инновационной продукции с новыми или усовершенствованными потребительскими свойствами. В Государственную программу инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы включено 8 инновационных технологических проектов, реализуемых предприятиями концерна «Беллепром». Реализация инвестиционных проектов позволило достичь следующих показателей инновационных технологических решений за период 2021–2023 г: объем произведенной продукции составил 106,5 млн. руб.; объем инновационной продукции – 55,85 млн. руб. (доля в общем объеме производства составила 52 %); объем экспорта – 77,55 млн. руб. (доля в общем объеме производства составила 72,8 %); объем экспорта инновационной продукции – 38,95 млн. руб. (доля в общем объеме производства составила 36,6 %).

Авторы работы провели анализ возможности ряда предприятий концерна к потенциальной возможности реализации инвестиционных проектов по внедрению автоматизированных раскройных комплексов за счет собственных финансовых источников. По данным производителей и отраслевых обзоров, цена современного автоматизированного раскройного комплекса для среднего предприятия составляет от 350 000 до 500 000 рублей. В эту сумму обычно включены поставка оборудования, программное обеспечение и обучение персонала [4].

Критерием выборки предприятия, способного самостоятельно профинансировать подобный проект, принято условие: сумма инвестиций, необходимых для достижения финансовых результатов бизнес-проекта, не превышала 8 %–10 % от чистой прибыли предприятия. Подобные объемы финансирования за счет прибыли предприятия, является оптимальными и позволяет не только поддерживать текущую деятельность, но и обеспечивать устойчивое развитие в долгосрочной перспективе условиях инновационной экономики.

Предварительно авторы провели корреляционный анализ зависимости годовой выручки ряда предприятий концерна «Беллепром» при реализации продукции (y) от стоимости среднесписочной численности человеческих ресурсов (x_1 -индикатор человеческого капитала организации) и стоимости ОПФ (x_2 - индикатор эффективности использования технологических возможностей организации).

Выбор ключевых факторов, обеспечивающих генерирование дополнительной чистой прибыли предприятия, обусловлен следующими причинами:

1. Стоимость среднесписочная численность человеческих ресурсов рассматривается как индикатор человеческого капитала предприятия. Численность и профессиональные

компетенции сотрудников напрямую влияют на эффективность деятельности предприятия в целом, его способность справляться с запланированным объемом заказов и поддерживать стабильное развитие. Дефицит кадров может привести к перегрузке оставшихся работников, снижению качества продукции и ухудшению условий труда. В то же время избыток сотрудников при отсутствии рационального распределения задач может увеличивать затраты предприятия без существенного прироста эффективности, влияет на динамику заработной платы. Таким образом, оптимальное количество работников является ключевым фактором для достижения баланса между производительностью и затратами, что позволяет предприятию быть конкурентоспособным на рынке.

2. Одним из резервов увеличения выпуска продукции и, соответственно, роста выручки от реализации данной продукции является рост фондоотдачи, который способствует увеличению объема производства и сокращению среднегодовых остатков ОПФ. В условиях цифровой трансформации предприятий легкой промышленности рост фондоотдачи предприятия также тесно связан с внедрением инновационных технологий, поскольку именно они позволяют повысить эффективность использования основных средств и увеличить объем производства без пропорционального роста капитальных вложений. Для предприятия легкой промышленности ОПФ представляют собой материальную базу, обеспечивающую возможность эффективного выполнения инновационных производственных процессов. Их стоимость, состояние определяют техническую оснащенность предприятия и возможность его долгосрочного устойчивого роста.

Уравнение регрессионной модели имеет вид $y = 40,2 x_1 + 0,56 x_2 + \varepsilon$. Общее качество такой модели является высоким: линейная связь факторов x_1 и x_2 с переменной y также является сильной; коэффициент детерминации составляет 0,934; уравнение регрессии статистически значимо в целом (по критерию Фишера); коэффициенты регрессии также являются статистически значимыми (по критерию Стьюдента). По коэффициенту корреляции Пирсона видно, что финансовые результаты предприятий легкой промышленности на 93,3 п.п. зависят от стоимости человеческих ресурсов предприятия, и на 88,7 п.п. – от основных производственных фондов. Это подчеркивает правильность выбора ключевых факторов в генерировании дополнительной прибыли при производстве товаров с высокой добавленной стоимостью.

Анализ данных по ряду предприятий отрасли показывает, что далеко не все организации располагают достаточным финансовым потенциалом для реализации значимых инновационных инициатив за счет собственных финансовых средств. Так, ОАО «Лента», ОАО «Галантея», ОАО «Славянка» и ОАО «Коминтерн» располагают наибольшим потенциалом для инвестиций в технологические инновации: ОАО «Лента» может практически полностью профинансировать проект по внедрению автоматизированных раскройных комплексов за счет собственных средств (8% от чистой прибыли составили 771,28 тыс. руб.), а ОАО «Галантея» и ОАО «Славянка» (8% от чистой прибыли составили – 271,28 тыс. руб. и 308,48 тыс. руб. соответственно) могут реализовать инвестиционный проект при привлечении дополнительного финансирования (например, лизинг, субсидии или рассрочка от поставщика). ОАО «Коминтерн» (8% от чистой прибыли составили 145,44 тыс. руб.) планирует в рамках бизнес-плана реализовать инвестиционный проект, связанный с поэтапной модернизацией существующих производственных технологий.

ОАО «Моготекс», ОАО «БелКредо», ОАО «Лидская обувная фабрика» и ОАО «Світанак», практически не имеют возможности реализовать предлагаемый инвестиционный проект без государственного или частного финансирования. Для них более реалистичны менее капиталоемкие инновации – например, внедрение программного обеспечения для автоматизации учета или небольшие технологические обновления. Для более масштабных проектов им необходимо дополнительное финансирование (кредитование), однако реализация данного инновационного проекта для предприятий с малыми инвестиционными возможностями несет риск недостижения прогнозных результатов, что может привести к серьезным дополнительным финансовым проблемам предприятия.

Очевидно, что низкий уровень инновационной конкурентоспособности, характерный для большинства предприятий белорусской легкой промышленности, объективно требует смены существующей бизнес-модели, которая будет ориентирована не только на производство недорогой качественной продукции массового потребления, но и на приоритетное развитие предприятий, стратегической целью которых является выход на «немассовый» сегмент потребления. Отечественные предприятия, выбирающие подобную стратегию, будут способны ускорить весь процесс «идея-моделирование-технологии-производство-сбыт», их инновационные технологии производства, управления позволят не только создавать модные образцы, изготавливать небольшие партии одежды и обуви для среднего и высокого ценовых сегментов, но и при создании определенных условий могут являться «точкой роста» для всей белорусской легкой промышленности.

Литература

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]: Протокол Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г., № 10. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files.pdf>. – Дата доступа : 15.08.2025.

2. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoye-razvitiye-belarusi-na-2021-2025-gody><https://pravo.by/docum> – Дата доступа : 15.08.2025.

3. Рудченко Г. А., Ермалинская Н. В. Цифровое развитие отраслей экономики Республики Беларусь: оценка условий, тенденций и результатов/ Г. А. Рудченко, Н. В. Ермалинская // Экономика и банки. – 2022. – № 2. – С. 79–87

4. Гавриленко, В. Н., Лысенко Е. Д. Оценка уровня освоения технологических инноваций предприятиями легкой промышленности Республики Беларусь // Моделирование и прогнозирование развития отраслей социально-экономической сферы: [Электронный ресурс]: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Моделирование и прогнозирование развития отраслей социально-экономической сферы» (Курск, 27 мая 2025 года) / Курский гос. мед. ун-т, сост. Бушина Н. С.; отв. ред. В. А. Липатов. – Курск: КГМУ, 2025. – С. 133–138.

Н. Л. Дакука

Natadeck969@gmail.com

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

РОЛЬ МАЛОГО БИЗНЕСА В ФОРМИРОВАНИИ МОДЕЛИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассмотрена роль малого бизнеса как ключевого фактора обеспечения устойчивого развития региона в условиях современной экономики Республики Беларусь, проведен анализ современного состояния и потенциала малого бизнеса на примере Гомельской области по трем ключевым компонентам: экономическому, социальному, экологическому. Определены стратегические направления и механизмы интеграции малого бизнеса в региональную модель устойчивого развития. Сделан вывод о необходимости целенаправленной государственной и региональной политики, направленной на создание благоприятной институциональной среды для малого предпринимательства как драйвера сбалансированного роста

Ключевые слова: устойчивое развитие, малый бизнес, региональная экономика, Гомельская область, диверсификация, социальная ответственность, «зеленая» экономика, предпринимательская среда, Республика Беларусь.

Концепция устойчивого развития, базирующаяся на принципах баланса экономики, социальной справедливости и экологической стабильности, является центральной парадигмой для регионального развития в Республике Беларусь. Гомельская область, как один из крупнейших промышленных и аграрных регионов страны, стоит перед сложной задачей диверсификации своей экономики, создания новых рабочих мест и решения экологических проблем, включая последствия аварии на ЧАЭС. В этом контексте малый бизнес перестает быть лишь вспомогательным элементом и превращается в ключевого агента структурных преобразований.

Ключевыми задачами данной концепции являются: обеспечение благосостояния населения, сохранение природного потенциала и достижение региональных показателей здоровья и образования.

Ключевыми элементами модели устойчивого развития региона являются:

– **национальная стратегия устойчивого развития** (концептуальным ядром является модель устойчивого развития на национальном уровне (до 2035–2040 гг.), которая служит основой для разработки региональных документов);

– **региональные стратегии устойчивого развития (РСУР)** (для каждой области разработаны и утверждены собственные стратегии на период до 2040 года, которые конкретизируют национальные цели с учетом местной специфики);

– **принципы** (модель основывается на принципах интеграции экономического, социального и экологического аспектов в развитии, партнерство между местными органами власти и общественностью, а также горизонтальной и вертикальной сбалансированности);

– **цели устойчивого развития (ЦУР) ООН** (реализация 17 глобальных ЦУР ООН интегрирована в национальные и региональные программы и служат ориентиром для планирования и оценки прогресса);

– **методология** (используются методы стратегического индикативного планирования и различные аналитические инструменты, SWOT-анализ, для определения приоритетных направлений и факторов развития каждого региона);

– **государственные программы** (достижение целей обеспечивается через реализацию государственных программ, которые охватывают различные сферы такие как, развитие демографического потенциала, устойчивая энергетика, инновационное развитие и другие с учетом региональных потребностей);

– **финансирование** (Предполагает переход от централизованного перераспределения ресурсов к более активному использованию механизмов самофинансирования регионов).

Таким образом, модель обеспечения устойчивого развития региона в Беларуси – это комплексный, многоуровневый подход, сочетающий общегосударственное стратегическое планирование с инициативами и спецификой конкретных областей, сфокусированный на достижение баланса между всеми составляющими устойчивого развития.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, малый и средний бизнес (включая индивидуальных предпринимателей) является значимым сегментом экономики страны, на который приходится около 20–25 % ВВП. Однако его распределение по регионам неравномерно.

В Гомельской области наблюдается позитивная динамика роста числа субъектов малого и среднего предпринимательства. На 1 января 2023 года в области было зарегистрировано более 25 тысяч микро- и малых организаций, а также около 15 тысяч индивидуальных предпринимателей. Тем не менее, по плотности малого бизнеса на 1 000 жителей область все еще отстает от более развитых в этом отношении Минской и Гродненской областей.

По предварительной оценке в целом за 2010–2024 гг. ВВП страны увеличился в сопоставимых ценах на 25,2 % при росте производительности труда за указанный период на 41,8 %.

ВВП на душу населения по паритету покупательной способности вырос с 15,3 тыс. \$ 2010 году до 33,0 тыс. \$ в 2024 году.

Хотя доля субъектов малого бизнеса в отдельных экономических показателях развития областей и г. Минска является незначительной, это не умаляет ее значимости для экономической стабильности, т.к. позволяет закрыть возникающие бреши по предоставлению населению необходимых товаров и услуг в силу своей гибкости и быстрой адаптации относительно меняющейся политической и экономической ситуации.

По данным статистического ежегодника за 2024 год Гомельская область среди других областей по ряду показателей занимает последнее место (объем промышленного производства в Гомельской области составил 7,5 %, в то время, как в Брестской и Могилевской областях данное значение составило 22,9 % и 26,8 % соответственно; такой показатель, как инвестиции в основной капитал за последние 10 лет является для нашей области наибольшим, но тем не менее все равно ставит Гомельскую область на последнее место – 24,1 %; при этом товарооборот общественного питания в Гомельской области практически соответствует показателю по г. Минск и составляет 54 % против 54,1 % у последнего).

Происходящие изменения в развитии Гомельского региона обусловлены структурными особенностями малого бизнеса Гомельской области:

– **отраслевая специализация**. Доминирующее положение занимает торговля (розничная и оптовая) – более 40 % всех малых предприятий. Значительная доля приходится на сферу услуг (транспортные, бытовые, консультационные) и строительство. В то же время, доля малых предприятий в промышленности и, что особенно важно, в инновационно-активных и «зеленых» отраслях, остается невысокой;

– **территориальная концентрация**. Основная часть предпринимательской активности сосредоточена в г. Гомеле и крупных районных центрах (Жлобин, Мозырь, Светлогорск, Речица). Развитие малого бизнеса в малых городах и сельской местности остается недостаточным, что усугубляет региональные диспропорции;

– **экономический вклад**. Малый бизнес области вносит существенный вклад в формирование валового регионального продукта, обеспечивает занятость значительной части экономически активного населения (по разным оценкам, до 30 %).

Проблемы республиканского уровня, сдерживающие развитие малого бизнеса в регионе:

- **административные барьеры** (несмотря на проводимую в Республике Беларусь политику дебюрократизации, предприниматели часто сталкиваются со сложностями в процедурах регистрации, лицензирования и разработки отчетности);

- **доступ к финансовым ресурсам** (высокая стоимость кредитов, сложности с получением займов на старте и для реализации инновационных проектов);

- **конкурентное давление** (высокая конкуренция в традиционных секторах (торговля, услуги) при одновременной сложности выхода на рынки, занятые крупными государственными предприятиями);

- **недостаток квалифицированных кадров** («Утечка мозгов» в столицу и за рубеж, несоответствие системы профессионального образования запросам современного бизнеса);

- **экологические ограничения и возможности** (для Гомельской области, особенно для районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС, экологический фактор является ключевым: с одной стороны – это накладывает дополнительные ограничения на ведение бизнеса в сельском и лесном хозяйстве; с другой стороны – это создает уникальный потенциал для развития специализированных направлений, таких как производство «чистой» продукции, развитие медицинского и экологического туризма).

Полагаем, что формирование эффективной модели обеспечения устойчивого развития Гомельской области возможно за счет комплексного подхода по следующим направлениям:

1. Экономическое направление:

- **стимулирование диверсификации** (разработка и реализация региональных программ, поддерживающих создание малых предприятий не в сырьевых, а в перерабатывающих, высокотехнологичных и креативных индустриях. Акцент на импортозамещение и развитие производственной кооперации с крупными промышленными гигантами области (например, «Гомсельмаш», «Мозырский НПЗ»));

- **развитие кластеров** (создание агропромышленных, туристических и IT-кластеров, где малые предприятия могут занять свои ниши в цепочке создания стоимости);

- **финансовая поддержка** (создание региональных гарантийных фондов, предоставление налоговых каникул для стартапов, софинансирование процентных ставок по кредитам для проектов, соответствующих целям устойчивого развития).

2. Социальное направление:

- **поддержка предпринимательства в малых городах** (предоставление дополнительных преференций (субсидии на аренду, коммунальные услуги) для бизнеса, создающего рабочие места в моногородах и депрессивных районах);

- **развитие социального предпринимательства** (стимулирование создания малых предприятий, решающих социальные задачи (уход за пожилыми, образование, здравоохранение);

- **партнерство с образовательными учреждениями** (развитие программ стажировок и подготовки кадров непосредственно для нужд малого бизнеса области).

3. Экологическое направление:

- **стимулирование «зеленого» бизнеса** (поддержка проектов в сфере переработки твердых коммунальных отходов, производства органической сельскохозяйственной продукции, развития энергоэффективных технологий и возобновляемой энергетики (биогаз, солнечная энергия));

- **развитие эко-туризма** (использование природного потенциала региона (Припятский национальный парк, охотничьи хозяйства) для создания сети малых гостиниц, агроэкоусадб и туристических маршрутов);

- **внедрение системы «зеленых» закупок** (со стороны местных органов власти, что создаст стабильный спрос на экологически чистые товары и услуги местных малых производителей).

Полагаем, что проведенный анализ развития малого бизнеса в Гомельской области обладает значительным, но еще не полностью реализованным потенциалом для формирования устойчивого развития региона. Реализация предложенных направлений позволит сформировать экономически эффективную, социально-стабильную и экологически благополучную модель устойчивого развития региона.

Литература

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [сайт]. – Мн., 1998-2025. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения 13.10.2025).
2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. – Мн., 2003-2025. – URL: <https://pravo.by> (дата обращения 13.10.2025).

ESG-ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ

Социальная архитектура организации, как проектирование социальной среды, организационной культуры и структур, способствует проведению ESG-трансформации и интеграции принципов устойчивого развития во все бизнес-процессы предприятия.

Ключевые слова: устойчивое развитие, принципы ESG, предприятие, ESG-трансформация, социальная архитектура.

Под социальной архитектурой организации будем понимать процесс проектирования структуры, ценностей, миссии, видения, правил и коммуникаций для создания здоровой, справедливой и продуктивной социальной среды в коллективе, что способствует обеспечению благополучия и процветания бизнес-единицы, ее стейкхолдеров, общества в целом. Бизнес-структуры Республики Беларусь, подтверждая приверженность целям устойчивого развития, в последние годы активно внедряют инструменты и подходы концепции ESG. ESG-подход встраивается в социальную архитектуру организации по трем направлениям: экологичном, социальном и управленческом.

Экологичность как новая операционная парадигма подразумевает создание новых технологий, внедрение экологически ответственных практик, культуры бережливости и ответственности при воздействии на окружающую среду. Рассматривается степень интеграции климатической повестки в деятельность компании, эффективность использования всех видов природных ресурсов.

Социальный аспект означает совершенствование корпоративной культуры, укрепление репутации и имиджа, приверженность нормам и принципам социально-ответственного поведения. Принимаются во внимание социальные инвестиции в развитие местных сообществ, воздействие на местное сообщество, корпоративная социальная ответственность, человеческий капитал и кадровая политика компании, политика взаимоотношения с клиентами и партнерами, обеспечение качества и безопасности производимой продукции, соблюдение прав человека, соблюдение норм этичности бизнеса.

Управленческий аспект подразумевает прозрачность структуры собственности и владения, анализ деловой репутации владельцев, наличие в открытом доступе долгосрочной стратегии предприятия рассматриваемой через призму устойчивого развития, анализ интеграции принципов ESG в долгосрочную стратегию, влияние и роль акционеров, прозрачность системы оценки вознаграждения, уровень развития стейкхолдер-менеджмента и риск-менеджмента, механизм раскрытия информации о деятельности предприятия, в том числе – финансовой и нефинансовой, управление устойчивым развитием на предприятии.

Ключевыми аспектами мотивации к ESG-трансформации для отечественных предприятий являются следующие:

- получение финансирования, участие в зеленом инвестировании и кредитовании. Так, ОАО «Белинвестбанк» предлагает юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, являющимся резидентами Республики Беларусь, условия финансирования экологических проектов («зеленые» проекты) [1];
- доступ на внешние рынки, прежде всего – рынок России и Китая, с довольно жесткими ESG требованиями;
- повышение конкурентоспособности продукции и снижении нефинансовых рисков.

Министерством экономики Республики Беларусь разработаны рекомендации по внедрению ESG-принципов в деятельность субъектов хозяйствования. Внимание уделено выстраиванию модели организационного управления, необходимой для эффективного обеспечения учета ESG-факторов на всех уровнях принятия решений. «Рекомендуется делегировать вопросы устойчивого развития в части их управления и реализации Совету директоров (наблюдательному совету), комитету по стратегии и устойчивому развитию, генеральному директору – председателю правления и правлению, рабочей группе по устойчивому развитию, отдельному структурному подразделению или ответственному лицу» [2].

Проектирование и построение социальной архитектуры организации (предприятия) как системы социальных отношений и корпоративной культуры для достижения стратегических целей в области устойчивого развития может быть закреплено в следующих локальных нормативно-правовых актах и документах:

1) стратегические и идеологические корпоративные стандарты: Политика и Стратегия в области устойчивого развития, Кодекс корпоративного управления, Антикоррупционная политика, Положение о конфликте интересов, Политика по благотворительной и спонсорской помощи;

2) документы, регулирующие формальные отношения: Коллективный договор, Правила внутреннего трудового распорядка, трудовые договоры, Положение об организационной структуре;

3) документы, регулирующие процессы управления персоналом: Положение об оплате труда и материальном стимулировании, Положение о найме и адаптации, Положение об обучении и развитии персонала, Положение о кадровом резерве и карьерном продвижении;

4) лояльные нормативно-правовые акты в области социальной политики и улучшения качества жизни сотрудников: Положение о социальном пакете, Положение о корпоративных мероприятиях и традициях, Программы здоровья и благополучия;

5) внутренние регламенты в области коммуникаций и обратной связи: Положение о внутренних коммуникациях, Политика по работе с предложениями сотрудников, Регламент проведения опросов удовлетворенности.

Стратегические ESG-документы организации (предприятия) необходимы для решения целого ряда задач:

- определение и соблюдение обязательных и добровольных стандартов отчетности, финансовой и нефинансовой, связанной с экологическими, социальными и управленческими факторами;

- проактивная подготовка к возможному изменению законодательства в части усиления требований в области экологии, раскрытия нефинансовой информации;

- формирование долгосрочного вектора развития, имплементация и перевод ЦУР в конкретные долгосрочные измеримые цели предприятия;

- определение и минимизация ESG-рисков, повышение устойчивости к кризисам;

- повышение операционной эффективности;

- укрепление кадрового потенциала предприятия;

- стимулирование инноваций для продуктов, процессов, бизнес-моделей для решения задач устойчивого развития;

- стандартизация и верификация отчётности по устойчивому развитию, подготовка отчетности для получения рейтингов и рэнкингов ESG.

В настоящее время отсутствует универсальная методология разработки ESG-документации. Руководящие принципы деятельности по устойчивому развитию, ориентированные на внутренних и внешних стейкхолдеров, размещаемые, как правило, на сайте, закреплены в Политике по устойчивому развитию. Стратегия устойчивого развития организации (предприятия) определяет план действий для достижения целей устойчивого развития и реализации принципов Политики.

Стандартная Политика в области устойчивого развития организации (предприятия) включает:

1) заявление о политике как определение четкой приверженности принципам ESG в контексте миссии, видения, ценностей;

2) область и сфера применения, основополагающие принципы – защита окружающей среды, ответственность перед обществом, этичность, прозрачность деятельности;

3) измеримые цели устойчивости, соотносимые с 17 целями устойчивого развития. Стратегические приоритеты определяются по направлениям:

а) экологическая составляющая описывает обязательства по защите окружающей среды (эффективное использование ресурсов, энергосбережение, управление отходами, сокращение загрязнения и сохранение биоразнообразия);

б) социальная составляющая рассматривает аспекты безопасности и охраны труда, развития персонала, защиту прав потребителей, вклад в развитие местных сообществ;

в) управленческий компонент описывает структуру управления устойчивым развитием на предприятии, интеграцию политики в общую бизнес-стратегию предприятия (этика и соблюдение норм антикоррупционного законодательства, прозрачность и раскрытие информации в отчетности по устойчивому развитию, вовлеченность стейкхолдеров и коммуникации с заинтересованными сторонами, ответственное управление цепочками поставок);

4) обязанности, роли, подотчетность, ответственность;

5) взаимодействие с заинтересованными сторонами (сотрудниками, клиентами, поставщиками, сообществами и другими);

6) мониторинг и отчетность, в том числе – ключевые индикаторы эффективности, процесс подготовки и размещения отчётности;

7) процесс пересмотра и обновления Политики.

Следует отметить, что при присвоении ESG-рейтинга в Беларуси, согласно информации агентства BIK Ratings [3], профиль социальных рисков компании включает следующие направления оценки:

– политика корпоративной социальной ответственности, её документальное оформление;

– уровень оплаты труда сотрудников; оценка «отлично» выставляется, если «доход одного сотрудника объекта оценки в среднем равен или превышает 200 % от среднего уровня по стране, при этом минимальный и максимальный доход сотрудников в компании не отличаются более чем в 5 раз» [3, с. 32];

– уровень социальной защиты персонала; оценка «отлично» выставляется, если «объект оценки предоставляет всем своим штатным сотрудникам (но не менее чем 50 % от числа всех сотрудников) бесплатное (за счет средств компании) медицинское страхование или обеспечивает ежемесячную/ежеквартальную выплату средств на медицинские цели»;

– система охраны труда;

– система минимизации социальных рисков, социальная обстановка внутри коллектива; наличие сертифицированной системы управления социальной ответственностью, соответствующей международному стандарту ISO 26000 или его национальному аналогу;

– осуществление социального маркетинга, укрепление бренда в глазах потребителей, улучшение качества жизни отдельных групп населения. Направления социального маркетинга – это спонсорские и благотворительные программы, корпоративное волонтерство, «фандрайзинг как мероприятия, направленные на сбор средств с целью улучшения социально-экономического положения региона (в том числе сбор средств через благотворительные компании, конкурсы и гранты от специализированных фондов, для реализации важных социальных проектов и пр.)» [3, с. 37];

– практика ответственного социального инвестирования; оценка «отлично» присваивается, если «в инвестиционном/кредитном/лизинговом портфеле или портфеле займов имеется 2 % и более компаний/продуктов (в стоимостном и/или натуральном выражении), которые продвигают социальные проекты, направленные на достижение положительного

социального результата, или продвигают решения по смягчению отдельных социальных проблем, или в своей деятельности активно используют инструменты социального маркетинга» [3, с. 39].

При оценке профиля управленческих рисков рассматриваются:

- оценка деловой репутации, в том числе – отсутствие у объекта оценки просроченных обязательств перед бюджетом или государственными фондами в течение последних 3 лет сроком более 10 календарных дней [3, с. 40];
- наличие стратегии развития, выполнение на протяжении 3 последних календарных лет годовых подцелей более чем по 80 % показателей;
- эффективность деятельности совета директоров (наблюдательного совета);
- практика управления рисками;
- прозрачность деятельности бизнеса, публикация не реже 1 раза в год годовой аудированной финансовой отчетности и неаудированной отчетности об экологической и социальной деятельности; «публикуемая актуальная отчетность находится в публичном доступе и любой желающий может получить к ней доступ непосредственно на сайте объекта оценки без необходимости прохождения регистрации или верификации. Найти данную отчетность можно как через главную страницу сайта (не более 3 переходов) и/или через строку поиска» [3, с. 45].

Литература

1. Поддержка экологичного бизнеса // ОАО «Белинвестбанк». – URL: <https://www.belinvestbank.by/business/page/uslovija-finansirovanija-jekologichnyh-proektov> (дата обращения: 19.09.2025).
2. В Беларуси разработаны ESG рекомендации для бизнеса // Цели устойчивого развития в Беларуси. – URL: <https://sdgs.by/news/v-belarusi-razrabotany-esg-rekomendaczii-dlya-biznesa/> (дата обращения: 10.10.2025).
3. Методология присвоения ESG-рейтингов компаниям, городам и регионам ООО «БИК Рейтингс» // BIK Ratings. – URL: <https://bikratings.by/wp-content/uploads/2024/09/metodologiya-esg-02.09.2024.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).

М. Е. Карпицкая

Е. С. Винчо

Eva.vincho@gmail.com

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБОРОТНЫМИ АКТИВАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена совершенствованию финансового управления оборотными активами предприятий агропромышленного комплекса с учётом институциональных и макроэкономических ограничений. Рассматриваются современные методы повышения финансовой устойчивости, такие как динамическое нормирование запасов и внутренний факторинг. Внедрение интегрированных информационных систем и стратегий страхования рисков рассматривается как важный инструмент снижения зависимости от внешнего финансирования. В статье также предлагается оптимизация финансового цикла и стратегии управления источниками оборотного капитала. Предложенные механизмы способствуют улучшению финансовой автономии и обеспечению устойчивого инновационного развития агропромышленных предприятий.

Ключевые слова: совершенствование системы, финансовое управление, оборотные активы, инновационное развитие, динамическое нормирование, внутренний факторинг, финансовая устойчивость, страхование рисков.

1. Введение: Актуальность проблемы и задачи исследования

Обеспеченность предприятия собственным оборотным капиталом (СОК) является ключевым индикатором его финансовой устойчивости, платежеспособности и способности к расширенному воспроизводству. В условиях современной экономики, где конкурентоспособность определяется скоростью внедрения технологий, дефицит собственного оборотного капитала приобретает критическое значение. В агропромышленном комплексе проблема недостаточности собственного оборотного капитала стоит особенно остро и носит системный характер. Это обуславливает необходимость привлечения заемных средств, что ведет к росту стоимости капитала, повышению финансового риска и, как следствие, сдерживанию процессов технологической и инновационной модернизации производства [1, с. 238].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью перехода в парадигме финансового менеджмента от устранения симптомов (постоянное привлечение кредитов) к воздействию на фундаментальные, институциональные причины, вызывающие структурный дисбаланс в финансовой системе сектора. Разработка механизмов, способных обеспечить финансовую автономию в условиях внешних ограничений, является ключевым условием для успешной инновационной трансформации.

Цель статьи – разработать методологические основы, предложить и обосновать практические механизмы, обеспечивающие результативное, проактивное управление оборотным капиталом и его источниками, что позволит достичь устойчивого укрепления финансовой устойчивости предприятий агропромышленного комплекса за счет максимального использования внутренних резервов как компенсаторного механизма.

2. Институциональный дисбаланс и отраслевые особенности

Дефицит собственного оборотного капитала в агропромышленном секторе имеет не только внутренние управленческие, но и глубокие макроэкономические и институциональные корни. Они формируют условия, в которых традиционные методы финансового менеджмента нуждаются в адаптации.

2.1. Ценовой дисбаланс и формирование финансового результата.

Основным институциональным фактором является длительно сохраняющийся ценовой дисбаланс, который проявляется в разнице темпов роста цен на продукцию сельского хозяйства (более низкий темп) и продукцию отраслей, поставляющих ему средства производства (более высокий темп). Это касается топлива, удобрений, техники и оборудования. Сельскохозяйственные предприятия вынуждены реализовывать свою продукцию по ценам, которые не покрывают в полной мере возрастающие затраты на приобретение ресурсов. Данный механизм обуславливает ограничения в формировании нераспределенной прибыли – основного внутреннего источника пополнения собственного оборотного капитала. В этих условиях управленческие меры (ускорение оборачиваемости, нормирование) не могут генерировать капитал, но они критически необходимы для компенсации потерь маржи, минимизируя потребность в дополнительном внешнем финансировании и максимально сохраняя высвобожденный капитал для реинвестирования.

2.2. Сезонность производства и длительность финансового цикла.

Отраслевая специфика агропромышленного комплекса, характеризующаяся ярко выраженной сезонностью и длительным производственным циклом (особенно в растениеводстве), институционально закрепляет значительный временной разрыв между периодом авансирования средств (закупка ресурсов весной) и периодом получения выручки (реализация осенью/зимой). Этот разрыв требует значительных объемов промежуточного финансирования. В условиях низкой рентабельности и существующего ценового дисбаланса этот объем не может быть полностью обеспечен за счет собственного капитала. Предприятия вынужденно привлекают финансирование для покрытия операционных разрывов, что снижает их маржинальность и способность к накоплению.

2.3. Влияние регулирования на управление и нормы прибыли.

Государственное регулирование закупочных цен и цен реализации на готовую продукцию, направленное на обеспечение продовольственной безопасности, объективно ограничивает возможности предприятий по формированию достаточной нормы прибыли. Это, в свою очередь, негативно сказывается на стимулах к реинвестированию и на способности к самостоятельному пополнению оборотного капитала. Ограничение свободы ценообразования снижает гибкость финансового менеджмента и делает внедрение высокоэффективных и результативных методик управления оборотным капиталом особенно актуальным в качестве компенсаторного механизма.

3. Методологические механизмы результативного управления

Для противодействия институциональному давлению и обеспечения финансовой устойчивости, финансовый менеджмент предприятия агропромышленного комплекса должен сместить стратегический фокус с привлечения внешнего финансирования на укрепление внутреннего финансового механизма через внедрение новых методик.

3.1. Ускорение оборачиваемости и сокращение финансового цикла.

Ключевым направлением является внедрение инструментов, позволяющих кардинально ускорить оборачиваемость активов и сократить финансовый цикл.

Внутренний факторинг: Это механизм, основанный на использовании внутренних финансовых ресурсов крупного холдинга или финансового центра предприятия для оперативного дисконтирования дебиторской задолженности своих структурных подразделений. Практическая реализация требует централизованного фондирования фактора, например, путем аккумуляции средств, полученных по государственным субсидиям, в едином финансовом центре или внутреннего перераспределения прибыли. Преимущества – снижение транзакционных издержек и обеспечение быстрого притока ликвидных денежных средств подразделениям без привлечения дорогостоящих банковских кредитов [5].

Динамическое нормирование запасов: Необходим отказ от устаревших статичных нормативов в пользу динамических моделей, основанных на ежемесячном прогнозе потребности с учетом сезонных колебаний и планов реализации. Использование ABC-анализа (стоимостная оценка) и XYZ-анализа (стабильность потребления) позволяет оптимизировать уровни запасов, снизить объем неликвидов и, как следствие, высвободить значительный объем замороженного капитала, направив его на пополнение собственного оборотного капитала. Методологически внедрение должно сопровождаться анализом «Затраты-Выгода» для подтверждения, что эффект высвобождения капитала перекрывает затраты на аналитическое и программное обеспечение.

3.2. Стратегическая оптимизация источников финансирования.

Для повышения устойчивости необходимо пересмотреть структуру источников финансирования оборотного капитала, отдавая предпочтение тем, которые не увеличивают долговую нагрузку.

С этой целью необходимо формировать целевые резервные фонды из нераспределенной прибыли. Эти фонды должны быть изолированы и направлены исключительно на пополнение собственного оборотного капитала в пиковые периоды операционного цикла.

Также необходима реализация принципа обоснования ценовой политики через активное использование аналитических данных о реальной себестоимости и уровне рентабельности. Комплексный финансовый анализ должен доказать экономическую нецелесообразность реализации продукции ниже определенного порога маржинальности, что является основой для отстаивания интересов предприятия в регулирующих органах [3].

4. Внедрение инструментов для повышения результативности и снижения рисков

4.1. Цифровизация как основа прогнозирования:

Использование современных интегрированных информационных систем управления ресурсами и цифровых платформ позволяет осуществлять оперативный мониторинг оборачиваемости запасов и дебиторской задолженности, а также строить прогнозные модели движения денежных средств. При выборе систем акцент должен делаться на модульности и адаптируемости к аграрному учету, что снижает стоимость внедрения. Цифровизация создает единую информационную базу для быстрого и проактивного принятия управленческих решений, что критически сокращает период оборачиваемости, минимизирует риски кассовых разрывов и, следовательно, снижает зависимость от внешних займов.

4.2. Роль страхования и хеджирования в снижении рисков.

Риск-менеджмент становится неотъемлемой частью управления оборотным капиталом. Методологическое включение защитных механизмов в годовой бюджет выражается:

Включение расходов на страхование в финансовое планирование. Обязательное и добровольное страхование урожая, основных фондов и животных от климатических, эпизоотических и иных рисков является прямым фактором снижения финансового риска. Выплаты по страховым случаям становятся источником оперативного пополнения оборотного капитала, что предотвращает необходимость привлечения дорогих кредитов для восстановления производственного цикла.

В оценке и использовании форвардных контрактов или иных производных финансовых инструментов для хеджирования ценовых рисков на сырье (например, на зерно или корма). Форвардные контракты с фиксированной ценой продажи/покупки являются прагматичным механизмом фиксации будущей выручки, тем самым защищая маржинальность и основной источник пополнения собственного оборотного капитала.

5. Заключение

Управление оборотным капиталом в агропромышленном комплексе требует перехода к методологически обоснованным, результативным и проактивным подходам, нивелирующим негативное влияние институционального дисбаланса.

Успешность финансового менеджмента определяется способностью предприятия к внутреннему финансированию, основанному на централизованных ликвидных ресурсах (внедрение внутреннего факторинга), как компенсаторному механизму, преодолевающему длительность операционного цикла.

Переход к динамическому нормированию запасов и интеграция страхования и риск-менеджмента в финансовое планирование являются обязательным условием для обеспечения финансовой автономии и высвобождения капитала из неликвидных статей баланса.

Реализация предложенных методологических основ, подкрепленная цифровизацией процессов, позволит не только стабилизировать финансовое состояние предприятий агропромышленного комплекса и снизить их долговую нагрузку, но и обеспечит устойчивую основу для их инновационного развития за счет внутренних ресурсов.

Литература

1. Гусаков, В. Г. Задачи и функции финансового управления в сельском хозяйстве. Аграрная экономика. – 2024. – № 1. – С. 235–241.
2. Володин, А. А. Роль и место финансового управления в системе менеджмента организации. Экономика. – 2024. – № 4. – С. 140–148.
3. Ахметов, Р. Г. Финансовый менеджмент в АПК: учебное пособие. – Москва: Инфра-М, 2023. – 300 с.
4. Воробьев, И. М. Ключевые цели и задачи финансового управления в современных условиях. Финансы и кредит. – 2023. – Т. 29, № 11. – С. 38–45.

А. К. Костенко

kostenko@gsu.by

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

В статье исследуются текущее состояние сельхозпроизводства и роль государственной аграрной политики Республики Беларусь в обеспечении приоритетов развития национальной экономики, повышении эффективности АПК посредством реализации экспортного потенциала отрасли, повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, создания благоприятного инвестиционного климата.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, сельскохозяйственное производство, эффективность АПК, продовольственная безопасность, экспортный потенциал АПК, конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции.

Сельское хозяйство играет ключевую роль в системе национальных экономических интересов, обеспечивая не только продовольственную безопасность страны, но и выступая сырьевой базой для многих отраслей промышленности. Государственная политика Республики Беларусь в области сельскохозяйственного производства как система мер, направленных на повышение эффективности агропромышленного комплекса, реализуется согласно Указа Президента РБ «О государственной аграрной политике» № 347 от 17.07.2014 (далее Указ № 347) посредством совершенствования специализации сельскохозяйственного производства и его организационно-экономической структуры, рационального использования земель и государственной поддержки агропромышленного комплекса. Последнее направление имеет ключевое значение для обеспечения *экономической эффективности АПК*, которую согласно определенным в Указе № 347 целям государственной аграрной политики следует рассматривать как *формирование эффективного рынка и повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия путем поэтапного перехода к свободному ценообразованию, повышения эффективности хозяйственной деятельности сельхозпроизводителей, создания благоприятного инвестиционного климата и увеличения объема инвестиций в АПК*.

Доля сельскохозяйственного производства в ВВП Беларуси по итогам 2024 года составляет около 6,9 % или 36,8 млрд. руб. В организациях АПК трудится более 236 тыс. чел. или 6,7 % от списочной численности занятых в республике. На конец 2024 года в стране зарегистрировано 1455 сельскохозяйственных организаций и 3 343 крестьянских (фермерских) хозяйств. Доля отрасли в республиканском объеме инвестиций в основной капитал составляет 12,7 %. [1]

Агропромышленный комплекс РБ сегодня в полной мере удовлетворяет внутренние потребности страны в основных видах продовольствия (мясо, молоко, картофель, зерно, яйца), а доля отечественного производства на внутреннем рынке составляет более 75 %. Производство сельскохозяйственной продукции на душу населения в Беларуси соответствует уровню развитых стран, а по многим позициям превышает показатели, достигнутые в странах СНГ. В 2022 году на одного жителя приходилось 943 кг зерна, 853 кг молока и 132 кг мяса. [2] Развитое внутреннее сельское хозяйство сглаживает скачки мировых цен на продовольствие. Население защищено от инфляции на базовые продукты питания, что напрямую влияет на уровень жизни и социальное спокойствие. Значительная часть продукции (около 40 %) идет на экспорт, обеспечивающий поступление валютной выручки. На мировом агропродовольственном рынке Беларусь занимает свою нишу и по некоторым

позициям входит в число лидеров. Так, например, страна входит в тройку производителей и экспортеров льноволокна, в пятерку мировых экспортеров отдельных видов молочной продукции: сухого обезжиренного молока (5 место), сливочного масла (3 место), сыров (4 место), сгущенного молока (2 место). Кроме того, мы занимаем 15-е место по экспорту картофеля и входим в топ 20 стран-лидеров по экспорту говядины, мяса птицы, сахару и рапсовому маслу. [3]

Благодаря активной роли государства в лице компаний-холдингов (таких как «Белгоспищепром») налажены стабильные каналы сбыта сельскохозяйственной продукции, в первую очередь в Россию, а также в Китай и другие страны. География экспорта отечественного продовольствия охватывает 109 стран мира, в том числе страны СНГ, ЕС, Азии, Южной и Северной Америки, Ближнего Востока, Африки. Следствием ориентации отрасли на максимальную самообеспеченность является стабильно высокая доля экспорта сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в общем экспорте страны (20 %) и ее валовом внутреннем продукте (8–9 %), что свидетельствует о высоком уровне развития отечественного АПК, его значительном экспортном потенциале. Способность государства самостоятельно прокормить свое население делает его независимым от внешних поставок и политической воли других стран. В условиях международных конфликтов, санкций (закрытие границ, эмбарго) и глобальных катаклизмов (пандемия COVID-19) продовольственная безопасность имеет критически важное, экзистенциальное значение. Страна нетто-экспортер продовольствия, обладает значительным геополитическим весом и может использовать поставки продовольствия как инструмент дипломатии, оказывая влияние на страны-импортеры.

Для эффективной реализации государственной аграрной политики немаловажное значение также имеет поддержание социальной стабильности в сельской местности посредством сохранения и развития сельских территорий. Начало данному процессу было положено еще в 2005 году в рамках Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы, по итогам реализации которой было предусмотрено создание 1 481 агрогородка. К 2014 году эта цифра достигла 1 512. В 2025 году в Беларуси насчитывается 1 426 агрогородков. [4]

Не секрет, что сельхозпредприятия и фермерские хозяйства являются основными работодателями на селе, в ведении которых находится социальная инфраструктура (жилье, клубы, фельдшерско-акушерские пункты). Ее наличие и поддержание на качественном уровне предотвращает депопуляцию и запустение деревень. Уровень безработицы в сельской местности среди трудоспособного населения один из самых низких по данным официальной статистики. Во II квартале 2025 года в Беларуси этот показатель составил 2,6 %, что лучше прошлогоднего показателя за аналогичный период на 0,6 п.п. и соответствует среднему значению показателя по стране. [5]

Стабильность и эффективность сельскохозяйственного производства достигается также проведением со стороны государства целенаправленной политики технического перевооружения. В рамках развития крупнотоварного сельского хозяйства закупается современная энергонасыщенная сельхозтехника (в основном белорусского производства), строятся и модернизируются животноводческие комплексы, внедряются инновационные технологии ведения сельского хозяйства, осуществляется подготовка квалифицированных кадров. Это позволяет по многим показателям (удой молока от коровы, привесы скота) демонстрировать нашей стране результаты, сопоставимые или превышающие средние по СНГ, а в последние годы и по ЕС.

Формирование эффективного рынка в целом и рынка сельхозпродукции в частности предполагает обеспечение будущей доходности активов на уровне, который бы компенсировал инвесторам риск относительно будущих денежных потоков в условиях, когда любая существенная информация отражается на рыночной стоимости этих активов. Сельское хозяйство – это отрасль национальной экономики, перманентно подверженная высоким хозяйственным рискам, связанным с сезонностью производства, убывающей

плодородностью земель, а значит риском снижения производительности сельхозугодий, требующих постоянного внесения комплексных удобрений и обеспечения севооборота площадей, отведенных под различные растительные культуры. Немаловажное значение имеет также климат и его изменения, погодные условия.

Эффективность конкретного производства складывается из результата и тех затрат, которые его обеспечивают. Сельскохозяйственное производство обладает чрезвычайно высокой ресурсоемкостью и капиталоемкостью, зависимостью от господдержки, которая включает законодательно установленный перечень прямых и косвенных мер. Прямые меры господдержки согласно Указа № 347 реализуются посредством финансирования за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов общегосударственных мероприятий, предусмотренных государственными, отраслевыми и региональными программами в АПК и реализуемых в соответствии с решениями Президента Республики Беларусь и законами Республики Беларусь; посредством финансирования из вышеуказанных источников непосредственно сельхозпроизводителей в форме субсидирования их деятельности, компенсации потерь при установлении диспаритета цен на промышленную продукцию, оказания индивидуальной государственной поддержки; посредством компенсации потерь банков и ОАО «Банк развития РБ» при выдаче льготных кредитов субъектам хозяйствования в АПК. Косвенные меры господдержки включают: льготный режим налогообложения; реструктуризацию задолженности перед банками, поставщиками и бюджетом; предоставление гарантий правительства, местных исполнительных и распорядительных органов по кредитам, выдаваемым сельхозпроизводителям; регулирование цен на сельхозпродукцию, сырье и продовольствие; закупку и переработку сельхозпродукции для государственных нужд и иные меры в соответствии с решениями Президента Республики Беларусь.

Сельское хозяйство сегодня невозможно вести исключительно с позиций свободного рынка. В отсутствие перечисленных выше мер господдержки подавляющее большинство сельхозпроизводителей являются низкорентабельными. И если во главу угла ставить лишь экономическую рентабельность сельхозпроизводства, то эффективность такой хозяйственной деятельности будет невысока ввиду обозначенных выше хозяйственных рисков, ее высокой ресурсо- и капиталоемкости. Даже в странах с развитой рыночной экономикой присутствуют меры прямой и косвенной господдержки сельхозпроизводителей. И как только они начинают ослабевать, в среде аграриев нарастает социальная напряженность, сопряженная нередко с протестным движением. Так, например, в конце 2023 – начале 2024 года, в Германии и Франции проходили протесты из-за отмены субсидий на дизельное топливо и льгот по налогу на транспорт, а также по причине низких закупочных цен на сельхозпродукцию фермеров. Другими словами, производство доступной для населения сельскохозяйственной продукции – очень дорогое удовольствие, которое не каждая страна может себе позволить в масштабах, обеспечивающих ее продовольственную безопасность как важнейшую составляющую национальной безопасности.

При ближайшем рассмотрении то, что не эффективно с позиции отдельно взятого сельхозпроизводителя, сторицей компенсируется на макроэкономическом уровне, т. е. на уровне всей национальной экономики. Речь идет о сложной экосистеме – ресурсном обеспечении смежных с АПК отраслей, использующих его продукцию в качестве сырьевой базы, а также отгружающих широкий перечень готовой продукции на агропромышленные предприятия. В распоряжении государства находятся значительные по своим масштабам ресурсы, которые оно, согласно своим национальным интересам, эффективно перераспределяет для повышения конкурентоспособности и финансовой устойчивости отрасли, обеспечивая бесперебойную работу сельхозпредприятий, обладающих высоким экспортным потенциалом. Один рубль, инвестированный в АПК, превращается в десятки рублей прибыли для таких отраслей национальной экономики, как машиностроение, химическая промышленность, легкая промышленность, наука и образование, логистика, торговля и др. С каждым годом отдача от таких вложений будет только расти.

Результативность сельхозпроизводства обеспечивается, с одной стороны, размерами выручки, а с другой – затратами постоянного и переменного характера. Выручка, как основной показатель производительности труда, зависит от цен и объемов реализации. В условиях регулируемых цен на внутреннем рынке хороший результат обеспечивается, прежде всего, за счет экспортных поставок нашей продукции за рубеж. В 2023 году на внешние рынки было реализовано сельскохозяйственной продукции и продуктов питания на сумму 8,5 млрд. долларов США. Внешнеторговое сальдо нашей страны в торговле продовольствием в указанном периоде достигло +3,5 млрд. долларов США. На фоне хронического дефицита, наметившегося во внешней торговле страны начиная с 2021 года, сельское хозяйство и пищевая промышленность Беларуси продолжают поддерживать положительный баланс, компенсируя слабые экспортные позиции других секторов экономики. Увеличить объемы реализации можно также за счет повышения эффективности управления цепочками создания добавленной стоимости в АПК, грамотного решения вопросов производственной кооперации, формирования внутриотраслевых кластеров, развития транспортной инфраструктуры и логистики на основе применения ИИ, повышения устойчивости прямых связей с рынками сбыта при сохранении четко функционирующих механизмов международной торговли, расширения взаимной торговли и сотрудничества между государствами – членами ЕАЭС, а также внутри интеграционных объединений (СНГ, ШОС, БРИКС).

Что касается затрат, включая снижение продовольственных потерь и пищевых отходов, то их оптимизация лежит в плоскости мер, которые принимаются на местах руководством региона, отдельно взятого сельхозпредприятия, а внутри него – руководителями среднего и низового уровней, отдельными специалистами. На земле должен быть хозяин, должны в полной мере проявлять себя рачительность и ответственное отношение к делу, впрочем, как и везде.

Таким образом, сельское хозяйство – это стратегическая отрасль, от которой напрямую зависит выживание, суверенитет и стабильность государства. Это не просто один из секторов экономики, а фундаментальная основа, без которой невозможны экономическая стабильность и национальная безопасность в долгосрочной перспективе. Инвестиции в развитие сельского хозяйства, отраслевую науку и технологии – это инвестиции в устойчивое и независимое будущее страны. Государственная политика Беларуси в области сельского хозяйства, с учетом ключевых приоритетов национального развития (обеспечение продовольственной безопасности, поддержание социальной стабильности в сельской местности и обществе в целом, реализация экспортного потенциала отрасли), является последовательной и эффективной. Сельскохозяйственная отрасль Беларуси имеет хорошие возможности для роста и развития, чему в полной мере способствует природный потенциал, активная инновационная политика государства в части техперевооружения и кадрового обеспечения, диверсификация экспорта и освоение новых рыночных ниш. В конечном счете, проблема эффективности сельскохозяйственного производства затрагивает каждого из нас. Ежедневно мы покупаем определенный набор продовольственных товаров, ассортимент и доступность которых говорит об уровне и качестве нашей жизни. И если мы хотим жить лучше, то должны (каждый на своем уровне) активно в этом участвовать.

Литература

1. Сельское хозяйство Республики Беларусь: статистический буклет. [Электронный ресурс]; Национальный статистический комитет РБ. – Минск, 2025. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/860/fqh3ez5lwu83p23qhfsa9dphgc9s_49sp.pdf. – Дата доступа: 15.10.2025.
2. Рекомендации по эффективному обеспечению национальной продовольственной безопасности [Электронный ресурс]; Институт системных исследований в АПК

НАН Беларуси. – Минск, 2023. – Белорусская сельскохозяйственная библиотека им. И. С. Лупиновича НАН Беларуси (БелСХБ). – Режим доступа: <https://agroprom.belal.by/jour/article/download/270/270>. – Дата доступа: 15.10.2025.

3. Каких успехов добилась Беларусь в вопросе продовольственной безопасности. [Электронный ресурс]; Белорусский институт стратегических исследований (БИСИ). – Минск, 2024. – Режим доступа: <https://bisr.gov.by/my-v-smi/kakikh-uspekhov-dobilas-belarus-v-voprose-prodovolstvennoy-bezopasnosti> – Дата доступа: 15.10.2025.

4. 20 лет назад по инициативе Главы государства начала реализовываться инвест-программа развития белорусского села [Электронный ресурс]; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2025. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/mart/88067/> – Дата доступа: 15.10.2025.

5. Уровень занятости и безработицы (по данным выборочного обследования). [Электронный ресурс]; Национальный статистический комитет РБ. – Минск, 2025. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2025/zanyatost_bezrobotica_2025_7.pdf. – Дата доступа: 15.10.2025.

К. В. Лапицкая

В. Е. Лявишук

lapitskaya.2003@mail.ru

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С БЛОГЕРАМИ КАК ФОРМА НАТИВНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье рассматривается взаимодействие с блогерами как новая форма нативной рекламы в среде Интернета. Выявлены теоретические основы данного направления и его вклад в формирование доверия аудитории к бренду. На примере деятельности ОДО «фирма АВС» исследованы формы сотрудничества с блогерами и их влияние на эффективность коммуникационной политики организации.

Ключевые слова: нативная реклама, блогеры, инфлюенс-маркетинг, коммуникационная политика, доверие к бренду, продвижение, пищевая промышленность.

В среде медиатрансформации традиционные рекламные форматы малоэффективны: аудитория всё больше и больше игнорирует навязчивую и баннерную рекламу, в пользу качественного контента, выставляемому как полезному и актуальному. В данном контексте набирает популярность нативная реклама – это формат, где рекламное сообщение альтернативно вписывается в контент выбранной платформы и не мешает пользователю. В отечественной литературе и отраслевых обзорах нативная реклама также обычно именуется как средство встраивания бренда в информационный поток в таких условиях, чтобы рекламное сообщение подходило форме и стилю площадки.

Самым регулярным вариантом воплощения нативной рекламы в цифровой среде стало взаимодействие брендов и блогеров, а на практике часто именуется термином инфлюенс-маркетинг. Инфлюенсеры более распознаваемы аудиторией и могут распространять рекламное сообщение посредством личного опыта, сторителлинга и повседневного контента, что расширяет воспринимаемую аутентичность интеграции. Отраслевые отчёты подтверждают стабильную динамику рынка инфлюенс-маркетинга и демонстрируют высокую рентабельность вложений в этот канал, что представляет его как значимый фактор коммуникационной политики компаний [1, с. 18–19].

В научном смысле наиболее актуальными характеристиками нативной рекламы и фирменного сотрудничества с блогерами являются:

- 1) соответствующий дизайн формы и содержания площадки;
- 2) глубокая степень персонализации сообщения к целевой аудитории;
- 3) аутентичность представления, оказывающее влияние на восприятие бренда.

Современными исследованиями также обоснована сложность границ между редакцией и коммерческим контентом и необходимость прозрачного обозначения рекламных интеграций для соблюдения этических и правовых требований [2].

Для организаций пищевой промышленности нативная реклама через блогеров обеспечивает целый ряд специфических возможностей: продукт можно продемонстрировать в контексте его фактического потребления (рецепты, домашние приёмы, отзывы), продемонстрировать функциональные особенности упаковки и зрительно «вписать» продукт в бытовую среду, что усиливает эмоциональную зацепку потребителя за бренд.

Вместе с тем эффективность таких кампаний не только зависит от охвата, но и от релевантности аудитории, степени вовлечения и соответствия ценностей блогера ценностям бренда. Современные исследования и аналитические обзоры подтверждают, что комбинированное использование платных интеграций, обзоров, бартерных упоминаний и подарочных рассылок дает наиболее устойчивый эффект для локальных брендов [3, с. 41].

ОДО «фирма АВС» активно использует сотрудничество с блогерами как средство нативной рекламы, что дает возможность органично добавить продукт в привычный инфлюенсеру контент и вызвать у аудитории доверие. Варианты взаимодействия с блогерами разнообразны. Некоторые компании сотрудничают с авторами не за деньги – продукция отдается бесплатно, и, если она действительно понравится блогеру, он расскажет об этом в своих социальных сетях. Такой формат воспринимается подписчиками как искренняя рекомендация, а не навязчивая реклама (рисунок 1).

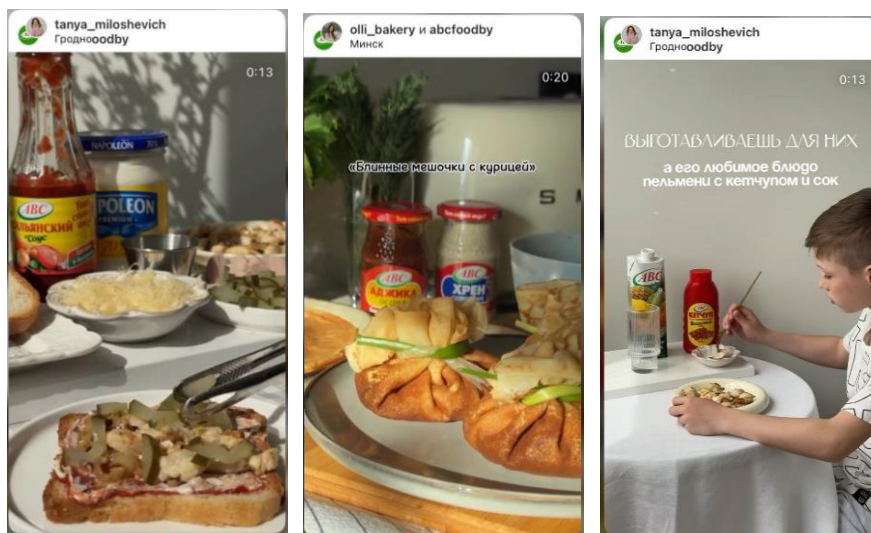


Рисунок 1 – Ролики блогеров с продукцией АВС

С другими блогерами сотрудничество происходит на коммерческой основе: компания заключает соглашение о размещении контента, где продукт представляется в контексте рецептов, рецензий или использования в повседневной жизни.

Особенно заметный охват обеспечивают видео в TikTok: в числе успешных примеров ролики с участием фуд-блогеров, набравшие 4,2 млн и 6,8 млн просмотров, соответственно (рисунок 2). Это привело к привлечению широкой аудитории и повысило узнаваемость бренда среди молодых потребителей.

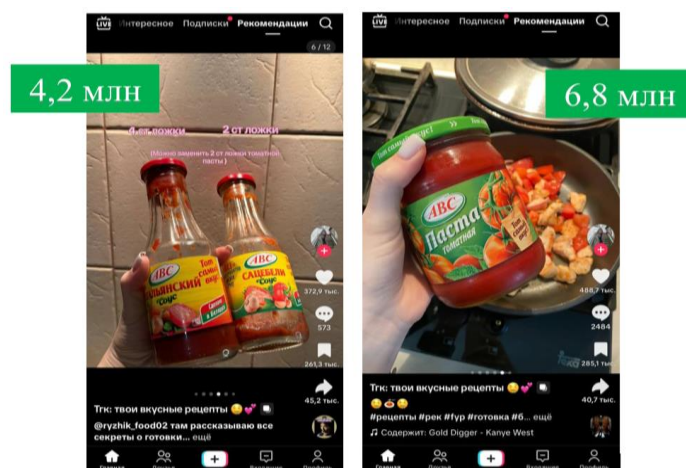


Рисунок 2 – Коммерческое упоминание у блогера

Компания также организует тематические рассылки к календарным праздникам. Фирма, к примеру, на 14 февраля, Пасху и Новый Год отправляла подарочные наборы с продукцией в праздничной стилистике. Скриншоты из Instagram подтверждают, что такие

посылки блогеры активно демонстрируют в историях и постах, отмечая аккаунт компании и делясь личным мнением (рисунок 3). Это создаёт дополнительную эмоциональную ценность и укрепляет ассоциации бренда с домашним уютом и праздничной атмосферой.

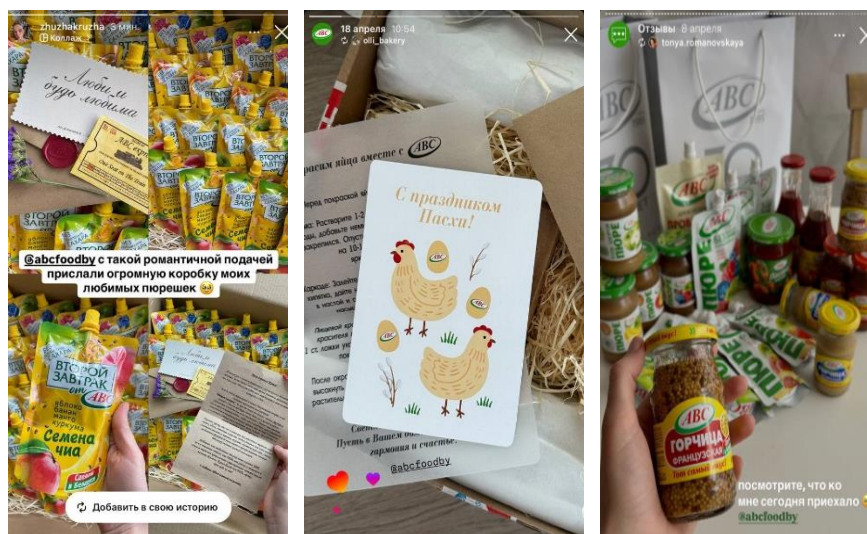


Рисунок 3 – Тематические рассылки для блогеров

Важно подчеркнуть, что продукция фирмы ABC упоминается не только в рамках оплаченного или бартерного партнёрства. Крупные блогеры, такие как Ирина Звонко и Кокобай, самостоятельно включают её в свой контент, даже не получая предварительно продукцию от бренда (рисунок 4).

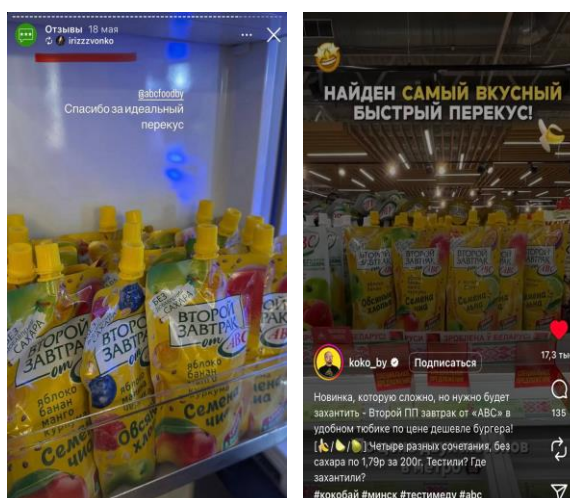


Рисунок 4 – Упоминания в крупных блогах

Положительные отзывы и рекомендации появляются в рецептах, сторис и видеообзорах, что говорит о высоком уровне потребительской лояльности и органическом интересе к продукту. Подобные упоминания особенно ценны, поскольку усиливают эффект доверия и формируют у аудитории восприятие бренда как по-настоящему качественного и заслуживающего внимания.

При выборе блогеров для сотрудничества важно определить, насколько их аудитория совпадает с целевым сегментом бренда. Анализ включает возраст, пол, род деятельности, интересы и географию подписчиков. Для организаций пищевой промышленности особое значение имеет то, как блогер взаимодействует со своей аудиторией:

насколько естественно он говорит о продуктах и демонстрирует их использование. Важно, чтобы тематика контента и тон общения автора совпадали с ценностями компании и образом её продукции. Если блогер часто участвует в рекламных интеграциях, необходимо оценить, не снижает ли это доверие подписчиков и не вызывает ли у аудитории ощущение навязчивости.

Уровень вовлеченности служит одним из главных показателей эффективности блогера. Анализируются соотношение лайков, комментариев и просмотров, частота упоминаний брендов, активность подписчиков под рекламными постами. Высокий охват не всегда означает результативность: малые и средние блогеры с лояльной аудиторией нередко демонстрируют больший отклик. Репутация и история публичных высказываний также имеют значение. Скандалы, неосторожные комментарии или противоречивые темы могут негативно отразиться на имидже организации, особенно если речь идёт о пищевой продукции.

При коммерческом взаимодействии внимание уделяется медиакиту блогера, статистике охватов, стоимости размещения и предлагаемым форматам интеграции: сторис, нативный пост, видеообзор или упоминание в тематическом ролике. Организации оценивают потенциальный возврат инвестиций через показатели вовлечённости, переходов по ссылкам и упоминаний бренда. В некоммерческих коллаборациях (бартер, подарочная рассылка, участие в мероприятиях) ключевое значение имеет органичность упоминания и готовность блогера продемонстрировать продукт без прямой оплаты. Такие взаимодействия позволяют выстраивать долгосрочные отношения и укреплять репутацию бренда через доверие и лояльность аудитории. При грамотном подборе партнёров упоминание бренда воспринимается не как реклама, а как естественная часть контента.

Следовательно, сотрудничество с блогерами в нативной рекламе является сильным инструментом нового маркетинга, который позволяет компаниям строить доверительное взаимодействие с аудиторией и усиливать восприятие бренда. Опыт ОДО «фирма ABC» подтверждает, что осознанный выбор блогеров и индивидуальный подход к каждому формату взаимодействия обеспечивают более устойчивый результат, чем массовые рекламные кампании. В условиях современного рынка, где подавляющее большинство потребителей ценит искреннюю и максимально индивидуальную коммуникацию, аналитика позволяет утверждать, что нативная реклама через блогеров повышает количество событий и разнообразных способов привлечения потребителя, следовательно, одно из наиболее перспективных направлений развития коммуникационной политики фирм пищевой промышленности.

Литература

1. The State of Influencer Marketing 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://influencermarketinghub.com/ebooks/Influencer_Marketing_Benchmark_Report_2024.pdf. – Дата доступа: 20.10.2025.
2. Disclosure-Driven Recognition of Native Advertising: A Test of Two Competing Mechanisms [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15252019.2022.2146991#d1e463>. – Дата доступа: 21.10.2025.
3. Нативная реклама цифровых медиа: специфика, виды, воздействующий потенциал // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. №3 (49). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nativnaya-reklama-tsifrovyyh-media-spetsifika-vidy-vozddeystvuyuschiy-potentsial>. – Дата доступа: 22.10.2025.

Н. В. Носко

В. В. Яковчиц

Xana1998@mail.ru

БрГТУ, Республика Беларусь

СОКРАЩЕНИЕ РИСКОВ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается актуальная проблема управления рисками в строительной отрасли, где традиционно сохраняется высокий уровень финансовых, временных и технических рисков. Исследование посвящено анализу современных подходов к минимизации различных категорий рисков строительных проектов с использованием цифровых технологий и инновационных методов управления. На основе системного анализа выявлены основные источники рисков и предложены эффективные механизмы их снижения.

Ключевые слова: управление рисками, строительные проекты, финансовые риски, срыв сроков, контроль качества, строительная отрасль.

Строительная отрасль всегда была ключевым фактором экономического роста, на ее долю приходится 10–15 % валового внутреннего продукта во многих странах мира. Но несмотря на свою экономическую значимость, это один из самых рискованных и непредсказуемых секторов деятельности. Строительные проекты сталкиваются с уникальным набором проблем, обусловленных продолжительностью инвестиционно-строительного цикла, количеством участников проекта, сложностью технологических процессов и высокой зависимостью от внешних факторов в процессе реализации.

В целом, в современном мире важность управления рисками в строительстве сильно возросла. Согласно глобальному исследованию McKinsey, проведенному в 2023 году, 98 % крупных строительных проектов реализуются с превышением бюджета или в срок. Средний перерасход средств составляет 28 % от первоначальной сметы, а продолжительность проекта увеличивается на 35 %. По официальным данным, в 2024 году каждый третий строительный проект будет завершен с превышением бюджета на 30–50 %, а каждый второй будет отложен в среднем на 6–9 месяцев [1].

Современная строительная отрасль переживает глубокие преобразования, которые связаны с несколькими факторами:

- 1) возрастающая сложность строительных проектов – переход к дорогостоящим проектам, внедрение сложных инженерных систем и требований к энергоэффективности;
- 2) ужесточение нормативных требований – введение новых стандартов безопасности, экологических норм и требований к доступности, что увеличивает нагрузку на проектировщиков и подрядчиков;
- 3) цифровая трансформация – необходимость адаптации традиционных процессов управления к технологиям BIM, большим данным, Интернету вещей (IoT) и искусственному интеллекту [2].

Большинство строительных рисков можно разделить на несколько основных классов. Каждый класс требует применения определенных методов управления рисками.

Недавние исследования показали, что финансовые риски являются одними из наиболее важных и тесно связаны с перерасходом бюджета проекта. Причины таких действий могут быть различными, включая рост цен на материалы, неучтенные работы, ошибки в сметной документации и несвоевременные платежи клиента. Также можно сказать, что непрофессиональный технический надзор или его отсутствие может привести к тому, что в документации будут указаны материалы с неоправданно высокой стоимостью или работы не будут выполнены, что в худшем случае приведет не только к финансовым потерям, но и к угрозе безопасности объекта.

Финансовые риски являются особенностью строительной отрасли. Данная сфера известна высокими расходами, а также рисками. А многие из последних связаны с внезапными денежными затратами, необходимыми для реализации проекта.

Финансовые риски в строительстве бывают следующими:

1. Перерасход бюджета. Такие риски могут возникнуть из-за неожиданных трат на материал или работу, которые не были заложены в первоначальный бюджет.

2. Недостаток финансов для завершения проекта. Подобное происходит в случае, если стоимость строительства получилась выше, чем планировалось изначально, либо же не удастся собрать необходимую сумму для его окончания.

3. Неудачные инвестиции. Это может произойти, если проект окажется проигрышным или вложенные инвестиции в строительство объекта не принесут ожидаемый доход [3].

Эффективное внедрение системы управления финансовыми рисками – это не разовое мероприятие, а процесс, который включён в систему управления проектом.

Эффективное управление рисками требует всесторонней оценки рисков. Первым шагом является выявление и анализ потенциальных рисков. Для этого используются как количественные методы (например, анализ финансовых показателей, сценарное моделирование), так и качественные методы (SWOT-анализ, мнения экспертов). Цель состоит в том, чтобы оценить вероятность возникновения риска и его потенциальное воздействие. После выявления и оценки рисков компания выбирает стратегию управления рисками. Это подразумевает предотвращение рисков, их смягчение (принятие мер по снижению вероятности или размера убытков), передачу (страхование или контракты) или принятие (создание финансовых резервов). Управление рисками не заканчивается выявлением рисков. Необходимо постоянно отслеживать как существующие, так и возникающие риски, корректируя планы по снижению рисков по мере развития проекта.

В 2025 году строительный рынок столкнется с рядом вызовов, которые увеличат финансовые риски. По данным рейтингового агентства строительной отрасли, в настоящее время 20–25 % застройщиков сталкиваются с высокими финансовыми рисками, большинство из которых – небольшие компании. Эти риски могут проявиться в виде нехватки наличности и, в некоторых случаях, привести к неплатежеспособности.

Одним из основных факторов риска стало снижение количества новых проектов. Связано это с замедлением пополнения счетов условного депонирования и высокой долей рассрочек, предлагаемых застройщиками покупателям. Из-за этого сокращается охват проектного финансирования, что приводит к увеличению процентных ставок для самих застройщиков. Эксперты отмечают, что до 25 % застройщиков могут не уложиться в сроки сдачи объектов в эксплуатацию в 2025 году, а до 30 % проектов могут быть приостановлены.

Следует отметить, что в нынешней ситуации полностью избежать финансовых рисков в строительстве невозможно, но их можно значительно снизить, путём передовых технологий, современных аналитических методов и надежных правовых механизмов.

Прежде всего, необходимо начать с аудита текущих процессов управления рисками. Определите, какие финансовые риски (кредитные, рыночные и риски ликвидности) наиболее критичны для вашей организации. Затем следует убедиться в качестве и доступности внутренних данных (отчетности, транзакций). Следует также рассмотреть возможность автоматизации рутинных операций (бухгалтерский учет, отчетность) для уменьшения количества ошибок, безопасности данных и удаленного управления.

Строительная отрасль характеризуется системной проблемой несвоевременной сдачи проектов, что, в свою очередь, приводит к значительным финансовым потерям, судебным разбирательствам и ухудшению деловой репутации.

Ключевыми причинами задержек в строительстве являются:

1. Неэффективное планирование: Неправильная оценка трудозатрат, ресурсов и времени, необходимых для выполнения работ, может привести к задержкам.

2. Недостаток коммуникации: Отсутствие четкой коммуникации между участниками проекта, включая заказчика, подрядчика, проектировщиков и субподрядчиков, может привести к недопониманию, ошибкам и задержкам.

3. Непредсказуемые факторы: Погодные условия, изменения в проекте, проблемы с поставками материалов, непредвиденные технические сложности и другие факторы могут привести к задержкам.

4. Нехватка ресурсов: Недостаток квалифицированной рабочей силы, оборудования или материалов может затруднить выполнение работ в срок.

5. Несоблюдение стандартов. Несоблюдение стандартов проектирования, строительства и безопасности может привести к переделкам и задержкам [4].

Чтобы сократить задержки, важно разработать комплексную и проактивную систему управления проектами. Это требует поддержки квалифицированных технических заказчиков, привлеченных на этапе подготовки предварительного проекта, чтобы избежать многих проблем на следующих этапах: от выбора земельного участка и разработки соответствующих технических решений до получения разрешений.

Кроме того, важно эффективно организовать процесс продвижения и логистики. Для этого следует внедрить систему закупок с контрактами с фиксированной ценой и тщательным отбором поставщиков, обеспечивающих стабильные поставки материалов и оборудования.

Также важно принимать меры по наращиванию потенциала персонала и развитию коммуникации, поскольку обучение и формирование мотивированной команды способствуют профессиональному развитию сотрудников и созданию комфортной рабочей среды, а это в свою очередь напрямую влияет на производительность и качество работы. Кроме того, важно сосредоточиться на налаживании эффективного общения: организации регулярных встреч и использование общих платформ для обмена данными, способствующих быстрому решению возникающих проблем.

Технические риски в строительной отрасли, вместе с рисками качества, являются основными факторами, определяющими безопасность, надежность и долговечность объекта. Эффективное управление этими рисками требует комплексного подхода, сочетающего передовые технологии, тщательное планирование и постоянный мониторинг.

Технические риски связаны с потенциальными проблемами или сложностями, которые возникают в ходе строительства (проектирование или способы строительства). Как пример:

1. Недостатки проектирования. Трудности, связанные с дизайном или спецификацией строительного проекта, которые приводят к увеличению расходов, задержкам или проблемам с безопасностью.

2. Несоответствующие условия труда на площадке. Например, любые непредвиденные обстоятельства (плохое состояние почвы, экологическая опасность, подземные препятствия и другие), непосредственно влияющие на реализованность или стоимость строительного проекта.

3. Трудности со строительством. Это технические нюансы, которые приводят к задержкам или увеличению расходов. Например, необорудованный доступ к площадке, плохие погодные условия, сложные методы строительства и так далее.

4. Доступность материалов. Недостаток материалов для строительства или внезапное повышение цен влияют на стоимость или график реализации проекта.

5. Отказ оборудования. Различные неисправности или же поломки необходимого оборудования во время строительства, которые также приводят к задержкам и увеличению затрат.

Эти риски могут возникать на разных этапах рабочего процесса, от проектирования до фактического выполнения, и могут привести к дефектам, перерасходу средств и задержкам.

Например, конструктивные недостатки и ошибки относятся к наиболее опасным группам риска. К ним относятся неточности в чертежах, неполные проектные документы или ошибки в расчетах, обнаруженные во время строительства. Например, неучтенное столкновение между коммунальными системами может потребовать капитального ремонта существующих коммунальных линий, что приведет к дополнительным затратам и задержкам. Неправильные расчеты нагрузки могут привести к структурной нестабильности [5, с. 52].

Кроме того, следует уделять должное внимание нарушениям технологий и методов строительства. Использование неквалифицированного персонала и несоблюдение технологических карт, рабочих инструкций или утвержденных стандартов всегда непосредственно приводят к производственным дефектам. Например, плохая герметизация бетонной смеси может привести к образованию пустот и снижению прочности конструкции, а также к сварочным сбоям в стальных конструкциях, которые являются наиболее критичными.

Тщательное планирование и мобилизация квалифицированного персонала должны быть мерами, принимаемыми для предотвращения рисков технических и качественных потерь, т.к. снижение рисков всегда начинается с обучения проектной и строительной команды. Привлечение опытных руководителей проектов, инженеров и рабочих, обладающих необходимой квалификацией, станет фундаментальным шагом на пути к устранению ошибок.

Не следует также упускать из виду предварительные испытания. Лабораторные испытания материалов и выборочные испытания конструкций под нагрузкой на ранних этапах позволяют проверить их соответствие требованиям проекта и выявить потенциальные уязвимые места до начала массовых работ.

Таким образом, эффективное управление рисками в строительстве становится стратегическим инструментом повышения конкурентоспособности компаний. Цифровая трансформация отрасли демонстрирует убедительные результаты в минимизации различных категорий рисков. Внедрение специализированного программного обеспечения значительно повышает прозрачность процессов, ускоряет обмен данными и автоматизирует управление.

Наиболее перспективные направления включают внедрение комплексных систем отслеживания сроков выполнения работ и использование цифровых инструментов контроля качества. Особенно важны комплексные подходы, сочетающие технологические, организационные и экономические аспекты управления рисками.

Литература

1. Минимизация рисков в строительстве при помощи цифры // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.planradar.com/ru/riski-v-stroitelstve/>. – Дата доступа: 01.09.2025.
2. Как управлять финансовыми рисками: методы и практические рекомендации // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blog.fin-ctrl.ru/blog/kak-upravlat-finansovymi-riskami/>. – Дата доступа: 01.09.2025.
3. Управление финансовыми рисками: этапы, методы и стандарты // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sales-generator.ru/blog/upravlenie-finansovymi-riskami/>. – Дата доступа: 01.09.2025.
4. Риски в строительстве: виды и правила управления // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru-biss.ru/blog/stroitelnye-spory/riski-v-stroitelstve/>. – Дата доступа: 01.09.2025.
5. Носко, Н. В. Применение экспертных систем на основе баз знаний при выборе эффективных интегрированных структур управления строительством в регионе / Н. В. Носко // Новая экономика. – 2021. – Спецвыпуск № 3 (2021). – С. 42–53. – Библиогр.: с. 52–53 (7 назв.). URL: <https://rep.bstu.by/handle/data/45936> (дата доступа: 23.10.2025).

Н. В. Носко

К. А. Жукович

xana1998@mail.ru

БрГТУ, Республика Беларусь

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА РУКОВОДИТЕЛЯ В ПОВЫШЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье рассматривается роль эмоционального интеллекта руководителя в обеспечении устойчивости организации в условиях высокой неопределённости и динамичных изменений внешней среды. Раскрывается сущность эмоционального интеллекта, его структура и влияние на эффективность управленческой деятельности. Особое внимание уделяется проблемам недостаточного развития эмоциональных компетенций у менеджеров и их последствиям для корпоративной культуры, мотивации и внутреннего климата коллектива. Анализируются направления развития эмоционального интеллекта и его значение для повышения адаптивности и результативности управленческих решений. Сделан вывод о том, что формирование эмоциональной зрелости руководителей является стратегическим фактором устойчивого развития современной организации.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, лидерство, устойчивость организации, управление персоналом, мотивация, корпоративная культура, адаптивность.

Современная социально-экономическая среда отличается динамичностью, непредсказуемостью и постоянными трансформациями. Мир стремительно меняется под влиянием технологического прогресса, глобальных кризисов и рыночных колебаний, что вынуждает организации искать новые способы адаптации и выживания. В таких условиях успех компании определяется не только финансовыми показателями или техническими инновациями, но и качеством управления людьми, уровнем доверия внутри коллектива и способностью лидеров сохранять психологическую устойчивость команд.

Сегодня становится очевидным, что профессиональные компетенции руководителя уже не гарантируют эффективности. На первый план выходит умение понимать человеческие эмоции, выстраивать гармоничные отношения и мотивировать сотрудников не страхом, а вдохновением. Именно поэтому концепция эмоционального интеллекта (ЭИ) всё чаще рассматривается как ключевой фактор успешного менеджмента. Этот навык помогает руководителям сохранять внутренний баланс, осознанно управлять своими эмоциями и учитывать чувства других при принятии решений.

Все необходимые навыки, которыми должен обладать хороший руководитель, и даже рядовой сотрудник, делятся на 2 большие группы:

– *hard skills* (жесткие умения) – это персонализированные, уникальные умения, которые необходимы для выполнения определенных задач. Проще говоря – это опыт работы и те умения, за которые человек получает заработную плату. *Hard skills*, как правило, подтверждаются официальными документами: дипломами, сертификатами или свидетельствами о прохождении обучения. Именно эти навыки чаще всего становятся основой профессионального роста и карьерного продвижения как для рядовых сотрудников, так и для руководителей. При этом в основном не существует конкретных жестких умений, которые подошли бы каждому человеку в абсолютно любой рабочей ситуации. Здесь все зависит от сферы и специфики деятельности;

– *soft skills* (мягкие умения) – это непредметные и более обширные умения или личные качества конкретного человека, которые напрямую не связаны с профессией, но

при этом сильно влияют на процесс работы, ее эффективность и результат Их невозможно подтвердить дипломами, сертификатами или конкретным трудовым стажем, так как они связаны не с профессиональными знаниями, а с личными и социальными особенностями человека. К мягким умениям обычно относят: креативность, стрессоустойчивость, важные навыки критического мышления, коммуникабельность и так далее [1].

Если раньше эмоциональный интеллект воспринимался как «мягкий навык», дополняющий профессиональные умения, то сегодня он стал неотъемлемой частью управленческой компетенции. Исследования показывают, что именно эмоционально зрелые лидеры способны формировать устойчивые коллективы, снижать уровень стресса и повышать вовлеченность персонала. Они не только справляются с конфликтами, но и создают атмосферу психологической безопасности, в которой сотрудники проявляют инициативу и чувствуют ценность своего вклада.

Понятие эмоционального интеллекта появилось в научной среде в конце XX века благодаря Питеру Сэловею, Джону Мэйеру и Дэниелу Гоулману. Эти исследователи определяли ЭИ как совокупность способностей человека распознавать собственные эмоции и эмоции окружающих, управлять ими и использовать это знание для эффективного взаимодействия. В отличие от традиционного IQ, который отражает уровень аналитического мышления, эмоциональный интеллект связан с эмпатией, саморегуляцией, внутренней мотивацией и социальными навыками [2].

Согласно классификации Д. Гоулмана, структура эмоционального интеллекта включает пять ключевых компонентов:

- самоосознание – понимание собственных эмоций и их влияния на поведение;
- саморегуляция – способность управлять эмоциональными реакциями и сохранять спокойствие;
- мотивация – внутреннее стремление к достижению целей, несмотря на трудности;
- эмпатия – умение распознавать чувства других и учитывать их в процессе взаимодействия;
- социальные навыки – эффективное общение, лидерство, умение вдохновлять и разрешать конфликты [2].

Эти качества определяют лицо современного лидера, где управление строится не на авторитарности, а на сотрудничестве, доверии и понимании. Особенно актуальным эмоциональный интеллект становится в кризисных ситуациях. Организация, в которой ценится эмоциональная компетентность руководителей, становится более устойчивой к внутренним и внешним вызовам. В условиях кризисов, кадровых перестановок или экономических трудностей именно руководители с высоким уровнем эмоционального интеллекта способны сохранять командный дух и помогать сотрудникам адаптироваться к изменениям.

Такой лидер не только контролирует собственные эмоции, но и умеет распознавать настроение коллектива, предотвращая выгорание и падение мотивации. Если в команде растёт напряжение, эмоционально зрелый руководитель не игнорирует проблему, а проводит открытый разговор, помогает перераспределить нагрузку и поддерживает сотрудников.

Эмоциональный интеллект – это не просто модный термин, а важнейший инструмент современного управления, который помогает сочетать человеческий подход и стратегическое мышление. Организация, которая опирается на таких лидеров, способна не только выживать в сложные периоды, но и развиваться, оставаясь привлекательной для сотрудников и партнёров.

Эмоциональный интеллект руководителя не ограничивается только умением распознавать и контролировать собственные эмоции. Важным направлением его проявления становится формирование корпоративной культуры внутри организации.

Руководитель с высоким уровнем эмоционального интеллекта способен создавать атмосферу доверия, поддержки и взаимного уважения. Такие лидеры выстраивают открытые коммуникации, где каждый сотрудник чувствует себя услышанным и значимым. Это особенно важно для сплочённости коллектива и повышения мотивации к работе.

Одним из ключевых эффектов развития эмоционального интеллекта в управлении является формирование культуры психологической безопасности. В такой среде сотрудники не боятся выражать мнение, обсуждать идеи или признавать ошибки. Это способствует появлению новых решений, инициатив и инновационного мышления, что особенно актуально для компаний, работающих в динамично изменяющихся условиях.

Низкий уровень саморегуляции нередко вызывает импульсивные решения и эмоциональные вспышки, которые подрывают авторитет руководителя. Исследования Gallup показывают, что компании, где не развиты эмоциональные компетенции, теряют до трети производительности из-за текучести кадров, плохой коммуникации и хронического стресса. А вот компании, чьи HR-подразделения активно внедряют эмоциональный интеллект в корпоративную культуру, фиксируют заметное снижение текучести кадров. Например, по данным scf.foundation.org, компании, где ЭИ -составляющая корпоративной культуры развита наиболее системно, демонстрируют до 63 % снижения уровня текучести кадров. Это результат системной работы HR с руководителями и сотрудниками, включающей регулярные эмоциональные «чек-ины», программы обратной связи и психологической поддержки [3].

Эмоциональный интеллект не является врождённым качеством – его можно и нужно развивать. Современные организации всё чаще включают обучение эмоциональной компетентности в систему корпоративного развития руководителей. Это связано с тем, что именно управленцы задают эмоциональный климат в команде и формируют модель поведения, на которую ориентируются сотрудники.

Развитие эмоционального интеллекта включает несколько направлений. Одним из самых эффективных инструментов считаются тренинги и коучинг, направленные на развитие саморефлексии, эмпатии и коммуникативных навыков. Участие в тренингах позволяет руководителям развивать способность слушать без осуждения, принимать различные точки зрения и находить баланс между требовательностью и поддержкой.

Коучинг, в свою очередь, ориентирован на индивидуальное развитие и помогает выработать устойчивые модели поведения, основанные на саморегуляции и эмоциональной гибкости. В процессе коуч-сессий руководитель получает возможность взглянуть на управленческие ситуации со стороны, проанализировать свои действия и осознать, как его эмоциональные реакции влияют на коллектив.

Кроме того, развитие эмоционального интеллекта может включать элементы психологического консультирования, обучение техникам осознанности, групповые практики по развитию эмпатии и доверия. Всё это способствует формированию культуры открытого общения и взаимного уважения в команде.

Не менее важную роль играет обратная связь от коллег и подчинённых. С её помощью можно выявить эмоциональные «слепые зоны» – те моменты, где руководитель может не замечать, как его поведение влияет на атмосферу в команде. Использование 360-градусной оценки помогает получить целостное представление о собственных лидерских и эмоциональных качествах.

Полезным инструментом также становится саморазвитие – чтение профессиональной литературы, участие в семинарах, ведение дневника эмоций, медитации и практики осознанности. Всё это помогает лучше понимать свои эмоциональные реакции и эффективнее выстраивать взаимодействие с другими.

Компании, которые вкладываются в развитие эмоционального интеллекта руководителей, получают долгосрочные преимущества: снижается уровень конфликтов, повышается лояльность персонала, качество управленческих решений и рост производительность труда. Воздействие эмоционального интеллекта на производительность труда как социально-психологического фактора имеет более сложный характер, чем воздействие научно-технических и организационных факторов [4].

Эмоциональный интеллект становится своего рода «вторым профессиональным образованием» современного лидера. Это способность управлять не только задачами, но и

атмосферой в команде, понимать внутренние состояния людей и помогать им раскрывать потенциал. Компании, где лидеры осознанно развивают эмоциональные компетенции, отличаются сплочённостью, устойчивостью к стрессам и более высокой результативностью.

Развитие эмоционального интеллекта – процесс непрерывный. Он требует постоянной практики, самоанализа и готовности к изменениям. Однако именно этот путь формирует лидеров нового поколения – тех, кто умеет сочетать рациональность и человечность, достигая успеха без потери человеческих ценностей.

Литература

1. Навыки руководителя: какие hard и soft skills нужны для успешного развития бизнеса [Электронный ресурс] // Журнал «Compass». Режим доступа: <https://getcompass.ru/blog/posts/navyki-rukovoditelya..> Дата доступа: 22.10.2025.

2. Александрова, Н. П., Петровская Е. В. К вопросу о сущности понятия «эмоциональный интеллект» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-ponyatiya-emotsionalnyy-intellekt/viewer>. Дата доступа: 22.10.2025.

3. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Эмоциональный интеллект как гарантия успешного построения карьеры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cmd.hse.ru/incomm/dpo/news/1054220838.html#>. – Дата доступа: 22.10.2025.

4. Носко, Н. В. Факторы повышения производительности труда на строительных предприятиях Республики Беларусь / Н. В. Носко // Социально-экономическое развитие городов и регионов: градостроительство, развитие бизнеса, жизнеобеспечение города : материалы IV международной научно-практической конференции, Волгоград, 9–12 февраля 2019 г. / Министерство образования и науки Российской Федерации, Волгоградский государственный технический университет. – Волгоград: ВолгГТУ, 2019. – С. 72–77. – Библиогр.: с. 77 (3 назв.). Режим доступа: <https://rep.bstu.by/handle/data/3602>. – Дата доступа: 22.10.2025.

А. В. Орлова

alinavl@yandex.ru

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

**КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГРАММЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
«РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»**

В статье рассмотрены актуальные вопросы гендерного равенства и женского предпринимательства, раскрыта их взаимосвязь. Представлен обзор основных инициатив международных организаций в области женского предпринимательства, акцент сделан на деятельности Международной организации труда в рамках Программы «Развитие женского предпринимательства».

Ключевые слова: женское предпринимательство, международная организация труда, гендерное равенство, устойчивое развитие.

В настоящее время мировое сообщество, находясь на пути преодоления кризисных явлений, стремиться к поиску и активизации всех возможных факторов устойчивого развития, среди которых следует выделить гендерное равенство и женское предпринимательство. Международные организации, региональные объединения, отдельные страны реализуют последовательные действия в отношении решения взаимосвязанных вопросов гендерного равенства и женского предпринимательства. Признается, что женское предпринимательство является важнейшей движущей силой социально-экономического развития, что находит отражение в реализации инициатив, направленных на поддержку женщин-предпринимателей.

Важную роль в данном направлении играют международные организации, которые используют свои ресурсы и организационные возможности для поддержки женского предпринимательства [1] (рисунок 1).

Остановимся более подробно на Программе МОТ «Развитие женского предпринимательства» на 2025–2030 гг. [2].

МОТ рассматривает женское предпринимательство как путь к преодолению гендерного неравенства в сфере труда, а также за её пределами. Организация признает, что гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин лежат в основе устойчивого развития и играют ключевую роль в создании справедливого, инклюзивного и безопасного будущего сферы труда, ориентированной на человека. Экономическое участие женщин, а также оплачиваемый и неоплачиваемый труд играют важную роль в экономическом росте и устойчивом развитии. Женщины, как напрямую, так и косвенно, вносят значительный вклад в мировую экономику. Тем не менее, несмотря на заметные успехи в продвижении гендерного равенства в сфере труда, сохраняются критические гендерные различия (неравное участие женщин и мужчин в рабочей силе, гендерная сегрегация в сфере труда, неравная оплата труда и пр.). Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин имеют решающее значение для реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и достижения Целей в области устойчивого развития, включая Цель 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек», Цель 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех» и Цель 10 «Сокращение неравенства внутри стран и между ними».

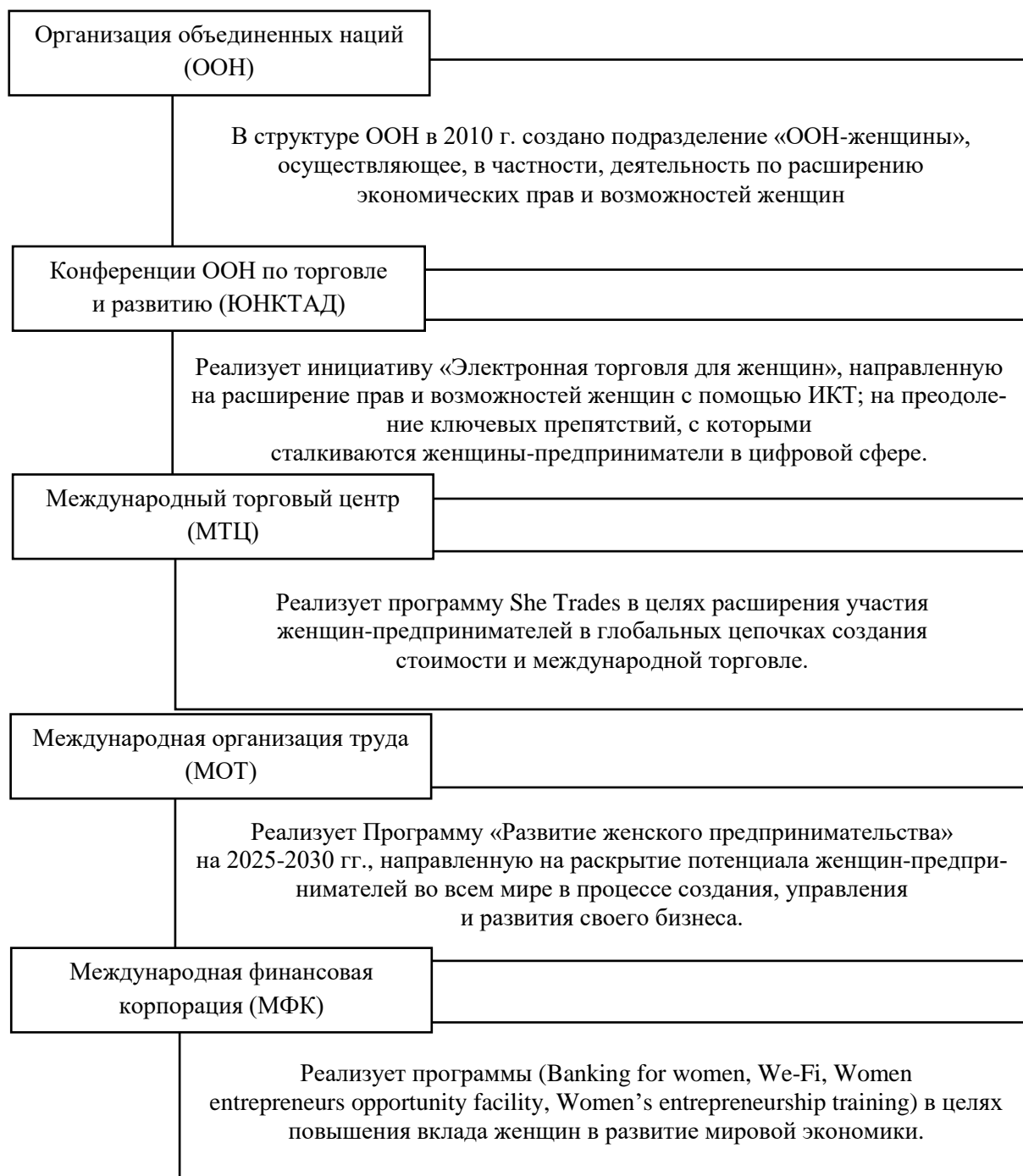


Рисунок 1 – Обзор основных инициатив международных организаций в области женского предпринимательства

Программа МОТ направлена на раскрытие потенциала женщин-предпринимателей во всем мире в процессе создания, управления и развития своего бизнеса, в том числе путем устранения гендерного дисбаланса в развитии предприятий. Целью программы является продвижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин для достойного труда и инклюзивного экономического роста. Программа основана на стратегии МОТ по содействию развитию женского предпринимательства, принятой Административным советом МОТ в 2008 году.

В основе программы лежит предположение о том, что женское предпринимательство является важнейшей отправной точкой для преодоления гендерного неравенства. Женское предпринимательство рассматривается как имеющее решающее значение для

социального и экономического развития. Основанное на принципах инклюзивности и устойчивого развития, оно представляет собой мощный путь к продвижению преобразующего и ориентированного на человека подхода к гендерному равенству в сфере труда.

В программе отмечается, что для необходимости поддержки женского предпринимательства существуют как нормативные, так и стратегические причины.

МОТ признает наличие структурных барьеров для женщин-предпринимателей. Это свидетельствует о том, что организация стремится к устранению коренных причин, а не только проблем, с которыми сталкиваются женщины-предприниматели.

В программе подчеркивается, что структурные гендерные барьеры сдерживают женщин-предпринимателей. Несмотря на предпринимаемые шаги мировым сообществом по стимулированию позитивных изменений в обществе и содействию экономическому прогрессу и устойчивому развитию, женщины-предприниматели до сих пор сталкиваются с многочисленными и взаимосвязанными барьерами, которые ограничивают их возможности по созданию, формализации, развитию и поддержанию своего бизнеса. В совокупности эти структурные гендерные барьеры повышают уязвимость женщин-предпринимателей и снижают возможности развития их бизнеса. Препятствия варьируются от ограничений их доступа к финансам до технологического неравенства, которое ограничивает доступ к необходимым ресурсам и поддержке в контексте более широкого перехода к цифровой экономике. Более того, по мере ухудшения последствий изменения климата предприятия, принадлежащие и возглавляемые женщинами, как правило, обладают меньшими адаптационными возможностями и непропорционально сильнее страдают от негативного воздействия. В качестве одного из наиболее сдерживающих факторов для женщин-предпринимателей называется сохранение укоренившихся социальных норм, в том числе, в отношении основных обязанностей женщин по уходу за членами семьи. Во всем мире женщины тратят в три раза больше времени на неоплачиваемую работу по уходу, чем мужчины, что сокращает время, отведенное для предпринимательской деятельности. По оценкам Всемирного экономического форума для достижения гендерного равенства в экономической сфере в глобальном масштабе понадобится 151 год [3].

В этой связи, поддержка женского предпринимательства рассматривается в программе с точки зрения долгосрочной перспективы. Отмечается, что предпринимательство может позволить женщинам получать доход и обрести финансовую независимость, приобрести новые навыки, получить доступ к ресурсам и участвовать в сферах, в которых они традиционно могли быть исключены. Женщины-предприниматели также могут служить образцами для подражания и вдохновлять будущие поколения. Более того, более широкие усилия по информированию о вкладе и успехах женщин-предпринимателей могут также способствовать формированию более благоприятных социальных норм и улучшению гендерных отношений в разных обществах. Женское предпринимательство может способствовать развитию и на местном уровне, поскольку женщины с большей вероятностью будут инвестировать в здоровье и образование своих детей, предоставлять общественно значимые услуги.

Женское предпринимательство рассматривается МОТ в более широком смысле, выходящим за рамки сферы занятости, что находит отражение в основных компонентах программы (таблица 1).

Таблица 1 – Основные компоненты Программы МОТ «Развитие женского предпринимательства» на 2025–2030 гг.

Название	Характеристика
1	2
Подходы	1. Двуетадийный подход. Подразумевает одновременно: а) целевую поддержку женщин-предпринимателей, работающих в формальном и неформальном секторах; б) учет гендерной проблематики в инициативах по развитию устойчивого предпринимательства.

1	2
	<p>2. Преобразовательный подход. Программа фокусируется на негативных социальных нормах и гендерных отношениях, которые формируют и ограничивают возможности женщин-предпринимателей для достижения успеха.</p> <p>3. Интерсекциональный подход. МОТ признает существование множественных и пересекающихся барьеров, с которыми сталкиваются женщины-предприниматели, что формирует и усугубляет их опыт и результаты в сфере труда и за ее пределами.</p> <p>4. Комплексный подход. МОТ сотрудничает различными субъектами для устранения структурных барьеров и неравенства, сдерживающих женщин-предпринимателей, на политическом, институциональном и предпринимательском уровнях в 70 странах.</p>
Принципы	<p>1. Поддерживающие социальные нормы, установки и гендерные отношения.</p> <p>2. Благоприятная, преобразующая политика и правовая среда.</p> <p>3. Поддержка, учитывающая гендерные аспекты, инклюзивные рынки и достойный труд.</p>
Приоритеты	<p>1. Расширение прав и возможностей женщин-предпринимателей посредством и внутри экономики ухода.</p> <p>2. Развитие женского предпринимательства для справедливого доступа к ресурсам.</p> <p>3. Использование возможностей современных технологий и цифровизации.</p> <p>4. Поддержка женщин-предпринимателей посредством формализации.</p>

Таким образом, в настоящее время женское предпринимательство находится среди приоритетов многих международных организаций, в том числе, МОТ, деятельность которых направлена на его поддержку с точки зрения справедливого и устойчивого развития.

Литература

1. Орлова, А. В. Деятельность международных организаций в области женского предпринимательства / А. В. Орлова // Международный научно-практический журнал «Эпоха науки». – 2024. – № 39. – С. 104–107.
2. The ILO Womens entrepreneurship development programme. Direction for 2025–2030 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ilo.org/about-ilo/organizational-structure-international-labour-office/ilo-department-sustainable-enterprises-productivity-and-just-transition/womens-entrepreneurship-development-programme> (дата обращения: 01.10.2025).
3. Global Gender Gap Report 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2024.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

А. О. Полуносик

anna.polunosik@gmail.com

Т. И. Караченцева

Kti8@mail.ru

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

РОЛЬ БИЗНЕС-СТРАТЕГИЙ В СОЗДАНИИ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ОРГАНИЗАЦИИ

В данной статье рассматривается важность разработки и реализации эффективных бизнес-стратегий, их влияние на формирование конкурентных преимуществ, а также роль бизнес-стратегий в укреплении рыночных позиций, повышении прибыльности и эффективности деятельности организации.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкурентные преимущества, эффективность организации, стратегия, спрос.

Бизнес-стратегия является важным фактором, который способствует укреплению и развитию организации на рынке. Она позволяет создавать конкурентные преимущества, зачастую превосходящие влияние внешнего рынка, обеспечивая устойчивое коммерческое развитие, выживание и долгосрочную преемственность организации. Эффективная бизнес-стратегия играет решающую роль в завоевании рыночных позиций. Кроме того, рыночная позиция организации напрямую зависит от высокого качества стратегических решений.

Слово «стратегический» происходит от греческого слова, обозначающего «военную смекалку» или «искусство полководца». В данном смысле стратегия – это способ определения общего направления инициативы, или, иными словами, описание того, как мы будем действовать и добиваться поставленных целей.

Стратегический менеджмент – это процесс определения и реализации основных целей и инициатив организации, который осуществляется руководством. Данный механизм базируется на анализе внутреннего потенциала организации и внешней рыночной конъюнктуры. Его ключевая функция заключается в реализации комплексного подхода к управлению операциями: определение целевых показателей, формирование политики и программ для их выполнения, а также оптимизация использования активов для решения обозначенных проблем. Одним из краеугольных камней успешного менеджмента является обеспечение стратегической целостности – создания сбалансированных отношений между фирмой и ее внешним окружением, что является залогом формирования долгосрочных конкурентных позиций.

Конкурентное преимущество отражает способность организации предоставлять клиентам уникальную ценность, недостижимую для конкурентов. Оно может проявляться в различных формах – от инновационности продукции и технологической эффективности до репутации бренда и высокой квалификации персонала.

Роль бизнес-стратегии заключается в системной организации этих факторов, их согласовании и рациональном использовании. Стратегия помогает определить, какие ресурсы и компетенции следует развивать, чтобы обеспечить долгосрочное превосходство на рынке.

Однако конкурентное преимущество не является статическим. В условиях быстро меняющейся экономики оно требует постоянного обновления и переоценки. Поэтому стратегия должна быть динамичной системой, способной адаптироваться и трансформироваться в ответ на изменения внешней среды.

В научных источниках выделяется ряд концепций конкурентной борьбы, которые раскрывают пути формирования превосходства над другими игроками в данной сфере. Объединяющей чертой этих подходов выступает анализ соотношения между операционной эффективностью и рыночной действенностью.

В рамках ресурсной теории организации предполагается, что организации, ориентированные на использование своих внутренних ресурсов и возможностей, становятся одними из ключевых инструментов для достижения конкурентных преимуществ в сравнении с конкурентами. Одним из аспектов, который играет роль в этом контексте, является влияние возраста организации на эффективность внедрения инноваций для получения конкурентных преимуществ. Кроме того, возраст организации примерно влияет на ее способность использовать инновационные решения: чем старше организация, тем сложнее ей зачастую внедрять новые идеи. Поэтому руководители и государство должны направлять ресурсы и рассматривать возможность предоставления субсидий молодым организациям. Это помогает стимулировать инвестиции и обеспечивать будущую рентабельность инновационных проектов [1].

Бизнес-стратегия представляет собой основу иерархического треугольника успешного маркетинга (рисунок 1).



Рисунок 1 – Иерархический треугольник успешной бизнес-стратегии

Существует множество различных определений и классификаций бизнес-стратегий. Одной из первых и наиболее известных является типология, предложенная Майклом Портером, которая включает три основные стратегии:

1. Общая стратегия дифференциации – ориентирована на создание уникальных продуктов или услуг, отличающихся высокой ценностью для потребителя.
2. Лидерство в затратах – фокусируется на снижении издержек для предложения продукции или услуг по более низкой цене, чем у конкурентов.
3. Фокусировка (или нишевая стратегия) – предполагает концентрацию усилий на узком сегменте рынка или конкретной группе потребителей [2, с. 210].

На практике наиболее распространены стратегии дифференциации и лидерства в издержках, поскольку именно они обеспечивают формирование ключевых конкурентных преимуществ. Выбор подходящей стратегии зависит от потенциала организации, её ресурсов и способности адаптироваться к уровню рыночной конкуренции.

Реализация успешной бизнес-стратегии требует всесторонней подготовки и глубокого осмысления ключевых факторов, определяющих устойчивость и результативность её исполнения. К основным аспектам стратегического планирования относятся:

- чёткое определение генеральной цели функционирования бизнеса;
- осознание характеристик целевой аудитории и потребительских ожиданий;

- концентрация усилий на совершенствовании и развитии предлагаемых продуктов и услуг;
- подчёркивание уникальности и высокого качества рыночного предложения для формирования позитивного восприятия со стороны общественности;
- установление эффективных коммуникаций с клиентами и разработка рациональной ценовой политики;
- построение реалистичных и измеримых программ действий;
- выявление возможных рисков и разработка альтернативных сценариев поведения для снижения угроз со стороны конкурентов;
- обеспечение стратегической устойчивости и операционной эффективности организации.

Следовательно, конкурентная стратегия выступает важнейшим элементом управленческой системы, направленным на обеспечение адаптивности предприятия к изменяющейся рыночной конъюнктуре. Её грамотное формирование позволяет организации функционировать результативно, сохранять устойчивые позиции и повышать уровень конкурентоспособности в условиях динамичной и насыщенной конкурентной среды.

В основе этой стратегии лежит концепция конкурентного преимущества, являющегося основой для достижения успеха. Для реализации этой стратегии необходимо:

1. Принимать аргументированные управленческие решения.
2. Создавать организационные структуры, поддерживающие стратегические цели.
3. Внедрять соответствующие методы управления для получения конкурентного преимущества и выполнения запланированных планов.

Данные исследования подтверждают, что стратегии, показывающие эффективность выше среднего по рынку, являются рентабельными. Каждая стратегия достигает этого посредством различных методов: выбор между лидерством в затратах, дифференциацией или фокусированием [3, с. 167].

Варианты фокусировки включают:

Фокус на затратах – снижение издержек в узкой нише рынка.

Фокус на дифференциации – предложение уникальных продуктов для специфической группы потребителей.

Организации, использующие стратегии дифференциации, способны получать дополнительные преимущества за счёт реализации продукции с более высокой добавленной стоимостью, что способствует росту показателей эффективности в отрасли. Такой подход позволяет организациям укреплять конкурентные позиции и формировать устойчивый спрос на уникальные предложения [4, с. 205].

Таким образом, в данной статье установлена прямая взаимосвязь между типом и качеством бизнес-стратегии и возможностью организации достигать устойчивого превосходства над конкурентами. Кроме того, были обозначены практические рекомендации, направленные на повышение эффективности управленческих решений и укрепление стратегического потенциала предприятия.

Бизнес-стратегия охватывает совокупность управленческих решений и действий, связанных с выбором продуктового портфеля, позиционированием организации на рынке и укреплением её конкурентных позиций. Для формирования эффективной стратегии требуется учитывать особенности бренда, анализировать рыночную среду, отслеживать поведение конкурентов и динамику потребностей клиентов. Не менее важно выявлять собственные сильные стороны, развивать уникальные компетенции и поддерживать индивидуальность организации.

Эффективная конкурентная стратегия строится на чётком понимании целей организации, осознании её миссии и выборе оптимальных путей их достижения. Только при системном подходе и постоянном анализе рыночных факторов организация может опережать конкурентов и обеспечивать устойчивое развитие. В то же время влияние бизнес-стратегии

на формирование конкурентных преимуществ остаётся сложным и многоаспектным вопросом, требующим дальнейших исследований. Дальнейшее изучение этой темы позволит определить наиболее значимые факторы, влияющие на успешность реализации стратегий в условиях динамичной рыночной среды.

Литература

1. The role of business strategy to create a competitive advantage in the organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Faroq-Ahmed/publication/344944641_The_role_of_business_strategy_to_create_a_competitive_advantage_in_the_organization/links/5f9a2af5299bf1b53e4edc60/The-role-of-business-strategy-to-create-a-competitive-advantage-in-the-organization.pdf . – Дата доступа: 23.10.2025.
2. Портер, М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / М. Портер. – Москва : Альпина Паблишер, 2020. – 606 с.
3. Ансофф, И. Стратегическое управление / И. Ансофф. – Москва : Издательство Экономика, 1989. – 358 с.
4. Зотт К., Амит Р. Бизнес-модель как инструмент стратегического анализа // Strategic Organization. – 2013. – № 11(4). – С. 403–411.

И. В. Помаз

irina.pomaz@rambler.ru

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

ВКЛАД НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ И РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются типы негосударственных некоммерческих организаций, направления их работы, выполняемые задачи и вклад в экономику страны и решение социальных проблем общества.

Ключевые слова: негосударственные некоммерческие организации, гражданское общество, научные исследования, инновации, социальные проблемы общества, вклад в экономику.

Современная рыночная экономика немыслима без развития некоммерческого сектора, создающего базу для экономического роста страны и повышения благосостояния и качества жизни населения. Активная позиция в решении социально значимых задач отводится негосударственным некоммерческим организациям (НКО).

НКО оказывают существенное влияние на различные аспекты жизни страны. В сфере их внимания социальное благополучие, образование, защита прав человека, экологическая защита, толерантность, помощь беженцам. НКО являются мощным инструментом для мобилизации общественного мнения и содействия внесению позитивных изменений в реалии белорусского общества. В управленческом процессе они становятся важными участниками социально-политической жизни страны, способствуют развитию демократических институтов, содействуют укреплению прав человека и гражданских свобод.

Современные достижения НКО позволяют судить об их весомом вкладе в экономику страны. Некоммерческие организации своими действиями принимают участие в воспроизводстве общественно полезных благ, способствуют перераспределению доходов в обществе и удовлетворению потребности его членов в благах, обеспечивают стабильное развитие экономики. Деятельность НКО направлена на воспроизводство человеческого капитала. Отдельные НКО мобилизуют финансовые средства и концентрируют ресурсы.

НКО в Республике Беларусь – это неправительственные организации, которые не являются коммерческими организациями и не ориентированы на получение прибыли, а на ее использование для достижения своих уставных целей.

Работа НКО включает различные направления: информационное обслуживание, правовую помощь, организацию культурных и спортивных событий, социальное обслуживание и др. Часто эти организации проводят образовательные программы, конференции и тренинги. Они активно взаимодействуют с государственными органами, другими общественными организациями и международными организациями для достижения своих целей и задач.

Структура и специализация НКО в Республике Беларусь различна. Это профессиональные ассоциации, благотворительные организации, социальные фонды, культурно-исторические и экологические объединения. НКО оказывают консультационные, образовательные, информационные услуги.

Основой деятельности НКО является волонтерская и некоммерческая работа, основанные на благотворительности и безвозмездной основе. Однако, НКО не могут бездействовать, они должны получать поступления и доходы для своей деятельности, что позволяет им выполнять свои задачи, привлекать средства и возможности.

Работа НКО в Республике Беларусь основана на принципах самоуправления, добровольности, открытости и прозрачности, сотрудничества и партнерства, некоммерческом характере, что позволяет эффективно работать и достигать поставленных целей в сфере общественных интересов.

НКО в Республике Беларусь выполняют задачи, направленные на развитие общества:

- защита прав и свобод граждан (осуществляют юридическое просвещение, консультируют граждан о правах, оказывают юридическую поддержку в случае их нарушения);
- поддержка уязвимых групп населения, таких как инвалиды, дети, пожилые люди, бездомные путем предоставления социальных услуг и содействия в обращении данных категорий граждан к государственным и коммерческим структурам для решения их проблем;
- развитие гражданского общества путем организации тренингов, семинаров, форумов для активных граждан, вовлечения гражданской инициативы в принятие решений, касающихся жизни отдельного человека и общества в целом;
- проведение научных исследований по социальным и экономическим вопросам, интерпретация результатов исследований и разработка рекомендаций для государственных и коммерческих организаций;
- внедрение инноваций в современные методы социальной работы с использованием образовательных, управленческих и информационных технологий;
- проведение экологических акций, просвещение население о значимости сохранения природы и рационального природопользования.

В Республике Беларусь функционирует несколько типов НКО, каждый из которых имеет свои особенности и функции:

- неправительственные организации – это некоммерческие организации, действующие независимо от государства и не получающие от него финансовую поддержку. Сфера их интересов: защита прав человека, социальная помощь, развитие гражданского общества;
- благотворительные организации – это общественные организации, занимающиеся благотворительной деятельностью, сбором пожертвований и помощью нуждающимся категориям населения;
- молодежные организации – это общественные организации, занимающиеся проблемами и интересами молодежи, реализующие молодежные проекты, организующие образовательные и культурные мероприятия;
- профессиональные ассоциации – это общественные организации, объединяющие людей одной профессии или отрасли, представляющие их интересы и защищающие их права, организующие профессиональное обучение и обмен опытом;
- экологические организации – это общественные организации, занимающиеся защитой окружающей среды и природных ресурсов путем проведения экологических акций, пропагандирующие экологически чистые технологии, популяризирующие экологические знания.

Негосударственные некоммерческие субъекты в Республике Беларусь представлены политическими партиями и движениями; профсоюзными организациями; некоммерческими благотворительными фондами и различными ассоциациями; религиозными конфессиями и др.

В Республике Беларусь на 1 января 2025 года зарегистрировано 1 397 общественных объединений и 19 профсоюзов.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. «Об основах гражданского общества» Министерством юстиции к субъектам гражданского общества, имеющим право на взаимодействие с государственными органами (организациями) в особых формах, отнесены Республиканское общественное объединение «Белая Русь», Белорусское общественное объединение ветеранов, Общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи», Общественное объединение «Белорусский союз женщин» и Федерация профсоюзов Беларуси [1].

Федерация профсоюзов Беларуси – единый национальный профсоюзный центр, республиканское добровольное независимое объединение отраслевых профсоюзов с общей численностью около 4 млн человек.

В Беларуси активно развивается молодежное движение. Крупнейшими и наиболее влиятельными из организаций являются Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ) и Белорусская республиканская пионерская организация.

Наиболее известными благотворительными организациями в Республике Беларусь являются Общественная организация «Белорусское общество Красного Креста», Общественная благотворительная организация «Белорусский детский хоспис»; Общественная организация «ЮниХелп МБОО».

Активное участие в общественной жизни страны принимают ветеранские, женские и спортивные организации.

В Беларуси работает около 350 благотворительных организаций, 85 организаций объединяют представителей национальных меньшинств.

Известными НКО Беларуси являются: общественная организация «Белорусское общество защиты потребителей», республиканское общественное объединение «Белорусский детский фонд», общественная организация «Белорусский союз художников», благотворительное общественное объединение «Мир без границ», белорусское общественное объединение ветеранов, общественная организация «Белорусский фонд мира», белорусское общественное объединение «Позитивное движение», молодежное общественное объединение «Реальный мир», республиканское общественное объединение «Люди Плюс», общественное объединение «Общество содействия инновационному бизнесу», республиканское общественное объединение «Белорусская Ассоциация клубов ЮНЕСКО», республиканское молодежное общественное объединение «Встреча», общественное объединение «Клуб деловых женщин», республиканское социальное общественное объединение «Твой шанс», ассоциация «Образование для устойчивого развития», ассоциация бизнес-образования, общественное объединение «Белорусская ассоциация молодых христианских женщин», общественное объединение «Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам», учреждение «Центр экологических решений», общественное объединение «Белорусское общество инвалидов», общественное объединение «Белорусское общество автомотолюбителей», общественное объединение «Белорусский фонд культуры», международная общественная благотворительная организация «Диалог» и др.

В Беларуси на региональном уровне также активно функционирует ряд общественных объединений, местных фондов, благотворительных учреждений и др.

Сегодня на политическом поле Республики Беларусь функционируют партии, деятельность которых соответствует основным направлениям внутренней и внешней политики, а также концепции национальной безопасности нашего государства:

– 2 мая 2023 г. зарегистрирована новая политическая партия – Белорусская партия «Белая Русь»;

– 23 июня 2023 г. прошли перерегистрацию Либерально-демократическая партия Беларуси и Коммунистическая партия Беларуси;

– 30 июня 2023 г. перерегистрирована Республиканская партия труда и справедливости.

Зарегистрированные в республике политические партии, являясь важнейшей частью гражданского общества, оказывают существенное влияние на формирование системы ценностей граждан страны, на их мировоззрение и политические убеждения.

В Республике Беларусь зарегистрировано 25 религиозных конфессий и направлений. Общая численность религиозных организаций на 1 января 2024 г. – 3 592, включая 173 религиозные организации, имеющие общеконфессиональное значение (религиозные объединения, монастыри, миссии, братства, сестричества, духовные учебные заведения) и 3 419 религиозных общин [1].

НКО вносят прямые и косвенные изменения в экономику.

Прямые изменения обусловлены тем, что некоммерческий сектор является сферой, обеспечивающей занятость и самозанятость населения путем вовлечения в активную экономическую деятельность социально уязвимых групп населения. С позиции занятости некоммерческий сектор схож с малым бизнесом. В то же время он обеспечивает социально-психологическую поддержку своих сотрудников и добровольцев, в большей мере вовлекает в экономическую деятельность социально уязвимую часть населения (например, инвалидов, безработных женщин старших возрастов и т. п.).

В Республике Беларусь некоммерческий сектор выступает в числе крупнейших работодателей, содержит высокую долю добровольного труда, привлекает к реализации социально значимой деятельности огромный общественный потенциал.

Для осуществления своей деятельности НКО покупают и производят товары и услуги, что повышает совокупный спрос и увеличивает совокупное предложение. Более того, НКО работают в нишах, которые в меньшей степени интересуют коммерческий сектор, так как приносят малую норму прибыли.

Косвенный вклад обусловлен тем, что НКО вносят в социальную сферу элемент конкуренции. Конкурентная среда, в свою очередь, способствует росту эффективности предоставления социальных услуг.

Деятельность некоммерческих организаций помогает повысить показатели уровня образования и здоровья населения, что увеличивает продуктивность экономики. Улучшая социальный климат, НКО вносят вклад в обеспечение социальной и политической стабильности, которые являются залогом экономического развития.

Таким образом, НКО являются важным элементом гражданского общества Республики Беларусь. Они играют значимую роль в различных сферах жизни страны, включая социальное благополучие, экологию, образование и защиту прав человека. НКО являются мощным инструментом для мобилизации общественного мнения и содействия развитию экономики.

Литература

1. Общественные объединения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/society/obedinenija>. – Дата доступа: 01.10.2025.

Л. Л. Скворцова

starling2009@gmail.com

А. М. Чарот

alina.charot12345@gmail.com

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ОМНИКАНАЛЬНОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлены результаты эмпирического исследования поведения потребителей в омниканальной среде. Методом кластерного анализа выделены 4 устойчивых сегмента с различными паттернами поведения. Для каждого сегмента разработаны рекомендации по построению коммуникационных стратегий, учитывающих особенности потребительского поведения.

Ключевые слова: омниканальность, омниканальный потребитель, поведение потребителей.

В условиях динамичной трансформации маркетинговой среды значимым фактором, влияющим на стратегические решения различных компаний при взаимодействии с потребителем, является постоянное совершенствование информационных и цифровых технологий. Развитие цифрового маркетинга обуславливает необходимость систематизации стратегий и инструментов, направленных на укрепление лояльности существующих клиентов и привлечение новой аудитории. Наиболее эффективной сегодня признается омниканальная стратегия, позволяющая объединить нескольких разрозненных онлайн и офлайн каналов продаж, интегрировать их в единую систему управления и учета, что позволяет максимизировать продажи за счет персонализации и индивидуальных предложений на основе анализа пользовательского опыта [1, с. 15].

Под влиянием цифровой трансформации, стирающей границы между онлайн- и офлайн-средами, изменяется и поведение потребителей. Омниканальный потребитель представляет собой новый тип покупателя, ключевой характеристикой которого является поведение по модели «всегда на связи». Используя смартфон как основное устройство, он постоянно перемещается между каналами, совмещая поиск информации в интернете с покупками в физических магазинах, что особенно ярко проявляется в ROPО-эффекте (research online, purchase offline). Такой потребитель ожидает бесшовного интегративного опыта, персонализированных коммуникаций и мгновенного доступа к услугам. Таким образом, омниканальность становится не просто трендом, а новым стандартом взаимодействия, требующим от компаний глубокого понимания многоканального поведения и адаптации маркетинговых стратегий к постоянно меняющимся ожиданиям современного покупателя [2, с. 82].

Разработка омниканальной стратегии взаимодействия с потребителями требует глубокого анализа потребительского поведения, понимания процесса принятия решения о покупке, постоянного мониторинга удобства предлагаемых сервисов на разных этапах принятия решения. Современные информационные технологии открывают уникальные возможности для глубокого эмпирического анализа поведения потребителей, создавая основу для персонализации коммуникаций и оптимизации клиентского опыта в цифровой среде.

Цель данного исследования – выявление индивидуально-типологических различий в поведении молодых потребителей при выборе каналов взаимодействия с ними в процессе принятия решения о покупке. В исследовании, проведенном методом онлайн-опроса на популяционной выборке, приняли участие 173 респондентов в возрасте от 18 до 34 лет, 68 % из которых женщины, 32 % – мужчины.

Для статистической обработки данных был использован кластерный анализ, который позволяет выявлять естественные, статистически обоснованные группы потребителей на основе их реального поведения, а не априорных предположений. Этот метод особенно ценен в омниканальном контексте, поскольку позволяет одновременно учитывать множество поведенческих параметров, выявляя сложные паттерны интеграции цифровых и физических каналов. Полученная сегментация обладает высокой практической значимостью, поскольку отражает реальное поведение потребителей и позволяет разрабатывать целевые маркетинговые стратегии для каждого выявленного сегмента, оптимизируя распределение ресурсов и повышая эффективность маркетинговых воздействий.

Для проведения анализа были отобраны шесть ключевых наборов данных, отражающих различные аспекты омниканального взаимодействия: частота совершения покупок в офлайн-каналах (1), интенсивность использования онлайн-каналов для совершения покупок (2), степень частота использования мобильных устройств при покупках (3), готовность посещать физические магазины при наличии онлайн-альтернатив (4), уровень зависимости от отзывов других потребителей при принятии решений о покупке (5), а также активность использования онлайн-ресурсов для поиска информации перед совершением покупки в физическом магазине (6). Данный набор переменных позволил комплексно оценить паттерны потребительского поведения в условиях омниканальной среды и выявить устойчивые сегменты на основе схожести канальных предпочтений.

В результате кластерного анализа выделено четыре устойчивых сегмента потребителей с качественно различными моделями омниканального поведения (рисунок 1).

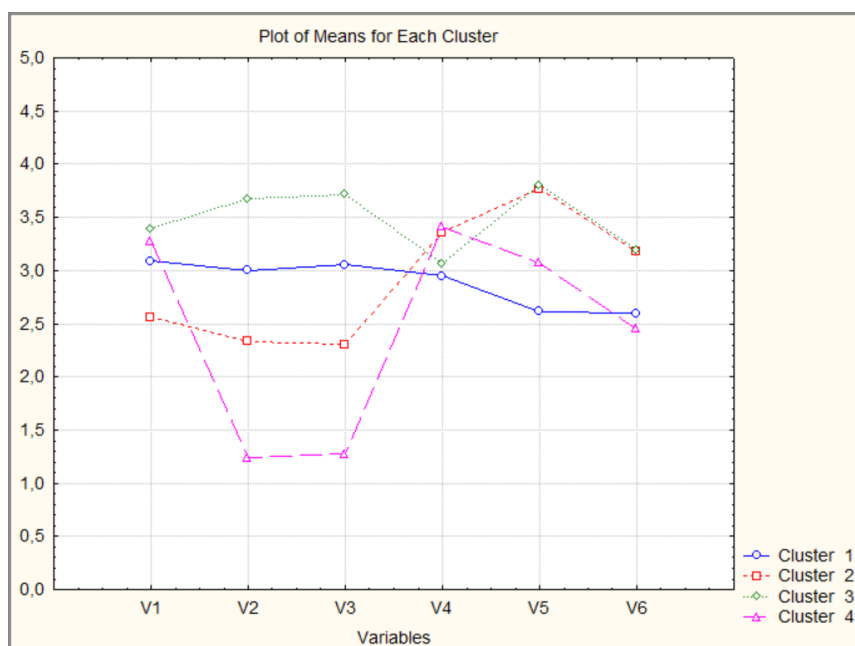


Рисунок 1 – График значения k-средних

По результатам исследования К-средних можно сказать, что кластер 3 демонстрирует высокую цифровую активность (онлайн-покупки и мобильное использование), тогда как кластер 4 – наименее активен в цифровой среде. Кластеры 2 и 3 больше подвержены социальному влиянию, а кластер 1 показывает средние значения по большинству показателей без выраженных пиков.

На основе анализа матрицы евклидовых расстояний между кластерами были сделаны следующие выводы:

1. Наибольшая близость наблюдается между кластерами 1 и 3 (расстояние 0,680) – эти группы потребителей имеют наиболее схожие паттерны поведения.

2. Наибольшая удаленность зафиксирована между кластерами 3 и 4 (расстояние 1,478) – эти сегменты демонстрируют наиболее различные поведенческие характеристики.

3. Между 1 и 4 кластерами (расстояние 1,059) имеется значительное различие в поведении.

Дисперсионный анализ выявил статистически значимые различия между кластерами ($p < 0.001$) по всем анализируемым параметрам, при этом наибольшую дифференцирующую силу показали частота онлайн-покупок ($F = 160.45$) и мобильные покупки ($F = 113.59$), что подчеркивает ключевую роль цифровых каналов в сегментации, тогда как зависимость от отзывов ($F = 38.87$) и поиск информации онлайн ($F = 12.89$) также значимо разделяют кластеры, а наименьшие, хотя и статистически значимые различия наблюдаются в отношении к физическим магазинам при наличии онлайн-альтернатив ($F = 5.77$), что подтверждает универсальность использования офлайн-каналов всеми потребительскими сегментами. Полученные результаты подтверждают качественное различие выделенных сегментов потребителей, что обосновывает необходимость дифференцированного подхода к разработке маркетинговых стратегий для каждой идентифицированной группы.

Кластер 1 включает прагматичных мультиканальных потребителей, которые свободно перемещаются между онлайн и офлайн-каналами, не отдавая явного предпочтения ни одному из них. Их потребительский путь характеризуется гибкостью и рациональностью: они могут исследовать товары онлайн, а покупать в физическом магазине, или наоборот. Для взаимодействия с этой аудиторией эффективны интегрированные коммуникационные стратегии, где все каналы работают согласованно – единые программы лояльности, синхронизированная информация о наличии товаров и персонализированные предложения, учитывающие их межканальную активность.

Кластер 2 объединяет социально-зависимых потребителей, которых отличает глубокое доверие к мнению других покупателей. Прежде чем совершить покупку, они тщательно изучают отзывы, сравнивают оценки и ищут социальное подтверждение. При этом они одинаково комфортно чувствуют себя как при онлайн-шопинге, так и при посещении физических магазинов. Ключевыми инструментами влияния становятся пользовательский контент, системы рейтингов и отзывов, а также возможность резервирования товара онлайн с последующей примеркой и покупкой в магазине.

Кластер 3 – технологически ориентированные потребители, для которых цифровые каналы стали естественной средой взаимодействия с брендами. Они ожидают бесшовной интеграции между различными каналами: могут начать покупку в мобильном приложении, продолжить на сайте и завершить в физическом магазине. Для них наиболее эффективны инновационные цифровые решения – виртуальная реальность для виртуальной примерки, персонализированные рекомендации на основе AI и мгновенные уведомления о статусе заказов.

Кластер 4 – это традиционалисты с RORO-поведением, которые ценят надежность и осязаемость традиционных магазинов, но при этом активно используют цифровые каналы для информационного сопровождения покупок. Их поведение следует классической RORO-модели: исследование онлайн – покупка офлайн. Для установления контакта с этой аудиторией важны детальные описания товаров на сайтах, функции онлайн-бронирования и прозрачная информация о наличии товара в ближайших магазинах, что позволяет им минимизировать риски и принять обоснованное решение о визите в торговую точку.

Проведенное исследование доказывает, что омниканальность стала неотъемлемым элементом современной потребительской реальности. Анализ выявил, что молодые белорусы, взаимодействуя с компаниями, формируют единое клиентское пространство, где цифровые и физические каналы взаимодополняют друг друга. Ключевым выводом является необходимость создания бесшовного опыта взаимодействия, при котором потребитель может свободно перемещаться между каналами без потери качества обслуживания.

Полученные результаты подтверждают, что эффективная маркетинговая стратегия должна основываться на глубокой интеграции всех каналов коммуникации. Для бизнеса это означает переход от управления отдельными каналами к созданию целостной экосистемы взаимодействия с клиентом.

Дальнейшее развитие омниканальных стратегий становится конкурентным преимуществом для компаний, позволяя не только соответствовать ожиданиям современных потребителей, но и формировать новые стандарты клиентского сервиса.

Литература

1. Marketing Channel Strategy. An Omni-Channel Approach / W. Robert [et al.] – London: Routledge, 2019 – 402 p.

2. Сухостов, Е. В. Исследование модели поведения омниканальных потребителей / Е.В. Сухостов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2020. – № 1 – С. 81–87.

А. И. Чигрина

И. А. Медведь

irehich@yandex.by

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ
ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА
ПО ОБЖАРКЕ КОФЕ)**

В статье рассмотрены актуальные вопросы совершенствования методики оценки инвестиционных проектов для предприятий РБ, осуществляющих диверсификацию. Выявлены системные ограничения, связанные с недостаточным учетом факторов риска. Предложен комплексный подход на основе интеграции анализа чувствительности и сценарного моделирования. Апробация подтвердила его эффективность.

Ключевые слова: инвестиционный проект, методика оценки, анализ эффективности, анализ чувствительности, сценарный анализ.

Современные экономические условия Республики Беларусь обуславливают необходимость процессов диверсификации деятельности промышленных предприятий. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос адекватной оценки эффективности инвестиционно-инновационных проектов, особенно тех, которые связаны с созданием новых производств на базе существующей инфраструктуры.

Действующая методика оценки инвестиционных проектов, регламентированная Министерством экономики Республики Беларусь [4], обладает рядом системных ограничений. Как справедливо отмечают Лысенкова и Молчанов, недостаточный учет факторов риска и несоответствие международным стандартам создают барьеры для притока инвестиций [3, с. 49]. Особую проблему представляет оценка нестандартных проектов диверсификации, когда промышленные предприятия осваивают новые для себя направления деятельности.

Целью настоящего исследования является разработка усовершенствованной методики оценки эффективности инвестиционно-инновационных проектов, интегрирующей инструменты анализа рисков в стандартную процедуру расчета. Практическая значимость работы заключается в возможности применения предложенного подхода для повышения обоснованности управленческих решений в области инвестиционной деятельности.

Анализ существующей практики оценки инвестиционных проектов в Республике Беларусь выявил следующие системные ограничения:

- использование текущих цен без учета инфляционных процессов;
- неполный учет систематических рисков через ставку дисконтирования;
- отсутствие обязательных требований к проведению анализа чувствительности;
- ограниченное применение сценарного подхода в официальных методических рекомендациях.

Сравнительные исследования демонстрируют значительные расхождения в итоговых показателях эффективности при использовании разных методик оценки. Как показали Лысенкова и Молчанов, проект, признанный эффективным по белорусской методике, по международным стандартам BFM Group может показывать отрицательную доходность [3, с. 64–65].

Предлагаемый методический подход включает два взаимосвязанных блока. Первый блок представляет стандартную оценку с расчетом NPV, IRR, PI, PP и DPP с использованием ставки дисконтирования на уровне ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь (с округлением до 10 %). Для демонстрации возможностей усовершенствованной методики в части учета макроэкономических факторов, в рамках исследования дополнительно применен дифференцированный подход к прогнозируемой инфляции: 6 % (годы 1–5), 7 % (годы 6–10), 8 % (годы 11–15), что соответствует 15-летнему горизонту расчета инвестиционного проекта. Второй блок дополняет стандартную процедуру анализом чувствительности и сценарным моделированием.

Формульная база метода включает классические показатели, приведенные ниже.

1. Расчет чистой приведенной стоимости (NPV или ЧДД) – сумма дисконтированных денежных потоков за весь период жизни проекта.

2. Расчет внутренней нормы доходности (IRR или ВНД) – ставка дисконтирования, при которой NPV равен нулю.

3. Расчет индекса рентабельности (доходности) инвестиций (ИР или PI) – отношение дисконтированных доходов к объему инвестиций.

4. Расчет простого срока окупаемости (PP) – период возврата первоначальных инвестиций без учета стоимости денег.

5. Расчет динамического (дисконтированного) срока окупаемости (DPP) – период окупаемости инвестиций с учетом дисконтирования потоков.

Для комплексной оценки рисков предлагается дополнить традиционные показатели двумя методами оценки эффективности, используемые в мировой практике [3, с. 5, 6]:

1. Анализ чувствительности показателей эффективности (NPV, IRR).

Анализ чувствительности – идентификация критически значимых параметров (цена, объем продаж, затраты), оказывающих максимальное влияние на результирующие показатели эффективности (NPV).

2. Метод сценария.

Сценарный анализ – метод оценки инвестиционных рисков на основе построения альтернативных сценариев развития событий (пессимистического, оптимистического и базового) с расчетом ключевых показателей эффективности (NPV, IRR) для каждого из них [1, с. 108]. Данный подход позволяет определить ограничения анализа чувствительности за счет комплексной оценки взаимосвязанных факторов риска и определения диапазона возможных результатов проекта.

В качестве объекта апробации рассмотрен инвестиционно - инновационный проект в сфере диверсификации промышленного предприятия, предусматривающий реконструкцию существующей автозаправочной станции под цех по обжарке кофе с организацией последующей реализации продукции через сеть белорусских АСЗ. Предполагаемый общий объем инвестиций составляет 8 155,3 тыс. рублей. Инвестиционная фаза проекта (период строительства и ввод объекта в эксплуатацию) составляет 13 месяцев. Горизонт расчета принят равным 15 годам, что соответствует полному жизненному циклу проекта и включает эксплуатационную фазу до момента вывода оборудования из эксплуатации. Проектная мощность по инвестиционному проекту составляет 350 тонн жаренного кофе в год.

Результаты оценки эффективности проекта по стандартной методике представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Показатели эффективности инвестиционного проекта

Показатель	Значение	Критерий эффективности
1	2	3
NPV, тыс. руб.	+4 844,0	NPV > 0
IRR, %	13,34	IRR > 10

Окончание таблицы 1

1	2	3
PI	1,02	PI > 1
PP, лет	5,4	–
DPP, лет	7,3	–
Примечание: источник: составлено автором по результатам расчетов		

Расчеты демонстрируют формальную эффективность проекта: положительное значение NPV, превышение IRR над ставкой дисконтирования, значение индекса рентабельности больше единицы. Однако анализ сроков окупаемости выявляет потенциальные риски. В рамках данного исследования сравнение дисконтированного срока окупаемости (7,3 года) превышает средние отраслевые показатели для проектов (5 лет) в сегменте FMCG («товары повседневного спроса»), то указывает на его повышенную чувствительность к рыночным колебаниям [5, с. 50].

Для оценки устойчивости инвестиционного проекта и идентификации ключевых факторов риска был проведен анализ чувствительности чистой приведенной стоимости (NPV) к вариациям основных входных параметров. Последовательность расчета была следующей:

1. Определение базового сценария. За основу был взят расчет денежных потоков проекта. Базовое значение NPV составило 4 844 тыс. рублей при ставке дисконтирования 10 %.

2. Выбор варьируемых параметров. Были отобраны наиболее значимые и прогнозируемо изменчивые переменные: объем выручки, переменные затраты, постоянные затраты, объем первоначальных инвестиций и ставка дисконтирования.

3. Процедура варьирования. Каждый из выбранных параметров последовательно изменялся на $\pm 10\%$ при неизменности всех остальных. Для каждого случая рассчитывалось новое значение NPV.

4. Расчет влияния. Определялось абсолютное и относительное (в процентах) отклонение нового NPV от базового.

Результаты анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Анализ чувствительности NPV инвестиционного проекта

Параметр	Изменение	NPV, тыс. руб.	Отклонение, %
Базовый сценарий	–	4 844,0	–
Выручка	+10 %	7 200,0	+48,6
	–10 %	2 488,0	–48,6
Переменные затраты	+10 %	4 200,0	–13,3
	–10 %	5 488,0	+13,3
Постоянные затраты	+10 %	4 600,0	–5,0
	–10 %	5 088,0	+5,0
Инвестиционные затраты	+10 %	3 988,0	–17,7
	–10 %	5 700,0	+17,7
Ставка дисконтирования	+ 1 п.п. (до 11 %)	4 200,0	–13,3
	– 1 п.п. (до 9 %)	5 500,0	+13,5
Примечание: источник: составлено автором по результатам расчетов			

На основании данных таблицы 2 можно сделать вывод, что наибольшее влияние на эффективность проекта оказывает параметр «Выручка». Его снижение на 10 % приводит к падению NPV почти на 49 %, что делает данный фактор ключевым риском проекта. Существенное, хотя и меньшее, влияние оказывают увеличение инвестиционных затрат и рост ставки дисконтирования. Наименее чувствителен проект к изменению постоянных затрат.

Для комплексной оценки рисков был проведен сценарный анализ, рассматривающий совместное изменение нескольких факторов в рамках пессимистичного, базового и оптимистичного сценариев (таблица 3). Допущения для каждого сценария сформулированы на основе результатов анализа чувствительности.

Таблица 3 – Результаты сценарного анализа

Сценарий	Допущения	NPV, тыс. руб.	Отклонение от базового сценария, %
Пессимистический	Снижение выручки на 10 %, рост переменных затрат на 10 %, рост инвестиций на 5 %	+1 800,0	–62,8
Базовый	Исходные параметры проекта	+4 844,0	–
Оптимистический	Рост выручки на 10%, снижение переменных затрат на 10%, снижение инвестиций на 5 %	+7 900,0	+63,0
Примечание: источник: составлено автором по результатам расчетов			

Результаты сценарного анализа показывают, что даже в рамках пессимистичного развития событий проект сохраняет положительное значение NPV (1 800 тыс. руб.), что свидетельствует о его определенном запасе прочности. Однако значительное снижение показателя (почти на 63 % по сравнению с базовым сценарием) подтверждает высокую зависимость проекта от рыночной конъюнктуры и факторов стоимости.

Проведенное исследование подтвердило эффективность предложенного комплексного подхода к оценке инвестиционно-инновационных проектов. Интеграция анализа чувствительности и сценарного моделирования в стандартную процедуру оценки позволяет получить более обоснованные и устойчивые к изменениям внешней среды результаты.

Практическая апробация методики на примере проекта организации производства по обжарке кофе продемонстрировала ее преимущества для оценки проектов диверсификации промышленных предприятий. Выявленная высокая чувствительность проекта к изменению объема продаж указывает на необходимость тщательной проработки маркетинговой стратегии и реализации дополнительных мероприятий по стимулированию сбыта.

Литература

1. Гончаров, В. Н., Колтакова Г. В., Варнавская Д. С. Сценарный анализ – инструмент управления рисками субъекта хозяйствования // Менеджер. 2022. № 3(101). – С. 107–111. – С. 108.
2. Лысенкова, М. В., Молчанов, А. В. Методики и методы оценки эффективности инвестиционно-проектной деятельности: сравнительный анализ и практические рекомендации / М. В. Лысенкова, А. В. Молчанов // Белорусский экономический журнал. – 2022. – № 2. – С. 48–70.
3. Медаров, М. М. Сравнительный анализ методов оценки инвестиционных проектов / М. М. Медаров // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 1–9.
4. Об утверждении Правил по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов: Постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 31 августа 2005 г. № 158 // [Электронный ресурс] – 2018 – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W20513184> – Дата доступа: 20.10.2025
5. McKinsey China Consumer Report // McKinsey & Company. – 2018. – P.1-68. – URL: <https://www.mckinsey.com> (date of access: 19.10.2025).

В. А. Шпец

vlad.shpets@yandex.by

М. В. Минько

minko_m@mail.ru

БГУ, Республика Беларусь

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕХНОПАРКОВ С ПОЗИЦИИ ЭКОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

В условиях современной экономики технопарки становятся ключевыми элементами национальных инновационных систем. Традиционные подходы к оценке эффективности их деятельности не всегда способны отразить сложную природу взаимодействий между участниками инновационной инфраструктуры. В этой связи особую актуальность приобретает экосистемный подход, позволяющий рассматривать технопарки как динамичные саморазвивающиеся системы взаимосвязанных участников, объединённых общей целью инновационного развития

Ключевые слова: технопарк, оценка эффективности технопарков, экосистемный подход.

Республика Беларусь демонстрирует устойчивую динамику развития технопарков: с 2016 по 2024 год количество технопарков выросло с 10 до 16, число резидентов увеличилось более чем в два раза, достигнув 275 компаний, а объём выпускаемой продукции превысил 1 млрд белорусских рублей. Численность работников в технопарках достигла 6 390 человек, что в три раза превышает показатели 2016 года. Объём производства инновационной продукции в 2024 году составил более 300 млн рублей, а экспорт резидентов технопарков достиг 460 млн рублей, что составляет 46 % от общего объёма производства и на 29 % превышает показатель предыдущего года. Важным индикатором эффективности является мультипликативный эффект: на каждый вложенный бюджетный рубль резиденты технопарков выпустили продукции почти на 7,5 рублей, что свидетельствует о высокой отдаче государственных инвестиций в инновационную инфраструктуру. Около 60 % резидентов технопарков Беларуси реализуют проекты V и VI технологического укладов, включая производство медицинской техники, лазерно-оптического оборудования, электронных систем управления и разработку программного обеспечения. Восемь из шестнадцати технопарков функционируют на базе университетов, что обеспечивает полный научно-инновационный цикл от прикладных исследований до коммерциализации разработок.

Современный технопарк представляет собой не просто территориальное образование, предоставляющее инфраструктуру для размещения резидентов, но полноценную инновационную экосистему, в которой происходит интенсивный обмен знаниями, компетенциями и ресурсами между разнородными участниками.

В экосистеме технопарка можно выделить следующих ключевых участников:

- якорные резиденты – крупные инновационные компании и высокотехнологичные производства, формирующие ядро экосистемы и задающие стандарты деятельности;
- стартапы и малые инновационные предприятия – компании на ранних стадиях развития, генерирующие прорывные инновации и обеспечивающие динамизм экосистемы;
- университеты и научные организации – источники новых знаний, технологий и квалифицированных кадров, обеспечивающие научную основу инновационной деятельности;
- финансовые институты – венчурные фонды, бизнес-ангелы, банки, предоставляющие финансовые ресурсы для реализации инновационных проектов;

- органы государственного управления – формируют регулятивную среду, предоставляют льготы и преференции, реализуют программы поддержки инноваций;
- инфраструктурные организации – центры трансфера технологий, бизнес-инкубаторы, акселераторы, центры коллективного пользования оборудованием, обеспечивающие сервисную поддержку резидентов.

Эффективная экосистема технопарка создаёт синергетический эффект: резиденты получают не только доступ к инфраструктуре и льготам, но и возможность участвовать в кооперационных проектах, использовать коллективные ресурсы, обмениваться знаниями и компетенциями, получать доступ к рынкам и инвестициям через сетевые связи. Эмпирические исследования показывают, что компании, работающие в составе эффективной экосистемы, в среднем получают увеличение выручки на 13,7 %, сокращение затрат на 12,9 % и рост прибыли на 13,3 %.

Существующие методологические подходы к оценке эффективности технопарков можно условно разделить на несколько групп.

Ресурсный подход фокусируется на оценке ресурсного обеспечения технопарка: площади территории и помещений, технологической инфраструктуры, финансовых ресурсов, квалификации персонала. Основным недостатком данного подхода является игнорирование качества использования ресурсов и результативности деятельности.

Результативный подход концентрируется на выходных показателях: объёме выпускаемой продукции, выручке и прибыли резидентов, количестве созданных инновационных продуктов и полученных патентов, объёме привлечённых инвестиций. Недостатком является сложность атрибуции результатов – не всегда очевидно, в какой степени достигнутые результаты обусловлены именно деятельностью технопарка.

Эффектный подход оценивает вклад технопарка в социально-экономическое развитие региона: создание рабочих мест, рост налоговых поступлений, повышение инновационной активности в регионе, развитие малого и среднего предпринимательства. Данный подход наиболее полно соответствует экосистемной логике, но требует сложных эконометрических моделей для выявления причинно-следственных связей.

Интегральный подход предполагает построение сводного индекса эффективности на основе нормированных значений показателей из различных групп: инфраструктурных, финансовых, инновационных, социальных. Преимуществом является возможность сопоставления разнородных технопарков, недостатком – субъективность выбора показателей и весовых коэффициентов.

С позиций экосистемного подхода наиболее перспективным представляется трёхуровневый интегральный метод оценки потенциала экосистемы, разработанный российскими исследователями Толстых Т. О., Шмелевой Н. В. и Гамидуллаевой Л. А. Методика предполагает оценку интеграционного, циркулярного и инновационного потенциалов экосистемы на основе комплекса частных индикаторов, которые затем агрегируются в интегральные индексы. Важным аспектом экосистемного подхода является оценка сбалансированности развития экосистемы технопарка. Сбалансированная экосистема характеризуется гармоничным развитием всех её компонентов - ресурсно-инфраструктурного, управленческого и результативного - что обеспечивает её долгосрочную устойчивость и эффективность.

На наш взгляд, в модель оценки эффективности функционирования технопарков как экосистем следует включать пять взаимосвязанных компонентов, где пятым ключевым элементом выступает индекс эффекта синергии, отражающий принципиальную особенность экосистемного подхода: совокупный результат взаимодействия участников превышает простую сумму их индивидуальных результатов.

В экосистеме технопарка проявляются различные типы синергетических эффектов: 1) *операционная синергия* – снижение издержек резидентов за счёт совместного использования ресурсов, общей инфраструктуры и оборудования. Оценивается через показатели экономии затрат; 2) *финансовая синергия* – рост прибыльности резидентов благодаря доступу к общим инвестиционным ресурсам, совместным финансовым проектам

и снижению финансовых рисков. Оценивается через показатели роста выручки и прибыли; 3) *инновационная синергия* – ускорение создания инноваций через кооперацию, обмен идеями и совместные научно-исследовательские проекты. Оценивается количеством совместных патентов и инновационных продуктов; 4) *знаниевая синергия* – интенсивный обмен знаниями, компетенциями и технологиями между резидентами, создание общей базы знаний. Оценивается количеством обучающих программ, семинаров, менторских сессий; 5) *рыночная синергия* – совместный выход на новые рынки, использование общих каналов сбыта и маркетинговых платформ. Оценивается ростом экспорта и количеством новых рынков; 6) *инфраструктурная синергия* – совместное использование лабораторий, центров прототипирования, технологического оборудования и других элементов инфраструктуры. Оценивается коэффициентом загрузки инфраструктуры.

Структура расширенной модели может быть представлена следующим образом:

1. Интеграционный потенциал экосистемы (вес 0,20) оценивает способность объединять разнородных участников: количество резидентов, разнообразие видов деятельности, количество университетов-партнёров и НИИ-партнёров, количество совместных проектов и долю резидентов в кооперационных цепочках.

2. Инновационный потенциал экосистемы (вес 0,25) характеризует способность генерировать инновации: объём и долю инновационной продукции, количество патентов, затраты на НИОКР, долю резидентов V-VI технологического уклада, количество новых инновационных продуктов.

3. Экономическая результативность экосистемы (вес 0,25) отражает финансовую эффективность: объём продукции и экспорта, выручку резидентов, мультипликатор бюджетных расходов, объём привлечённых инвестиций.

4. Социальный потенциал экосистемы (вес 0,15) характеризует вклад в региональное развитие: количество рабочих мест, долю высококвалифицированных специалистов, налоговые поступления, вклад в ВРП региона.

5. Эффект синергии экосистемы (вес 0,15) – характеризует синергетические эффекты взаимодействия участников экосистемы. Синергетический эффект определяется как возрастание эффективности деятельности в результате интеграции и взаимодействия участников экосистемы, когда совокупный результат превышает сумму индивидуальных результатов.

Индекс эффекта синергии может быть рассчитан на основе следующих показателей:

1. Количество совместных проектов резидентов (единиц/год, целевое значение ≥ 30) – проекты с участием двух и более резидентов, реализуемые на основе кооперации.

2. Доля резидентов в кооперационных цепочках ($\%, \geq 40 \%$) – доля резидентов, участвующих в производственных или научно-технических кооперациях с другими резидентами технопарка.

3. Количество межфирменных контрактов внутри технопарка (единиц/год, ≥ 50) – договоры между резидентами на поставку продукции, оказание услуг или совместную разработку.

4. Использование общей инфраструктуры резидентами ($\%, \geq 70 \%$) – доля резидентов, активно использующих центры коллективного пользования оборудованием, лаборатории, коворкинги и другие общие ресурсы технопарка.

5. Совместные патенты резидентов (единиц/год, ≥ 10) – патенты и другие объекты интеллектуальной собственности, полученные совместно несколькими резидентами.

6. Мультипликатор добавленной стоимости ($\geq 1,30$) – отношение совокупной выручки резидентов к затратам технопарка, показывающее, сколько рублей выручки генерируется на каждый рубль затрат технопарка.

Совокупный индекс эффективности экосистемы рассчитывается как взвешенная сумма частных индексов по формуле (1):

$$I_{\text{совок}} = 0,20 \cdot I_{\text{интеграл}} + 0,25 \cdot I_{\text{иннов}} + 0,25 \cdot I_{\text{эконом}} + 0,15 \cdot I_{\text{соц}} + 0,15 \cdot I_{\text{синерг}} \quad (1)$$

Интерпретация значений интегрального индекса: 0,80–1,0 – очень высокий уровень; 0,65–0,79 – высокий уровень; 0,50–0,64 – средний уровень; менее 0,50 – низкий уровень.

Включение индекса эффекта синергии в модель оценки эффективности технопарков обладает рядом преимуществ: учитывает эффекты взаимодействия участников экосистемы, что соответствует экосистемной парадигме, согласно которой целое больше суммы частей; позволяет оценить результативность кооперационных процессов и вклад сетевых взаимодействий в общую эффективность технопарка; выявляет резервы повышения эффективности через усиление синергетических взаимодействий между резидентами; обеспечивает более полную картину функционирования технопарка как саморазвивающейся экосистемы, а не просто совокупности независимых компаний; позволяет разрабатывать целенаправленные меры по стимулированию кооперации, развитию общей инфраструктуры, формированию производственных цепочек и усилению обмена знаниями между резидентами.

Таким образом, расширенная модель с индексом эффекта синергии представляет собой комплексный инструмент оценки эффективности технопарков, учитывающий не только потенциал отдельных компонентов экосистемы, но и, что особенно важно, эффект их взаимодействия – ключевую характеристику экосистемного подхода.

Литература

1. Гамидуллаева, Л. А. Методика комплексной оценки потенциала промышленной экосистемы в контексте устойчивого развития региона / Л. А. Гамидуллаева, Т. О. Толстых, Н. В. Шмелева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 29–50.
2. Лытаева, Н. Н. Факторы успеха российских технопарков: эконометрическая модель / Н. Н. Лытаева, В.С. Липатников // Инновационная экономика. – 2018. – № 4 (234). – С. 85–91.
3. Толстых, Т. О. Инновационная экосистема как новая форма организации инновационной деятельности / Т. О. Толстых, Н. В. Шмелева, Л. А. Гамидуллаева // Финансовая экономика. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 156–168.
4. Минько, М. В., Шаповалова К. С. Методы оценки эффективности деятельности технопарков / Современные проблемы машиноведения: материалы XIII Междунар. науч.-техн. конф. (науч. чтения, посвящ. 125-летию со дня рождения П. О. Сухого), Гомель, 22 окт. 2020 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого, ПАО «Компания «Сухой» ОКБ «Сухого»; под общ. ред. А. А. Бойко. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2020. – С. 335–338.

Н. В. Юргель

yurgel.nataliya@mail.ru

Институт повышения квалификации и переподготовки кадров

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ РИСКОВ ПЕРСОНАЛА: ВИДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ

Неопределенность и риск являются неизбежными спутниками деятельности фирмы в современной экономике и все больше возрастают как количественно, так и по своим негативным последствиям. Управление рисками персонала жизненно важно для успешного функционирования современных фирм в условиях рыночной неопределенности и позволяет существенно укрепить стабильность ее функционирования. В статье риски управления персоналом классифицированы по четырем основным группам, для каждой группы предложены инструменты управления рисками.

Ключевые слова: неопределенность, оппортунизм, риски персонала и их виды, корпоративная культура, инструменты снижения рисков.

Актуальность выбранной темы связана с тем, что менеджеры отечественных организаций фокусируют свое внимание на управлении производством и финансами, забывая, что управление персоналом является одним из важнейших факторов, обеспечивающих эффективность функционирования организации в современных условиях. Управление рисками со стороны персонала минимизирует потенциальные потери и повышает эффективность работы организации, помогает создать стабильную и продуктивную рабочую среду; позволяет предотвращать дорогостоящие судебные разбирательства, потерю ключевых сотрудников; формирует положительный имидж работодателя.

Как отмечает, Эрве Бальзано Президент, Mercer Health и MMB International Leader: «Генеральные директора признают влияние благополучия на непрерывность бизнеса, безопасность, производительность персонала, клиентский опыт, репутацию и, в конечном итоге, прибыль. Это отражено в нашем исследовании, которое показывает важность срочного решения проблем, связанных с людьми» [1].

Цель данной статьи – подчеркнуть роль управления рисками персонала в современной организации, в связи с тем, что в отличие от финансовых, рыночных и правовых видов риска, являющихся приоритетными в системе современного риск-менеджмента, данные риски по мнению автора являются недооцененными.

Международный стандарт ISO 31000 определяет риск как влияние неопределенности на цели. Следовательно, риски в управлении персоналом – это события и/или условия, которые могут негативно повлиять на достижение поставленных целей организации, связанных с деятельностью персонала организации. Необходимо отметить, что для подавляющего большинства научных исследований посвященных проблемам рисков со стороны персонала свойственен эмпирический подход, который «порождает» разнообразие видов риска. Это связано с тем, что исследователи имеют различные цели, которые часто носят прагматический характер.

В современном мире все чаще причинами неустойчивого функционирования фирмы является поведение персонала. Многочисленные исследования показывают, что риски, связанные с деятельностью персонала являются очень важными и оказывают серьезное влияние на различные аспекты деятельности фирмы. Как показывает исследование глобальных тенденций в развитии человеческого капитала за 2018 год, проведенных Deloit: 84 % респондентов считают управление персоналом очень важным, поставив его тем самым на второе место по значимости среди всех тенденций.

Это связано с тем, что в процессе своего становления в условиях рыночной неопределенности фирма несет высокие транзакционные издержки, связанные с организацией управления и преодолением оппортунистического поведения персонала. Впервые термин оппортунизм был использован Оливером Уильямсоном: «Оппортунизм – преследование личных интересов с использованием коварства, включающего просчитанные усилия по сбииванию с правильного пути, обману, сокрытию информации и другие действия, мешающие реализации интересов организации». Таким образом оппортунизм представляет собой способ действия экономического агента в соответствии с собственными интересами, не ограниченного соображениями морали и противоречащего интересам других агентов.

В современных публикациях выделяют следующие формы оппортунистического поведения: воровство; небрежность и использование служебного положения; небрежное отношение к оборудованию; нерациональное использование ресурсов компании; сознательно допускаемая халатность; заключение высоко рискованных или фиктивных сделок; невыполнение условий договора; несоблюдение устных договоренностей; сокрытие сведений и предоставление ложной информации; сокрытие сведений о реальном положении фирмы на рынке, передачу инсайдерской информации конкурентам и т. д. [2, 3].

В целом проявление любых форм внутрифирменного оппортунизма существенно снижает эффективность функционирования фирмы. Наиболее эффективной системой снижения издержек оппортунистического поведения наемного работника является формирование сильной корпоративной культуры, в соответствии с которой оппортунистическое поведение является неприемлемым. В широком смысле, корпоративная культура, это система общепринятых в организации представлений и подходов к постановке дела, к формам отношений и к достижению результатов деятельности, которые отличают данную организацию от всех других. В узком, «призма» через которую организация смотрит на окружающий ее мир.

Необходимо отметить, что проблема формирования эффективной корпоративной культуры и ее поддержания не имеет единственного правильного решения, так как ситуация, в которой находится фирма, уникальна и постоянно меняется. Вместе с тем корпоративная культура как небольшой фирмы, так и транснациональной корпорации обуславливается следующими факторами: особенностями национальной культуры и менталитетом; сектором экономики; типом производства; уровнем экономического, социально-политического и культурного развития региона, в котором расположена конкретная фирма; историей создания и формой собственности; стилем управления и т. д. [4].

Управление рисками в области управления персоналом подразумевает: идентификацию риска; оценку риска; разработку мероприятий, направленных на снижение рисков. К методам идентификации рисков со стороны персонала относятся: анализ документации компании, анкетирование персонала, интервью с ключевыми сотрудниками и использование контрольных списков; мозговой штурм, построение структурных и потоковых диаграмм, метод «событие – последствия» и многие другие.

Необходимо отметить, что риски персонала в основном относятся к внутренним рискам фирмы, из этого следует, что руководство фирмы имеет большое влияние на данные риски. В теории риск-менеджмента существует пять распространенных методов управления рисками, которые может применять HRM:

1) уклонение (например, отказ от услуг «ненадежных» сотрудников). Применение инструментов управления рисками из данной группы является наиболее простым, но не позволяет получить прибыль;

2) передача (например, страхование работников). Предоставляет возможность перенести часть риска на третье лицо;

3) локализация (например, разработка «карты компетенций»). Локализация позволяет свести риски «в точку» и сосредоточиться на конкретной проблеме, не требует высоких затрат;

4) распределение (например, распределение ответственности между участниками проекта). Представляет собой «рассеивание» риска;

5) компенсация (например, мониторинг персонала и формирование кадрового резерва). В основном заключается в применении инструментов планирования, мониторинга и создание резервов.

По мнению П.А. Гурьянова основными рисками, связанными с деятельностью персонала, являются: мотивационный риск; риск развития; оценочный риск; риск увольнения; риск непредвиденных прогулов; риск неэффективного управления талантами [5].

Предлагается классифицировать риски управления персоналом по следующим основным группам: риски, связанные с человеческим капиталом; операционные; правовые; финансовые. Рассмотрим отмеченные группы рисков подробнее.

Риски, связанные с человеческим капиталом являются наиболее важными для рассмотрения, исходя из цели исследования. Источники данных рисков связаны с низкой мотивацией и вовлеченностью сотрудников, уровнем образования и интеллекта, опытом работы и компетенциями персонала, моральными установками (культура, верования, ценности), конфликтами в организации, творческим потенциалом, потерей ключевых сотрудников. Инструменты, управления рисками: создание благоприятной рабочей атмосферы, формирование и продвижение кадровой политики, признание достижений и справедливая оплата труда персонала, формирование команды, участие в принятии управленческих решений, регулярное осведомление персонала о целях и достижениях компании; обеспечение обратной связи в организации и быстрое реагирование на проблемы, внедрение системы KPI.

Операционные риски связаны с неэффективным использованием человеческих ресурсов и просчетами в процессах планирования, формирования и оценки, адаптации, обучения и развития персонала. Инструменты, управления рисками: оптимизация рабочих процессов, повышение квалификации сотрудников HRM, внедрение технологии адаптации персонала, предоставление возможностей для обучения и карьерного роста, использования современных методов оценки персонала (Ассессмент-центр, метод «360 градусов», психологическое тестирование, кейс-методы и другие).

Правовые риски связаны с конфиденциальностью данных, нарушением трудового законодательства, дискриминацией, несоблюдение правил охраны труда и другими правовыми аспектами. Инструменты, управления рисками: необходима разработка и внедрение политики в области управления персоналом и строгое соблюдение законодательства.

Финансовые риски связаны с неправильным расчетом заработной платы, неэффективным управлением фонда оплаты труда и непредвиденными расходами на льготы и компенсации; отсутствие мотивационных программ. Инструменты, управления рисками: обеспечение соблюдения законов и требований, постоянный мониторинг изменений в финансовой сфере.

Необходимо подчеркнуть особую роль HR в процессе идентификации, оценки и управлении рисками организации, а также рассмотреть глобальные тенденции развития человеческого капитала. Согласно исследованию Deloitte «Глобальные тенденции развития человеческого капитала» за 2023 год, организации с более высокой степенью вовлеченности сотрудников в разработку и реализацию организационных изменений с большей вероятностью добивались положительных результатов. В частности, те, кто заявил о совместном творчестве со своими сотрудниками, отметили, что вероятность высокой вовлеченности сотрудников у них в 1,8 раза выше, вероятность инноваций в 2 раза выше, а вероятность эффективного прогнозирования изменений и реагирования на них в 1,6 раза выше, чем у конкурентов.

Важно отметить, что риски в управлении персоналом в настоящее время являются неотъемлемой частью любой организации. Результаты большинства современных исследований определяют их как наиболее важные (топ-риски), которые оказывают существенное

влияние на функционирование современных организаций. Сегодня необходимо уметь привлекать лучшие человеческие ресурсы на рынке труда, формировать «золотой фонд» и делать все возможное, чтобы они не ушли к конкурентам.

Если традиционно данные риски рассматривались через узкую призму, в современных условиях организациям следует расширить фокус, чтобы проанализировать, как они влияют на устойчивость функционирования фирмы в условиях турбулентности экономики. Таким образом, повышенное внимание высшего руководства к рискам со стороны персонала, разработка и применение на практике разнообразных инструментов их управления, это одна из стратегических задач, которая должна стоять перед каждой организацией в Республике Беларусь.

Литература

1. Пять столпов риска для людей. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=222b61a6-1c02-45d8-aac7-8e3059053291> (дата обращения: 30.09.2025).
2. Безобразова, Ю. В. Сущность оппортунизма работников и его причины // Челябинский гуманитарий. 2010. №1 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-opportunizma-rabotnikov-i-ego-prichiny> (дата обращения: 22.09.2025).
3. Попов, Е. В., Симонова В. Л. Сущность эндогенного оппортунизма // Вестник УГТУ–УПИ. – 2004. – № 10. – С. 5–12.
4. Юргель, Н. В. Корпоративная культура как важнейший внутрифирменный институт в современной экономике // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2023. – Т. 13. – № 3. – С. 84–91.
5. Гурьянов, П. А. Экономика знаний для подготовки кадрового потенциала // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 12-5. – С. 875–878.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В НЕФТЕГАЗОВОМ СЕКТОРЕ

Статья посвящена исследованию концепции экологической ответственности в контексте современного нефтегазового сектора. Определены основополагающие элементы экологической ответственности. Особое внимание уделено технологическим инновациям, способствующим минимизации экологического следа.

Ключевые слова: экологическая ответственность, нефтегазовый сектор, возобновляемые источники энергии, гибридные энергетические системы, циркулярная экономика, системы экологического менеджмента.

Экологическая ответственность в нефтегазовом секторе приобретает все большее значение, поскольку компании сталкиваются с растущим давлением, направленным на снижение их воздействия на окружающую среду при сохранении операционной эффективности. Необходимость решения проблем изменения климата, сокращения выбросов парниковых газов и сохранения биоразнообразия побудила отрасль к принятию проактивных стратегий охраны окружающей среды [1, с. 53]. Эта ориентация на устойчивое развитие является не только ответом на нормативные требования, но и отражает широкое признание необходимости ответственного управления ресурсами. Благодаря эффективной экологической ответственности нефтегазовые компании могут минимизировать свое экологическое воздействие, вносить позитивный вклад в развитие местных сообществ и согласовывать свою деятельность с глобальными целями устойчивого развития.

Одним из основополагающих элементов эффективной экологической ответственности является внедрение проактивных стратегий охраны окружающей среды. Эти стратегии включают в себя комплекс практик, направленных на минимизацию экологического ущерба на протяжении всего жизненного цикла нефтегазовых операций [2]. Например, компании могут внедрять передовые практики в области управления отходами, обеспечивая надлежащую утилизацию и переработку материалов для снижения загрязнения и истощения ресурсов. Передовые технологии, такие как автоматизированные системы мониторинга, позволяют отслеживать выбросы и другие воздействия на окружающую среду в реальном времени, что дает возможность принимать незамедлительные корректирующие меры. Кроме того, всесторонние оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) могут информировать процесс принятия решений и помогать выявлять потенциальные риски и меры по их смягчению до начала реализации проектов. Расставляя приоритеты в области экологического учета с самого начала, нефтегазовые компании могут способствовать формированию культуры устойчивого развития и ответственности.

Интеграция возобновляемых источников энергии в нефтегазовые операции является критически важным шагом на пути усиления экологической ответственности [3]. Многие компании признают ценность диверсификации своих энергетических портфелей за счет инвестиций в такие возобновляемые технологии, как солнечная, ветровая энергия и биомасса. Интеграция возобновляемой энергии не только снижает зависимость от ископаемого топлива, но также помогает сократить выбросы углерода и повысить энергетическую безопасность. Более того, переход на возобновляемые источники энергии может привести к долгосрочной экономии затрат, поскольку цены на солнечные и ветровые технологии продолжают снижаться, делая их все более конкурентоспособными по сравнению с традиционным ископаемым топливом.

Еще одним важным аспектом экологической ответственности в нефтегазовом секторе является разработка гибридных энергетических моделей, которые балансируют использование ископаемого топлива с генерацией возобновляемой энергии. Гибридные энергетические системы могут использовать сильные стороны как ископаемого топлива, так и возобновляемых источников, обеспечивая более гибкое и устойчивое энергоснабжение. Например, за счет интеграции солнечной или ветровой энергии в нефтегазовые операции компании могут сократить свой общий углеродный след, обеспечивая при этом надежный источник энергии для производственной деятельности. Эти модели также могут способствовать плавному переходу к низкоуглеродному будущему, поскольку позволяют компаниям постепенно изменять свой энергетический баланс, продолжая удовлетворять текущие энергетические потребности.

Сотрудничество с заинтересованными сторонами имеет важное значение для продвижения экологической ответственности в нефтегазовой отрасли. Взаимодействие с местными сообществами, правительствами и экологическими организациями может способствовать формированию общей приверженности устойчивым практикам и облегчить обмен знаниями и ресурсами. Кроме того, взаимодействие с заинтересованными сторонами может помочь компаниям выявлять и решать проблемы местных сообществ, связанные с воздействием на окружающую среду, тем самым укрепляя отношения и способствуя повышению прозрачности.

Для дальнейшего содействия экологической ответственности нефтегазовые компании могут участвовать в отраслевых инициативах и сетях, ориентированных на устойчивое развитие. Реализация надежных систем экологического менеджмента может играть жизненно важную роль в стимулировании непрерывного улучшения усилий в области экологической ответственности. Система управления окружающей средой предоставляет структурированный подход для выявления, мониторинга и смягчения экологических рисков, связанных с нефтегазовыми операциями [4]. Ставя четкие экологические цели, измеряя производительность относительно этих задач и поощряя участие сотрудников в инициативах в области устойчивого развития, компании могут создать культуру подотчетности и ответственности.

Важность инноваций в продвижении экологической ответственности нельзя недооценивать. Перспективные технологии, такие как улавливание и хранение углерода (УХУ), играют решающую роль в сокращении выбросов парниковых газов от нефтегазовых операций. Технологии УХУ улавливают выбросы диоксида углерода от промышленных источников и хранят их под землей, предотвращая их попадание в атмосферу. Несмотря на то, что они все еще находятся на ранних стадиях развертывания, УХУ обладает потенциалом для значительного сокращения выбросов от использования ископаемого топлива, позволяя компаниям продолжать производство энергии при минимизации их воздействия на окружающую среду.

В дополнение к технологическим решениям, принятие подходов циркулярной экономики может усилить экологическую ответственность в нефтегазовом секторе. Циркулярная экономика подчеркивает эффективность использования ресурсов, сокращение отходов и переработку материалов для создания замкнутых систем. Переосмысливая традиционные линейные модели производства, нефтегазовые компании могут определить возможности для восстановления и повторного использования ресурсов, в конечном итоге сокращая свое общее воздействие на окружающую среду. Например, внедрение стратегий рециркуляции и очистки воды может минимизировать потребление пресной воды и сократить сброс загрязняющих веществ в окружающую среду.

Согласование деятельности с целями развития зеленой энергетики имеет критическое значение для нефтегазовых компаний, стремящихся соответствовать сложным требованиям современной энергетики при сохранении экологической ответственности [5]. Переход к устойчивым энергетическим практикам требует комплексного подхода, который

включает интеграцию устойчивого развития в корпоративную стратегию и культуру, установление четких целей и показателей в области устойчивого развития, повышение прозрачности отчетности о результатах в области устойчивого развития и подчеркивание долгосрочных преимуществ следования глобальным целям зеленой энергетики. Принятие этих элементов позволяет нефтегазовой отрасли вносить эффективный вклад в глобальные усилия по обеспечению устойчивости, гарантируя при этом операционную устойчивость и рентабельность.

Интеграция устойчивого развития в корпоративную стратегию и культуру является основой для согласования деятельности нефтегазовых компаний с целями зеленой энергетики. Компании должны рассматривать устойчивое развитие не как второстепенную задачу, а как ключевой компонент своей бизнес-модели. Это требует приверженности руководства внедрению принципов устойчивого развития в процессы принятия решений и организационную практику. Поддержка руководства и активное участие на всех организационных уровнях имеют решающее значение для формирования культуры, ориентированной на устойчивость. Расставляя приоритеты в области устойчивого развития, компании могут создать среду, в которой сотрудники поощряются к участию в зеленых инициативах и учету экологических последствий в своей повседневной деятельности. Такой культурный сдвиг может привести к инновационным решениям, повышающим эффективность и минимизирующим экологический след.

Разработка четких целей и показателей в области устойчивого развития необходима для измерения прогресса и обеспечения подотчетности в достижении целей зеленой энергетики. Компании должны устанавливать конкретные, измеримые, достижимые, релевантные и ограниченные по времени цели, которые соответствуют глобальным стандартам и рамкам устойчивого развития. Эти цели должны охватывать различные аспекты устойчивости, включая сокращение выбросов, энергоэффективность, оптимизацию использования ресурсов и социальную ответственность. Например, нефтегазовые компании могут взять на себя обязательства по сокращению выбросов парниковых газов на определенный процент в установленные сроки, внедрению энергоэффективных технологий или увеличению доли возобновляемых источников энергии в своем энергобалансе. Установление ключевых показателей эффективности позволяет компаниям отслеживать прогресс в достижении этих целей, оценивать их эффективность и определять области для улучшения. Такой структурированный подход способствует непрерывному совершенствованию и поощряет подотчетность внутри организаций.

Прозрачность отчетности в области устойчивого развития имеет первостепенное значение для укрепления доверия заинтересованных сторон и демонстрации приверженности целям зеленой энергетики. Нефтегазовые компании должны применять комплексные системы отчетности, которые доносят информацию об эффективности в области устойчивого развития до заинтересованных сторон, включая инвесторов, регуляторов, потребителей и местные сообщества. Принятие установленных руководящих принципов отчетности в области устойчивого развития способствует прозрачности и сопоставимости. Соблюдение этих рамок позволяет компаниям предоставлять заинтересованным сторонам надежную и сопоставимую информацию о своем воздействии на окружающую среду, социальном вкладе и практике корпоративного управления. Повышенная прозрачность не только укрепляет корпоративную репутацию, но и способствует вовлеченности заинтересованных сторон, поскольку сообщества и инвесторы все чаще требуют от энергетических компаний подотчетности и ответственного поведения.

Долгосрочные преимущества следования глобальным целям зеленой энергетики существенны. Компании, которые согласовывают свою деятельность с этими целями, могут снизить регуляторные риски и усилить свое конкурентное преимущество на рынке. Более того, следование целям зеленой энергетики может привести к значительной экономии затрат за счет повышения операционной эффективности и оптимизации использования ресурсов.

Кроме того, согласование с целями зеленой энергетики позволяет нефтегазовым компаниям использовать новые рыночные возможности. Глобальный переход к возобновляемой энергии создает спрос на инновационные технологии и устойчивые решения, что приводит к появлению новых бизнес-моделей и источников дохода. Инвестируя в проекты возобновляемой энергетики, решения для хранения энергии и технологии улавливания углерода, компании могут диверсифицировать свои портфели и позиционировать себя как лидеров в переходе к низкоуглеродной экономике. Такой проактивный подход не только повышает долгосрочную рентабельность, но и способствует достижению климатических целей и обеспечению экологической устойчивости.

В заключение, экологическая ответственность является фундаментальным аспектом концептуальной основы для устойчивых энергетических практик в нефтегазовых операциях. Путем принятия проактивных стратегий охраны окружающей среды, интеграции возобновляемых источников энергии, разработки гибридных энергетических моделей и сотрудничества с заинтересованными сторонами нефтегазовая отрасль может обеспечить свое устойчивое развитие и минимизировать экологическое воздействие. Благодаря инновациям, непрерывному улучшению и приверженности ответственному управлению ресурсами нефтегазовые компании могут согласовать свою деятельность с глобальными целями устойчивого развития, обеспечивая при этом долгосрочную жизнеспособность и устойчивость.

Литература

1. Полозов, М. Б. Экология нефтегазодобывающего комплекса: учебно-методическое пособие / М. Б. Полозов. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 174 с.
2. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению: СТБ ISO 14001-2017. – Введ. 2018-03-01. – Минск: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2017. – 33 с.
3. Кундас, С. П. Возобновляемые источники энергии: учеб.-метод. комплекс / С. П. Кундас, С. С. Позняк, В. Ф. Фиров. – Минск: БГУИР, 2012. – 291 с. – Режим доступа: https://energoeffect.gov.by/downloads/publishing/201202_kundas.pdf. – Дата доступа: 05.10.2025.
4. Перспективы внедрения циркулярной экономики в промышленности ДФО: экосистемный подход [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-vnedreniya-tsirkulyarnoy-ekonomiki-v-promyshlennosti-dfo-ekosistemnyy-podhod>. – Дата доступа: 05.10.2025.
5. Ивановский, Б. Г. Интеграция возобновляемых источников энергии в логистические процессы нефтегазовой отрасли / Б. Г. Ивановский // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2024. – Т. 20, № 5. – С. 1021–1037. – Режим доступа: <https://na-journal.ru/5-2024-ekonomika-menedzhment/11694-integraciya-vozobnovlyaemyh-istochnikov-ener-gii-v-logisticheskie-processy-neftegazovoi-otrasli>. – Дата доступа: 05.10.2025.

Song Zhengyi

abbot.s@yandex.by

Belarusian State University, Республика Беларусь

THE IMPLEMENTATION AND FUTURE DIRECTIONS OF OMNICHANNEL RETAILING

Since the concept of “omnichannel retail” emerged, related discussions have continued unabated. A review of existing research reveals three main areas of progress in omnichannel retail: (1) the meaning of omnichannel; (2) the causes of omnichannel retail; and (3) the strategies of omnichannel retail. This paper proposes three major future research directions: the formation and operation mechanisms of omnichannel retail stores, the integration mechanism between omnichannel retail and smart retail, and the operation mechanisms of omnichannel retail from a global perspective.

Key words: omnichannel; retail; strategy; marketing; research direction.

Сун Чжэньи

abbot.s@yandex.by

БГУ, Республика Беларусь

ВНЕДРЕНИЕ И БУДУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОМНИКАНАЛЬНОЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

С момента появления концепции «омниканальной розничной торговли» дискуссии по этому вопросу не прекращаются. Обзор существующих исследований выявляет три основных направления прогресса в омниканальной розничной торговле: (1) значение омниканальности; (2) причины возникновения омниканальной розничной торговли; и (3) стратегии омниканальной розничной торговли. В данной статье предлагаются три основных направления будущих исследований: механизмы формирования и функционирования омниканальных розничных магазинов, механизм интеграции между омниканальной розничной торговлей и интеллектуальной розничной торговлей, а также механизмы функционирования омниканальной розничной торговли с глобальной точки зрения.

Ключевые слова: омниканальность; розничная торговля; стратегия; маркетинг; направление исследований.

Over the past decade, academic discussions on omnichannel retail have produced a series of valuable theoretical achievements, which can be summarized in three main areas.

1. Addressing the question of “What is omnichannel retail.” Scholars have gradually deepened their understanding of the concept of omnichannel retail. In the early stage, research focused merely on the O2O (online-to-offline) model; in the middle stage, attention shifted to the integration of online and offline retail channels; and later, the concept evolved into the broader idea of omnichannel marketing in retail. The term “channel” has thus extended beyond its traditional meaning of “distribution channel,” now encompassing every element of the marketing mix, including omnichannel product (or service) design and production, omnichannel pricing, omnichannel distribution, and omnichannel communication. Strictly speaking, omnichannel retail refers to a retailer’s strategic approach to meeting customers’

needs across all stages of their purchasing journey—by effectively combining various types of channels for production, pricing, distribution, and communication—to enhance customer value and gain a competitive advantage.

2. Addressing the question of “Why omnichannel retail.” Existing research indicates that the causal chain underlying the emergence of omnichannel retail strategy lies in the development of mobile networks and big data technologies. On the one hand, these technologies have created a demand among consumers for multi-channel or omnichannel purchasing experiences throughout the buying process, representing the necessity of omnichannel retail. On the other hand, they have enabled retailers to implement omnichannel operations using mobile networks and data analytics, representing the feasibility of omnichannel retail. The combination of necessity and feasibility has made the adoption of omnichannel retail strategy an inevitable choice for retailers.

3. Addressing the question of “How to implement omnichannel retail.” In response to consumers’ integrated needs for shopping, entertainment, and social interaction, retailers should first determine their retail objectives, select target customers, and establish a marketing positioning (i. e., a compelling reason for purchase). They then realize this positioning through omnichannel product and service design, omnichannel pricing, omnichannel selling, and omnichannel communication—so that consumers can perceive the value proposition throughout their omnichannel purchasing and consumption processes. In essence, the core of omnichannel retail lies in omnichannel marketing, which aligns all stages of the customer journey to achieve seamless connection. These contributions have laid a foundational and pioneering basis for the further development of omnichannel theory.

From the perspective of theoretical evolution over the past decade: in 2009, the concept was first proposed in the United States; in 2011, American scholars provided a descriptive definition; in 2013, Chinese scholars introduced an academic definition and theoretical framework; and in 2014, Chinese scholars further advanced the concept by proposing the framework of “omnichannel marketing.”

Omnichannel retail has now become widespread, and consumers of all age groups are willing to choose omnichannel shopping. According to a 2024 survey, over 90 percent of global consumers between 18 and 44 years old wanted an omnichannel purchase experience. Those between 25 and 34 were the ones wanting a seamless omnichannel shopping process the most, with 93 percent of survey respondents reporting that. During the same period, 32 percent of global consumers started their shopping journey via online searches. It can be seen in figure 1.

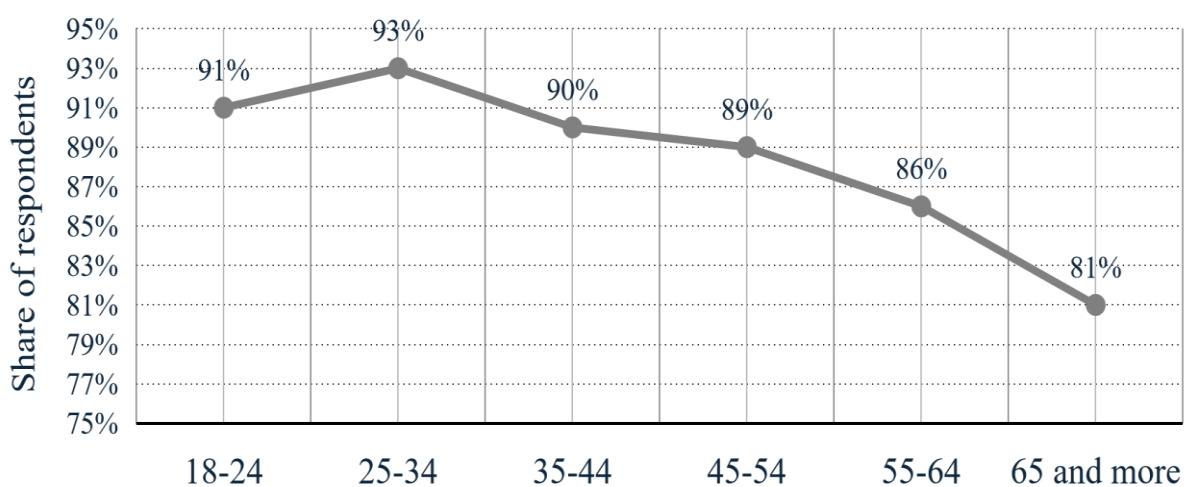


Figure 1 – Share of shoppers wanting a harmonious omnichannel purchasing experience in 2024, by age group [1]

The Content of Omnichannel Retail Strategy.

Discussions on the content of omnichannel retail strategy generally begin with the factors influencing the achievement of retail objectives. Herhausen et al. found that the direction of effective integration differs across retail industries—some evolve from offline to online, while others transition from online to offline [2]. If retailers misjudge consumer needs and choose the wrong direction of integration, it not only fails to produce positive outcomes but may even reduce consumers' purchase intentions and satisfaction. Cao and Li further explored the boundary conditions of omnichannel retail strategy, finding that two factors—consumers' online shopping experience and the number of physical stores—significantly moderate the sales growth rate of omnichannel retail [3].

The author argues that five types of “flows”—customer flow, information flow, capital flow, logistics flow, and store flow—serve as direct contact points for interaction between customers and retailers. In the omnichannel retail era, the forms of these flows have undergone significant transformations: Customer flow and store flow have shifted from fixed to mobile forms; The transmission paths of information flow have become more diversified;

Capital flow has evolved from the traditional “payment upon delivery” to the separation of “payment and pickup”; Logistics flow has become more diversified and personalized.

Therefore, retailers should adopt omnichannel retail strategies aligned with these transformations, including: (1) identifying customer preferences; (2) determining store positioning; (3) mapping the target customers' purchasing processes; (4) integrating multiple types of channels; (5) matching appropriate channel types with each purchasing stage based on customer preferences; (6) constructing omnichannel processes and integrating omnichannel resources; (7) achieving mutual benefits among stakeholders.

Qi Yongzhi and Zhang Mengxia argue that in omnichannel retailing, consumers face multiple types of channel choices at every stage of the purchasing process. To better implement omnichannel retail, enterprises can improve and optimize their operations based on different stages of the omnichannel process, including omnichannel information transmission, omnichannel order management, omnichannel payment, omnichannel logistics and delivery, omnichannel customer service, and omnichannel digital customer relationship management [4].

Some scholars, when studying the content of omnichannel retail strategy, focus on the interaction between different channels and consumers, as well as the effectiveness of product or information transmission across channels. Throughout the entire purchasing process, consumers interact with multiple channel agents, which collectively contribute to enhancing customer value. Based on this understanding, Saghir et al. constructed a three-dimensional omnichannel retail model: Purchase process, which includes pre-purchase activities, product selection, logistics, and returns. Each stage involves interactions between customers and different channel agents; Channel agents, including manufacturers, physical or digital retailers, and third parties (such as logistics companies or information service providers); Channel types, referring to the various forms of channels offered by agents—such as mobile apps, online stores, physical shops, email, courier services, social media, and face-to-face interactions [5]. These channel agents provide effective service types at different stages of the purchasing process to meet consumers' needs for convenience, safety, speed, and flexibility in their shopping experiences.

Moreover, numerous scholars have examined channel visualization, including product visualization, demand visualization, payment visualization, inventory visualization, and logistics visualization. Effective channel integration not only satisfies consumer needs but, more importantly, enhances the degree of channel visibility. Channel visualization helps internal channel members better manage and control channel operations, thereby improving overall competitiveness.

Steps of Omnichannel Retail Strategy.

The author argues that omnichannel marketing not only determines the effectiveness of omnichannel retail but also shapes its specific implementation approaches. Accordingly, the

management process of omnichannel marketing can be summarized in four main steps: 1) identifying the company's marketing objectives; 2) analyzing the macro and micro environments of each marketing channel type; 3) developing a marketing plan, including target customer selection, marketing positioning, and the formulation of the marketing mix; 4) implementing the marketing plan through internal process design and the integration of key organizational resources.

This perspective aligns with the view proposed by Saghiri et al. in 2017, who, based on a three-dimensional framework model, outlined three key steps for channel integration: 1) Stage integration. Each stage in the omnichannel process must be effectively integrated to ensure a smooth and coherent customer experience. For instance, the search stage and the payment stage should be seamlessly connected to prevent situations where customers select products but cannot find appropriate payment options. Proper inter-stage integration allows customers to move freely to the next stage (such as choosing a delivery method) or return to a previous stage (such as re-searching for products). 2) Channel type integration. The operations and decisions among different types of channels must work in coordination. Close communication between channels—and even collaboration among employees from different channel teams—is essential to ensure that customers can switch freely between channels while perceiving a consistent and unified shopping experience. 3) Channel agent integration. It is crucial to ensure that various channel agents deliver consistent products, services, and information to the same customer. Inconsistencies between channels in the information provided may confuse customers and diminish their satisfaction [5].

Future Research Directions for the Next Decade.

Although recent years have witnessed some significant progress in the study of omnichannel retail, the number of scholars engaged in this discussion remains limited. Moreover, the practice of omnichannel retail is evolving rapidly, resulting in many emerging issues that require further exploration. From a directional perspective, three major research themes can be identified for the coming decade:

1. The formation and operation mechanisms of omnichannel retail stores. The ideal state of omnichannel retail is to allow customers to move freely and seamlessly throughout the entire process of purchasing and consumption without perceiving any discontinuity or inconvenience between online and offline channels. When customers browse in a physical store, they are simultaneously engaging with the same store's online presence; conversely, when browsing online, they are also interacting with the corresponding physical store. Therefore, the future retail store will likely evolve into an omnichannel retail store—an integrated extension of a single retail entity—rather than maintaining separate online and offline stores as seen today. Such integration is essential to achieving truly “seamless” retail experiences.

2. The integration mechanisms between omnichannel retail and smart retail. In recent years, e-commerce platforms such as Alibaba, JD.com, and Pinduoduo have introduced concepts such as “new retail,” “smart retail,” and “boundaryless retail,” which have attracted widespread attention. Although these concepts are innovative, they are not rigorous academic terms and often blur the distinction between the omnichannel retail revolution and the intelligent (smart) revolution. These two revolutions represent different dimensions of transformation. Therefore, future academic research should focus on exploring the patterns and mechanisms of integration between omnichannel retail and smart retail, clarifying their respective characteristics and interactions.

3. The operation mechanisms of omnichannel retail from a global perspective. Today's omnichannel retail strategies have transcended cities and national borders, facing increasingly diverse consumers, more complex competitors, and more intricate regulatory environments. Consequently, future studies should examine omnichannel retail operations from a global and multicultural perspective, focusing on how to enhance international operational efficiency, adapt to varied cultural contexts, and establish sustainable optimization paths for global omnichannel retail management.

References

1. Buyers wanting an omnichannel shopping experience 2024, by age group [Electronic resource] // Statiata. – Mode of access: <https://www-statista-com.eu1.proxy.openathens.net/statistics/1622398/shoppers-wanting-an-omnichannel-shopping-experience-by-age/> – Date of access: 15.10.2025.
2. Herhausen, D. Integrating bricks with clicks: retailer-level and channel-level outcomes of online–offline channel integration / D. Herhausen, J. Binder, M. Schoegel // *Journal of Retailing*. – 2015. – Vol. 91, № 2. – P. 309–325.
3. Cao, L. The impact of cross-channel integration on retailers' sales growth / L. Cao, L. Li // *Journal of Retailing*. – 2015. – Vol. 91, № 2. – P. 198–216.
4. Qi, Y. Omni-channel retailing: evolution, process, and implementation / Y. Qi, M. Zhang // *China Business and Market Economics*. – 2014. – № 12. – P. 115–121.
5. Saghiri, S. Toward a three-dimensional framework for omni-channel / S. Saghiri, R. Wilding, C. Mena // *Journal of Business Research*. – 2017. – Vol. 77, № 1. – P. 53–67.

СЕКЦИЯ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО И БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА, ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И АУДИТА

УДК 657

У. З. Ашуров

ashurov_9188@mail.ru

ГУ «Худжандский международный институт» МУПТТ, Республика Таджикистан

РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

В статье рассмотрен процесс проведения внутреннего аудита и его практическое применение. Также проанализированы методы осуществления внутреннего аудита в хозяйствующих субъектах, а процесс всестороннего исследования объекта проверки изложен в систематизированном виде.

Ключевые слова: внутренний аудит, хозяйствующий субъект, хозяйственные операции, управление и бухгалтерский учет, внутренний аудит.

В условиях формирования рыночных отношений в Таджикистане произошли существенные изменения в деятельности экономических субъектов, получивших широкую самостоятельность в определении своей деятельности и выборе партнеров при полной ответственности за результаты исполнения обязательств.

Создание новых производственных структур, приватизация государственных предприятий и их преобразование в акционерные общества, а также деятельность свободных предприятий получили широкое распространение. Это позволило предприятиям развиваться за счёт собственных источников и нести риски своей хозяйственной деятельности самостоятельно.

Внутренняя проверка хозяйственных операций, проводимая систематически в процессе оборота средств предприятия, имеет исключительно важное значение [2, с. 304]. При аудите отдельных хозяйственных процессов применяются два подхода к организации проверки: по каждому объекту и по этапный.

При использовании подхода проверки каждого объекта аудита сегменты аудита подразделяются на управление и бухгалтерский учёт (финансовый и управленческий) [5, с. 235]. Методика данного подхода, основанная на аналитическом и синтетическом учёте, предусматривает обязательное проведение тестирования.

Хозяйственная операция включает два объекта бухгалтерского учёта, и проверка каждого из них проводится аудитором дважды. Хозяйственные операции проверяются на основе установленных норм по отдельным бухгалтерским счетам без выявления причинно-следственных связей между двумя объектами управления и бухгалтерского учёта, при этом аудит осуществляется двумя аудиторами независимо друг от друга.

Кроме того, дальнейшее проведение аудита хозяйственных операций связано с рассмотрением их с точки зрения существования и взаимосвязи между объектами. С практической точки зрения данный метод считается нерациональным, поскольку одна и та же хозяйственная операция (то есть один и тот же первичный бухгалтерский документ, являющийся носителем информации) проверяется несколько раз. Это приводит к увеличению трудоёмкости работ, задержке выполнения задач, поставленных администрацией, и повышению стоимости проведения внутреннего аудита.

Таким образом, процесс внутреннего аудита является оптимальным в тех случаях, когда в качестве сегмента аудита принимается взаимосвязь между объектами бухгалтерского учёта, которые в совокупности формируют этап хозяйственной операции [4, с. 398].

Поэтапный подход к организации внутреннего аудита предусматривает выделение в качестве сегментов отдельных этапов хозяйственных операций, что позволяет полностью регулировать особенности деятельности предприятия, применяемую систему бухгалтерского учёта и документооборот [3, с. 543]. Поэтому данный подход, по сравнению с предыдущим, обладает индивидуальными особенностями для каждого хозяйствующего субъекта. Такой вывод соответствует практике аудиторской деятельности зарубежных стран (рисунок 1).

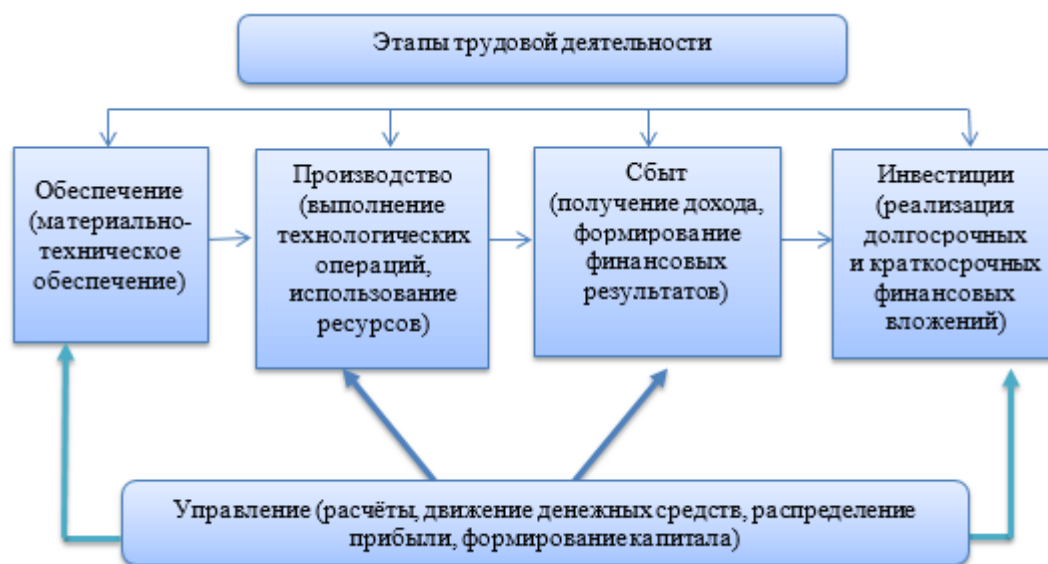


Рисунок 1 – Хозяйственные операции

В данном случае в качестве сегментов рассматриваются этапы производственной деятельности предприятия. Под понятием «сегментация аудита» понимается разграничение внешней и внутренней отчётности, а также отдельных структурных элементов с целью решения задач, поставленных перед аудитом. Сегменты аудита, классифицированные с использованием поэтапного подхода, представляют собой стадии производственной деятельности (этапы, схожие по содержанию хозяйственных операций).

На основе анализа информационных потоков хозяйствующего субъекта выделяются следующие этапы производственной деятельности [1, с. 364]:

1. «Обеспечение» – охватывает процесс приобретения материальных и финансовых ценностей, снабжения, хранения и предоставления их для производства либо для удовлетворения технических и операционных потребностей предприятия.

2. «Производство» – включает технологические операции и производственный процесс, в ходе которых ресурсы используются для изготовления готовой продукции; также отражает порядок приёмки и передачи готовой продукции на склад.

3. «Сбыт» – представляет собой хозяйственные операции, связанные с продажей готовой продукции, получением доходов от основной и иных видов деятельности, а также с возникновением дебиторской и кредиторской задолженности.

4. «Инвестиции» – охватывают хозяйственные операции, связанные с долгосрочными и краткосрочными вложениями средств (восстановление, расширение, модернизация, техническое переоснащение действующего предприятия, приобретение ценных бумаг и др.) с целью сохранения и увеличения капитала.

5. «Управление» – объединяет хозяйственные операции, направленные на координацию совместной деятельности людей для достижения определённых результатов (операции по движению денежных средств, возникновению и исполнению обязательств посредством платежей или взаимозачётов, распределению прибыли и формированию капитала), а также обеспечение предприятия финансовыми, трудовыми, материальными и другими ресурсами.

Классификация этапов производственной деятельности позволяет в процессе внутреннего аудита применять правило двойной записи, обеспечивающее контроль за корректностью бухгалтерских записей по дебету одного счёта и кредиту другого. На этой основе выявляются искажения или ошибки в учётных записях.

Например, при проведении тестирования на этапе обеспечения дебетовые записи, отражающие поступление материальных ценностей, проверяются одновременно с кредитовыми записями этапа управления, связанными с возникновением кредиторской задолженности. Такой способ проведения аудита называется методом направленного тестирования.

Таким образом, поэтапный подход позволяет установить взаимосвязь между основными стадиями хозяйственных операций как элементами экономической системы предприятия и своеобразными коммуникационными сетями, оценить все их возможности и разработать мероприятия по совершенствованию информационных процессов.

Сегментация внутреннего аудита с использованием поэтапного подхода широко применяется в практике зарубежных стран, поскольку она является более объективной и соответствует требованиям менеджмента. В странах Европы аудиторы, использующие метод направленного тестирования, прежде всего анализируют рост доходов и снижение расходов, что обеспечивает комплексную оценку эффективности деятельности предприятия.

Следует отметить, что в Таджикистане постепенно развивается бюджетный подход к организации внутреннего аудита. Сущность данного подхода заключается в постоянном мониторинге и проверке исполнения бюджета отдельных бизнес-единиц, классифицированных в качестве сегментов аудита.

В этом случае различные виды бизнеса, функционирующие в рамках одного предприятия, группируются по направлениям деятельности. Каждое направление рассматривается при разработке внутреннего аудита как регламент, определяющий структуру бюджетирования, планирование и учёт деятельности, осуществляемой самостоятельно. При этом по каждому направлению составляется отдельный бюджет, а управленческий учёт ведётся по видам деятельности – то есть по центрам ответственности.

Литература

1. Низомов, С. Ф., Мирзоалиев А. А., Калемуллоев М. В., Рахимов С. Х. *Аудит и выражение уверенности*: учебник. – Душанбе: Издательство ООО «Мега-принт», 2020. – 364 с.
2. Низомов, С. Ф., Хушвахтзода К. Х., Мирзоалиев А. А., Рахимов С. Х., Содиков С. И., Бобоев Ш. Н., Бадалов Ш. К. *Внутренний аудит*: учебное пособие. – Душанбе: Типография Таджикского национального университета, 2021. – 304 с.
3. Подольский, В. И. *Аудит*: учебник / под ред. В. И. Подольского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономистъ, 2012. – 543 с.
4. Суиц, В. П. *Аудит*: учебник. – М.: Высшее образование, 2012. – 398 с.
5. Комилов, Ш. Дж., Комилов Т. Ш., Комилов А. Ш. *Основы бухгалтерского учёта и деятельности бухгалтерско-судебной экспертизы*. – 2016. – 235 с.

Д. Ю. Бугакова

diabug2005@gmail.com

Г. Г. Нарушевич

ngg@grsu.by

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

АУДИТ РАСЧЕТОВ С ПЕРСОНАЛОМ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

В представленной статье раскрываются теоретические и прикладные основы проведения аудиторской проверки расчетов с работниками по заработной плате. Исследуются основные зоны контроля, часто встречающиеся недочеты и нарушения. Сформулированы предложения по оптимизации внутреннего контроля на данном участке учета.

Ключевые слова: аудиторская проверка, расчеты с сотрудниками, заработная плата, методика аудита, система внутреннего контроля.

Аудит расчетов с персоналом по оплате труда представляет собой неотъемлемый и важный элемент комплексной проверки финансово-хозяйственной деятельности любого предприятия. Его актуальность обусловлена тем, что заработная плата является одной из основных статей расходов для большинства организаций, а ошибки и нарушения на этом участке чреваты не только финансовыми санкциями со стороны контролирующих органов, но и репутационными рисками. Эффективный аудит данной области обеспечивает не только подтверждение достоверности бухгалтерской отчетности, но и оценивает риски хозяйственной деятельности, связанные с кадровыми и расчетными операциями.

Правовой фундамент для осуществления аудита в Республике Беларусь заложен Законом «Об аудиторской деятельности» от 8 ноября 1994 года. Данный нормативный акт регламентирует права и обязанности аудиторов, раскрывает сущность аудиторских услуг, а также устанавливает квалификационные требования к специалистам. Согласно закону, аудит представляет собой независимую проверку бухгалтерской отчетности и хозяйственных операций для формирования мнения об их достоверности и соответствии законодательству [1].

Одним из наиболее сложных и значимых объектов контроля является сфера расчетов с персоналом по оплате труда. Трудоемкость проверки обусловлена массовостью операций, разнообразием видов начислений и удержаний, а также постоянными изменениями в трудовом и налоговом законодательстве. К проверке этого участка, помимо внешних аудиторов, часто привлекаются специалисты органов ведомственного контроля и Министерства труда и социальной защиты, что подчеркивает его межведомственную значимость.

Источниками информации для проверки расчетов с персоналом по оплате труда являются следующие группы документов [2]:

1) первичные документы: контракты, договоры гражданско-правового характера, приказы по личному составу, табели учета рабочего времени, лицевые счета по заработной плате, наряды на сдельную работу, путевые листы, трудовые книжки, личные дела, листки временной нетрудоспособности, исполнительные листы, штатное расписание, положение по оплате труда и др.;

2) регистры аналитического и синтетического учета: расчетно-платежные ведомости, личные карточки, учетные регистры по счетам 68 «Расчеты по налогам и сборам», 69 «Расчеты по социальному страхованию и обеспечению», 70 «Расчеты с персоналом

по оплате труда», 71 «Расчеты с подотчетными лицами», 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами»; авансовые отчеты с приложенными к ним первичными документами, акты инвентаризации расчетов, главная книга и др.;

3) финансовая (бухгалтерская отчетность): бухгалтерский баланс; отчетность по труду и др.

Для формирования объективного и обоснованного аудиторского заключения необходимо собрать достаточный объем надлежащих аудиторских доказательств. Их классификация по источнику происхождения имеет ключевое значение для оценки надежности [3, с. 59]:

1. **Внутренние доказательства** – информация, полученная от проверяемой организации в письменном или устном виде (например, объяснения сотрудников бухгалтерии, копии внутренних приказов). Эти доказательства обладают наименьшей степенью надежности.

2. **Внешние доказательства** – информация, полученная от третьей стороны в письменном виде (например, ответы на запросы в банк о подтверждении выплат, письменные подтверждения от органов ФСЗН о суммах начисленных взносов). Такие доказательства считаются наиболее надежными.

3. **Смешанные доказательства** – информация, изначально полученная от клиента, но подтвержденная третьей стороной (например, договор гражданско-правового характера, подписанный исполнителем, а затем подтвержденный им же по запросу аудитора).

Для сбора этих доказательств аудиторы применяют конкретные процедуры [4]:

1. **Пересчет** – проверка арифметической точности расчетов (начисления заработной платы, налога на доходы, отпускных).

2. **Инспектирование** – изучение первичных документов и регистров на предмет правильности оформления, наличия необходимых реквизитов и подписей.

3. **Подтверждение** – получение прямого ответа от третьих лиц (как правило, в письменной форме) по запрашиваемой аудитором информации.

4. **Аналитические процедуры** – анализ соотношений и тенденций (например, сравнение среднемесячной заработной платы по категориям персонала с предыдущими периодами, анализ отклонений фонда оплаты труда от плановых показателей).

5. **Опрос** – получение информации от персонала проверяемой организации в устной или письменной форме.

Методология аудита расчетов с персоналом в белорусской практике представляет собой последовательный многоуровневый процесс, состоящий из взаимосвязанных этапов [3, с. 46]. Первым и фундаментальным шагом является оценка эффективности системы внутреннего контроля (СВК). На этой стадии аудитор тщательно изучает организационную структуру предприятия, чтобы оценить принцип разделения обязанностей между сотрудниками, задействованными в процессе начисления и выплаты заработной платы – бухгалтером, кадровым специалистом и руководителем подразделения. Также анализируется порядок авторизации и утверждения ключевых операций: кто уполномочен подписывать табели учета рабочего времени, приказы о приеме на работу и увольнении, а также расчетно-платежные ведомости. Аудитор проверяет наличие и реальную эффективность регламентов документооборота, а также систему защиты конфиденциальной информации и разграничение доступа к базам данных по персоналу.

Следующим этапом является тщательная проверка корректности оформления первичных учетных документов. Аудитор выборочно или, в случае высокого риска, сплошным методом проводит инспектирование комплекта документов. Он проверяет соответствие форм первичных документов либо утвержденным альбомам унифицированных форм, либо установленным законодательством требованиям для самостоятельно разработанных форм. Особое внимание уделяется наличию всех обязательных реквизитов: наименования документа, даты его составления, содержания хозяйственной операции, измерителей операции в натуральном и денежном выражении, а также должностей

и личных подписей ответственных лиц. Кроме того, аудитор отслеживает логическую связь между различными документами, например, соответствие данных, указанных в таблице учета рабочего времени, приказу о приеме на работу и условиям трудового договора.

Ядром всей аудиторской проверки выступает анализ обоснованности начислений заработной платы. В рамках этого этапа аудитор проводит тщательный пересчет и проверку правильности применения систем оплаты труда, будь то повременная, сдельная или система окладов. Контролируется расчет различных видов доплат, установленных законодательством: за сверхурочную работу, работу в ночное время, в выходные и праздничные дни. Отдельный и наиболее сложный блок – это аудит расчета среднего заработка, который используется для оплаты отпусков, пособий по временной нетрудоспособности и в других предусмотренных законодательством случаях. Аудитор проверяет правильность определения расчетного периода, полноту включения всех предусмотренных выплат в расчет среднего заработка и корректность применения формул расчета. Также подлежат проверке на обоснованность и правильность оформления все прочие выплаты в пользу работников, такие как премии, материальная помощь и различные компенсации.

Не менее важным этапом с точки зрения соблюдения законодательства является контроль правильности исчисления налогов и обязательных страховых взносов. Здесь аудитор проверяет, как формируется налоговая база по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ), и применяются ли все положенные работнику налоговые вычеты (стандартные, социальные, имущественные). Контролируется полнота удержания НДФЛ из доходов сотрудников и своевременность его перечисления в бюджет. Параллельно проводится проверка правильности начисления взносов в фонд социальной защиты населения (ФСЗН) и иных обязательных страховых взносов. Аудитор сверяет данные внутреннего учета организации с данными, отраженными в налоговой отчетности и отчетности, представляемой в ФСЗН, чтобы выявить возможные расхождения.

Финальным этапом методики является проверка отражения всех операций на счетах бухгалтерского учета. На этой стадии устанавливается правильность составления бухгалтерских проводок по начислению заработной платы, удержанию НДФЛ, начислению страховых взносов и непосредственной выплате средств работникам. Аудитор проверяет своевременность отражения этих операций в учетных регистрах и обеспечивает, чтобы данные аналитического учета по каждому сотруднику (ведомости, лицевые счета) полностью соответствовали данным синтетического учета по счету 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда», которые в итоге переносятся в Главную книгу и бухгалтерскую отчетность предприятия.

Практика аудиторских проверок расчетов с персоналом в Республике Беларусь позволяет выявить ряд характерных нарушений, которые носят системный характер. Одним из наиболее распространенных является несвоевременное перечисление налогов и страховых взносов во внебюджетные фонды. Данное нарушение ведет не только к прямым финансовым потерям в виде начисления пеней и штрафов, но и создает риски при проведении последующих проверок контролирующими органами.

Особую проблему представляет некорректный расчет среднего заработка для оплаты отпусков и пособий по временной нетрудоспособности. Типичными ошибками здесь являются неверное определение расчетного периода, включение в расчет не предусмотренных законодательством выплат, а также арифметические ошибки при вычислениях.

Существенным недостатком является неполное отражение в табелях учета рабочего времени фактически отработанных сотрудниками часов. Такая ситуация часто связана с попытками скрыть сверхурочные работы или работу в выходные дни, что нарушает права работников на полную оплату их труда и может привести к трудовым спорам.

Отдельного внимания заслуживают нарушения в области кадрового делопроизводства. К ним относится отсутствие или ненадлежащее оформление первичных документов: приказов на сверхурочную работу, служебных записок на премирование, договоров гражданско-правового характера.

Не менее важной проблемой остается нарушение сроков выплаты заработной платы и несоблюдение гарантий, предусмотренных трудовым законодательством. Это включает задержки зарплаты, неправильный расчет компенсаций при увольнении, нарушения при предоставлении трудовых отпусков.

Выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости усиления внутреннего контроля в белорусских организациях. В качестве мер по его совершенствованию можно предложить:

1. Автоматизацию процессов сверки данных табельного учета и начислений заработной платы.

2. Внедрение внутренних стандартов для проверки расчетно-платежной документации.

3. Организацию регулярного внутреннего аудита расчетов с персоналом.

Применение предложенной методики, основанной на поэтапной и системной проверке с использованием разнообразных аудиторских процедур и надежных доказательств, способствует повышению качества и эффективности аудита. В конечном итоге, грамотно проведенный аудит расчетов с персоналом становится инструментом не только контроля, но и реального повышения эффективности управления затратами на труд и снижения рисков хозяйственной деятельности белорусских предприятий.

Литература

1. Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 №56-3 «Об аудиторской деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://audit-ap.by/ru>

2. Лемеш, В. Н. Аудит: пособие / В. Н. Лемеш. – 6-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2022. – 288 с.

3. Веренич Г.Д., Вербицкая Е. Н., Щербакова И. В. Ревизия и аудит: учеб. пособие, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/5081/Reviziya_i_audit.pdf?sequence=1&isAllowed=y

4. Лемеш, В. Н. Контроль и аудит : учеб. пособие / В. Н. Лемеш. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2022. – 316 с.

СЕКЦИЯ 4. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УДК 330.322:005.591.6:004.9

З. В. Бонцевич

zbontsevich@inbox.ru

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена обзору основных вызовов в процессе финансирования инноваций в условиях цифровизации, среди которых ограниченность традиционных финансовых инструментов, венчурного капитала и долгосрочного финансирования, а также регуляторные барьеры, недостаточно развитая проектная культура и инфраструктура финансовой поддержки инновационной деятельности.

Ключевые слова: финансирование инноваций, государственные гранты, венчурные фонды, риск-ориентированное инвестирование, интегрированные цифровые платформы, инфраструктура финансовой поддержки инноваций.

Цифровизация экономики требует пересмотра подходов к финансированию инноваций. Для Республики Беларуси, стремящейся к технологической модернизации и развитию ИТ-сектора, поддержка НИОКР и инноваций становится критически важной [1]. Однако новые формы бизнеса, цифровые платформы и нестандартные модели проектов создают сложности для использования традиционных финансовых механизмов.

Ограниченный доступ к венчурному капиталу, нормативные барьеры и слабая интеграция науки с бизнесом замедляют реализацию инновационного потенциала. В этих условиях важно выработать гибкие инструменты финансирования, адаптированные к цифровой среде, чтобы обеспечить устойчивое развитие, технологическую и интеллектуальную безопасность и повысить конкурентоспособность национальной экономики.

К основным вызовам в сфере финансирования инноваций, которые чаще всего называются экспертами и учеными-экономистами, относятся [2–4]:

1. Недостаточная адаптация финансовых инструментов к условиям цифровой экономики. Цифровые инициативы, особенно в сфере ИТ, характеризуются высокой скоростью развития, неопределённостью результатов и коротким жизненным циклом, что не соответствует стандартным требованиям традиционных форм финансовой поддержки (гранты, субсидии и банковские кредиты) по срокам, отчётности и возврату средств.

Многие стартапы и платформенные решения не укладываются в привычные рамки бюджетного планирования и требуют гибких, поэтапных моделей финансирования с возможностью адаптации к изменяющимся условиям. Это ограничивает доступ к ресурсам для перспективных проектов, снижает мотивацию к запуску инноваций и замедляет трансформацию экономики в сторону цифровой модели.

Для преодоления этих ограничений необходим пересмотр подходов к финансированию, а именно:

а) внедрение гибких венчурных и акселерационных схем. Венчурные схемы направлены на финансирование стартапов и технологических инициатив на ранних стадиях развития, характеризующихся высокой степенью риска, но потенциально значительной отдачей. В данном случае инвестиции осуществляются в обмен на долю в компании, что стимулирует инвестора к активному участию в развитии проекта.

Акселерационные схемы представляют собой краткосрочные программы интенсивного развития инновационных команд, включающие не только финансирование, но и менторскую поддержку, обучение, доступ к инфраструктуре и выход на сеть инвесторов. Эти механизмы особенно эффективны для цифровых решений, которые требуют быстрой адаптации, тестирования и выхода на рынок.

Для Республики Беларусь внедрение венчурных и акселерационных моделей может стать важным шагом к формированию устойчивой инновационной экосистемы, особенно в условиях ограниченного доступа к традиционным инвестиционным ресурсам;

б) развитие инструментов риск-ориентированного инвестирования, особенно в сферах ИИ, финтеха, биотехнологий и платформенной экономики, которые характеризуются высокой степенью неопределённости. Это требует инвестиций и управления рисками одновременно. Риск-ориентированное инвестирование предполагает использование аналитических и прогнозных моделей, гибких финансовых инструментов, позволяющих оценивать потенциальную доходность с учётом технологических, рыночных и институциональных факторов.

Такие инструменты могут включать поэтапное финансирование, опционы на доленое участие, механизмы страхования рисков, а также государственные гарантии для частных инвесторов. Их развитие способствует расширению круга участников инновационного процесса и снижению барьеров для финансирования нестандартных, но перспективных решений;

в) создание интегрированных цифровых платформ управления инновационными проектами, позволяющих автоматизировать ключевые этапы от подачи заявки и экспертной оценки до мониторинга результатов и распределения ресурсов. Такие платформы обеспечивают прозрачность, ускоряют принятие решений и упрощают взаимодействие между разработчиками, инвесторами и государственными институтами.

Цифровые решения могут включать модули для анализа проектных рисков, визуализации бизнес-моделей, интеграции с реестрами интеллектуальной собственности и финансовыми системами. В условиях Республики Беларусь подобные платформы могут стать основой для формирования единой инновационной среды, объединяющей университеты, технопарки, фонды и предпринимательские структуры.

2. Ограниченный доступ к венчурному капиталу. Инвесторы, как правило, ориентируются на стабильные и предсказуемые отрасли, такие как промышленность, недвижимость, торговля, где уровень риска ниже и возврат инвестиций более прогнозируем. В то же время цифровые инициативы, включая разработки в сфере ИИ, блокчейна, платформенных решений и финтеха, воспринимаются как высокорисковые и спекулятивные. Это связано с их быстрым циклом развития, неопределённостью коммерциализации и сложностью оценки долгосрочной эффективности. В результате многие перспективные проекты не получают необходимого стартового финансирования, что замедляет технологическое обновление и снижает конкурентоспособность национальной экономики.

Для преодоления этой проблемы требуется стимулирование венчурной активности через налоговые льготы, государственные соинвестиции, развитие акселераторов и формирование культуры поддержки инновационного предпринимательства.

3. Низкий уровень финансовой грамотности и недостаточно развитая проектная культура среди разработчиков и научных коллективов. Многие исследователи и авторы технологических решений обладают высоким техническим потенциалом, но сталкиваются с трудностями при переходе от идеи к инвестиционно-привлекательному проекту: при разработке бизнес-модели, составлении финансового плана или подготовке обоснованного предложения для потенциальных инвесторов. Кроме того, в условиях цифровизации особое значение приобретает способность презентовать проект в онлайн-среде через цифровые платформы, акселераторы, венчурные конкурсы. Отсутствие навыков визуализации, лаконичного описания ценностного предложения и аргументации экономической эффективности снижает шансы на получение финансирования, даже при наличии

перспективной идеи. Таким образом, без системной поддержки в области проектного менеджмента, финансового планирования и цифровой коммуникации значительная часть инновационного потенциала остаётся не реализованной.

Решение этой проблемы требует внедрения образовательных программ, менторской поддержки и создания среды, где научные идеи могут трансформироваться в жизнеспособные бизнес-проекты.

4. Регуляторные барьеры. Быстрое развитие новых форм бизнеса, таких как платформенные модели, блокчейн-решения, искусственный интеллект и цифровые активы, требует оперативного обновления нормативной базы. Однако в большинстве случаев законодательство реагирует с опозданием, не успевая адаптироваться к технологическим изменениям и новым форматам экономических взаимодействий. Это приводит к правовой неопределённости: отсутствуют чёткие правила использования смарт-контрактов, не урегулирован статус цифровых активов, ограничены возможности трансграничного финансирования через цифровые платформы. В результате инвесторы сталкиваются с юридическими рисками, а разработчики – с затруднённым доступом к финансированию и коммерциализации своих решений.

Для преодоления этих барьеров необходима нормативная модернизация: разработка гибких правовых механизмов, признание новых форм цифровых активов, упрощение процедур трансграничных инвестиций и внедрение регуляторных «песочниц» для тестирования инновационных моделей. Условия правовой предсказуемости смогут реализовать потенциал цифровых технологий как драйвера экономического роста.

5. Фрагментация инфраструктуры поддержки инновационной деятельности. В Республике Беларусь, как и во многих странах с развивающейся инновационной экосистемой, наблюдается недостаточная координация между ключевыми участниками: университетами, научными центрами, технопарками, государственными фондами и частными инвесторами. Каждый из этих институтов действует в рамках собственных процедур, приоритетов и цифровых решений, что затрудняет формирование единого инновационного пространства. Отсутствие интегрированной цифровой платформы, объединяющей процессы подачи заявок, мониторинга, экспертной оценки и распределения ресурсов, приводит к дублированию функций, потере информации и снижению прозрачности. Разработчики вынуждены адаптироваться к разрозненным требованиям, а инвесторы ориентироваться в неструктурированной среде, что снижает скорость принятия решений и увеличивает транзакционные издержки.

Для преодоления этих ограничений необходимо создать единую цифровую экосистему поддержки инноваций, обеспечивающую сквозной доступ к ресурсам, синхронизацию данных между институтами и прозрачную процедуру отбора проектов. Такая инфраструктура позволит повысить эффективность финансирования, усилить межсекторное взаимодействие и сформировать устойчивую среду для развития цифровых и научно-технических инициатив.

6. Ограниченность долгосрочного финансирования, особенно в сферах, где технологический цикл требует времени на исследование, тестирование и внедрение. Большинство действующих программ поддержки ориентированы на достижение быстрых, измеримых результатов, например, запуск прототипа, проведение пилотного проекта или подготовку отчётной документации. Такой подход не учитывает специфику цифровых решений, которые часто требуют многолетней доработки, адаптации к рынку и интеграции в существующую инфраструктуру. Кроме того, на стадии масштабирования и выхода на рынок инновационные проекты сталкиваются с дефицитом финансовых ресурсов. В этот период особенно важно обеспечить устойчивое финансирование для расширения команды, сертификации продукта, маркетинга и технической поддержки. Однако большинство механизмов поддержки завершается на этапе НИОКР, не охватывая критически важную фазу коммерциализации.

Для преодоления этих ограничений необходимы специализированные инструменты долгосрочного финансирования: инвестиционные фонды с расширенным горизонтом, государственно-частные партнёрства, механизмы отсроченного возврата средств и программы поддержки масштабирования. Только при наличии таких решений цифровые инновации смогут пройти полный путь от идеи до устойчивого рыночного продукта.

Таким образом, для эффективного финансирования инноваций в условиях цифровизации необходима трансформация финансовых и институциональных механизмов: внедрение гибких моделей финансирования, цифровых платформ, развитие венчурной среды и нормативная адаптация к новым формам экономической активности, развитие компетенций и создание устойчивой экосистемы поддержки. Решение рассмотренных ключевых проблем финансирования инноваций в условиях цифровизации создаст основу для качественного экономического рывка. Интеграция усилий государства, бизнеса, научного сообщества станет ключевым условием для устойчивого развития цифровой экономики Республики Беларусь, ее экономического роста и повышения глобальной конкурентоспособности. Страна получит устойчивую, гибкую и адаптивную инновационную экосистему, способную эффективно трансформировать научный потенциал в конкурентоспособные цифровые продукты и услуги. Это обеспечит рост инвестиционной привлекательности, расширение экспортных возможностей, повышение технологической независимости и ускорение структурной модернизации отраслей. В долгосрочной перспективе такие преобразования способствуют формированию экономики знаний, усилению роли интеллектуального капитала и укреплению позиций страны в глобальных рейтингах.

Литература

1. Об утверждении Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02 февраля 2021 г. № 66 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100066>. – Дата доступа: 28.09.2025.
2. Shuang Li. The impact of digital finance on firms' digital Transformation: Mechanism analysis based on enterprise financing / Shuang Li, Nan Xie // International review of Economics and Finance. – 2025. – Volume 101. // Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1059056025003867>. – Дата доступа: 28.09.2025.
3. Funding for Digital in the 2021-2027 Multiannual Financial Framework: European Comission // Режим доступа: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/funding-digital>. – Дата доступа: 28.09.2025.
4. Криштаносов В. Б. Риски и угрозы в становлении и развитии цифровой экономики Республики Беларусь / В. Б. Криштаносов : Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора экон. наук по специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (специализация – управление инновациями). – Минск, БГТУ. – 2023. // Режим доступа: <https://vak.gov.by/sites/default/files/2023>. – Дата доступа: 28.09.2025.

З. В. Бонцевич

zbontsevich@inbox.ru

А. А. Новикова

novatorr25@gmail.com

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КУРС НА ЦИФРОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ

Статья посвящена обзору современных информационных технологий в налоговой сфере Республике Беларусь на основе электронных сервисов и интегрированных платформ, таких как Единый Государственный реестр налогоплательщиков, электронный документооборот на основе «Личного кабинета плательщика», системы межведомственного обмена данными, национальная инфраструктуры открытых ключей.

Ключевые слова: цифровое налоговое администрирование, электронный документооборот, электронная цифровая подпись, личный кабинет плательщика, кибербезопасность.

Налоговая система Республики Беларусь переживает этап масштабной цифровой модернизации, направленной на повышение управленческой эффективности, снижение административной нагрузки на бизнес и сокращение зависимости от человеческого ресурса в операционных процессах. Приоритетное внимание уделяется внедрению современных информационно-коммуникационных технологий, что позволяет перейти от традиционного подхода контроля к более гибкой и интеллектуальной модели риск-ориентированного управления налоговыми потоками [1].

Ключевым элементом цифровизации выступает формирование интегрированной ИТ-экосистемы, обеспечивающей сквозной обмен данными между налоговыми органами, плательщиками и смежными структурами. Такая инфраструктура служит основой для автоматизации процессов, повышения прозрачности фискального администрирования и оперативного реагирования на изменения в экономической среде [2].

В Республике Беларусь переход на цифровое администрирование в налоговой сфере подтверждается функционированием ряда электронных сервисов и интегрированных платформ (таблица 1).

Таблица 1 – Электронные сервисы и интегрированные платформы в налоговой сфере Республики Беларусь

Наименование	Характеристика	Цели / функции
1	2	3
Единый Государственный реестр налогоплательщиков	государственный информационный ресурс	обеспечение единого государственного учета плательщиков, единых принципов идентификации плательщиков, осуществление налогового контроля, ведение налоговой отчетности
Электронный документооборот	осуществляется посредством «Личного кабинета плательщика» – онлайн-сервис предназначенный для	получение документов, заполнение деклараций (расчетов), уплата налогов, подача уведомления об осуществлении деятельности для расчета единого

Окончание таблицы 1

1	2	3
	удобного взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами	налога, запись на личный прием к руководству инспекций МНС, предварительная регистрация на прием в инспекции, где внедрена электронная очередь
Система межведомственного обмена данными	государственная межведомственная информационная система, обеспечивающая межведомственное взаимодействие государственных органов и иных организаций посредством обмена электронными документами	обеспечение информационного взаимодействия государственных органов, ускорение обмена электронными документами, сокращение бумажного документооборота, снижение трудозатрат на обработку документов и минимизация времени их прохождения между организациями, автоматизация документооборота между территориально распределенными госорганами
Национальная инфраструктура открытых ключей	система, обеспечивающая распространение информации об открытых ключах и их владельцах, состоящая из взаимосвязанных и аккредитованных удостоверяющих центров	обеспечение доступности информации об открытых ключах и их владельцах для всех организаций и физических лиц в стране, создание основы для предоставления услуг электронной цифровой подписи (ЭЦП)
Примечание: источник: собственная разработка автора на основе [2–4]		

Создание и внедрение Единого государственного реестра налогоплательщиков (ЕГРН) в Беларуси стало ключевым шагом в направлении системного цифрового администрирования. Реестр выступает как централизованная платформа идентификации и учёта субъектов налогообложения, обеспечивая согласованность данных, исключение дублирующих записей и повышение прозрачности межведомственного взаимодействия. Функционирование ЕГРН позволило оптимизировать процессы регистрации, актуализации и ликвидации хозяйствующих субъектов, а также упростить доступ к базовой информации для контрагентов и государственных структур. Интеграция реестра с электронными сервисами налоговой службы способствует автоматизации документооборота, снижению административной нагрузки и формированию цифровых профилей налогоплательщиков, пригодных для аналитической обработки и риск-ориентированного мониторинга (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели эффективности внедрения Единого государственного реестра налогоплательщиков на 2025 год

Показатель	Значение
Количество зарегистрированных субъектов	Более 300 тыс. ЮЛ и ИП
Количество обрабатываемых регистрационных действий	Более 100 тыс. ежегодно
Сокращение сроков регистрации	На 30–50 %
Время на внесение изменений	1–3 дня
Количество проверок регистрационного статуса	Более 500 тыс. ежегодно
Количество регистрационных процедур удаленно	Более 80 %
Примечание: источник: собственная разработка автора на основе [3]	

Внедрение электронного документооборота и сервиса «Личный кабинет плательщика» стало значимым этапом цифровой модернизации налогового администрирования в Республике Беларусь. Переход от бумажных процедур к цифровым форматам позволил существенно сократить временные и организационные издержки для всех участников фискального процесса. Личный кабинет обеспечивает подачу деклараций, получение уведомлений, оплату налогов и отслеживание расчётов, а электронный документооборот – юридически значимую передачу данных с применением криптографической защиты. Интеграция этих решений в ИТ-инфраструктуру налоговой службы повысила прозрачность процедур, снизила влияние человеческого фактора и укрепила доверие к системе (таблица 3).

Таблица 3 – Показатели эффективности внедрения цифрового сервиса «Личный кабинет плательщика» на 2025 год

Показатель	Значение
Охват пользователей	Более 1,5 млн
Рост числа пользователей	На 20 % в год
Количество подаваемых деклараций	Свыше 90 % деклараций
Количество уведомлений об уплате налогов	Более 80 %
Сокращение времени обработки документов	На 40 %
Сокращение очных визитов в налоговые инспекции	На 60 %
Оплата налогов онлайн	Более 70 % случаев
Количество операций в месяц 1 пользователем	3–5 операций
Количество заявлений на административные процедуры	100 тыс. заявлений в год
Примечание: источник: собственная разработка автора на основе [2]	

Внедрение системы межведомственного обмена данными стало ключевым этапом цифровой трансформации фискального управления. Автоматизированная синхронизация информации между налоговыми органами и смежными структурами (регистрационными, статистическими, таможенными и банковскими) обеспечила согласованность и актуальность сведений о налогоплательщиках. Интеграция платформы позволила устранить дублирование документов, сократить ручные операции и ускорить процедуры регистрации и сверки. Это повысило точность контроля и снизило административную нагрузку на бизнес. Система стала основой для риск-ориентированного мониторинга, обеспечив формирование цифровых профилей плательщиков и оперативное реагирование на признаки недобросовестного поведения (таблица 4). В результате укрепилась институциональная устойчивость налоговой системы.

Таблица 4 – Показатели эффективности внедрения системы межведомственного обмена данными на 2025 год

Показатель	Значение
Количество обрабатываемых электронных сообщений	Более 1 млн ежегодно
Количество участвующих ведомств	Более 60 ведомств
Сокращение сроков предоставления сведений	С 5–10 до 1–2 дней
Сокращение издержек на документооборот и обработку запросов	На 30–50 %
Исключение повторного предоставления одинаковых документов в разные ведомства	
Примечание: источник: собственная разработка автора на основе [4]	

Внедрение Национальной инфраструктуры открытых ключей (НИОК) в Беларуси стало важным шагом в обеспечении юридической значимости электронных документов

в налоговой сфере. Система позволяет использовать электронную подпись для подтверждения подлинности и воли налогоплательщика, что легализует цифровой документооборот. НИОК обеспечивает защищённую идентификацию участников фискальных процессов, снижает риски подмены личности и способствует развитию дистанционных сервисов. Интеграция с другими цифровыми платформами налоговой службы формирует единую экосистему, в которой безопасность и правовая определённость становятся ключевыми характеристиками. Таким образом, НИОК выступает как технологическая и нормативная основа цифровой трансформации налогового администрирования, укрепляя доверие к электронным процедурам (таблица 5).

Таблица 5 – Показатели эффективности внедрения Национальной инфраструктуры открытых ключей на 2025 год

Показатель	Значение
Количество действующих открытых ключей	Более 5 млн ключей
Количество обслуживаемых юридических лиц	Более 20 тыс. ЮЛ
Количество обрабатываемых электронных документов	Более 500 тыс. документов
Снижение затрат на бумажный документооборот	На 40–60 %
Примечание: источник: собственная разработка автора на основе [4]	

Комплексное внедрение Единого государственного реестра налогоплательщиков, личного кабинета плательщика, системы межведомственного обмена данными и Национальной инфраструктуры открытых ключей стало основой для формирования современной цифровой архитектуры фискального управления в Республике Беларусь. Эти решения обеспечили системную интеграцию учётных, регистрационных и контрольных функций, позволив перейти от фрагментарных процедур к сквозным цифровым процессам.

В совокупности данные инициативы не только оптимизировали налоговое администрирование, но и заложили фундамент для интеллектуального анализа, риск-ориентированного контроля и устойчивого развития цифровой экономики. Республика Беларусь демонстрирует пример последовательной институциональной модернизации, в которой технологическая инфраструктура становится инструментом повышения прозрачности, доверия и управляемости фискальной системы.

Литература

1. Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы : Государственная программа : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь № 66 от 02 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь // Режим доступа: <https://pravo.by/>. – Дата доступа: 15.10.2025.
2. Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://nalog.gov.by/> Дата доступа: 15.10.2025.
3. О Государственном реестре плательщиков (иных обязанных лиц) : Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 478 от 3 сентября 2025 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500478>. – Дата доступа: 15.10.2025.
4. Национальный центр электронных услуг [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://nces.by/service/smdo/>. – Дата доступа: 15.10.2025.

РАЗВИТИЕ РЫНКА ЦИФРОВЫХ ЗНАКОВ (ТОКЕНОВ) РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается развитие рынка цифровых знаков в Республике Беларусь в сравнительном аспекте с государствами ЕАЭС и Европейским Союзом. Особое внимание уделено правовой базе и институционализации криптобизнеса через ПВТ. Проведен SWOT-анализ, выявивший сильные и слабые стороны белорусской модели. Показаны различные подходы к регулированию: от строгого национального контроля до унифицированного наднационального регулирования.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые знаки, токены, ICO,

Формирование цифровой экономики и активное внедрение технологий распределённых реестров выступают ключевыми детерминантами трансформации современных финансовых систем. Республика Беларусь одна из первых в регионе закрепила правовой статус цифровых активов через Декрет № 8 от 21 декабря 2017 года «О развитии цифровой экономики». Декрет № 8 определяет токены как запись в блокчейне, которая может удостоверяет права на объекты гражданских прав или выступать криптовалютой [1]. Декрет № 8 с одной стороны, легализует токены и криптовалюты как объекты гражданских прав, а с другой – формирует институциональные условия для развития цифровой экономики, обеспечивая баланс между инновациями и правовой стабильностью.

В сентябре 2024 года Указом № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» скорректированы правила обращения цифровых знаков (токенов) с целью усиления защиты граждан при операциях с криптовалютой и пресечении ее использования в мошеннических схемах: введен запрет на сделки с криптовалютой вне белорусских криптобирж; вменена обязательность работы через резидентов ПВТ; усилены меры против мошенничества [2]. Указ № 367 делает акцент на безопасности, прозрачности и государственном контроле в сфере операций с цифровыми знаками, позиционируя Республику Беларусь как юрисдикцию с формализованными подходами к регулированию криптобизнеса.

В Республике Беларусь Парк высоких технологий (далее – ПВТ) играет ключевую роль в легализации криптобизнеса, предоставляя специальный режим для компаний, занимающихся токенами, обеспечивает механизмы внутреннего контроля, включая требования по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма. Предпринимательскую деятельность в сфере оборота токенов в Республике Беларусь имеют право осуществлять исключительно резиденты ПВТ. Разрешенные виды криптобизнеса изложены в пункте 3 Положения о ПВТ (таблица 1) [3].

Таблица 1 – Регулируемые виды криптобизнеса в Республике Беларусь

Вид деятельности	Содержание
1	2
Оператор обмена криптовалют («криптообменник»)	Предоставление через специализированную информационную систему возможности физическим и юридическим лицам совершать сделки: покупка и продажа токенов за белорусские рубли, иностранную валюту или электронные деньги; обмен токенов разных видов; а также иные операции, предусмотренные законодательством

Окончание таблицы 1

1	2
Оператор криптоплатформы («криптовир-жа»)	Обеспечение функционирования торговой площадки для заключения сделок с токенами между участниками рынка
Организатор ICO	Размещение и продажа собственных токенов в рамках первичного предложения (Initial Coin Offering)
Криптовалютный брокер	Предоставление клиентам доступа к операциям с токенами, связующее звено между участниками криптовалютного рынка
Майнинг	Деятельность, отличная от выпуска собственных токенов, направленная на поддержание работы блокчейна посредством создания новых блоков, содержащих сведения о проведенных транзакциях

По данным ПВТ, на начало 2025 года в Республике Беларусь зарегистрированы 7 криптобирж (IMEX, Tradex, Dzengi com, Bynex, Free2ex, Whitebird и Secure8), 2 организатора ICO (FainEx и Finstore.by), 3 криптовалютного брокера (Broker Finans, «Цифра Брокер» и «Новые цифровые инвестиции») и 15 майнинговых компаний.

В 2024 году объем операций с токенами в Республике Беларусь превысил 200 млн долларов США, что на 35 % больше, чем в 2023 году. На начало 2025 года объем токенов на криптоплатформах составил 759,1 млн. рублей (на начало 2024 года – 633,2 млн. рублей), что отражает поступательный рост рынка (прирост на 19,9 % за год) [4]. Всего в обращении на 1 января 2025 г. находилось 366 выпусков токенов 75 эмитентов, что указывает на расширение «корзины» инструментов и диверсификацию базы эмитентов. Рост числа выпусков свидетельствует об адаптации корпоративного сектора к токенизированным форматам долга. Таким образом, сфера оборота токенов в Республике Беларусь является перспективным направлением.

На рисунке 1 представлены результаты SWOT-анализ рынка цифровых знаков (токенов) в Республике Беларусь. Сильными сторонами являются государственная поддержка цифровых технологий, развитая инфраструктура ПВТ, низкие издержки и выгодное географическое положение. Это создаёт надёжный базис для формирования конкурентоспособного крипто- и финтехрынка. Вместе с тем слабые позиции – ограниченный доступ к международным рынкам капитала, низкая ликвидность внутреннего рынка, недостаток доверия и технологическая зависимость от зарубежных решений – существенно тормозят развитие. Драйверами дальнейшего роста и повышения устойчивости данного сегмента рынка являются токенизация реальных активов, интеграция с ЕАЭС, развития финтех-экосистемы и вовлечение малого бизнеса. Угрозы связаны с ощутимым санкционным давлением, ограничивающим доступ к международным рынкам капитала; возможным ужесточением государственного регулирования сферы, в том числе в вопросах налогообложения операций с токенами; оттоком квалифицированных специалистов, конкуренцией со стороны глобальных игроков и др. Данные обстоятельства генерируют существенные риски, которые могут нивелировать преимущества и сильные стороны рынка.

Таким образом, Республика Беларусь сформировала уникальную модель регулирования операций с цифровыми знаками, основанную на строгом национальном контроле и институционализации криптобизнеса через ПВТ. Такой подход формирует прочный институциональный фундамент для дальнейшего развития рынка цифровых знаков. В отличие от белорусской практики, в других государствах ЕАЭС, а также в ЕС регулирование цифровых финансовых активов (ЦФА) развивается преимущественно в рамках общих финансовых и банковских институтов, что отражает различие в стратегических приоритетах и правовых традициях (таблица 2).

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
<p>Государственная поддержка цифровых технологий: Республика Беларусь одной из первых легализовала операции токенами через Декрет №8.</p> <p>Наличие ПБТ: развитая инфраструктура для IT-компаний, где можно тестировать блокчейн-решения.</p> <p>Относительно низкие издержки: стоимость разработки и внедрения решений ниже, чем в странах ЕС.</p> <p>Географическое положение: мост между рынками ЕС и ЕАЭС.</p>	<p>Ограниченный доступ к международным рынкам капитала: санкционное давление снижает привлекательность для иностранных инвесторов.</p> <p>Низкая ликвидность: внутренний рынок токенизированных активов пока очень мал и не имеет развитого вторичного оборота.</p> <p>Недостаток доверия: у населения и бизнеса низкий уровень финансовой грамотности в сфере цифровых активов.</p> <p>Технологическая зависимость: многие решения опираются на зарубежные блокчейн-платформы.</p>
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
<p>Токенизация реальных активов (RWA: недвижимость, сырьё): привлечение инвесторов внутри страны.</p> <p>Интеграция с ЕАЭС: создание единого пространства для цифровых финансовых инструментов.</p> <p>Развитие финтех-экосистемы: позиционирование Республики Беларусь как центра для блокчейн-разработок.</p> <p>Привлечение малого и среднего бизнеса: токенизация может облегчить доступ к финансированию.</p>	<p>Регуляторные риски: ужесточение контроля над цифровыми активами.</p> <p>Санкционное давление: ограничение доступа к международным инвестициям и технологиям.</p> <p>Высокая волатильность: риск для инвесторов и пользователей.</p> <p>Отток специалистов: миграция IT-кадров, снижение потенциала развития.</p> <p>Конкуренция со стороны крупных международных платформ.</p>

Рисунок 1 – SWOT-анализ рынка цифровых знаков (токенов) в Республике Беларусь

Таблица 2 – Сравнительная характеристика подходов к государственному регулированию рынка цифровых знаков

Страна (регион)	Закон	Ключевые особенности	Специфика модели
1	2	3	4
Республика Беларусь	Декрет Президента № 8 «О развитии цифровой экономики» (2018)	Институционализация криптобизнеса через ПБТ; национальный контроль оборота; возможность ICO для резидентов ПБТ; цифровые знаки признаны объектами гражданских прав	Централизованная модель, основанная на жестком контроле и создании специализированной инфраструктуры
Республика Казахстан	Закон «О цифровых активах» (2023), проект закона «О цифровых финансовых активах» (2025)	Лицензирование деятельности по оказанию услуг с ЦФА; прозрачные правила оборота; взаимодействие сектора с банками	Лицензионная модель, акцент на интеграцию крипторынка в финансовую систему

Окончание таблицы 2

1	2	3	4
Армения	Закон «О криптоактивах» (2025)	Запрет использования токенов как платежного средства; возможность создания криптоплатформ и выпуска токенов; привлечение иностранного капитала	Либеральная модель, ориентированная на инвестиции и развитие бизнеса
Республика Кыргызстан	Закон «О виртуальных активах» (2025)	Запрет необеспеченных токенов; запрет анонимных кошельков; усиление регулирования криптосферы; повышение требований к идентификации участников	Ограничительная модель, ориентированная на минимизацию рисков, борьбу с теневыми практиками, обеспечение прозрачности
ЕС	Регламент MiCA (2024)	Единая наднациональная нормативная база; максимальная прозрачность крипторынка	Унифицированная модель, основанная на наднациональном регулировании и гармонизации правил

Например, в Российской Федерации выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов и цифровой валюты осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 259-ФЗ от 31 июля 2020 года «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Данный нормативный акт закрепляет запрет на использование цифровой валюты в качестве средства платежа за товары и услуги, при этом допускает ее хранение и совершение сделок при условии обязательного уведомления налоговых органов, регулирует эмиссию цифровых облигаций и утилитарных токенов. По итогам первого полугодия 2025 года количество операторов информационных систем, осуществляющих выпуск ЦФА, достигло 15, объем действующих выпусков, находящихся в обращении, составил 514 млрд рублей. При этом за весь период функционирования рынка совокупный объем средств, привлеченный через этот инструмент, составил 1,15 трлн рублей. По своему экономическому содержанию 90 % выпусков ЦФА идентичны краткосрочным долговым обязательствам [5].

Таким образом, белорусский подход характеризуется высокой степенью централизации и институциональной уникальностью. При грамотной интеграции с ЕАЭС и развитии внутреннего рынка, укреплении доверия населения и бизнеса, а также минимизации влияния санкционных ограничений, токенизация может стать драйвером привлечения инвестиций и модернизации финансовой системы страны.

Литература

1. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 22.10.2025).
2. Об обращении цифровых знаков (токенов) Указ № 367 от 17 сентября 2024 г. // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 22.10.2025).
3. О Парке высоких технологий : Декрет Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 № 12 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 22.10.2025).

4. Финансовая стабильность в Республике Беларусь 2024 // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: <https://www.nbrb.by/publications/finstabrep/finstab2024.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

5. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов // https://www.cbr.ru/Content/Document/File/181362/onrfr_2026_2028.pdf (дата обращения: 22.10.2025).

БЮДЖЕТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

В статье анализируется система бюджетного финансирования социальной сферы Республики Беларусь, выявляются современные тенденции развития и ключевые изменения в объемах и структуре социальных расходов. Исследуются существующие проблемы и ограничения, влияющие на финансирование социальной сферы.

Ключевые слова: социальная сфера, консолидированный бюджет, бюджетное финансирование, здравоохранение, образование, социальная политика

Республика Беларусь представляет собой демократическое социально-правовое государство, главной задачей которого является создание социально ориентированной модели рыночной экономики. Эта модель направлена на обеспечение высокого уровня жизни и эффективной социальной защиты граждан. Отличительной чертой такой модели является значительная государственная роль в развитии социальной сферы и значительная доля социальных расходов в структуре государственного бюджета.

Многоканальная система финансирования позволяет реализовать основные задачи социальной политики государства. Источниками государственного финансирования выступают средства бюджетов всех уровней и средства бюджета Фонда социальной защиты населения (далее – ФСЗН) (рисунок 1). На протяжении анализируемого периода отмечается увеличение социальных расходов консолидированного бюджета на 17,4 млрд. руб. (почти в 2 раза) и расходов ФСЗН на 15,3 млрд. руб. В целом, соотношение расходов консолидированного бюджета на социальную сферу и расходов ФСЗН является стабильным и составляет 1,1.

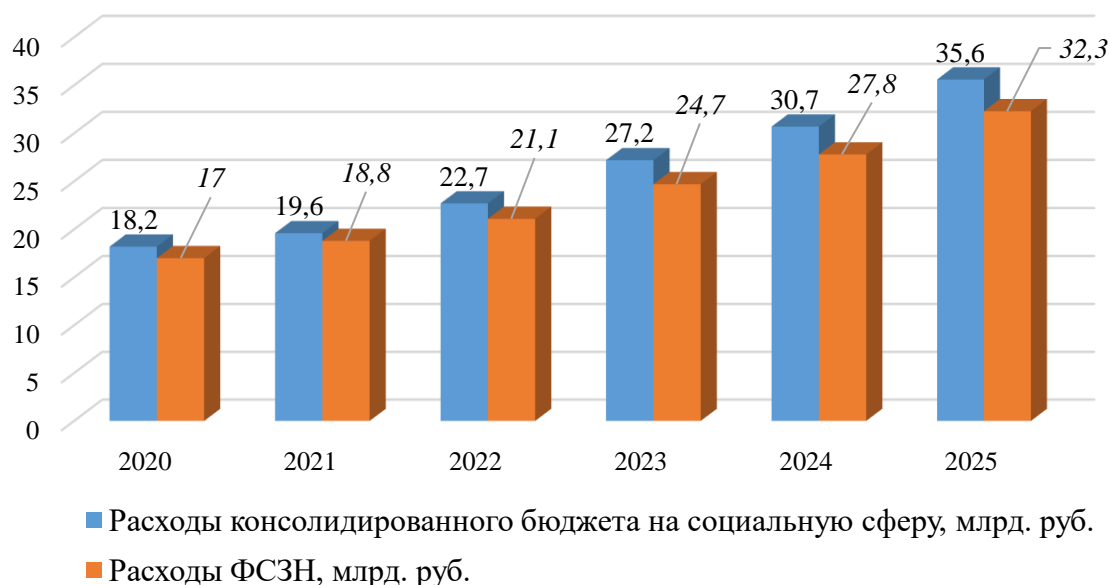


Рисунок 1 – Динамика расходов консолидированного бюджета и ФСЗН на социальную сферу в 2020–2025 гг., млрд. рублей

Дополнительным источником финансирования социальной сферы выступают средства бюджетных организаций от приносящей доходы деятельности и другие внебюджетные источники. Однако основная масса организаций социальной сферы финансируется из республиканского и местных бюджетов.

Величина плановых расходов консолидированного бюджета Республики Беларусь на социальную сферу в 2020–2025 гг. изменялась в диапазоне от минимального значения 11,5 % в 2023 году до максимального уровня 13,9 % ВВП в 2025 году (рисунок 2). С учетом расходов ФСЗН доля государственных социальных расходов изменялась в диапазоне от 24 до 29,2 % от ВВП. Для сравнения, самый высокий уровень расходов на социальную сферу достигнут во Франции (около 32 % от ВВП) и Швеции (28–30 % ВВП).

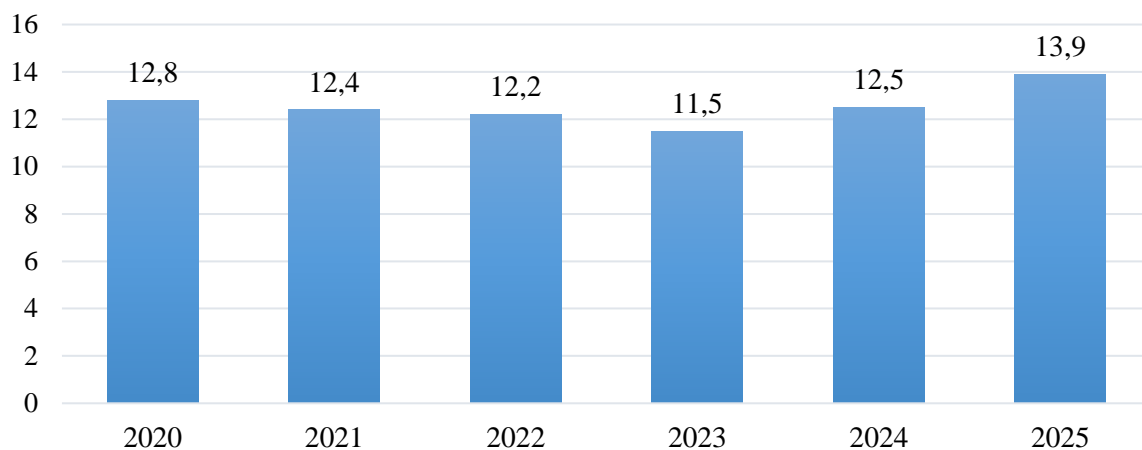


Рисунок 2 – Доля расходов консолидированного бюджета Республики Беларусь на социальную сферу в ВВП в 2020–2025 гг., в процентах

В таблице 1 представлены данные в динамике за 2020–2025 гг. о доле расходов на социальную сферу в расходах консолидированного бюджета Республики Беларусь.

Таблица 1 – Удельный вес расходов на социальную сферу в расходах консолидированного бюджета Республики Беларусь за 2020–2025 гг.

Направление расходов	В процентах					
	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	2025 год
Здравоохранение	15,3	16,3	16,6	17,0	16,0	16,5
Физическая культура, спорт, культура и СМИ	3,2	3,05	3,1	2,9	2,8	3,1
Образование	17,8	17,3	17,2	16,9	16,3	15,7
Социальная политика	8,1	8,04	8,1	7,9	7,2	7,1
Совокупные расходы консолидированного бюджета на социальную сферу	44,4	44,7	45,0	44,7	42,3	42,4

Как видно из таблицы 1, доля расходов на социальную сферу в расходах консолидированного бюджета Республики Беларусь составляет от 42,3 % до 45,0 % за исследуемый период 2020–2025 гг. Наибольший удельный вес в расходах на социальную сферу занимают расходы на здравоохранение и образование, наименьший удельный вес принадлежит расходам на социальную политику, на физическую культуру, спорт, культуру

и СМИ. По сравнению с 2020 годом отмечается снижение доли совокупных расходов на социальную сферу на 2,0 п.п., а также расходов на образование (на 2,1 п.п.), социальную политику (1,0 п.п.), физическую культуру, спорт, культура и СМИ (0,1 п.п.). Увеличение отмечается только по доли расходов на здравоохранение с 15,3 до 16,5 % в совокупных расходах консолидированного бюджета.

Таким образом, на протяжении анализируемого периода расходы консолидированного бюджета на отрасли социальной сферы составляли стабильно более 40 % совокупных расходов бюджета. Однако, как показал анализ, несмотря на ежегодный рост расходов на социальную сферу и стабильно высокую долю их в расходах бюджета, в 2023 и 2024 годах темпы роста расходов на социальную сферу отставали от темпов роста совокупных расходов бюджета. В 2025 году запланирован практически эквивалентный рост указанных показателей (рисунок 3).

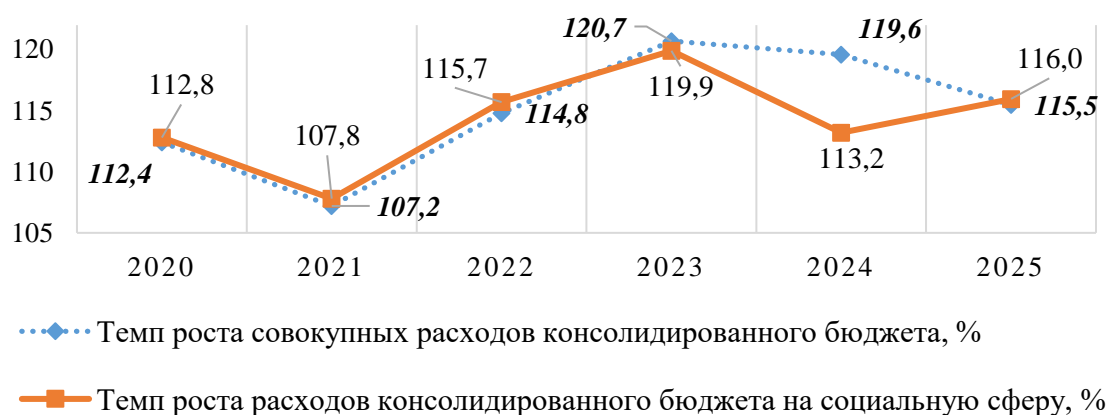


Рисунок 3 – Темпы роста расходов консолидированного бюджета Республики Беларусь в 2020–2025 гг., в процентах

По результатам проведенного анализа определено проблемное поле в финансировании расходов на социальную сферу:

- финансирование социальной сферы в Республики Беларусь осуществляется из двух основных источников – консолидированного бюджета и ФСЗН – практически в равных пропорциях;

- прослеживается положительная динамика абсолютной величины социальных расходов консолидированного бюджета и расходов ФСЗН;

- расходы на социальную сферу представляют существенную нагрузку на ВВП страны и государственный бюджет. Плановая величина расходов консолидированного бюджета Республики Беларусь на социальную сферу в 2025 году составит 13,9 % ВВП; с учетом расходов ФСЗН – 29,2 % ВВП;

- темпы роста расходов на социальную сферу в 2023 и 2024 гг. отстают от общего роста расходов государственного бюджета, вследствие чего наблюдается снижение их доли в общем бюджете. В 2025 году ожидается стабилизация и выравнивание этих показателей;

- сохраняется региональная дифференциация в объеме оказываемых услуг и их качестве;

- имеются различия в уровнях финансирования отдельных отраслей социальной сферы.

Бюджетное финансирование социальной сферы Республики Беларусь играет ключевую роль в реализации модели социально ориентированной рыночной экономики и обладает значительным потенциалом для дальнейшего совершенствования. Социальная сфера выступает основным элементом, обеспечивающим удовлетворение жизненных потребностей населения и поддержание приемлемого уровня жизни. Значительная доля

консолидированного бюджета аккумулируется в рамках местных бюджетов, которые направляются на покрытие расходов, связанных с социальной сферой и национальной экономикой. Это объясняется тем, что именно местные бюджеты несут основную финансовую нагрузку по обеспечению социально значимых государственных услуг, включая функционирование образовательных, медицинских, социальных, культурных учреждений, а также поддержку физической культуры, спорта, жилищно-коммунального хозяйства, жилищного строительства и пассажирских перевозок. В условиях устойчивого бюджетного дефицита и ограниченных возможностей наращивания налоговой базы местных бюджетов, вызванных объективными экономическими и социальными факторами, приоритетной задачей становится повышение эффективности государственных расходов в социальной сфере и совершенствование механизмов их планирования. В данном контексте целесообразно:

- разработать единую концептуальную модель нормативного планирования расходных обязательств на одного получателя государственных услуг, что обеспечит стандартизацию и прозрачность бюджетного процесса;
- внедрить и развивать программно-целевое бюджетирование, ориентированное на достижение измеримых и конкретных результатов, способствующее оптимизации распределения ресурсов;
- расширить государственно-частное партнерство, позволяющее привлечь бизнес к финансированию и управлению социальными программами;
- усилить финансовую самодостаточность местных бюджетов и формировать устойчивую ресурсную базу, обеспечивающую выполнение установленных обязательств в социальной сфере [2, с. 146].

Реализация указанных мероприятий позволит повысить эффективность расходования бюджетных средств, обеспечить устойчивость бюджетной системы и повысить качество предоставляемых государственных социальных услуг.

Литература

1. Бюджет Республики Беларусь для граждан, 2025 год / Министерство финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://minfin.gov.by/upload/bp/budjet/budjet_2025.pdf. – Дата доступа: 15.10.2025.
2. Дергун, Л. В. О роли местных бюджетов в финансировании социальной сферы (на примере консолидированного бюджета Витебской области) / Л. В. Дергун, Н. П. Серебро // Актуальные проблемы теории и практики современной экономической науки [Электронный ресурс] : XII Международная научно-практическая конференция студентов и магистрантов (Гомель, 20 марта 2025 года) : сборник материалов / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : А. К. Костенко (гл. ред.) [и др.]. – Электронные текстовые данные (5,50 МБ). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. – С. 143–146.

С. Ф. Каморников

sfkamornikov@mail.ru

Е. А. Пинаева

pinaevaelizaveta69@gmail.com

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

МОНИТОРИНГ УГРОЗ ФИНАНСОВОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПОКАЗАТЕЛЕЙ СКОРОСТИ РАЗВИТИЯ СКРЫТОГО КРИЗИСА

В работе обсуждается проблема мониторинга экономического положения предприятий для обнаружения и оценки угроз их финансовой несостоятельности (приводящей к санации или банкротству) на основе анализа финансовой информации на длинном горизонте с использованием показателей скорости развития скрытого кризиса. Особенности такого подхода иллюстрируются на примере предприятия ОАО «САЛЕО-Гомель».

Ключевые слова: финансовая несостоятельность, санация, мониторинг финансовой состоятельности предприятия, распознавание кризиса, показатель скорости развития скрытого кризиса.

Кризисные явления, такие как пандемия COVID-19 и санкции, оказали негативное влияние на экономику Республики Беларусь. Они усилили дестабилизационные процессы во многих сферах экономики, проявившись, в частности, и промышленности в высоком числе убыточных предприятий, удельный вес которых по информации источника [1] в 2023 году составил 15,7 %, а в 2024 году – 14,8 %. Кроме этого, большое число предприятий находится сегодня в стадии скрытого кризиса, основными чертами которого являются низкая платежеспособность, недостаточная загруженность мощностей, неконкурентоспособная продукция, морально и материально изношенное оборудование и другие.

Складывающееся положение грозит разбалансировать экономику, так как убыточные предприятия и предприятия, находящиеся в стадии скрытого кризиса, требуют дополнительных дотаций, безвозвратных кредитов, субсидий, отсрочек задолженности, подрывают финансовое состояние рентабельных предприятий-кредиторов, растягивая сроки оплаты счетов. С другой стороны, своевременное выявление кризисного состояния предприятий позволяет уже на ранней стадии осуществить оздоровительные меры и избежать банкротства, а также снизить социальную напряженность в обществе из-за ликвидации предприятия и потери рабочих мест.

Таким образом, изучение проблем мониторинга экономического состояния предприятий и разработка подходов, направленных на раннее выявление признаков их финансовой несостоятельности, является актуальным направлением научных исследований, представляющим большой практический интерес. При этом особую значимость имеет эффективность методик анализа и распознавания кризиса, а также научно-исследовательских подходов к изучению процесса развития скрытой кризисной ситуации на предприятии [2, с. 24].

Анализ существующих методик и подходов показывает, что в своем большинстве они действенны на стадии восстановления финансовой стабильности, эффективности управления и конкурентоспособности предприятия, находящегося в сложном финансовом состоянии, реализуются в мероприятиях планов санации и носят, таким образом, характер *post factum* по отношению к началу санации. А что касается существующих методик распознавания скрытого кризиса и анализа его развития на предприятии до начала санации, то они единичны и малоэффективны.

Отметим лишь методику обоснования санации, разработанную в [2] и базирующуюся на таком интегральном показателе как скорость развития кризиса. В отличие от существующих методов диагностики кризиса отмеченный показатель позволяет не статично оценить степень кризиса, а проанализировать процесс его развития на предприятии. Если в [2] скорость развития кризиса оценивалась по показателю платежеспособности, то в данной работе обосновывается использование его по другим финансовым показателям (как абсолютным, так и относительным; как частичным, так и интегральным).

Напомним, что законодательством Республики Беларусь (см., например, [3]) в настоящее время установлен приоритет проведения процедур санации (т. е. комплекса мер на досудебной стадии, направленных на восстановление финансовой стабильности, эффективности управления и конкурентоспособности предприятия, находящегося в сложном финансовом состоянии [4]) над процедурами банкротства. С учетом этого основной анализ развития скрытого кризиса должен концентрироваться на временном промежутке, правый конец которого совпадает с началом санации.

В данной работе отмеченный подход иллюстрируется на примере ОАО «САЛЕО-Гомель», ведущего в стране изготовителя гидравлической продукции для производства и ремонта дорожно-строительной и сельскохозяйственной техники, занимающего весомую позицию на внутреннем рынке. С 2021 года предприятие находится на процедуре санации, которая инициирована критическим финансовым положением, возникшим после неудачной модернизации производственных мощностей. Закупка дорогостоящего роботизированного комплекса не принесла ожидаемого экономического эффекта, что привело к росту долговой нагрузки и снижению платежеспособности. В результате предприятие было признано экономически несостоятельным, и решением суда была введена санация, срок которой в 2023 году продлен до октября 2028 года.

Информационную базу исследования составляют представленные в таблице 1 статистические данные ОАО «САЛЕО-Гомель» за 2014–2024 годы, взятые из формы 12-ф (прибыль) «Отчет о финансовых результатах», и информация плана санации [5] предприятия.

Таблица 1 – Динамика выручки и прибыли от реализации продукции ОАО «САЛЕО-Гомель» за 2014–2024 гг.

Период	Выручка от реализации продукции, тыс. руб.	Прибыль, убыток (–) от реализации продукции, тыс. руб.
2014 год	218 686	7 913
2015 год	180 660	–18 052
2016 год	29 143	–116
2017 год	31 947	–
2018 год	33 289	2 236
2019 год	34 061	–3 301
2020 год	37 029	–3 926
2021 год	50 522	–167
2022 год	76 813	5 654
2023 год	100 114	7 602
2024 год	78 180	3 266

На основе данных таблицы 1 в работе рассчитаны показатели рентабельности продаж и долговой нагрузки (коэффициент финансовой зависимости) (таблица 2). Первый отражает, насколько результативно предприятие превращает выручку в прибыль, а второй – показывает, в какой мере финансовая устойчивость организации зависит от заемных ресурсов.

Таблица 2 – Финансовая устойчивость и эффективность продаж ОАО «САЛЕО-Гомель» 2014–2024 гг.

Период	Рентабельность продаж, %	Коэффициент финансовой зависимости
январь-декабрь 2014 года	3,62	– (отсутствуют данные о средствах, направленных на погашение кредитов и займов)
январь-декабрь 2015 года	–9,99	–
январь-декабрь 2016 года	–0,40	–9,467
январь-декабрь 2017 года	– (отсутствует прибыль от реализации)	–3,967
январь-декабрь 2018 года	6,72	–3,141
январь-декабрь 2019 года	–9,69	–1,049
январь-декабрь 2020 года	–10,60	–0,041
январь-декабрь 2021 года	–0,33	0,302
январь-декабрь 2022 года	7,36	0,431
январь-декабрь 2023 года	7,59	1,074
январь-декабрь 2024 года	4,18	–0,652

Анализ финансовых показателей ОАО «САЛЕО-Гомель» за период 2014–2024 гг. демонстрирует наличие систематических убытков у предприятия в досанационный период, отрицательные значения коэффициента финансовой зависимости и низкую либо отрицательную рентабельность продаж.

В 2021–2022 годах (после введения процедур санации) в финансовом состоянии компании появились элементы относительной стабильности: рентабельность продаж стала положительной, а коэффициент финансовой зависимости переместился в интервал нормативных значений (0,302 и 0,431), что указывало на умеренную долговую нагрузку и допустимый уровень использования заемных средств. Однако уже в 2023 г. коэффициент финансовой зависимости резко увеличился до 1,074, выйдя из нормативного диапазона (0,5–0,6) и продемонстрировав тем самым критическую зависимость от кредиторов. Основная часть прибыли была направлена на обслуживание долгов, что ограничило возможности для развития и инвестирования. В 2024 году был вновь зафиксирован убыток, падение рентабельности продаж и отрицательное значение коэффициента финансовой зависимости.

На основании данных, приведенных в таблицах 1 и 2, в работе на горизонте 2014–2021 количественно оценены скорости скрытого кризиса по ряду экономических показателей (прибыли предприятия, рентабельности продаж и коэффициенту финансовой зависимости) и обосновано введение санации на предприятии. При этом скорость развития кризиса по заданному показателю оценивается величиной угла между временной осью и графиком уравнения линейной регрессии x_i по i , где x_i – наблюдаемое значение рассматриваемого показателя. Понятно, что сам угол легко вычисляется, исходя из значения коэффициента линейной регрессии.

Отметим, что внедрение регрессионного подхода позволяет глубже использовать историческую память финансовой информации в отличие от метода, описанного в [4] и опирающегося на формулу

$$V_{\text{кр}} = \frac{\Delta K_{\text{фп}}}{\Delta t},$$

где $V_{\text{кр}}$ – скорость развития кризиса;

$\Delta K_{\text{фп}}$ – изменение финансового показателя;

Δt – временной интервал наблюдения.

Применение регрессионных моделей объясняет необходимость использования достаточно длинных временных рядов. Отметим еще, что наличие объемной финансовой информации позволяет использовать ее для анализа скорости выхода организации из кризиса в санационный период.

Хотя в данной работе метод оценки скорости скрытого кризиса иллюстрируется на примере предприятия, которое уже находится под процедурой санации, он интересен для всех организаций: историческая информация, отраженная в финансовой отчетности и преломленная через показатели скорости скрытого кризиса, полезна для понимания их экономического положения и распознавания скрытых угроз их финансовой несостоятельности.

Отметим также, что величина показателя скорости развития кризиса может быть положена в основу рейтинговой оценки инвестиционной привлекательности предприятий, а потому методика, основанная на этом показателе, интересна для отечественных и зарубежных инвесторов.

Литература

1. Социально-экономическое положение Республики Беларусь, январь-июль 2024 года: доклад Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/044/wd0v2ftmt4xa1f7ca0u4r8slcel9ckca.pdf>. – Дата доступа: 25.10.2025.
2. Драган, Т.М. Экономическое обоснование санации предприятия в условиях ограниченных инвестиций: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Т.М. Драган. – Брест: Брестский государственный технический университет, 2005. – 169 с.
3. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 года № 415-З [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/>. – Дата доступа: 25.10.2025.
4. Санация предприятия в условиях кризиса / В. С. Кивачук, Т. В. Волчик, Н. В. Глушук, Т. М. Драган и др.; под общ. ред. В. С. Кивачука. – Брест: Брестский государственный технический университет, 2004. – 620 с.
5. План санации ОАО «САЛЕО-Гомель»: Гомель, 2020 год [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: https://www.gidroprivod.by/sites/s1/upload/files/Plan_san_2021-2022.pdf. – Дата доступа: 25.10.2025.

*Е. А. Кузько**E.A.Kadovba@yandex.ru**ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь*

КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА: БЕЛОРУССКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье анализируются сущность, значение и роль косвенных налогов в формировании доходов государственного бюджета. Исследуется доля косвенных налогов в доходах бюджета Республики Беларусь, а также в доходах бюджетов других стран, в частности, стран Еврoзоны и ОЭСР. Рассматриваются модели налоговых систем зарубежных стран в контексте роли косвенных налогов.

Ключевые слова: косвенные налоги, налог на добавленную стоимость, акциз, доходы государственного бюджета, структура доходов государственного бюджета, модель налоговой системы.

Налогообложение является неотъемлемой частью деятельности суверенного государства. Оно является ключевым инструментом, с помощью которого государство финансирует свои функции и потребности общества, поскольку налоги – это основной источник формирования доходной части бюджета. Исторически изначально налоги, сборы, пошлины были в большей степени временным явлением и взимались в основном стихийно, в случае острой потребности государства в средствах. В дальнейшем эта категория стала носить постоянный характер. Классификация налогов обширна: сгруппировать их можно по различным признакам в зависимости от потребностей анализа. Одним из самых распространенных подходов является деление налогов на прямые и косвенные.

Косвенные налоги – это такие налоги, которые устанавливаются в виде надбавки к цене на товары, работы или к тарифу на услуги. Налоги, входящие в эту группу, по своей сути являются налогами на потребление, поскольку взимаются в процессе приобретения товаров и услуг, а фактический их плательщик и формальный – это разные субъекты. В Республике Беларусь к числу косвенных налогов относят налог на добавленную стоимость (НДС) и акцизы. В таблице 1 представим основные функции данных налогов.

Таблица 1 – Основные функции НДС и акцизов

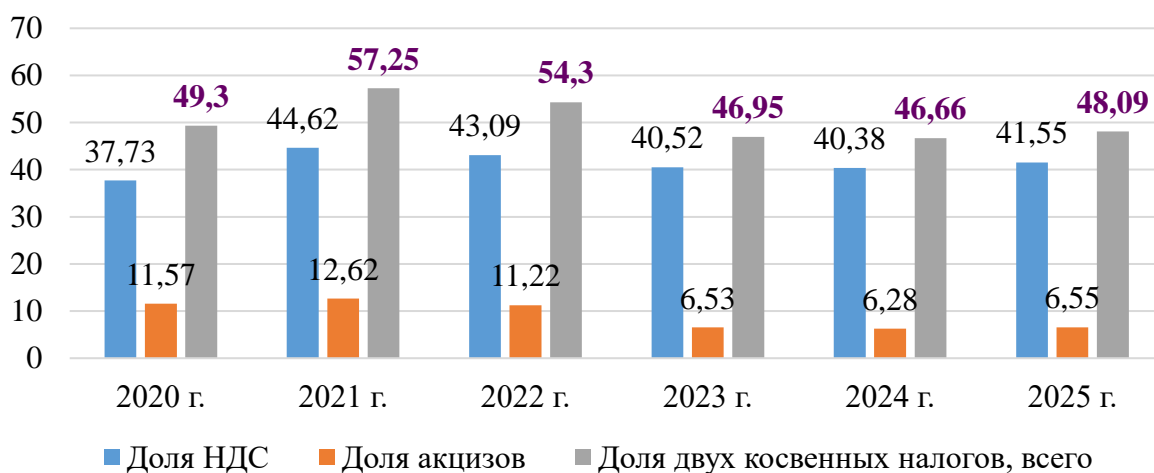
Функция	Содержание функции	
	НДС	Акциз
1	2	3
1. Фискальная	Формирование доходов бюджета государства (в Республике Беларусь – республиканского и местных бюджетов)	Формирование доходов бюджета государства (в Республике Беларусь – только республиканского бюджета)
2. Регулирующая и социальная	Влияние на уровень потребления	Сдерживание потребления вредных для здоровья человека товаров (алкоголь, табачные изделия) путем повышения их стоимости

Окончание таблицы 1

1	2
3. Стимулирующая	Маневрирование ставками включаемых в цену косвенных налогов может стимулировать либо сдерживать производство тех или иных товаров
4. Перераспределительная	Изъятие части дохода плательщиков в пользу государственного бюджета, а затем перераспределение полученных сумм для финансирования потребностей общества в целом
	– Взимание акциза – это способ перераспределения сверхдоходов, полученных от производства и реализации подакцизных товаров, между их производителями (продавцами) и бюджетом
5. Контрольная и аналитическая	Осуществление контроля над уровнем потребления, анализ динамики доходов населения, платежеспособного спроса и структуры потребления товаров и услуг
Примечание: источник – составлено автором	

В целом, перечень функций непосредственно косвенных налогов во многом похож на перечень функций налогов как таковых, и прямых в том числе. Вместе с тем, у косвенных налогов есть ряд специфических функций и задач. В первую очередь это касается акцизов, у которых помимо традиционной фискальной функции ярко выражены также социальная функция, связанная с попытками сдерживания и ограничения потребления обществом вредной для здоровья продукции, и функция перераспределения сверхдоходов, полученных от производства и реализации, например, алкогольной продукции.

Для анализа значимости косвенных налогов в бюджетах стран мира необходимо проанализировать структуры доходов этих бюджетов. Рассмотрим динамику доли НДС и акцизов в доходах республиканского бюджета в Республике Беларусь, исходя из данных Законов о республиканском бюджете за ряд лет [1, 2] (рисунок 1).

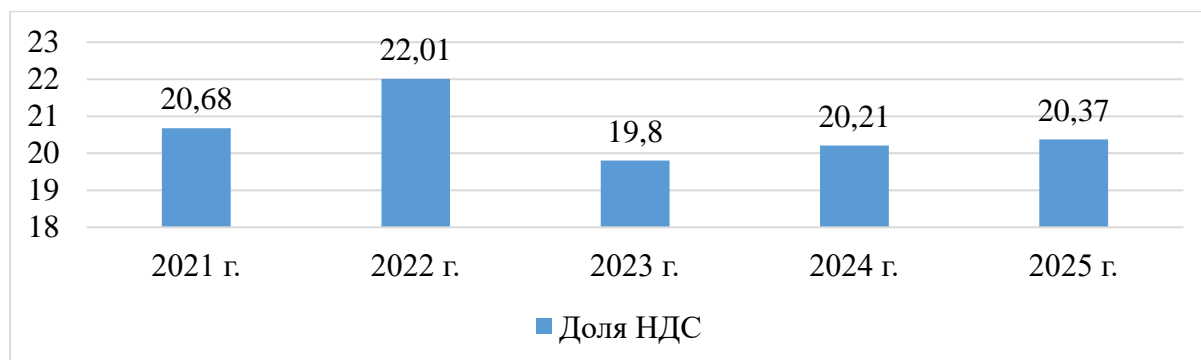


Примечание: источник – рассчитано автором
на основе Законов о республиканском бюджете

Рисунок 1 – Динамика доли косвенных налогов в доходах республиканского бюджета в Республике Беларусь в 2020–2025 гг., %

Как видно по представленным данным, косвенные налоги имеют большую значимость для государства, что проявляется в высокой их доле в доходах республиканского бюджета. Динамика этой доли нестабильна, но в целом, приближена к половине всех доходов (48,09 % в 2025 году). Заметный рост этой доли отмечался в 2021 и 2022 годах (57,25 % и 54,3 % соответственно), что может быть связано со снижением деловой активности в период пандемии и снижением поступления прямых налогов. В части акцизов наметилась тенденция довольно существенного снижения их доли.

Рассмотрим динамику доли НДС в доходах местных бюджетов на примере бюджета Гомельской области на основании данных Решений Гомельского областного совета депутатов за ряд лет [3] (рисунок 2).



Примечание: источник – рассчитано автором на основе Решений Гомельского областного совета депутатов за ряд лет

Рисунок 2 – Динамика доли НДС в доходах бюджета Гомельской области в 2021–2025 гг., %

Данные рисунка 2 показывают, что удельный вес НДС в доходах бюджета Гомельской области составляет в среднем около 20 % (20,37 % в 2025 году). Это значение достаточно высокое, однако заметно ниже, чем в республиканском бюджете. Также в отличие от республиканского бюджета в местных бюджетах отсутствуют акцизы, поскольку в полном объеме они зачисляются в республиканский бюджет.

Проанализируем роль косвенных налогов в формировании доходов бюджетов других государств. Данные для анализа представим на рисунке 3.

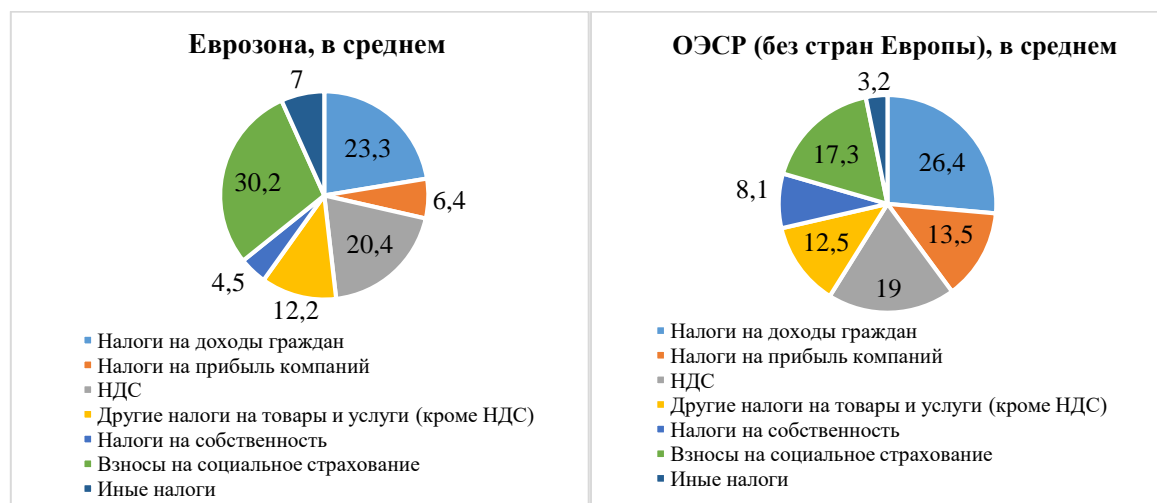


Рисунок 3 – Структура доходов бюджетов стран Еврозоны и стран, входящих в ОЭСР (без учета стран Европы), в среднем, %

На рисунке 3 представлены усредненные данные по ряду стран, рассчитанные ОЭСР за несколько лет. По этим данным видно, что для стран Европы и ОЭСР характерна достаточно высокая доля косвенных налогов, однако она ниже, чем в Беларуси. В структуре доходов бюджетов этих стран заметно преобладание прямых налогов и взносов на социальное страхование, что связано с высоким уровнем социальной защиты. Следует также отметить, что доля налогов, уплачиваемых из доходов граждан, существенно выше, чем доля налогов из прибыли. В этом есть схожесть с ситуацией в Республике Беларусь, поскольку на протяжении ряда лет поступления от подоходного налога с физических лиц занимают больший удельный вес, чем поступления налога на прибыль.

Разное соотношение между прямыми и косвенными налогами в бюджетах стран мира дало основание для выделения нескольких моделей налоговых систем (таблица 2).

Таблица 2 – Модели налоговых систем стран мира и их характеристика

Модель налоговой системы	Характерные особенности	Примеры стран
Англосаксонская	Преобладание прямых налогов в доходах государственного бюджета. Акцент на подоходном налогообложении физических лиц и взимании страховых взносов	Великобритания, Канада, США, Австралия
Евроконтинентальная	Относительно высокая доля косвенных налогов (особенно НДС), а также взносов на социальное страхование, прямые налоги также присутствуют в немалой степени	Германия, Швеция, Австрия, Бельгия, Франция, Нидерланды
Латиноамериканская	Ориентация на косвенное налогообложение (доля в бюджете от 40 %), высокая доля налогов из доходов физических лиц	Чили, Боливия, Перу
Смешанная	Доли прямых и косвенных налогов примерно равны. Сочетание признаков других моделей налоговых систем	Япония, Испания, Италия

Косвенные налоги играют большую роль в бюджетах многих стран мира. Они обеспечивают постоянный приток финансовых ресурсов, в краткосрочной перспективе даже в периоды спада в экономике и ухудшения финансовых результатов компаний. При этом стоит понимать, что условия косвенного налогообложения существенным образом затрагивают интересы и влияют на доходы физических и юридических лиц – их конечных фактических плательщиков.

Литература

1. О республиканском бюджете на 2025 год: Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2024 г. № 48-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 20.12.2024, 2/3134 (дата обращения: 08.10.2025).
2. О республиканском бюджете на 2024 год: Закон Республики Беларусь от 27 декабря 2023 г. № 328-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 30.12.2023, 2/3041 (дата обращения: 08.10.2025).
3. Об областном бюджете на 2025 год: Решение Гомельского областного совета депутатов от 27 декабря 2024 г. № 72 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 15.01.2025, 9/136703 (дата обращения: 08.10.2025).

О. О. Порошина

poroshina@gsu.by

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

ПЛАТЕЖНАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Статья посвящена исследованию развития платежной системы Республики Беларусь в контексте приоритетов, закрепленных в таких программно-концептуальных документах как государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг., Декрет № 8 «О развитии цифровых технологий», Концепция развития платежного рынка Республики Беларусь и цифровизации банковского сектора на 2021–2025 гг. и др. Особое внимание уделено вопросам эффективности функционирования платежной системы, предпосылкам и направлениям ее цифровой трансформации.

Ключевые слова: платежный рынок, платежная система, платежные инструменты, цифровизация.

Оценивая современный уровень цифровизации экономики, следует отметить высокий уровень интернет-проникновения и использования цифровых технологий организациями и населением, что создаёт благоприятную основу для мобильных и онлайн-платежей (таблица 1).

Таблица 1 – Показатели интернет-проникновения и цифровизации в Республике Беларусь в 2020–2024 гг. [1]

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Количество интернет-пользователей, млн чел.	8,22	8,35	8,55	8,52	8,48
Удельный вес населения, использующего сеть Интернет, %	85,1	86,9	89,5	91,5	94,3
Пользователи соцсетей, млн чел.	5,0	5,2	5,4	5,5	5,63
Удельный вес организаций, использующих интернет, %	98,4	98,5	98,6	98,7	98,8

Функционирование платежной системы Республики Беларусь обеспечивается ее структурными элементами: [2]

- платежная система Национального банка, ключевым компонентом которой является система BISS (RTGS-система расчетов на валовой основе в режиме реального времени) – системно значимая расчетная составляющая платежной системы республики;
- платежные системы банков, небанковских кредитно-финансовых организаций, специализированных организаций;
- система безналичных расчетов по розничным платежам, включающая системы расчетов с использованием банковских платежных карточек, системы расчетов с использованием электронных денег;
- автоматизированные системы Единого республиканского информационного пространства, в том числе автоматизированная информационная система «Расчет» (далее – АИС «Расчет»);
- расчетно-клиринговая система по ценным бумагам;
- иные системы (рисунок 1).



Рисунок 1 – Структура платежной системы Республики Беларусь

Ключевую позицию в платежной системе страны занимает платежная система Национального банка, в состав которой входит автоматизированная система межбанковских расчетов Республики Беларусь (АС МБР) и автоматизированная банковская система «Учетно-операционные работы» Национального банка (АБС УОР).

По состоянию на 01.01.2025 г. платежные услуги оказываются 79 субъектами – резидентами Республики Беларусь, из которых 26 являются финансовыми организациями, и 10 поставщиками платежных услуг – нерезидентами Республики Беларусь. 66 участников представлены небанковскими организациями, что создает конкурентную среду и положительно сказывается на доступности и качестве платежных услуг.

Наибольшее влияние на совершенствование платежных технологий оказывает развитие инновационных цифровых проектов, реализуемых при поддержке Национального банка Республики Беларусь:

- платежная система в ЕРИП;
- межбанковская система идентификации (МСИ);
- система мгновенных платежей;
- открытые интерфейсы программирования приложений (API);
- технологии распределенных реестров и технологии блокчейн.

По итогам 2024 г. коэффициент доступности автоматизированных систем участников платежного рынка, посредством которых обеспечивается проведение расчетных операций, составил 99,98%. Продолжилось увеличение безналичных платежей.

В 2024 г. в системе BISS проведено свыше 95 млн. платежных инструкций на сумму, превышающую 1,9 трлн. рублей, что почти в 2 раза выше по сравнению с 2023 г. (таблица 2).

Таблица 2 – Основные показатели функционирования платежной системы Республики Беларусь в 2020-2024 гг. [3,4]

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Количество платежных инструкций в системе BISS, тыс. единиц	82	86	85	90	95
Сумма платежных инструкций в системе BISS, млн. руб.	801	739	854	1 024	1 964
Удельный вес безналичного денежного оборота в розничном товарообороте, %	48,3	50,1	51,0	56,1	60,8
Удельный вес безналичных операций в общем количестве операций с карточками, %	91,2	92,3	93,5	94,8	95,7
Удельный вес безналичных операций в общем объеме операций с карточками, %	60,2	64,2	64,5	67,5	71,3
Количество операций использованием банковских платежных карточек в белорусских рублях, тыс. ед.	2 044	2 253	2 527	2 998	3 460
Сумма операций использованием банковских платежных карточек в белорусских рублях, млрд. руб.	87,1	98,7	120,7	146,4	177,2

Повышение качества и удобства предоставляемых клиентам сервисов позволило увеличить объем безналичных платежей в розничном товарообороте до 60,8 %.

Устойчивый рост демонстрируют объемы операций с использованием банковских платежных карточек. За 5 лет прирост количества совершенных операций составил 69 %, а их сумма возросла в 2 раза. При этом в 2025 г. был обеспечен рост на 15 % и в 21 % соответственно. При этом доля карточек Белкарт в общем объеме карточного портфеля банков и операций с карточками составляет около 40 %.

Используя дистанционные каналы обслуживания, физические лица и организации имеют сегодня круглосуточный доступ к широкому перечню платежных и банковских услуг. В 2024 г. удельный вес физических лиц, подключенных к системам дистанционного банковского обслуживания, составил 69,4 %, юридических лиц – 69,4 %, что соответственно на 2,3 п.п. и 10,9 п.п. превышает показатели 2023 г. Бесперебойно функционирует межбанковская система идентификации [4].

К актуальным инструментам, используемым участниками платежного рынка, следует отнести облачные технологии для хранения и обработки данных, технологии анализа больших данных (Big Data), разработка мобильных приложений для доступа клиентов к услугам с помощью мобильных устройств, цифровые кошельки, электронные деньги, технологии искусственного интеллекта, интернет вещей и др.

Цифровизация финансового сектора способствует включению в платежный оборот новых платёжных инструментов. Для проведения современных расчетов используются платежные программные приложения, платежные мобильные приложения, предоплаченные финансовые платежные продукты, платежные инструменты в форме программного обеспечения, обеспечивающего доступ к электронным деньгам и др.

Ключевым фактором роста безналичных расчётов выступает в настоящее время и электронная торговля, оборот по которой в 2024 г. превысил 1,0 млрд руб., показав двузначные темпы роста в последние годы [5]. Трансформация финансового поведения

населения формирует одну из значимых предпосылок дальнейшей цифровизации платежного рынка. Внедрение цифровых сервисов в бизнесе и системе государственного управления также усиливает спрос на расчеты в цифровых каналах.

В условиях глобальной цифровой трансформации и санкционного давления страна обеспечивает устойчивое функционирование платежной системы. Республика Беларусь, следуя глобальным трендам, активно внедряет инновационные решения в сфере безналичных расчетов, развивает электронные каналы обслуживания и совершенствует нормативно-правовую базу. Развитие цифровой инфраструктуры в финансовом секторе позволяет его непосредственным участникам сокращать расходы на разработку собственных цифровых решений. В свою очередь организации и населения получают возможность удаленного доступа к финансовым услугам по доступным тарифам.

Вместе с тем цифровизация платежного рынка Беларуси сопровождается рядом вызовов: кибербугрозы, цифровое неравенство, недостаточная финансовая и цифровая грамотность населения, а также необходимость адаптации нормативной базы к новым реалиям. Ключом к устойчивому развитию должно стать сочетание технологических инвестиций, регуляторной гибкости, повышения доверия пользователей. Дальнейшая цифровизация платежной системы позволит снизить транзакционные издержки, повысить финансовую инклюзию и укрепить платёжную безопасность страны.

Литература

1. Информационное общество в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/152/s1wig6m1gsy9lyd23eyki54tl9m2lrz4.pdf> (дата обращения: 01.10.25).
2. Концепция развития платежного рынка Республики Беларусь и цифровизации банковского сектора на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nbrb.by/payment/konceptsiya-rasvitiya-platiznogo-rynka_2023-2025.pdf (дата обращения: 01.10.25).
3. Финансовая стабильность в Республике Беларусь 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nbrb.by/publications/finstabrep/finstab2024.pdf> (дата обращения: 01.11.25).
4. Обеспечение финансовой стабильности в 2024 году и задачи на 2025 год [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nbrb.by/press/2025/01/doklad_d-kalechits-2025.pdf (дата обращения: 01.10.25).
5. Объем электронной торговли в Беларуси вырос более чем в 5 раз за 5 лет [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/152/s1wig6m1gsy9lyd23eyki54tl9m2lrz4.pdf> (дата обращения: 01.10.25).

ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК И ЕГО РОЛЬ В ФИНАНСИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием и размещением ресурсов, мобилизуемых на финансовом рынке. Обозначены основные проблемные аспекты функционирования финансовых рынков в условиях неопределённости внешней и внутренней среды. Сформулированы возможные последствия сложившихся тенденций как на национальном, так и международном уровнях.

Ключевые слова: финансовый рынок, финансовая система, ВВП, финансирование экономики, финансовые ресурсы, инвестиции, ссудный капитал

Важнейшей сферой финансовой системы любого государства является финансовый рынок, включающий в себя целый ряд звеньев, в том числе рынок ссудных капиталов, фондовый и страховой рынки. Основное его назначение заключается в трансформации сбережений в инвестиции, что стимулирует развитие бизнеса и экономики в целом. Иными словами, финансовый рынок, с помощью специфических рычагов и инструментов, перераспределяет капитал, обеспечивает экономику страны деньгами для осуществления хозяйственной деятельности и развития социальной сферы. Следовательно, привлечение финансовых ресурсов из данной сферы финансовой системы государства с последующим их размещением, позволяет обеспечивать дополнительные потребности экономики в развитии и её сбалансированность.

Поставщиками и одновременно потребителями финансовых ресурсов, мобилизуемых на финансовых рынках, являются такие важнейшие сферы финансовой системы, как: финансы субъектов хозяйствования (децентрализованные финансы) в лице финансов организаций материального производства, непроеизводственной сферы и домашних хозяйств, а также общегосударственных финансов (централизованные финансы), в лице государственного бюджета, государственных целевых внебюджетных фондов и государственного кредита (рисунок 1).

Центральное место в системе финансовых рынков как в государствах с развитыми экономиками, так и в развивающихся странах, занимает рынок ссудных капиталов. Однако, начиная с 2023 года, этот сектор на международном уровне демонстрирует тенденцию к снижению. Так, например, в 2023 году удельный вес банков Европейского союза в мировых активах составил 7,2 %, что ниже показателя предыдущего года на 2,2 п.п. Доля банковских активов в США снизилась с 5,8 % до 4,0 %, а в Индии – с 6,7 % до 4,8 % [1].

По оценкам экспертов негативная тенденция произошла на фоне решительных действий центральных банков, которые намеревались удерживать данные показатели на уровне целевых прогнозных показателей инфляции. Денежно-кредитная политика центральных банков многих стран формируется в неустойчивой экономической среде, поскольку центральные регуляторы должны одновременно решать проблему управления инфляционным давлением и стимулировать замедляющуюся экономику. Особенно остро данная проблема стоит в развивающихся странах, поскольку ограниченное фискальное пространство не позволяет в должной мере смягчать экономический спад.



Рисунок 1 – Средства, мобилизуемые на финансовом рынке

Следует также отметить, что в настоящее время мировой финансовый рынок функционирует в сложных геополитических условиях, связанных с изменением глобальных цепочек формирования стоимости товаров и услуг, что определяет замедление темпов роста мировой торговли. Так, по оценкам ООН прогнозируется сокращение роста мировой торговли с 3,3 % в 2024 году до 1,6 % в 2025 году [2].

Определяющими факторами замедления являются экономические санкции, высокая политическая напряженность и отсутствие стабильности на финансовых рынках. Выше обозначенное, а также значительная неопределенность на мировых рынках и ускорение инфляции, прежде всего в развивающихся странах, повышают стоимость финансовых продуктов. Одновременно со снижением глобальной инфляции с 5,7 % в 2023 году до 4,0 % в 2024 году ценовое давление остается на высоком уровне в большинстве экономик. К началу 2025 года уровень инфляции превысил значения 2019 года в двух третьих стран. В этой связи, замедление роста мировой экономики и высокий уровень инфляции являются основными угрозами для мировых финансовых рынков и приводят к усилению оттока капитала из развивающихся стран (в 2018 году совокупный чистый отток из развивающихся стран превысил 200 млрд долларов), а также удорожанию стоимости заимствований для их участников. По данным мировых рейтинговых агентств развивающиеся страны ежегодно недополучают до 2,6 трлн. долларов США, что свидетельствует о неравномерном распределении ресурсов и ограничении доступа к финансовым рынкам и частным инвестициям [3].

Согласно прогнозу МВФ в 2025 году ожидается замедление роста мировой экономики до 103,2 %, и как следствие, снижение прироста мирового ВВП до 2,8 %. Аналогичную тенденцию прогнозирует ООН, согласно оценки которой прирост мирового ВВП составит 2,4 % [2].

Для нашей страны данная ситуация также актуальна и связана с геополитическими рисками, высокими процентными ставками в развитых странах, которые привлекают инвестиции, риском замедления экономического роста в развивающихся государствах, что закономерно вызывает серьезные опасения инвесторов.

Процентная политика центрального регулятора Республики Беларусь в последние годы была направлена на поддержание достигнутого уровня процентных ставок, как на кредитном, так и депозитном рынках, с целью обеспечения привлекательных условий для сбережений и ценовой доступности заёмных ресурсов для белорусской экономики. Поэтому ставка рефинансирования на протяжении 2024 года оставалась неизменной на уровне 9,5 % годовых, что соответствовало верхней границе прогнозных показателей, и только в июле месяце Национальный банк изменил ставки по кредиту овернайт с 10,5 % до 11 % годовых [4].

С целью наращивания ресурсной базы белорусские банки ориентировались на долгосрочные рублевые вклады населения, то есть ориентация банковской системы была направлена на долгосрочное фондирование. Средняя процентная ставка в 2024 году по таким депозитам составляла 13 % годовых, что было связано с повышенным спросом на кредитные ресурсы со стороны как физических, так и юридических лиц. Опосредованное влияние на динамику процентных ставок оказала ситуация на рынке ссудных капиталов Российской Федерации, процентные ставки в которой выросли к началу 2025 года до 20 и более процентов годовых. Повышение процентных ставок по депозитам привело к удорожанию стоимости кредитных ресурсов, прежде всего для юридических лиц, что негативно отразилось на их финансовых результатах и финансовом состоянии. В то же время следует констатировать, что в 2024 году процентные ставки по кредитам повысились значительно меньше, чем по депозитным вкладам. В результате фактические показатели финансирования банками экономики превысили прогнозные показатели: общий объем выдачи банками кредитных ресурсов экономике составил 185,6 млрд. рублей (прогнозное значение платежеспособного спроса на кредитные ресурсы в 2025 году – 200 млрд. рублей). Кредитование реального сектора экономики осуществлялось преимущественно в национальной валюте, спрос на которую увеличился на 24,1 %. Наиболее востребованными являлись долгосрочные кредиты, которые увеличились за год на 51 % [4].

Следует полагать, что в ближайшей время отмеченные тенденции на рынке ссудных капиталов сохранятся, так как в перспективе не предвидится увеличение притока иностранного капитала, а санкции, введенные ЕС, продолжают негативно влиять на экспорт и экономику страны.

Финансовый рынок республики в условиях существующих вызовов и угроз должен в большей степени ориентироваться на привлечение капитала не только из банковской сферы, но и из других сегментов – страхового и фондового рынков. В то же время возможность привлечения значительных финансовых ресурсов институциональных инвесторов все ещё ограничена ввиду их слабого развития. Например, страховой рынок Республики Беларусь по ключевым показателям не демонстрирует значительного роста. Доля страхового рынка в ВВП страны находится в пределах 1,06 %, в то время как в развитых европейских странах этот показатель варьируется в пределах 2,4–8,7 %. Средний показатель страховых взносов на душу населения, например в США, составляет 889 долларов США, в нашей стране – 89,0 долларов США. Сложившаяся ситуация объясняется многими факторами. В Республике Беларусь традиционно приоритет отдаётся другим, более крупным сегментам экономики, которые вносят наибольший вклад в ВВП страны, например, промышленность, торговля, строительство, сфера услуг. Сдерживающими причинами являются: ограниченное количество страховых компаний, которые на протяжении многих лет не увеличивают своё присутствие на рынке; низкий платёжеспособный спрос населения; высокая стоимость страховых взносов, что делает страхование невыгодным для многих субъектов хозяйствования; недостаточная финансовая устойчивость организаций, что не

позволяет им возлагать на себя дополнительную ответственность по обязательствам; недоверие со стороны страхователей к механизмам страховой защиты от рисков; ужесточение тарифной политики; неустойчивость политической ситуации; появление новых рисков в условиях цифровой трансформации экономики, неразвитость киберстрахования и т. д.

Отечественный фондовый рынок, также как и страховой, всё ещё не является значимой частью экономики и не рассматривается как важное звено финансовой системы, обеспечивающее привлечение капитала. В 2024 году совокупной объём операций с ценными бумагами в ВВП страны составил 6 %, а общий объём обращающихся ценных бумаг – 33 %. Для стран зоны евро показатель вклада фондового рынка в ВВП сложился на уровне 50 %, а рыночная капитализация фондового рынка США составляет около 155 % от ВВП [1]. Несмотря на незначительное увеличение объёмных показателей белорусского фондового рынка (объёма обращающихся ценных бумаг на 5 %, объёма операций на 36,5 %, объёма регистрации облигаций на 2,8 %), наблюдается поступательное замедление зафиксированной положительной динамики.

Таким образом, в глобальном масштабе следует предположить, что сложившиеся на финансовом рынке тенденции, связанные с оттоком капитала в целом сохранятся и будут сведены к следующему:

- ослаблению национальных валют вследствие оттока капитала, что может привести к усилению инфляционного давления на экономики стран;
- замедлению экономического роста и развития в развивающихся странах в результате снижения притока иностранного капитала;
- снижению международной конкурентоспособности;
- повышению процентных ставок по кредитам и облигационным займам в результате нехватки капитала, что приведет к увеличению стоимости заимствований, как для правительств, так и для субъектов хозяйствования.

Литература

1. Удельный вес банков ЕС, США, Индии в мировых активах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.com/search?q.> – Дата доступа: 9.10.2025.
2. ООН снизила прогноз роста мировой экономики в 2025 году почти на полпроцента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2025/05/1464381.> – Дата доступа: 9.10.2025.
3. Стратегия развития рынков ценных бумаг и страхования до 2040 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.minfin.gov.by/upload/depcen/acts/development_strategy_2040.pdf. – Дата доступа: 7.10.2025.
4. Итоги работы Национального банка за 2024 год по обеспечению ценовой стабильности и задачи на 2025 год. Доклад первого заместителя Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь С.В. КАЛЕЧИЦА на расширенном заседании Правления. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/press/2025/01/doklad_s-kalechits-2025.pdf. – Дата доступа: 1.10.2025.
5. Отчет о работе департамента по ценным бумагам Министерства финансов Республики Беларусь в 2024 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minfin.gov.by/upload/depcen/otchet/2024/2024.pdf>. – Дата доступа: 15.10.2025.

Т. А. Шердакова

В. В. Павлючкова

Lavitabella@mail.ru

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

ОЦЕНКА УСЛУГ РАСЧЁТНО-КАССОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ БЕЛОРУССКИМИ БАНКАМИ

В статье проведена оценка пакетов расчетно-кассового обслуживания на примере трех белорусских банков – ОАО «АСБ Беларусбанк», ОАО «Белагропромбанк» и ОАО «БНБ-Банк». Определены преимущества обслуживания в каждом из банков по данному виду банковских услуг.

Ключевые слова: банк, финансовый посредник, организация, расчетно-кассовое обслуживание, расчетный счет, зарплатный проект, эквайринг.

Сегодня деятельность как юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, так и физических лиц невозможно представить без услуг банковских учреждений. Банки, являясь финансовыми посредниками, предоставляют широкую продуктовую линейку, стараясь удовлетворить запросы клиентов разного финансового уровня.

Банковские учреждения оказывают как базовые услуги, так и услуги, не являющиеся классическими, чтобы удовлетворить запросы клиентов и сформировать лояльность к банку.

Согласно ст. 8 Банковского Кодекса Республики Беларусь, банк – это юридическое лицо, которое имеет исключительное право осуществлять в совокупности определенные операции, в числе которых – открытие и ведение банковских счетов физических и/или юридических лиц [1]. Соответственно, банк является монополистом в предоставлении открытия и ведения счетов физических и юридических лиц, с одной стороны. С другой стороны, наличие совокупности банков порождает конкуренцию за привлечение клиентов, поскольку данные услуги формируют доходы банка.

В числе операций по открытию и ведению счетов физических и юридических лиц следует отметить расчетно-кассовое обслуживание (РКО) – это пакет услуг, который предоставляют банки для организаций и индивидуальных предпринимателей с целью ведения своего бизнеса. Как правило, РКО включает открытие и ведение расчетного счета, прием выручки, зарплатные проекты, проведение платежей, эквайринг, дистанционное обслуживание и т. д. Учитывая потребности клиентов, банковские учреждения формируют линейку пакетов, расширяя набор услуг и устанавливая соответствующую стоимость. Поэтому при выборе пакета услуг расчетно-кассового обслуживания юридическим лицам важно понимать какую цель ставит перед собой собственник бизнеса, какой размер бизнеса, насколько часто происходят расчеты между контрагентами и др.

В данной статье сделана попытка сравнения РКО на примере трех банков с целью определения наиболее выгодных условий для разных категорий клиентов. В Республике Беларусь на октябрь месяц функционировало 22 банка, которые относятся к разным группам системной значимости [2]. На данный момент самыми крупными, а также системно значимыми банками группы I в Республике Беларусь являются ОАО «АСБ Беларусбанк» и ОАО «Белагропромбанк». Чтобы сравнить продуктовые линейки в части РКО крупных и других банков, была взята также пакеты РКО ОАО «БНБ-Банк», который входит в группу системной значимости II. Данные банки предоставляют широкий спектр услуг как для физических, так и для юридических лиц.

Беларусбанк является одним из старейших банков в стране и имеет большой опыт в обслуживании корпоративных клиентов. Банк предлагает различные виды кредитных продуктов, вкладов, платежных карт, а также услуги интернет-банкинга и электронных платежей. Беларусбанк также имеет развитую сеть филиалов и банкоматов, что обеспечивает удобство доступа к услугам банка [3].

Белагропромбанк специализируется на обслуживании сельскохозяйственных предприятий и индивидуальных предпринимателей. Банк предлагает специализированные кредитные продукты для сельского хозяйства, вклады с выгодными условиями, а также услуги страхования и инвестирования. Одним из ключевых преимуществ Белагропромбанка является его сеть отделений, расположенных в сельской местности и обеспечивающих доступ к услугам банка в любой точке страны [4].

Основные преимущества обслуживания в исследуемых банках представлены в таблице 1 [3–5].

Таблица 1 – Основные преимущества обслуживания в ОАО «АСБ Беларусбанк», ОАО «Белагропромбанк» и ОАО «БНБ-Банк»

Преимущества ОАО «АСБ Беларусбанк»	Преимущества ОАО «Белагропромбанк»	Преимущества ОАО «БНБ-Банк»
<ul style="list-style-type: none"> – широкий выбор банковских продуктов; – развитая сеть филиалов и банкоматов; – удобный интернет-банкинг и электронные платежи 	<ul style="list-style-type: none"> – специализация на сельском хозяйстве и индивидуальных предпринимателях; – услуги страхования и инвестирования; – расположение отделений в сельской местности 	<ul style="list-style-type: none"> – инновационные решения и цифровые сервисы; – персонализированный подход к клиентам; – поддержка развития белорусской культуры

При выборе банка для расчетно-кассового обслуживания следует учитывать потребности и предпочтения клиентов, проводить анализ предлагаемых услуг и тарифов, обращать внимание на условия обслуживания, уровень надежности и удобство пользования банковскими услугами.

Проведя исследование пакетов услуг расчетно-кассового обслуживания трех банков, обозначенных выше, результаты исследования мы отразили в таблице 2 (на сентябрь 2025 г.) [3–5].

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что каждый исследуемый банк имеет определенное количество пакетов РКО с делением на категории клиентов: малый бизнес и ИП, крупный и средний бизнес, крупнейший бизнес. ОАО «АСБ Беларусбанк» имеет более широкий выбор пакетов РКО (16 пакетов), учитывая особые потребности клиентов. Для ИП и МСБ доступны основные пакеты, такие как «Развитие», «Легкий», «Легкий шаг», «Перспективный», «Шаг навстречу», «Базис», «На100ящая поддержка» и «Бизнес-Леди», а также дополнительные, включая «Бизнес-ВЭД» и «Бюджетная копилка». Для крупного бизнеса предусмотрены основные пакеты, такие как «Торговый», «Активный», «Лидер», «Капитал» и «Капитал-по limit», а также аналогичные дополнительные услуги. Это многообразие позволяет клиентам выбрать наиболее подходящий пакет в зависимости от специфики и потребностей их бизнеса.

Рассматривая стоимость РКО, следует отметить, что в ОАО «АСБ Беларусбанк» цена самого дешевого пакета услуг – 1 руб. в месяц («Шаг навстречу»), а цена самого дорого пакета услуг – 785 руб. в месяц («Капитал-по limit»). К преимуществам пакетов услуг РКО ОАО «АСБ Беларусбанк» относятся следующие: экономия по сравнению с обслуживанием без пакета до 55%, бесплатное открытие счета и пользование «Клиент-банком», бесплатное обслуживание международной карточки.

Таблица 2 – Краткая сравнительная характеристика предоставляемых ОАО «АСБ Беларусбанк», ОАО «Белагропромбанк» и ОАО «БНБ-Банк» пакетов услуг расчетно-кассового обслуживания

Параметры	Беларусбанк	Белагропромбанк	БНБ-Банк
Количество пакетов РКО – ВСЕГО	16 пакетов	5 пакетов	7 пакетов
Количество основных пакетов для ИП и МСБ	8 пакетов	1 пакет	–
Количество основных пакетов для крупного бизнеса	5 пакетов	1 пакет	
Самая низкая цена	1 руб.	0,01 руб.	0,01 руб.
Самая высокая цена	785 руб.	900 руб.	289,16 руб.
Преимущества	экономия, бесплатное открытие счета	бесплатное открытие счета, гибкость	бесплатное открытие счета, отсутствие комиссии за сдачу выручки в АДМ

Основным пакетом услуг для микро- и малого бизнеса, для крупного и крупнейшего бизнеса в ОАО «Белагропромбанк» является пакет «Smart», который предоставляет необходимые условия для эффективного ведения бизнеса. Дополнительно для обоих сегментов – микро- и малого бизнеса, а также крупного и крупнейшего – предлагаются дополнительные пакеты услуг: «PRO Трейд», «PRO КЭШ» и «PRO ВЭД». Эти пакеты расширяют функциональность основного пакета и предоставляют решения, которые позволяют бизнесу улучшать свою конкурентоспособность.

В ОАО «Белагропромбанк» цена самого дешевого пакета услуг – 0,01 руб. в месяц («Smart START», является привлекательным для новых клиентов), а цена самого дорогого пакета услуг – 900 руб. в месяц («PRO Трейд 2200»). К преимуществам пакетов услуг РКО ОАО «Белагропромбанк» относится: бесплатное открытие счета, информирование о платежах, гибкость тарифов. Эти преимущества делают пакеты услуг РКО ОАО «Белагропромбанк» привлекательными для различных категорий клиентов, включая микро, малый, крупный и крупнейший бизнес

В ОАО «БНБ-Банк» к пакетам услуг для малого бизнеса и ИП относятся «WELCOME», «Перспективный», «Стремительный рост» и «Большие возможности». Для обоих сегментов – малого бизнеса и ИП, а также среднего и крупного бизнеса – предлагаются «Оптимальный», «Динамичный» и «Безграничный». Цена самого дешевого пакета услуг – 0,01 руб. в месяц («WELCOME», является привлекательным для начинающих бизнесменов), а цена самого дорогого пакета услуг – 289,16 руб. в месяц («Безграничный»). К преимуществам пакетов услуг РКО ОАО «БНБ-Банк» относится: бесплатное открытие счета, обслуживание любого количества счетов в любой валюте, возможность дистанционного открытия счета, отсутствие комиссии за сдачу выручки в автоматизированные денежные машины (АДМ), что позволяет клиентам сохранять все заработанные средства. Эти преимущества делают БНБ-Банк привлекательным выбором для бизнеса, стремящегося к эффективному управлению своими финансами.

Таким образом для организации выгоднее обратиться в ОАО «Белагропромбанк» или в ОАО «БНБ-Банк», если это микро- и малый бизнес из-за более низкой стоимости обслуживания и гибкости тарифов. Однако для крупных компаний с особыми потребностями может быть целесообразно рассмотреть предложения ОАО «АСБ Беларусбанк», учитывая его разнообразие пакетов услуг. В целом ОАО «Белагропромбанк» и ОАО «БНБ-Банк» предлагают более гибкие тарифы, что делает их более привлекательными для новых клиентов. Также для БНБ-Банка еще одним преимуществом является отсутствие комиссии за сдачу выручки в АДМ.

В целом в числе рекомендаций для повышения конкурентоспособности рассматриваемых банков необходимо сосредоточиться на упрощении условий обслуживания и снижении цен на базовые пакеты услуг. Введение гибких тарифов и акций, а также разработка специальных предложений для стартапов и инновационных компаний помогут привлечь новых клиентов. Расширение ассортимента услуг и активное улучшение качества обслуживания также сыграют важную роль в создании положительного имиджа банка и увеличении клиентской базы.

Таким образом, тенденции развития банковской системы Республики Беларусь на 2023–2025 годы сосредоточены на повышении стабильности и конкурентоспособности через активное внедрение цифровых технологий и современных платежных инструментов. Закон №164-З от 19.04.2022г. «О платежных системах и платежных услугах» акцентирует внимание на развитии безналичных расчетов, включая банковские карты, электронные кошельки и мобильные платежи, что обеспечит пользователям удобство и безопасность безналичных расчетов. Однако для успешного внедрения инноваций необходимо не только разработать уникальные продукты, но и повысить информированность клиентов о новых возможностях, а также обеспечить защиту их данных.

Литература

1. Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0000441>. – Дата доступа: 31.08.2025.
2. Сведения о банках и небанковских кредитно-финансовых организациях, действующих на территории Республики Беларусь, их филиалах // Официальный сайт Национального банка Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/system/banks/list>. – Дата доступа: 23.09.2025.
3. Официальный сайт ОАО «АСБ Беларусбанк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belarusbank.by/>. – Дата доступа: 17.09.2025.
4. Официальный сайт ОАО «Белагропромбанк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belapb.by/>. – Дата доступа: 17.09.2025.
5. Официальный сайт ОАО «БНБ-Банк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnb.by/>. – Дата доступа: 19.09.2025.

E. A. Kuzko

Zhu Mingcong

E.A.Kadovba@yandex.ru

Francisk Skorina Gomel State University, Republic of Belarus

**INNOVATIVE ACTIVITY IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA:
FINANCIAL INCENTIVES AND ROLE IN INCREASING
THE COMPETITIVENESS OF NATIONAL ECONOMY**

The article analyzes the main indicators and trends of innovative development in the People's Republic of China. The issues of financial incentives for innovation are considered. The article also examines the competitiveness of the People's Republic of China's economy and assesses the relationship between the development of innovative activity in this state and the competitiveness of its economy.

Key words: innovative activity, financial incentives, competitiveness of the national economy, People's Republic of China, Global Innovation Index, Global Competitiveness Index.

Е. А. Кузко

Чжу Минцонг

Е.А.Кадовба@yandex.ru

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

**ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ:
ФИНАНСОВЫЕ СТИМУЛЫ И РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**

В статье анализируются основные показатели и тенденции инновационного развития в Китайской Народной Республике. Рассматриваются вопросы финансовых стимулов для инноваций. Также исследуется конкурентоспособность экономики Китайской Народной Республики и оценивается взаимосвязь между развитием инновационной деятельности в этом государстве и конкурентоспособностью его экономики.

Ключевые слова: инновационная деятельность, финансовые стимулы, конкурентоспособность национальной экономики, Китайская Народная Республика, Глобальный инновационный индекс, Глобальный индекс конкурентоспособности.

China's economy is undergoing a profound transformation from "scale and speed" to "quality and efficiency". This transformation stems from the inevitable requirements of the internal development stage and is also driven by the external forces of global technological revolution and industrial transformation. The following areas can be noted as important trends in the country's economic development.

1. *Fundamental transformation of growth momentum: qualitative change from "factor-driven" to "innovation-driven"*. The growth model that relied on the widespread use of factors such as labor, capital, and resources in the past has been replaced by a development model based on innovation and technology in the face of numerous constraints.

2. *Deep adjustment of industrial structure: reconstruction from “scale expansion” to “quality and efficiency improvement”*. By 2023, the added value of the primary, secondary, and tertiary industries accounted for 5,1 %, 38,9 %, 56,0 % (compared to 10,1 %, 45,3 %, 44,6 % in 2012). The internal transformation of the industry towards “high-end, intelligent, and green” will reshape the growth logic.

3. *Coordinated evolution of regional development patterns: upgrading from “single-point breakthrough” to “cluster linkage”*. Relying on the advantages of technology, capital and talent concentration, the Yangtze River Delta, the Pearl River Delta and the Beijing-Tianjin-Hebei region have become one of the regions with the highest concentration of innovation factors in the world.

4. *Strategic improvement of international economic status: the leap from a “trading power” to a “technology exporting power”*. China’s ongoing expansion and investment in technology and innovation clusters have fostered a vibrant atmosphere of innovation, providing a model for other economies and promoting sustainable development of global technology. In the future, China is expected to continue playing a key role in driving global technological progress, tackling climate change, and improving infrastructure. In the table 1 we show the main China’s science, technology, and innovation (STI) indicators.

The progress that China has made in science, technology, and innovation (STI) during the Reform and Opening Up period is remarkable (table 1). Its rise to become a global STI power is frequently attributed to its domestic efforts. But it is also undeniable that China has capitalized on the advantages presented by the globalization of research and education.

Table 1 – China’s key science, technology and innovation indicators

Indicator	Unit of measurement	Value	Year
1. Gross expenditure on research and development (R&D)	Trillion yuan	3,328	2023
2. R&D expenditure as a percentage of gross domestic product (GDP)	Percent	2,64	2023
3. R&D personnel	Million person-years (full-time equivalent)	6,35	2022
4. College graduates from regular higher education institutions	Million persons	9,67	2022
5. Postgraduates at master’s level	Persons	779,849	2022
6. PhD graduates	Persons	82,320	2022
7. Publications in Science Citation Index journals	Rank	1	2021
8. Rank in the Web of Science for most highly cited papers	Rank	2	2022
9. Patent applications with the Patent Cooperation Treaty	Number of patents	69,610	2023
10. Global Innovation Index	Rank	12	2023

On September 26, 2024, the World Intellectual Property Organization (WIPO) released the Global Innovation Index (GII) report for 2024, which ranks China 11th among over 130 economies worldwide, climbing one spot from the previous year. This achievement places China as the only upper-middle-income economy to break into the top 30. It also highlights the rapid development of China’s innovation capabilities, with other nations such as Turkey joining the ranks of the fastest-growing innovators over the past decade.

The Global Innovation Index rose from 34th in 2012 to 11th in 2024, entering the top 10 globally in the “Market Size” and “Knowledge Workers” indicators (table 2).

Table 2 – China's Global Innovation Index (GII) Ranking Trajectory (2012–2024)

Year	GII Rank	Key Milestones
2012	34	National innovation system reform initiated
2013	35	Ranked 35th (earliest data under current methodology)
2014	29	Mass Entrepreneurship and Innovation policy launched
2015	29	Entered top 30 for the first time
2016	25	Made in China 2025 strategy accelerated industrial upgrades
2017	22	AI and quantum computing prioritized in national plans
2018	17	Surpassed Canada, Australia; led BRICS nations
2019	14	Broke into top 15, driven by digital economy growth
2020	14	Sustained rank despite pandemic disruption
2021	12	First top-12 rank; pandemic-era digital innovation surge
2022	11	Peak position (temporary, later revised)
2023	12	Stabilized as world's only middle-income economy in top
2024	11	Strides in intellectual property development, recording notable achievements in patent grants, trademark registrations and copyright filings
Note: source: Data source: [1]		

China uses various methods, including *financial incentives*, to promote innovation. The following types of financial incentives are used in China's innovation promotion practices:

- *funding and investments (including subsidies, grants, etc.)*: Chinese government allocates significant funds for R&D, technology startups and innovation infrastructure projects. Programs such as “Made in China 2025” provide financial support and stimulate the development of key industries such as artificial intelligence, electronics, new materials and so on;

- *tax incentives*: the government provides tax incentives for research and development enterprises. The government also actively invests in the development of the startup ecosystem by providing tax incentives and financial support to young innovative companies. Foreign investors are also welcomed and provided with favorable conditions to invest in Chinese technology startups. In China, the government provides tax incentives aimed at promoting R&D and innovation to a wide range of organizations, including universities and university research centers, state-owned research institutes and private-public laboratories, non-profit research organizations and more. However, the main beneficiaries of these tax incentives are business entities – companies in private sector;

- *ensuring the availability of credit*: an important element of the government's policy is ensuring availability of credits and loans for innovative projects and research. This allows companies and research groups to receive additional funding for their initiatives.

In August 2025, the Chinese government released a comprehensive guide on strengthening financial support for new industrialization, aimed at modernizing the manufacturing sector. According to the document, China aims to establish a mature financial system by 2027 that promotes high-tech, intelligent, and environmentally friendly industrial development. By this time, it is expected that manufacturing companies will significantly increase their *bond issuance and improve their access to equity financing*. This will help meet the credit needs of enterprises. In addition, financial products will become more diverse, and financing instruments – including loans, bonds, stocks and insurance – will be better coordinated.

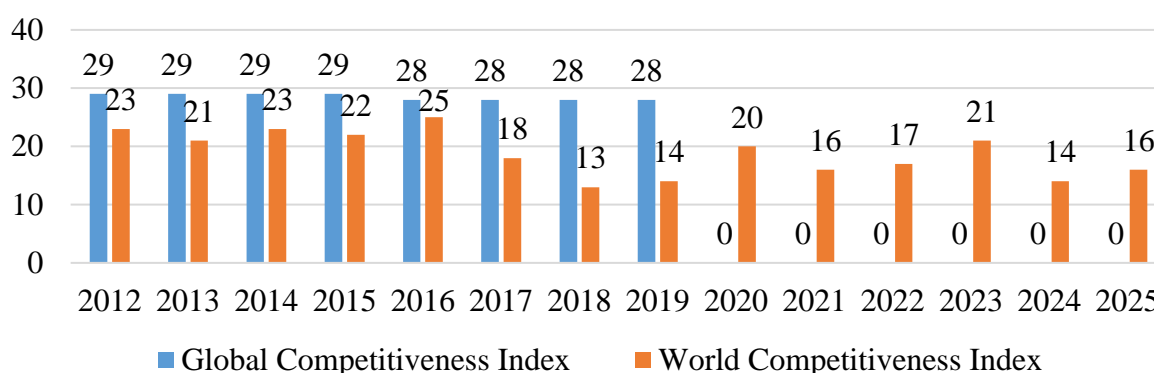
Innovative activity is widely regarded as the main factor of economic growth and national economic competitiveness. A state's competitiveness is directly linked to the competitiveness of its domestic companies and the products they produce, which are in demand in the markets. Moreover, the efficiency of production, distribution and sales of goods includes both the ability of economic institutions to create favorable conditions and the ability of firms and industries to take advantage of these conditions to gain and maintain competitive advantages.

National economic competitiveness refers to a country's comprehensive ability to create wealth, participate in the international division of labor, resist external risks, and achieve sustained growth through resource allocation in the global economic system. Its core indicators include GDP per capita, global share of industry, degree of technological autonomy and control, and attractiveness to international capital and many other factors and metrics.

Contrary to some stereotypes used to find explanations for China's success as a trading nation in low costs derived from abundant labor, low wages, poor environmental restrictions and indifference to workers' rights, the fact is that the core of China's approach to trade is based on the high historical standards of its education system, its focus on R&D and high-tech industries and a strategic and pragmatic role of government in the economy. China's successful technological development not only shows in comparative trade figures and their structure but also in the widespread use of high-tech tools in everyday life.

Innovation activity reshape the core of China's economic competitiveness.

It is worth noting that a country's competitiveness ranking is compiled annually, taking into account various factors. We talk about two the most well-known rankings. The Global Competitiveness Index (which has not been published since 2020) and the World Competitiveness Index. The dynamics of China's position in these rankings are presented in figure 1.



Source: Data source: Compiled by the author based on Annual Global Competitiveness Index and World Competitiveness Index reports [2, 3]

Figure 1 – The dynamics of China's position in competitiveness rankings

The dynamics of China's competitiveness are ambiguous, but there is a clear trend towards its steady growth. This indicator is influenced by various factors, and it can be assumed that the acceleration of innovation development plays a significant role. The correlation with the level of innovation development can be observed by analyzing the dynamics of China's position in the Global Innovation Index (table 2).

An analysis of China's development and competitiveness indicators lets identify several areas of action that could contribute to improving the country's global competitiveness:

- deepen reform and open up to boost internal development momentum;
- stimulate innovation to advance industrial upgrading and structural optimization;
- strengthen consumption as a key driver of high-quality, socio-economic growth;
- intensify policy support to improve people's wellbeing;
- resolve trade disputes to stabilize international economic cooperation.

Thus, the government's role in supporting and financial incentives of innovation in China plays a crucial role in establishing the country as a global leader in the technological field. This process is driven by strategic policies and proactive investments focused on fostering innovation and key industries. Innovation plays an important role in increasing the competitiveness of Chinese economy. It stimulates economic growth, increases the

competitiveness of companies, creates new jobs, develops scientific and technological potential, and attracts investment. The development of innovation is one of the key factors for a country's success in the global market. Innovation is the driving force behind economic growth. It enables the creation of new products, services, and technologies that improve people's lives and enhance production efficiency. Innovative companies often become leaders in their respective industries and attract investments, contributing to the overall economic development of a country.

References

1. China – Global Innovation Index [Electronic resource]. – URL: <https://countryeconomy.com/government/global-innovation-index/china>. – Date of access: 03.09.2025.
2. Global Competitiveness Report 2019 [Electronic resource]. – URL: <https://www.weforum.org/publications/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth/>. – Date of access: 05.09.2025.
3. World Competitiveness Ranking [Electronic resource]. – URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitive-ness-ranking/>. – Date of access: 05.09.2025.

СЕКЦИЯ 5. СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 336.77:004:001.895

Н. А. Алексеенко

natalidiary@mail.ru

Е. В. Шантар

elizabethshantar@mail.ru

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КРЕДИТНОГО СКОРИНГА В БАНКАХ

Статья анализирует эволюцию информационных систем (ИС) и технологий для оценки кредитоспособности банковских клиентов на фоне роста кредитования и цифровизации. Рассматриваются вызовы: риски невозврата, ограничения традиционных методов («5С», логистическая регрессия) и переход к big data, машинному обучению (градиентный бустинг, нейронные сети) и ИИ. Подчеркивается роль XAI (SHAP, LIME) для регуляторного соответствия (GDPR).

Ключевые слова: кредитоспособность, машинное обучение, big data, кредитный скоринг, Кредитный регистр, регуляторные стандарты, прозрачность моделей, XAI.

Рост кредитования в банковском секторе неизбежно повышает риски невозврата, делая точную оценку кредитоспособности заемщиков приоритетной задачей. Кредитоспособность (кредитный скоринг) – это способность клиента своевременно выполнять обязательства по кредиту, с учетом доходов, кредитной истории, активов и других факторов. В эпоху цифровизации традиционные ручные методы анализа данных не справляются с огромными объемами и сложностью информации. Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение (МО) автоматизируют процессы, повышая точность и эффективность. По прогнозам, рынок ИИ в банковской сфере вырастет с 160 млрд долларов в 2024 году до 300 млрд долларов к 2030 году [1]. Эти технологии, опирающиеся на большие данные, трансформируют оценку рисков, минимизируя потери и расширяя доступ к кредитам для клиентов с неполной кредитной историей. Современные информационные системы (ИС) для оценки кредитоспособности (кредитного скоринга) классифицируются по нескольким критериям, отражающим эволюцию от традиционных подходов к ИИ-ориентированным. Это позволяет банкам адаптировать системы под объемы данных, регуляторные требования и уровень автоматизации. Основные классификации информационных систем основаны на методологии, источниках данных, архитектуре и функциональности.

1. По методологии анализа (моделям прогнозирования):

– традиционные статистические системы: опираются на линейные модели, такие как логистическая регрессия или дискриминантный анализ. Используют модель «5С» (Character, Capacity, Capital, Collateral, Conditions);

– системы на базе машинного обучения (МО): применяют алгоритмы подобные градиентному бустингу (XGBoost, LightGBM), случайного леса или SVM. Выявляют сложные паттерны. Данные системы применяются, например, в Публичном акционерном обществе «Сбербанк России» (ПАО «Сбербанк») и Акционерном обществе «Т-Банк». Системы повышают точность скоринга на 20–30 % по сравнению с традиционными;

– системы на базе искусственного интеллекта (ИИ) и глубокого обучения: нейронные сети (CNN для анализа изображений документов, RNN для временных рядов транзакций).

Интегрируют генеративный ИИ для синтеза данных. Например, модели от Google Cloud AI или IBM Watson в финансовых технологиях. Подходят для больших данных, но требуют объяснимости (XAI).

2. По источникам и типам данных:

- на основе структурированных данных: анализируют доходы, кредитную историю из бюро (НБКИ, Equifax), балансы. К системам данного типа относятся традиционные CRM-системы банков (например, на базе SQL-баз);

- на основе неструктурированных и больших данных (Big Data): включают цифровой след (социальные сети, геолокация, поисковые запросы), текстовые данные (NLP для анализа отзывов). Например, платформы Hadoop или Spark для обработки петабайт данных;

- гибридные (мультимодальные): комбинируют структурированные и неструктурированные источники через API открытого банкинга (PSD2 в ЕС). Например, системы Finastra или Temenos, интегрирующие транзакции в реальном времени.

3. По архитектуре и интеграции:

- локальные (on-premise): установленные на серверах банка для контроля данных. К ним относятся внутренние разработки крупных банков (Акционерное общество «Сбербанк - Технологии», РФ);

- облачные (cloud-based): SaaS-решения с масштабируемостью (AWS, Azure). Например, Credit Karma или Upstart, использующие ML в облаке;

- открытые и API-ориентированные: поддерживают интеграцию через PSD2/Open Banking для доступа к внешним данным (платформы Plaid (США) или аналогичные в ЕС).

4. По уровню автоматизации и объяснимости:

- автоматизированные rule-based: на основе фиксированных правил (если score > 700 – одобрить). Например, базовые скоринговые карты;

- с объяснимой ИИ (XAI-integrated): включают SHAP, LIME для интерпретации «черных ящиков». Соответствуют регуляциям (GDPR, Basel III). Например, модели с встроенным XAI от SAS или H2O.ai;

- полностью автономные (AI-driven decisioning): реальное время принятия решений с минимальным вмешательством человека. Например, Робо-скоринг в необанках (Revolut Bank – британско-литовский онлайн-банк и компания финансовых технологий).

Представленные системы эволюционируют под влиянием регуляций и технологий: от снижения рисков дефолтов до инклюзии «тонких» клиентов (без истории). Выбор зависит от размера банка и данных. Для внедрения рекомендуется начинать с гибридных моделей машинного обучения, интегрированных с XAI, чтобы обеспечить оптимальный баланс между точностью и соответствием требованиям. В банках Республики Беларусь (РБ) оценка кредитоспособности клиентов (физических и юридических лиц) регулируется Национальным банком РБ (НБРБ) в соответствии с Инструкцией № 488 от 26 декабря 2023 г. [2]. Банки обязаны проводить многофакторный анализ, включая расчет показателей долговой нагрузки (ПДН < 40 %), обеспеченности кредита (ПОК) и сравнение остатка дохода с бюджетом прожиточного минимума (БПМ). Центральным элементом является автоматизированная система «Кредитный регистр НБРБ» – ключевой инструмент для формирования, хранения и анализа кредитных историй. С 1 октября 2021 г. в ней внедрена унифицированная скоринговая модель для физлиц, которая присваивает баллы (скорбалл от 0 до 400) на основе примерно 30 ключевых параметров кредитной истории (вероятность дефолта, своевременность платежей, количество обязательств). Процесс внедрения цифровых технологий в банках при оценке кредитоспособности клиентов сопряжен с значительными вызовами, включая технические, регуляторные, этические и операционные аспекты. По данным исследований, до 70 % банков сталкиваются с проблемами качества данных, что может увеличить риски на 15–20 % при неправильном внедрении. В России и Беларуси эти проблемы усугубляются строгим регулированием (ЦБ РФ, НБРБ) и геополитическими факторами, такими как санкции, влияющие на доступ к технологиям (таблица 1).

Таблица 1 – Проблемы внедрения цифровых инструментов при оценке кредитоспособности клиентов [2, 3]

Проблема	Описание	Последствия
Качество и доступность данных	Недостаток надежных, полных и актуальных данных для обучения моделей; проблемы с интеграцией альтернативных источников	Снижение точности моделей на 10–15 %, рост ложных отказов/одобрений; увеличение дефолтов до 5–7 %
Регуляторные требования и соответствие нормам	Строгие нормы (GDPR, 152-ФЗ в РФ, Закон № 99-3 в РБ) требуют объясняемого ИИ; несоответствие может привести к штрафам	Штрафы до миллионов рублей; репутационные потери; замедление цифровизации на 1–2 года
Предвзятость и дискриминация в моделях	Алгоритмы могут усиливать предвзятость (по полу, возрасту, региону), если данные искажены	Юридические иски; снижение доверия клиентов; регуляторные запреты на модели
Приватность и защита данных	Сбор альтернативных данных (цифровой след) рискует нарушением приватности; утечки данных в 2024 г. выросли на 20 % в финсекторе	Кибератаки на системы скоринга (как в 2023–2024 гг. в РФ); клиенты отказываются от услуг
Высокая стоимость и интеграция с устаревшими системами	Внедрение ML требует инвестиций (5–10 млрд руб. для крупного банка); старые системы несовместимы с новыми API. В РФ и РБ санкции ограничивают импорт технологий	Затраты превышают возврат инвестиций на 20–30 % в первые годы; задержки внедрения
Отсутствие квалифицированных специалистов	Недостаток data scientists и риск-менеджеров с ИИ-навыками	Задержки проектов, ошибки моделей
Соппротивление изменениям и этические аспекты	Недоверие и сопротивление автоматизации, этические споры	Снижение удовлетворённости, внутренние конфликты
Системные финансовые риски	Ошибки ИИ-моделей в нестабильных условиях	Волатильность портфеля, вмешательство регуляторов

Среднесрочная перспектива развития скоринговых систем в белорусских банках связана с усилением внимания к их прозрачности и технологической адаптивности. В ответ на растущие требования регуляторов к управлению рисками, ключевым направлением станет внедрение интерпретируемых и понятных моделей машинного обучения. Такие модели, часто называемые «объяснимым искусственным интеллектом» (Explainable AI, XAI), позволяют не только удовлетворить надзорные органы, но и дают самим банкам инструмент для глубокого аудита логики принятия решений. Это помогает выявлять и устранять скрытые смещения в данных, минимизировать системные ошибки и, в конечном итоге, повышать качество кредитного портфеля.

Параллельно будет происходить глубокая модернизация технологической инфраструктуры. Банки перейдут к широкому использованию гибридных архитектур, которые оптимально сочетают безопасность локальных систем для обработки конфиденциальной

клиентской информации с мощностью и гибкостью облачных платформ для работы с большими данными. Облачные сервисы обеспечат мгновенное масштабирование вычислительных мощностей для сложного анализа, включая обработку неструктурированных данных — например, транзакционной активности или цифрового следа клиента с его согласия. Критически важным станет развитие систем быстрой интеграции с внешними источниками: государственными реестрами, бюро кредитных историй (БКИ), платёжными сервисами и открытыми API банковского сектора.

Синергия этих двух направлений — прозрачных, этичных алгоритмов и высокопроизводительной, гибкой IT-платформы — заложит основу для нового уровня финансовой инклюзии. Банки смогут предлагать более персонализированные и адаптивные кредитные продукты, снижая порог входа для добросовестных заёмщиков с нестандартной, но позитивной кредитной историей. В результате это приведёт к оптимизации и ускорению всего кредитного процесса — от подачи заявки до выдачи средств, повысив как клиентский опыт, так и общую операционную эффективность и конкурентоспособность банковского сектора Республики Беларусь.

Литература

1. Avenga. AI for Credit Risk Management: [сайт]. — 2025. —:// [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.avenga.com/magazine/ai-for-credit-risk-management/> — Дата доступа: 07.10.2025.

2. «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления денежных средств в форме кредита и их возврата (погашения)»: Постановление правления Национального Банка Республики Беларусь от 26 декабря 2023 г. № 488 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=b22440952> — Дата доступа: 10.10.2025.

3. «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности (с изменениями и дополнениями)»: Положение Банка России от 28 июня 2017 г. №590-П // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/71721612/> — Дата доступа: 12.10.2025.

АКТУАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА

Субъекты хозяйствования должны уметь объективно оценивать эффективность проводимого интернет-маркетинга с целью принятия оперативных управленческих решений. Это обуславливается важностью для менеджмента организации понимать реальное воздействие маркетинговых действий на бизнес-показатели. При оценке эффективности проводимой маркетинговой деятельности следует комплексно применять количественные и качественные показатели.

Ключевые слова: интернет-маркетинг, эффективность, оценка, количественные показатели, качественные показатели, реклама, сбыт, клик, целевое действие, конверсия.

В современных условиях хозяйствования организациям необходимо постоянно держать «руку на пульсе», отслеживать деятельность конкурентов, применять эффективные методы бизнес-планирования для удержания конкурентных преимуществ бизнеса. Особую актуальность на сегодня приобретают инструменты интернет-маркетинга, которые дают возможности субъектам хозяйствования находиться в постоянном контакте с клиентами, собирать интересующую статистику, анализировать спрос, мгновенно реагировать на все изменения.

Со стороны потребителя интернет-маркетинг дает возможность оперативно узнавать всю необходимую информацию об интересующем товаре или услуге удаленно. При этом также удаленно может и приобрести желаемый товар.

Актуальность оценки эффективности интернет-маркетинга в организациях связана с необходимостью для менеджмента понимать реальное воздействие маркетинговых действий на бизнес-показатели и принимать соответствующие корректирующие действия в условиях быстро меняющегося рынка.

На наш взгляд, при оценке эффективности проводимой маркетинговой деятельности следует комплексно применять количественные и качественные показатели. Очевидно, что один показатель не может объективно отражать эффективность каких-либо проектов.

Наиболее часто используемым количественным показателем для оценки эффективности деятельности организации в целом и ее маркетинговой составляющей в частности является прибыль.

Вместе с тем, при анализе уровня эффективности маркетинга целесообразно использовать и качественные показатели, которые отражают субъективные характеристики и дополняют количественные метрики. Данные показатели показывают степень влияния на процессы сбыта внутренней и внешней среды, полноту применяемых методов маркетинговых исследований и т. д. [1, с. 5].

Анализ литературы в проблемном поле позволил выделить следующие основные качественные показатели эффективности маркетинговой деятельности организации: [1–3].

1. Стоимость клика (CPC) – цена, которую платит рекламодатель за один переход пользователя по определенному рекламному предложению (1):

$$CPC = \frac{\text{стоимость размещения рекламы}}{\text{количество кликов}}. \quad (1)$$

Стоимость клика зависит от конкуренции на том или ином рынке, качества страницы, сезонности и т. п.

Например: если на рекламу потрачено 5 000 руб., при этом произошло 200 кликов по объявлению, то средняя стоимость клика равна 25 рублям.

2. Кликабельность объявления (CTR) – показатель, отражающий долю пользователей, кликнувших рекламное предложение (2):

$$CTR = \frac{\text{количество кликов}}{\text{число показов}} \times 100. \quad (2)$$

Показатель позволяет определить степень интереса целевой аудитории к рекламному объявлению.

К примеру, объявление просмотрела 1 000 пользователей, при этом кликов произошло 200, т. е. 200 пользователей заинтересовалось данным рекламным объявлением. Тогда показатель кликабельности объявления составит 20 %.

Как показывает практика, чем выше показатель CTR, тем дешевле будет стоимость клика по данному объявлению. Данный факт обуславливает необходимость постоянной работы рекламодателя над повышением показателя кликабельности объявления.

3. Цена целевого действия (CPA) – метрика, показывающая, сколько платит рекламодатель за целевое действие пользователя (3):

$$CPA = \frac{\text{стоимость размещения рекламы}}{\text{число целевых действий}} \times 100. \quad (3)$$

Целевое действие – это конкретное действие, которое должен совершить пользователь (покупка товара или услуги, регистрация, подписка, просмотр конкретной страницы и т. д.)

Пример расчета: на рекламу потрачено 5 000 руб., 50 посетителей сайта совершили заданное целевое действие. Показатель CPA будет равен 100 рублям.

Мониторинг метрики CPA помогает рекламодателям оптимизировать маркетинговые расходы и достигать более выгодных результатов бизнеса при реализации мероприятий интернет-маркетинга.

4. Коэффициент конверсий – один из основных показателей эффективности интернет-маркетинга (4):

$$CPA = \frac{\text{количество обращений с сайта}}{\text{общее число посетителей сайта}} \times 100. \quad (4)$$

Под конверсией понимают какое-либо действие пользователя, совершенное им при посещении посадочной страницы. Показателями конверсии принято считать оформление заказа, заявку на обратную связь, звонок в колл-центр и т.п.

Допустим, если сайт посетило 2 000 человек, а последующих обращений произошло 250, то коэффициент конверсии равен 13 %.

Расчет коэффициента конверсии весьма важен для любого бизнеса, поскольку он показывает, насколько эффективно потенциальные клиенты превращаются в реальных. Данная метрика максимально полно показывает эффективность проводимого интернет-маркетинга и позволяет принимать оперативные управленческие решения по оптимизации расходов.

5. Стоимость лида (CPL) – это средняя цена, которую платит рекламодатель за привлечение одного потенциального клиента (5):

$$CPL = \frac{\text{стоимость размещения рекламы}}{\text{количество обращений}}. \quad (5)$$

Под «лидом» в интернет-маркетинге принято понимать пользователя, проявившего интерес к продукту (услуге) или оставившего свои контакты (e-mail, телефон) для дальнейшего взаимодействия.

К примеру: затраты на рекламу составили 1 000 рублей, при этом 25 потенциальных клиентов обратились в фирму за дальнейшей консультацией. Стоимость одного лида составит 40 рублей.

Расчет метрики CPL очень актуален для любого вида бизнеса, поскольку дает возможность оценить эффективность интернет-маркетинга, оптимизировать рекламный бюджет и повышать рентабельность.

Без анализа показателя CPL невозможно понять, какие рекламные каналы работают лучше, и как эффективно тратить деньги на привлечение новых клиентов.

Актуальность расчета показателя CPL обусловлена необходимостью для бизнеса оперативно реагировать на изменения, перераспределять рекламные бюджеты, снижать затраты на привлечение потенциальных клиентов.

6. Стоимость подтвержденного заказа (CPO) – ключевой показатель эффективности интернет-маркетинга, демонстрирующий, сколько тратит фирма на привлечение одного оплаченного заказа (6):

$$CPO = \frac{\text{стоимость размещения рекламы}}{\text{количество оплаченных заказов}}. \quad (6)$$

Показатель CPO позволяет рекламодателям оценивать эффективность различных рекламных каналов, сравнивая затраты на привлечение клиентов.

Например: расходы на рекламу в интернет составили 5 000 руб., в результате чего было привлечено 80 новых клиентов. Тогда стоимость нового оплаченного заказа составит 62,5 руб.

7. Коэффициент возврата маркетинговых инвестиций (ROMI) – качественный показатель эффективности интернет-маркетинга, показывающий, сколько денег приносит каждый вложенный в маркетинг рубль (7):

$$ROMI = \frac{\text{доход} - \text{стоимость размещения рекламы}}{\text{стоимость размещения рекламы}} \times 100. \quad (7)$$

Уровень показателя ROMI выше 100 % характеризует эффективность реализованной маркетинговой стратегии в интернет.

Пример расчета: затраты на рекламу в интернет составили 7 000 руб., после чего получено заказов на 18 000 руб. Коэффициент возврата маркетинговых инвестиций составит 157 %.

Значение показателя ROMI ниже 100 % свидетельствует о необходимости повышения результативности интернет маркетинга путем поиска более эффективных каналов.

8. Жизненная ценность клиента (LTV) – общая сумма дохода или прибыли, которую фирма планирует получить от одного клиента за время их взаимодействия (8):

$$LTV = \text{средний чек} \times \text{количество продаж в месяц} \times \text{жизненный цикл клиента (в месяцах)}. \quad (8)$$

Показатель LTV эксперты считают ключевым для прогнозирования будущих доходов, оценки эффективности интернет-маркетинга и выработки долгосрочной стратегии лояльности, которая предполагает смещение фокуса с привлечения новых клиентов на удержание существующих.

Например, средний чек у бизнеса 50 руб., клиент совершает покупки 3 раза в месяц и пользуется услугами фирмы в течение 12 месяцев. Тогда, жизненная ценность клиента (LTV) составит 1 800 рублей.

При построении стратегии бизнеса следует иметь в виду, что жизненный цикл клиентов будет различным (кто-то совершит разовую покупку, другой – станет постоянным покупателем). Это обстоятельство зависит прежде всего от уровня клиентоориентированности бизнеса.

Обобщая результаты выше проведенного исследования, отметим, что рассмотренные показатели оценки эффективности реализуемых мероприятий интернет-маркетинга важно анализировать на регулярной основе. Это позволит своевременно корректировать рекламные кампании в интернет с целью их оптимизации.

Литература

1. Орешников, А. Система маркетингового управления предприятием: оценка и совершенствование / А. Орешников // Маркетинг, реклама и сбыт. – 2024. – № 1(25). – С. 4–6.

2. Вебер, Л. Эффективный маркетинг в интернете: социальные сети, блоги, Twitter и другие инструменты продвижения в Сети / Л. Вебер; пер. с англ. Елены Лалаян. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 311 с.

3. Якубовская, Н. Определение критериев оценки эффективности маркетинга / Н. Якубовская // Маркетинг, реклама и сбыт. – 2024. – № 8(44). – С. 25–29.

У. А. Кришень

ukrishen@mail.ru

С. В. Рогозин

rogosinsv@gmail.com

БГУ, Республика Беларусь

МЕТОДЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДИНАМИКИ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Прогнозирование динамики финансовых активов, представленных длинными временными рядами, является ключевой задачей для аналитиков и инвесторов. В этой связи критически важен выбор корректного математического аппарата. Сравнительный анализ методов моделирования, выявление их сильных и слабых сторон позволяют определить наиболее эффективный подход и повысить точность прогнозов.

Ключевые слова: финансовые активы, длинные временные ряды, дробно – дифференциальное моделирование, теория копул.

Исследование финансовых рынков основано на анализе длинных временных рядов, отражающих различные параметры финансовых активов – цены, доходности, котировки и др. Наряду с известными классическими подходами, такими как фундаментальный и технический анализ, все более востребованными становятся эконометрические модели, позволяющие решать сложные аналитические задачи. В данной статье рассматриваются три метода анализа финансовых временных рядов: дробно – дифференциальное моделирование (ARFIMA), модели класса условной гетероскедастичности () и метод копул.

Выбор этих методов обусловлен их принципиально разными подходами к анализу динамики временных рядов. Далее более подробно будет рассмотрен каждый из методов, что позволит провести их сравнительный анализ, оценить сильные и слабые стороны, перспективы использования.

Целью глубокого анализа временного ряда является построение математической модели, способной прогнозировать поведение ряда в последующие периоды. Традиционно для этого используются факторные модели, учитывающие влияние внешних переменных. Однако их применение сталкивается со значительными трудностями, а именно – ключевые факторы часто ненаблюдаемы, их количество может быть чрезмерно велико, а их выборка – субъективна.

В связи с этим, анализ свойства персистентности (далее – долгосрочной зависимости или длинной памяти) временного ряда открывает альтернативный путь моделирования. Обладая значительной протяженностью, ряд позволяет прошлым наблюдениям «говорить самим за себя». Изучение, формализация при помощи дробного порядка дифференцирования и последующее использование внутренней структуры данных представляет собой эффективный прогнозный инструмент, получивший название «дробно-дифференциальное моделирование». Математический аппарат метода основан на классических эконометрических моделях авторегрессии (модели Бокса-Дженкинса). Однако, в отличие от классических моделей, оперирующих целыми порядками дифференцирования $d = 0$ или $d = 1$, в модели ARFIMA применяется оператор дробного дифференцирования и интегрирования, которые на практике применяются в диапазоне $(-0.5; 0.5)$ [1]. Он позволяет учесть зависимости и свойства, которые не могут быть описаны только целыми степенями дифференцирования или интегрирования. Классическая форма модели представляется согласно формуле 1:

$$AR(L)(1 - B)^d(x_t) = \delta + MA(L)\varepsilon_t. \quad (1)$$

В данной формуле оператор дробной интеграции $(1 - B)^d$ раскладывается в виде бинома Ньютона для дробного показателя степени, которое является математическим ядром оператора дробного дифференцирования Грюнвальда-Летникова (формула 2):

$$(1 - B)^d = \sum_{k=0}^{\infty} \binom{d}{k} (-B)^k = \sum_{k=0}^{\infty} \frac{\Gamma(d+1)}{\Gamma(k+1)\Gamma(d-k+1)} (-B)^k, \quad (2)$$

где d определяет скорость затухания автокорреляции в изучаемом временном ряду, т.е. характеризует силу долгосрочной зависимости между значениями ряда динамики, а также об устойчивости внутренней структуры ряда.

Помимо длинной памяти ряда, особо длинные финансовые ряды часто проявляют характерные черты условной гетероскедастичности. Это свидетельствует о значительных колебаниях дисперсии остатков, что влияет на изменение волатильности всего ряда. Для учета данного фактора, в эконометрическом анализе финансовых рядов используют модели условной гетероскедастичности с ARCH/GARCH-эффектами [2].

Модель, учитывающая GARCH – эффекты получила большее распространение, чем с ARCH, поскольку у последней есть значительные недостатки. Во-первых, различные по характеру шоки трактуются в ARCH- модели одинаково с точки зрения их влияния на волатильность, что значительно снижает качество дальнейшего прогноза. Во-вторых, модель с ARCH-эффектами требует учета множества параметров модели, что в дальнейшем может привести к эффекту «переобучения». Модель с GARCH-эффектами позволяет учесть лаги высокого порядка k и является более экономным способом оценки условной гетероскедастичности ряда. В обобщенном виде она представляется в следующем виде (формулы 3-4):

$$x_t = \varepsilon_t \sqrt{a_0 + \sum_{i=1}^p a_i x_{t-i}^2 + \sum_{i=1}^p \beta_i \delta_{t-i}^2}. \quad (3)$$

$$\begin{cases} a_0 > 0, a_i > 0, \beta_1 > 1 \\ \sum_{i=1}^p a_i + \sum_{i=1}^p \beta_i < 1 \end{cases}, \quad (4)$$

где $a_0 + \sum_{i=1}^p a_i x_{t-i}^2 + \sum_{i=1}^p \beta_i \delta_{t-i}^2$, – условная гетероскедастичность.

Первое условие в формуле 4 обеспечивает положительную дисперсию временного ряда, второе условие – уменьшающую дисперсию.

Модели с ARCH/GARCH- эффектами являются удобными инструментами эконометрического анализа. Модель с GARCH-эффектами, как расширение модели с ARCH-эффектами, позволяет создать корректный прогноз волатильности, на который может опираться экономист при принятии решений о риске и ожидаемой доходности.

Рассмотренные методы (ARFIMA и GARCH) позволяют оценить внутреннюю структуру ряда и спрогнозировать его дальнейшее изменение в краткосрочном периоде. Однако задача аналитика часто выходит за рамки изолированного прогноза единичного показателя. На практике критически важным является понимание того, как изменение одного актива повлияет на другой, т. е. каким образом произведется передача (трансмиссия) экстремальных шоков между разными финансовыми показателями посредством анализа зависимости распределения некоторых случайных величин. В данном случае, интерес представляет использование моделей, посвященных теории копул.

Теория копул разработана на базе теоремы Склера [3], которая утверждает о том, что любая совместная функция распределения H случайного вектора $X = (x_1, \dots, x_d)$ с непрерывными маргинальными (одномерными) распределениями F_1, \dots, F_d может быть единственным образом представлена в виде:

$$H(x_1, \dots, x_d) = C(F_1(x_1), \dots, F_d(x_d)), \quad (5)$$

где $C: [0,1]^d \rightarrow [0,1]$ – копула, описывающая структуру зависимости между компонентами вектора.

Следствием данной теории является то, что всякое многомерное распределение может быть декомпозировано на его маргинальные распределения и копулу, полностью характеризующую зависимость (свойство разделимости). При этом копула инвариантна относительно строго возрастающих преобразований случайных величин, что делает ее удобным инструментом для анализа зависимости, свободной от влияния маргинальных распределений (свойство инвариантности). Она также позволяет моделировать многомерные зависимости для случайных величин с разнородными маргинальными распределениями (свойство универсальности).

Основными семействами копул являются:

- 1) эллиптические копулы, которые довольно хорошо описывают симметричные зависимости (Гауссова копула, t-копула);
- 2) архимедовы копулы (копула Клейтона, копула Гамбела), которые оценивают нижнюю хвостовую и верхнюю хвостовую зависимость соответственно. К этому же классу относится копула Франка, которая хоть и схожа на Гауссову копулу, но в отличие от нее может описывать как положительные, так и отрицательные зависимости [4].

На практике для моделирования совместного распределения достаточно определить одномерные маргинальные распределения $F_d(x_d)$ для каждой компоненты вектора, а также выбрать и оценить параметры соответствующей копулы C , которая описывает все аспекты многомерной зависимости. Такой подход особенно важен в ситуации, когда одномерные распределения $F_d(x_d)$ принадлежат к разным классам или когда ключевым интересом исследования представляется «хвостовая» зависимость между показателями, не описываемая традиционными методами корреляции. Теорию копул активно используют в финансах и риск-менеджменте, например, в оценке риска портфеля (VAR, CVAR), ценообразовании кредитных деривативов, а также в страховании и в машинном обучении.

Рассмотренные методы решают различные, но зачастую взаимодополняющие задачи в анализе финансово временных рядов. Детальное сравнение данных методов для оценки их сильных и слабых сторон по ключевым параметрам представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ методов моделирования динамики финансовых временных рядов

Критерий	ARFIMA	ARCH/GARCH	Копулы
1	2	3	4
Основная цель	Моделирование динамики и прогноз с учетом долгосрочной памяти ряда	Моделирование динамики и прогноз с учетом волатильности ряда	Моделирование многомерной зависимости между рядами, свободной от маргинальных распределений

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
Ключевой параметр	Параметр дробного интегрирования d	Параметры a и b в уравнении условной гетероскедастичности	Параметры копулы, определяющие силу и форму зависимости
Тип анализируемой зависимости	Автокорреляция	Зависимость текущей волатильности от значений прошлых шоков/волатильности	Мультикорреляция, в т. ч. хвостовая
Требования к временным рядам	Длинные стационарные ряды	Ряды с кластеризацией волатильности	> 2 рядов с известными маргинальными распределениями
Главное преимущество	Улавливает медленно затухающие зависимости	Эффективно описывает реальное поведение волатильности	Позволяет моделировать сложные, нелинейные и асимметричные зависимости
Ограничения	Сложность оценки и подбора параметра d ,	Часто не учитывает асимметрию отклика на шоки	Сложность при выборе копулы, особенно в высокой размерности
Сфера применения	Прогнозирование трендов фондовых индексов	Оценка и прогноз рисков	Портфельный риск-менеджмент, диверсификация, анализ трансмиссия шоков

Проведенный сравнительный анализ показывает, что рассмотренные методы обладают как сильными, так и слабыми чертами, в виду ограниченности математического аппарата и текущих мощностей. Эти модели не являются взаимоисключающими, а напротив, обладают значительным синергетическим потенциалом. Дальнейшие исследования в этой области видятся в углубленном изучении свойств текущих моделей, разработки и апробации гибридных версий, а также сравнительной оценкой их эффективности на различных классах финансовых активов.

Литература

1. Granger, C.W.J. An Introduction To Long-Memory Time Series Models And Fractional Differencing / C.W.J. Granger, R. Joyeux. – Journal of Time Series Analysis, 1980. – 15 с.
2. Bollerslev, T. Generalized Autoregressive Conditional Heteroskedasticity / T. Bollerslev // Journal of Econometrics. – 1986. – № 31. – С. 307–327.
3. Sklar, A. Fonctions de Répartition à n Dimensions et Leurs Marges / A. Sklar // Publications de l'Institut Statistique de l'Université de Paris. – 1959. – № 8. – С. 229–231;
4. Благовещенский, Ю. Н. Основные элементы теории копул / Ю. Н. Благовещенский // Прикладная эконометрика. – 2012. – Т. 2, № 26. – С. 113–130.

Е. А. Напольских

verlen-1@rambler.ru

А. И. Чигрина

n_chigrina@mail.ru

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

РОЛЬ МЕДИЙНЫХ РЕКЛАМНЫХ КАМПАНИЙ В ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГЕ

В статье исследуется медийная реклама и её теоретические аспекты. Проводится исследование медийной рекламы и её трансформация в ключевой инструмент интернет-маркетинга. В работе рассматриваются основные тенденции развития медийных кампаний и определена их роль как инструмента интернет-маркетинга. По результатам исследования выявлены перспективные направления для будущих исследований.

Ключевые слова: медийная реклама, интернет-маркетинг, цифровизация, онлайн-торговля, цифровая трансформация

Прогрессивный рост цифровизации рекламы и её преобладание над традиционными форматами, перемещения потребительского поведения с сферу онлайн-торговли обусловили трансформацию медийной рекламы от простых форматов к сложным интеллектуально-интерактивным системам с элементами аналитики. Цифровая трансформация маркетинга способствует тому, что медийные кампании становятся стратегическим драйвером повышения узнаваемости бренда.

Актуальность темы вызвана необходимостью осмысления и анализа данной трансформации и выявления актуальных тенденций с целью оценки и понимания эффективности медийной рекламы в современных условиях цифровизации.

Цель статьи-исследовать и проанализировать роль медийной рекламы в контексте интернет-маркетинга, установить основные этапы её развития и современные форматы.

Задачи данного исследования включают:

- определить теоретические аспекты и исторический контекст медийной рекламы;
- установить основные факторы трансформации медийной рекламы;
- изучить актуальные и современные виды и тренды медийных кампаний;
- установить роль медийных рекламных кампаний;
- определить современные тенденции и пути развития;
- оценить перспективы и направления дальнейших исследований.

Объект исследования- система инструментов интернет-маркетинга, в которую входит медийная реклама. Предметом исследования является медийная реклама как главный инструмент интернет-маркетинга.

Обзор литературы и существующих исследований показал, что зарождение медийных кампаний приходится на 1990-е годы, когда появляется Интернет. Первоначально она имела информационный посыл и со временем обретала сложную и целевую сущность.

При проведении исследования применялись эмпирические и теоретические методы, а именно наблюдение, описание, обобщение, анализ, что обусловлено их применимостью к поставленным в исследовании задачам.

В своём развитии медийная реклама прошла различные периоды развития: от обычных баннеров до таргетированной видео-рекламы, интеллектуальных интерактивных форматов с персонализацией и вовлечением. Зарождение пришлось на 1990-е годы, когда использовались статичные баннеры и текстовые объявления, с ориентиром на массовость

и низкий уровень развития таргетингов. Далее в 2000-е годы наблюдается развитие таргетинга и появляются видеобаннеры, характерен рост веб-аналитики и интерактивности. В период после 2010 года активно применяется видеореклама и внедряется машинное обучение. 2020-е годы ознаменовались интеграцией с социальными сетями, внедрением виртуальной и дополненной реальности. Данные явления стоит интерпретировать с точки зрения динамики развития и применения цифровых технологий.

Среди факторов, повлиявших на развитие эволюции медийной рекламы, стоит выделить существенное преимущество мобильного трафика у пользователей в связи с распространением смартфонов, развитие технологий, изменение в потребительском поведении.

В современных исследованиях отмечается, что основным преимуществом медийных кампаний выступает возможность применения различных таргетингов и осуществления аналитики.

Быстротечное развитие и распространение искусственного интеллекта и машинного обучения, мобильного интернета и ожидание персонализированного предложения у пользователей, а также появление новых форматов интерактивной рекламы способствует усилению влияния медийных рекламных кампаний.

Медийная реклама – единственный способ сформировать большие охваты аудитории в онлайн пространстве [1, с. 67]. Механизм влияния медийных кампаний основан на многократном показе креативов с визуальным контентом и элементами бренда, что приводит к активации имплицитной памяти пользователей. Согласно исследованиям, после 7–10 касаний с рекламой узнаваемость у целевой аудитории увеличивается, однако, чем дороже продукт, тем больше касаний понадобится.

Актуальной тенденцией при проведении медийных кампаний выступает применение искусственного интеллекта и машинного обучения, использующих поведенческие пристрастия и сигналы пользователей для визуального встраивания в релевантные и смысловые поля путём показа баннеров на различных площадках. Усилению глубины ассоциаций способствует интеграция с событиями в контексте сезонных и культурных привязок. Например, показ летних коллекций на Яндекс.погода в июне формирует ассоциативный ряд: тепло-обновить гардероб.

Медийная реклама рассчитана на охват аудитории, включающей целевые группы, ее задача показаться максимальному количеству «нужных» людей [2, с. 103]. Медийные кампании основаны на баннерной рекламе, размещаемой на определённых сайтах-партнёрах Google или Яндекс, подразумевающая показ рекламных объявлений и креативов на основании интересов пользователей.

В цифровом пространстве и интернет-маркетинге баннер представляет собой рекламное текстово-графическое объявление, размещённое на различных площадках и сайтах. Баннеры разделяют по следующим признакам: по формату, типу, месту размещения. В свою очередь баннеры бывают статические (рисунок 1), динамические и интерактивные, видео- и нативные баннеры. Видеобаннеры выступают средством формирования аффективной взаимосвязи посредством цветовых паттернов и сюжетных архетипов, увеличивая социальное одобрение и позитивные ассоциации с брендом.

Для проведения медийных рекламных кампаний характерна функция таргетирования и ретаргетинга, которые позволяют провести сегментацию целевой аудитории по различным признакам с целью создания релевантного рекламного объявления.

К проблемам, существующим в области проведения медийных кампаний, стоит отнести:

- технологические вызовы и технические особенности платформ;
- отсутствие ключевых целей в проводимых медийных кампаниях;
- баннерная слепота;
- блокировщики рекламы на сайтах;
- игнорирование показов и их частоты на одного онлайн-пользователя;
- отсутствие адаптированной мобильной версии сайта.

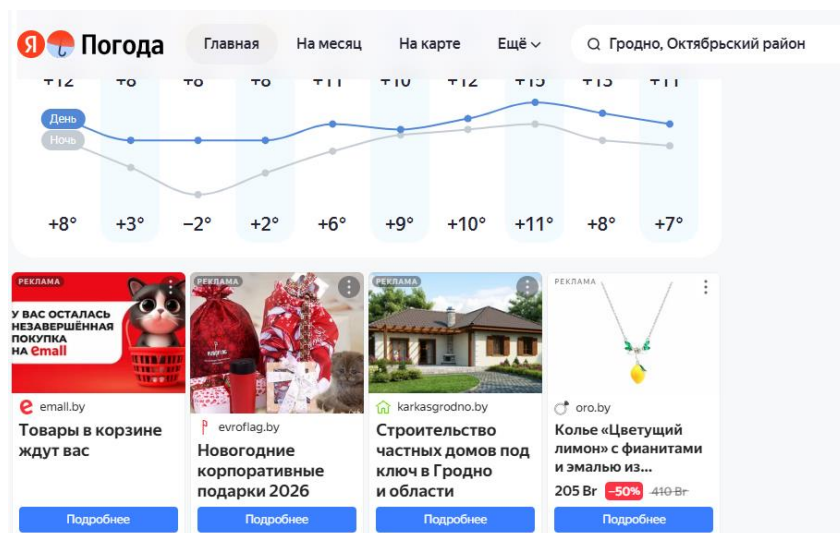


Рисунок 1 – Пример баннера медийных кампаний в Яндекс
Источник: на основании данных [3]

Важными факторами для эффективного проведения медийной кампании выступает ежедневный мониторинг и промежуточный анализ показов, проведение тестирования креативов и гипотез. Особое значение имеет интеграция медийных кампаний в маркетинговую стратегию бренда и комбинация с контекстно рекламой для максимизации эффекта.

Проведение медийных рекламных кампаний предоставляет повышение узнаваемости конкретного бренда или организации благодаря многократным показам баннерных объявлений для пользователей информационно-медийной сети Интернет. Однако, ошибочно ожидать мгновенного результата и быстрого роста продаж. В связи с отсутствием сквозной аналитики между платформами наблюдается сложность при отслеживании пути клиента и количества касаний до покупки.

Медийные рекламные кампании целесообразно проводить в комплексе с перформанс-каналами для подготовки целевой аудитории и её осведомлённости о продукте или услуге. Но в случае, если на рынок выводится новый продукт, то сперва необходимо провести процесс информирования протяжённостью 2–3 месяца и потом интегрировать медийные кампании со стратегиями продаж.

Медийные кампании предоставляют возможность проведения мониторинга за реакцией пользователей на баннеры и креативы, а также проведение А/Б маркетингового тестирования для осуществления сравнительного анализа эффективности креативов и отклика на них у целевой аудитории. Однако, преимущества от проведения медийных кампаний преобладают над рисками.

Медийная реклама способствует:

- увеличению продаж;
- росту трафика и посещаемости веб-сайтов;
- продвижению новых товаров или услуг;
- повышению узнаваемости компании и бренда;
- максимально-эффективному продвижению бренда;
- формированию долгосрочных отношений с клиентами;
- прогреву целевой аудитории и привлечению клиентов на начальных этапах маркетинговой воронки.

Среди положительных аспектов влияния на потребителя стоит выделить релевантный и персонализированный контент на основе их интересов, информированность и сокращение принятия решения, повышение эмоциональной вовлечённости и лояльности клиентов к бренду благодаря мини-сюжетным роликам.

Несмотря на положительные, есть и негативные факторы, которые выражаются в когнитивной перегрузке пользователей, баннерной слепоте, понижении доверия к достоверности рекламы у потребителей, опасения по поводу соблюдения конфиденциальности при сборе рекламных таргетингов.

Основными метриками медийных рекламных кампаний выступают показы, охваты, частота показов, среднее количество показов на одного пользователя.

Среди актуальных тенденций медийных рекламных кампаний стоит выделить следующие моменты:

- рост онлайн-площадок и платформ, которые предоставляют возможность для проведения медийной рекламы;
- увеличение доли ритейл-медиа;
- использование смешанного подхода проведения медийных кампаний в сочетании с перформанс-стратегиями;
- активное применение искусственного интеллекта в интернет-маркетинге.

Ключевые тренды цифровой среды требуют при проведении рекламных кампаний гибкости и готовности к инновационному внедрению для повышения эффективности инструментов интернет-маркетинга.

Таким образом, медийная реклама – это уникальный инструмент для продвижения бренда в цифровой среде, использование которого подходит для достижения разнообразных задач. Роль медийных рекламных кампаний в интернет-маркетинге имеет стратегическое значение, выполняя тактические задачи по информированию целевой аудитории, повышению её вовлечённости и осведомлённости о бренде.

Основные перспективные направления для будущих исследований сосредоточены по следующим аспектам:

- исследование влияния виртуальной и дополненной реальности на вовлечённость пользователей в медийной рекламной кампании;
- изучение применения искусственного интеллекта для персонализации предложений с целью устранения навязчивости рекламы;
- исследование трендов по увеличению доли видеоформатов, влияния новых технологий на медийную рекламу.

Литература

1. Гуца, Ю. В. Медийная реклама / Ю. В. Гуца // 75-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : Материалы конференции. В 3-х частях, Минск, 14–23 мая 2018 года / Редколлегия: В.Г. Сафонов [и др.]. Том Часть 2. – Минск: Белорусский государственный университет, 2018. – С. 67–71. – EDN PPXMLX.

2. Вирин, Ф. Интернет-маркетинг: полный сборник практических инструментов / Фёдор Вирин. – 2-е изд. – М.: Эксмо, 2012. – 288 с. – (Интернет: технологии получения прибыли).

3. Яндекс.Погода [Электронный ресурс]: Сайт. – URL: <https://yandex.by/pogoda/ru/grodno?lat=53.672257&lon=23.818856> (дата обращения: 17.10.2025).

Н. В. Носко

А. С. Фисюк

xana1998@mail.ru

БрГТУ, Республика Беларусь

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Современные информационные технологии значительно трансформируют строительную отрасль, улучшая процессы планирования, проектирования и управления. Использование различных инструментов повышает эффективность, безопасность и качество строительства. Внедрение этих технологий позволяет сократить затраты и сроки реализации проектов, а также улучшить мониторинг и контроль за строительными процессами.

Ключевые слова: информационные технологии, строительство, процесс, система, модель, проект.

Современные информационные технологии влияют на различные отрасли экономики. Одной из этих отраслей является строительство. Информационные технологии в строительстве сделали рабочий процесс намного удобнее, например, различное программное обеспечение ускоряет бизнес-процессы.

Информационные технологии (ИТ) – совокупность методов, процессов и инструментов для сбора, хранения, обработки, передачи и защиты информации. Информационные технологии охватывают все ресурсы, необходимые для управления информацией, особенно компьютеры, программное обеспечение и сети [1].

Строительство – процесс создания (возведения) зданий, сооружений и инфраструктурных объектов, включающий все этапы от проектирования до ввода в эксплуатацию.

Строительство – одна из ключевых отраслей экономики.

В строительной отрасли много ручного труда и бумажной волокиты. Но на данном этапе развития компьютерные технологии являются неотъемлемой частью строительной отрасли, полностью меняя рынок труда. Специалисты, обладающие знаниями в области ИТ, ценятся больше, чем кадры без навыков. Однако учебные программы не успевают обновлять в быстро меняющейся отрасли.

Однако важными аспектами, негативно влияющими на конкурентоспособность отрасли, могут выступать низкая эффективность, неэффективное планирование проектов, несвоевременная доставка материалов и другое [2, с. 79].

Информационные технологии в строительстве предоставляют различные инструменты для планирования, проектирования, создания и последующего мониторинга проектов. Благодаря ИТ создаются более безопасные и эффективные проекты, сокращается время на разработку и стоимость, повышается качество зданий.

Ключевой аспект внедрения ИТ в строительство – использование строительной информационной модели (Building Information Model – BIM). Главной функцией BIM является прогнозирование и повышение безопасности.

BIM – это цифровая модель здания, содержащая характеристики всех его элементов. В данной модели есть возможность посмотреть цены, материалы, графики производственных работ.

В статье «Внедрение BIM-технологий – инновационное направление в сфере строительства Республики Беларусь» авторов Н. В. Носко и Т. В. Дашкевич подчеркивается важность развития компьютерных программ и их совершенствование, так как без этого у BIM-технологий не будет будущего [3, с. 62].

Данная система решает такие вопросы как:

- контроль расходов;
- доступность отчетов по закупкам и использованию материалов в реальном времени;
- быстрое построение графиков производственных работ;
- мгновенные сведения о сроках готовности различных элементов здания;
- упрощает контроль за процессом строительства.

При внесении изменений хотя бы в один параметр, программа пересчитывает все остальные – это является главной характеристикой данной технологии.

Также происходит развитие интеграции BIM с другими инструментами: 3D-печатью, аналитикой данных, машинным обучением, технологиями дополненной реальности, компьютерным зрением, системами управления зданием и так далее.

3D моделирование – процесс создания трехмерной цифровой модели зданий и сооружений. 3D технологии существенно улучшают процессы проектирования и строительства.

Строительный принтер самостоятельно замешивает смесь из заданных компонентов постепенно создают нужные конструкции. Современные принтеры устанавливают непосредственно на строительных площадках [3].

Преимущества:

- быстрый процесс возведения зданий;
- бетонный раствор замешивается на месте;
- не требует перерыва, что позволяет использовать принтер все 24 часа;
- технология 3D-печати полностью автоматизирована;
- принтер может выполнить закругление стен или различные сложные геометрические задачи.

5D моделирование – расширение 3D моделирования, включающее временные и финансовые параметры. Данное моделирование включает в себя информацию о положении элементов объекта в пространстве (3D) и времени (4D), а также стоимость затрат на строительство. 5D целесообразно использовать при проектировании или реконструкции сложных объектов.

Преимущества:

- возможность отслеживания затрат и сроков в реальном времени;
- эффективное распределение ресурсов и планирование работ;
- более точное прогнозирование затрат.

5D позволяет быстрее составить смету, что повышает скорость других процессов, связанных со сметными расчетами, а это, в свою очередь, повышает качество управленческих решений. 5D-технология позволяет импортировать информацию из системы автоматизированного проектирования (САПР) в определенную сметную программу.

Искусственный интеллект (ИИ) в строительстве представляет собой применение технологий ИИ для оптимизации процессов проектирования, строительства и управления объектами.

Важным фактором в управлении строительством является обеспечение выработки качественных решений. Для этого в управлении создаются и применяются автоматизированные информационные системы (АИС). Новым этапом в развитии АИС является широкое использование достижений искусственного интеллекта, в первую очередь экспертных систем (ЭС), на которые опираются базы знаний АИС и систем поддержки решений. Подробное описание применения данных систем изложено в статье «Применение экспертных систем на основе баз знаний при выборе эффективных интегрированных структур управления строительством в регионе» автора Н. В. Носко [5]

Машинное обучение – одна из областей ИИ, заключающаяся в сборе и анализе данных, на основе которых машина делает вывод и выполняет задачу.

ИИ может выполнять следующие задачи:

- анализ текущего состояния строительства объекта;
- формирование отчетов;

- выявление причин простоев;
- нахождение вариантов сокращения затрат;
- прогнозирование сроков и стоимости строительства;
- генерация вариантов планировки здания с учетом различных факторов;
- анализ рутинных процессов учета;
- рассылка уведомлений;
- согласование договоров;
- постановка задач;
- прогнозирование потребности в ресурсах во избежание дефицита или избытка;
- анализ различных рисков;
- подбор строительных элементов по заданным категориям;
- осуществление контроля.

Искусственный интеллект довольно часто интегрируется в умного дома, компьютерного зрения, дроны, системы видеонаблюдения и другое оборудование. А также решения для проектирования, учета, CRM и BI.

Передовым направлением развития искусственного интеллекта является его интеграция с Интернетом вещей (IoT) и дополненной реальностью (AR).

Интернетом вещей (IoT) представляет собой сеть взаимосвязанных устройств и сенсоров, которые обмениваются данными через интернет. В строительстве IoT способствует повышению эффективности, безопасности и открывает новые возможности для управления объектом.

Преимущества:

- автоматизация процессов и улучшение мониторинга впоследствии позволяет снизить время выполнения задач и затраты;
- своевременное выявления опасности снижает риск возникновения аварий и травм;
- с помощью более точного контроля за условиями строительства повышается качество работ.

Использование IoT решает следующие задачи:

- контроль количества персонала;
- мониторинг климатических условий;
- учет электричества, воды, газа, тепла с помощью умных счетчиков;
- контроль доступа к строительной площадке;
- мониторинг эксплуатации оборудования;
- контроль движения транспорта;
- автоматизированный весовой контроль для самосвалов;
- мониторинг состояния бетона.

Например, контроль за окружающей средой на строительной площадке можно осуществлять, установив датчики, которые немедленно оповестят рабочих о превышении нормы вредных веществ и о необходимости эвакуироваться [4].

Дополненная реальность (AR) – технология, которая накладывает цифровые элементы на реальный мир, что дает возможность пользователям взаимодействовать с виртуальными объектами в реальном времени.

Виртуальная реальность (VR) – технология, создающая полностью иммерсивную цифровую среду, позволяющую пользователю взаимодействовать с виртуальными объектами и пространствами.

VR и AR преимущественно используются в визуализации дизайна и обучении. Они дают возможность оценить 3D-модели визуально до начала строительства. AR позволяет смоделировать различные ситуации такие, как пожар, процесс эвакуации, передвижения людей и так далее.

Обучение сотрудников с применением VR-технологий позволяет снизить травматичность за счет моделирования различных опасных ситуаций. Эти ситуации создаются на примере реальных кейсов и вероятных происшествий. С помощью этого сотрудник получает необходимый опыт.

AR-технологии также можно использовать при обучении, например, новичок может видеть инструкцию или правила техники безопасности при работе с помощью очков виртуальной реальности, что поможет быстрее ориентироваться.

Носимые технологии – это электронные устройства, которые могут собирать и передавать информацию в реальном времени. Эти устройства связаны с безопасностью рабочих. Умные часы, шлемы, жилеты и другие устройства с различными датчиками, GPS-трекером и тревожной кнопкой, способные осуществлять мониторинг за самочувствием, местонахождением и передавать эту информацию в случае ЧС.

Внедрение данной технологии открывает новые возможности для оптимизации процессов и улучшения рабочей среды на строительных площадках.

Дроны и беспилотные летательные аппараты (БПЛА) становятся все более распространенными в строительстве. Они осуществляют мониторинг и инспекцию строительных процессов с помощью фото- и видеофиксации, а также имеют возможность формировать точные топографические карты.

Полученные данные можно использовать для:

- создания трехмерных моделей;
- осуществления замеров;
- выявления нарушений техники безопасности и землепользования;
- сопоставление реальности с BIM-моделью с помощью 3D-сканирования;
- исследование труднодоступных мест;
- наблюдение за строительным процессом;
- демонстрация построенного объекта в различных ракурсах для целей маркетинга;
- контроль действий рабочих.

Роботы в строительстве можно использовать для выполнения тяжелых и опасных работ, также для работ на высоте или для выполнения других опасных работ, где люди подвергаются риску. Благодаря роботам можно повысить скорость и точность выполнения работ, а также решить такую проблему, как нехватка рабочей силы. Роботизированный труд подходит для задач, не требующий определенной квалификации. Также преимуществом является способность работать без перерыва, то есть все 24 часа, и существенное повышение безопасности [1].

Блокчейн – технология, которая представляет собой определенную цифровую книгу записей, где данные хранятся в виде последовательных блоков, связанных между собой.

Технологии блокчейн в строительстве являются основой для смарт-контрактов – схем финансирования и бизнес процессов, публикуемых онлайн. Эти контракты описывают логику финансовых операций и функционируют автономно. Как только подрядчик завершает определенный этап работы и заказчик подписывает акты, смарт-контракт автоматически осуществляет платеж.

Преимущества:

- снижение количества посредников;
- устранение мошенничества;
- все транзакции фиксируются в неизменном реестре обеспечивая прозрачность;
- быстрая и автоматизированная обработка платежей;
- снижение затрат;
- упрощение документооборота;
- возможность отслеживания стадий проекта.

Информационные технологии все больше входят в нашу жизнь, а строительство не является исключением. Внедрение информационных технологий дает различные преимущества и способствует изменениям в строительной отрасли. К таким преимуществам

можно отнести: увеличение производительности труда, повышение безопасности работ, увеличение качества, сокращение сроков и затрат на проекты, увеличение эффективности использования ресурсов.

Однако успешное внедрение информационных технологий требует тщательного анализа и учета различных факторов. Также важным является обучение персонала, интеграция существующих объектов и систем, обеспечение информационной безопасности.

Литература

1. Информационные технологии в строительстве. Как ИТ меняют отрасль. URL: <https://www.lcbt.ru/> (дата обращения: 22.10.2025).

2. Зданевич, П. С. Влияние цифровизации современных экономических систем на развитие и конкурентоспособность строительной отрасли Республики Беларусь = The Impact of Digitalization of Modern Economic System on the Development and Competitiveness of the Construction Industry of the Republic of Belarus / П. С. Зданевич, Н. В. Носко // Актуальные проблемы современных экономических систем – 2023 : сборник научных трудов // Министерство образования Республики Беларусь, Брестский государственный технический университет ; редакол.: А. Г. Проровский [и др.]. – Брест : БрГТУ, 2023. – С. 78–82. – Библиогр.: с. 82 (5 назв.). URL: <https://rep.bstu.by/handle/data/40765> (дата доступа: 23.10.2025).

3. Носко, Н. В. Внедрение BIM-технологий – инновационное направление в сфере строительства Республики Беларусь / Н. В. Носко, Т. В. Дашкевич // Инновации: от теории к практике : VI Международная научно-практическая конференция, Брест, 5–7 октября 2017 г. : сборник научных статей / Министерство образования Республики Беларусь, Брестский государственный технический университет, Брестский областной исполнительный комитет, Кафедра экономической теории и логистики, Брестский научно-технологический парк ; редкол.: П. С. Пойта [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2017. – С. 62–65. – Библиогр.: с. 65 (7 назв.). URL: <https://rep.bstu.by/handle/data/8185> (дата доступа: 23.10.2025).

4. 8 цифровых технологий в строительстве, которые станут актуальными в ближайшие три года. URL: <https://digital-build.ru/> (дата обращения: 22.10.2025).

5. Носко, Н. В. Применение экспертных систем на основе баз знаний при выборе эффективных интегрированных структур управления строительством в регионе / Н. В. Носко // Новая экономика. – 2021. – Спецвыпуск № 3 (2021). – С. 42–53. – Библиогр.: с. 52–53 (7 назв.). URL: <https://rep.bstu.by/handle/data/45936> (дата доступа: 23.10.2025).

М. Х. Нурлыева

maralnurlyyewa.95@gmail.com

Государственный энергетический институт Туркменистана, Республика Туркменистан

РЕГУЛИРОВАНИЕ И КОМПЛАЕНС: ВЛИЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ДАННЫХ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАНИЙ

В статье исследуется экономическое и операционное влияние современных законодательных актов в области защиты персональных данных на деятельность коммерческих организаций. Анализируются ключевые требования к комплаенсу, связанные с внедрением систем информационной безопасности и управлением рисками. Особое внимание уделяется оценке финансовых и репутационных издержек, возникающих при несоблюдении регуляторных норм, и обосновывается трансформация восприятия комплаенса от затратной статьи к стратегической инвестиции, необходимой для доступа к глобальным рынкам и сохранения доверия потребителей.

Ключевые слова: информационная безопасность, защита данных, комплаенс, GDPR, экономические издержки; цифровизация.

В условиях стремительной цифровизации мировой экономики персональные данные становятся одним из наиболее ценных активов, а их защита – критически важным элементом устойчивости и конкурентоспособности бизнеса. Законодательство о защите данных обязывает компании пересмотреть свои бизнес-процессы, ИТ-инфраструктуру и внутреннюю культуру. Оно касается практически всех аспектов бизнеса, работающего с персональными данными (ПДн) клиентов, сотрудников и партнеров. Усиление государственного регулирования в этой сфере, выразившееся в принятии таких законов, как Общий регламент по защите данных (GDPR) в ЕС, а также аналогичных национальных актов, кардинально изменило операционные стандарты для компаний во всем мире [1].

Целью данного исследования является анализ многоаспектного влияния законодательства в области защиты данных на экономическую деятельность субъектов хозяйствования, с акцентом на финансовые издержки, операционные изменения и стратегические преимущества, получаемые от высокого уровня комплаенса.

Экономические издержки комплаенса

Соблюдение требований законодательства о защите данных неизбежно сопряжено с существенными экономическими издержками, которые можно разделить на три основные группы:

1. Прямые инвестиции в ИТ-инфраструктуру: К ним относятся затраты на внедрение современных систем шифрования, инструментов анонимизации, систем обнаружения вторжений (IDS/IPS) и построение защищенных хранилищ данных.

2. Операционные и кадровые расходы: Это расходы на найм и обучение специализированного персонала (например, сотрудников по защите данных – DPO), проведение регулярных аудитов и оценок воздействия на защиту данных (DPIA), а также разработку внутренней документации и политик.

3. Потенциальные издержки несоблюдения (штрафы и ущерб):

Наиболее значимым риском являются регуляторные штрафы. Например, GDPR предусматривает штрафы в размере до 4 % от годового мирового оборота компании или 20 млн евро, в зависимости от того, какая сумма больше. Помимо штрафов, к непрямым издержкам относятся судебные иски от пострадавших субъектов данных, а также масштабный репутационный ущерб, который ведет к потере доверия клиентов и снижению рыночной капитализации [2, с. 115].

В краткосрочной перспективе эти расходы могут создавать барьеры для входа на рынок для малых и средних предприятий (МСП). Однако игнорирование комплаенса, как показывает практика, всегда обходится дороже. Таким образом, комплаенс превращается из разового расхода в постоянную статью операционного бюджета, необходимую для поддержания законной деятельности. Утечка данных или несоблюдение приватности приводят к потере доверия клиентов и партнеров, что может нанести непоправимый вред репутации бренда.

Операционные и стратегические изменения

Законодательство требует от компаний не просто технической защиты, но и принципиального пересмотра подходов к управлению данными. Основные операционные изменения включают:

1. Принципы обработки данных: Компании должны соблюдать строгие принципы: законность, справедливость, прозрачность, ограничение цели, минимизация данных, точность, ограничение хранения и целостность/конфиденциальность (например, 7 принципов GDPR).

2. Принцип “Privacy by Design”: Защита данных должна быть интегрирована в бизнес-процессы и ИТ-системы на стадии их проектирования, а не добавляться постфактум. Это требует тесного сотрудничества между ИТ-отделами, юридическими службами и менеджментом.

3. Privacy by Default (Конфиденциальность по умолчанию): По умолчанию настройки системы должны обеспечивать максимально возможный уровень защиты данных, т.е. собирать и обрабатывать только строго необходимый минимум ПДн для достижения конкретной цели. Пользователь должен активно согласиться на менее защищенный режим (например, на использование необязательных cookie).

4. Усиление прозрачности: Компании обязаны предоставлять субъектам данных подробную информацию о целях, способах обработки и сроках хранения их данных. Это повышает доверие, но усложняет маркетинг и аналитику.

5. Управление трансграничной передачей данных: Для компаний, работающих на международном уровне, критически важным становится соблюдение правил передачи данных через границы, часто требующее заключения специальных типовых договорных положений (SCC) или получения сертификатов.

6. Безопасность данных: Требуется внедрение адекватных технических и организационных мер защиты: шифрование, системы мониторинга, контроль доступа, регулярные аудиты и тесты на проникновение.

7. Реестр процессов: Компании должны документировать, какие ПДн они обрабатывают, для каких целей, как долго хранят и кому передают.

На стратегическом уровне высокий уровень комплаенса становится конкурентным преимуществом. Для потребителей, особенно в развитых странах, фактор безопасности данных часто является решающим при выборе поставщика услуг. Демонстрация ответственного отношения к данным может открыть доступ к сотрудничеству с крупными международными партнерами, для которых комплаенс их контрагентов является обязательным условием [3].

Принцип подотчетности (Accountability)

Этот принцип требует от компании не просто соблюдать требования закона, а быть способной доказать и продемонстрировать свое соответствие в любой момент.

1. Влияние на деятельность: Компания обязана вести детальную внутреннюю документацию.

2. Реестр операций по обработке ПДн (Record of Processing Activities, RoPA).

3. Протоколы обучения персонала.

4. Результаты аудитов и оценки рисков (DPIA).

5. Журналы согласий и запросов субъектов данных.

Разграничение ролей: Оператор и Обработчик

Влияние на деятельность: DPIA интегрирует юридические и технические команды, требуя от них совместной работы для выявления, оценки и минимизации рисков до запуска проекта.

Разграничение ролей: Оператор и Обработчик

Законодательство (особенно GDPR) четко разделяет ответственность:

1. Оператор (Controller): Определяет цели и средства обработки ПДн (т. е. решает зачем и как). Несет основную ответственность.

2. Обработчик (Processor): Обрабатывает ПДн от имени и по инструкции Оператора (например, облачный провайдер, хостинг, сервис рассылок).

3. Влияние на договоры: Все отношения между Оператором и Обработчиком должны быть закреплены в специальном Соглашении об обработке данных (Data Processing Agreement, DPA), где строго прописываются инструкции, меры безопасности и аудит.

Влияние на инновационную деятельность

Ряд исследователей высказывает опасения, что жесткое регулирование может замедлить темпы инноваций, особенно в области искусственного интеллекта (ИИ) и Big Data, поскольку эти технологии требуют доступа к большим массивам персональных данных для обучения [4]. Действительно, ограничения на анонимизацию и псевдонимизацию данных усложняют исследовательскую работу.

Однако, с другой стороны, законодательство стимулирует развитие инноваций в самой области информационной безопасности. Возникает высокий спрос на технологии, которые могут обеспечить анализ данных без их дешифрования (например, гомоморфное шифрование), а также на специализированные инструменты для автоматизации аудита и управления согласиями. Таким образом, регуляторные требования смещают вектор инноваций от количественного сбора данных к качественным, защищенным методам их обработки [5, с. 78].

Заключение

Современное законодательство в области защиты данных оказывает глубокое и многогранное влияние на экономическую деятельность. Хотя первичным следствием являются значительные финансовые и операционные издержки, в долгосрочной перспективе они трансформируются в стратегическую необходимость. Компании, которые интегрируют комплаенс в свою корпоративную культуру и бизнес-модель, обеспечивают себе не только защиту от крупных штрафов, но и получают конкурентное преимущество, укрепляя доверие на глобальных рынках. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на разработке универсальных, экономически эффективных моделей комплаенса, адаптированных для МСП.

Литература

1. Лихачева, Н. В. Защита персональных данных в условиях цифровой экономики: правовые аспекты / Н. В. Лихачева // Экономика. Право. Инновации. – 2023. – № 1(24). – С. 45–51.
2. Смирнов, А. В. Комплаенс-риски и их влияние на финансовую устойчивость компаний / А. В. Смирнов // Финансовый вестник. – 2022. – № 3. – С. 112–120.
3. Peterson, M. Data Governance and Corporate Reputation in the Digital Era / M. Peterson // Journal of Business Ethics. – 2024. – Vol. 185, N 4. – P. 601–618.
4. Гринкевич, В. В. Информационная безопасность как фактор устойчивого развития предприятия / В. В. Гринкевич. – Минск : Экономика-Пресс, 2023. – 210 с.
5. Козлов, Д. В. Инновации в области информационной безопасности в ответ на ужесточение регулирования / Д. В. Козлов // Вестник ИТ-технологий. – 2023. – № 4. – С. 75–83.

О. В. Пугачева

OPugacheva@gsu.by

ГГУ имени Ф. Скорины, Республика Беларусь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ

В статье анализируются показатели рынка искусственного интеллекта для транспорта, исследуются вопросы реализации решений в сфере транспорта на основе технологий искусственного интеллекта, рассматриваются основные направления развития транспортной сферы на базе искусственного интеллекта и их характеристика.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии, транспорт, интернет вещей, большие данные.

Актуальность исследования определяется необходимостью поиска эффективных решений в сфере транспорта и логистики на основе технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в целях стимулирования их использования.

Развитие отечественной экономики во многом определяется эффективной работой транспортной сферы, которая обеспечивает связанность экономических субъектов внутри страны и взаимодействие с международными партнерами. Качественное управление транспортными процессами способно увеличить операционные показатели, снизить затраты и повысить конкурентоспособность организаций транспортной отрасли. Новые тенденции в отрасли, связанные с развитием электромобильного транспорта, разработкой беспилотных транспортных средств, мультимодальных перевозок, роботизации и применения инновационных технологий, требуют высокого уровня интегрированности данных, использования передовых информационных систем и технологий обработки больших объемов информации. Цифровая трансформация и сопутствующие ей технологии ИИ способны перевести транспортную отрасль и отдельные процессы в организациях на качественно новый технологический уровень и новую ступень эффективности, сократить транспортно-логистические затраты [1].

Показатели объема мирового рынка ИИ для транспорта и роста глобального рынка решений ИИ к 2030 году приводятся на рисунке 1 [2].



Рисунок 1 – Показатели объема мирового рынка ИИ для транспорта и роста глобального рынка решений ИИ к 2030 году

Структура технологий на рынке ИИ в транспортной отрасли в мире и в РФ приводится на рисунке 2 [2].



Рисунок 2 – Структура технологий на рынке ИИ в транспортной отрасли в мире и в РФ

Рассмотрим основные направления развития сферы транспорта, в которых важное значение имеет применение технологий ИИ, и их характеристики (таблица 1) [3].

Таблица 1 – Основные направления развития сферы транспорта на базе ИИ-технологий и их характеристика

Направление	Характеристика
1	2
1. Развитие автономного транспорта	<p>Для автономных перевозок пассажирским и грузовым транспортом, а также автономной доставки роботами и дронами используются:</p> <ul style="list-style-type: none"> – машинное обучение и глубокое обучение, включающее обработку данных сенсоров для распознавания объектов, дорожных знаков, разметки, пешеходов и других участников дорожного движения, а также предиктивное моделирование, позволяющее анализировать поведение окружающих объектов и предсказывать их будущие движения для принятия решений; – компьютерное зрение для распознавания и сегментации изображений, обеспечивающее понимание окружающей среды с помощью камер для выявления препятствий, дорожных знаков и разметки; – алгоритмы локализации и картографирования, позволяющие транспортному средству одновременно определять свое местоположение и создавать карту окружающей среды и использовать GPS и данных сенсоров для точной навигации по маршруту; – планирование маршрутов и управление движением, которые позволяют выбирать оптимальный маршрут с учетом дорожных условий и препятствий, реализовывать автоматическую регулировку скорости и рулевого управления для безопасного движения
2. Использование ИИ для взаимодействия с клиентами	<p>Технологии ИИ могут значительно улучшить взаимодействие с клиентами в транспортной сфере, используя следующие способы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – чат-боты, виртуальные ассистенты и голосовые помощники, которые обеспечивают круглосуточную поддержку, отвечая на часто задаваемые вопросы, помогая с оформлением заказов или предоставляя информационные услуги;

Продолжение таблицы 1

1	2
	<p>– обработка естественного языка для понимания запросов и генерации осмысленных ответов на вопросы, анализ отзывов, комментариев и сообщений клиентов для выявления настроений и определения уровня удовлетворенности, автоматизация обработки обращений и запросов, что ускоряет реагирование и повышает качество обслуживания;</p> <p>– автоматизация маркетинга и коммуникаций, персонализация рекомендаций с помощью анализа поведения клиентов, покупательских предпочтений и истории взаимодействий для формирования индивидуальных рекомендаций по товарам, услугам или контенту, увеличивая конверсию и лояльность, а также для автоматического планирования и запуска email-рассылок, SMS-кампаний, push-уведомлений с учетом индивидуальных предпочтений</p>
<p>3. Технологии интеграции транспортных средств и инфраструктуры в единый контур динамического обмена информацией</p>	<p>Интеграция транспортных средств и инфраструктуры с использованием технологий ИИ осуществляется через несколько основных направлений:</p> <p>– умные транспортные системы, в которых используются ИИ-технологии для анализа данных с датчиков, камер и других источников для управления движением, регулирования светофоров и предотвращения пробок, а также для прогнозирования трафика и оптимизации маршрутов;</p> <p>– автоматизированные и беспилотные транспортные средства с встроенными системами ИИ, позволяющие автомобилям самостоятельно ориентироваться, распознавать объекты, принимать решения в реальном времени и поддерживать связь с инфраструктурой для обеспечения получения данных о дорожных условиях, сигнализации, ограничениях скорости и т. д., а также для обмена информацией между транспортными средствами и инфраструктурой для координации движения, предупреждения об опасностях, управляемого приоритетного проезда, анализа поступающих данных и принятия решения на уровне системы;</p> <p>– интеграция с городской инфраструктурой и умными городами, позволяющая создание платформ, объединяющих транспортные системы, системы парковки, общественный транспорт и другие компоненты городской среды и использующая ИИ для планирования городских маршрутов и оптимизации использования ресурсов</p>
<p>4. Умные транспортные хабы</p>	<p>Технологии ИИ внедряются в умные транспортные хабы, такие как аэропорты, морские порты, железные дороги и железнодорожные станции, для повышения эффективности, безопасности и удобства следующим образом:</p> <p>1. Аэропорты: – управление потоками пассажиров. ИИ используется для анализа данных о пассажирских потоках, что позволяет оптимизировать распределение ресурсов, таких как контроль безопасности, регистрация и посадка, а также помогает сократить время ожидания;</p> <p>– прогнозирование задержек. Алгоритмы ИИ могут анализировать данные о погоде, загруженности воздушного пространства и других факторах для прогнозирования задержек рейсов. Это позволяет авиакомпаниям и аэропортам лучше планировать операции;</p>

1	2
	<p>– оптимизация логистики. ИИ помогает управлять грузовыми потоками, оптимизируя маршруты доставки и распределение грузов между различными терминалами аэропорта.</p> <p>2. Морские порты: - управление контейнерными терминалами. ИИ анализирует данные о движении контейнеров и судов, что позволяет оптимизировать процесс загрузки и разгрузки, минимизируя время простоя судов;</p> <p>– прогнозирование трафика. Алгоритмы ИИ могут предсказывать объемы грузоперевозок и загруженность порта на основе прошлых данных и текущих трендов, что позволяет лучше планировать ресурсы и минимизировать задержки.</p> <p>– мониторинг состояния судов. ИИ может анализировать данные о состоянии судов и их систем, что позволяет заранее выявлять потенциальные проблемы и проводить профилактическое обслуживание.</p> <p>3. Железная дорога и железнодорожные станции:</p> <p>– управление движением. ИИ используется для управления движением поездов, оптимизации скорости и интервалов между ними, сбора и анализа данных о состоянии путей, оборудования, погодных условиях и других факторах, на основе которых возможно прогнозирование потребностей в техническом обслуживании, замене оборудования, минимизация времени простоя поездов и снижение вероятности аварий;</p> <p>– оптимизация расписания. ИИ может анализировать данные о пассажирских потоках и загруженности маршрутов для оптимизации расписания поездов, что позволяет улучшить обслуживание и снизить время ожидания.</p> <p>Кроме того, во всех этих транспортных хабах ИИ обеспечивает управление безопасностью, автоматически выявляя подозрительное поведение и опасные ситуации и используя технологии распознавания лиц для ускорения процесса проверки пассажиров</p>

Таким образом, рассмотренные направления использования технологий ИИ в транспортной сфере способствуют повышению эффективности, безопасности и устойчивости транспортных систем.

Литература

1. Pugacheva, Olga. The use of Artificial Intelligence in business and society: threats and regulation // “Economic Security in the Context of Systemic Transformations”, international conference (3; 2023; Chişinău) – Chişinău: SEP ASEM, 2024. – 271 p. (p. 249–259).
2. Искусственный интеллект (мировой рынок). – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>. (дата обращения: 19.08.2025).
3. Искусственный интеллект на транспорте: отрасли, барьеры, перспективы //Интеллектуальные транспортные системы России. – URL: <https://www.itsjournal.ru/articles/interview/iskusstvennyy-intellekt-na-transporte-otrasli-barery-perspektivy/>. (дата обращения: 5.10.2025).

А. М. Туровец

imprudance@gmail.com

Портал www.belcargo.by, Республика Беларусь

А. Н. Кузьмин

artem160104k@gmail.com

БГУ, Республика Беларусь

РАСШИРЕНИЕ ОБОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ГЕНЕРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ НЕЙРОСЕТЕЙ ОТ СТРУКТУРЫ ЗАПРОСА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

В статье приводится расширенный вариант обоснования ранее выявленной функциональной зависимости языковых генеративных моделей нейронных сетей архитектуры GPT от структуры запроса пользователя с учетом специфики входных запросов пользователя к модели.

Ключевые слова: нейронные сети, цифровизация, языковые генеративные модели.

На данный момент цифровизация экономических процессов ускорилась благодаря внедрению широкого спектра инновационных решений, к группе которых относятся и языковые генеративные модели нейронных сетей архитектуры GPT – модели, находящиеся в открытом доступе с ноября 2022 года.

Нейронная сеть в общем смысле – математическая модель, отражающая биологические процессы, происходящие в результате мышления [1]. Различные их архитектуры имеют разный набор функций. В частности, GPT (generative pre-trained transformer) базируется на обширном массиве текстовых данных. За счет него образуются выходные данные с учетом формирующихся в результате обучения модели параметров, а также распределений вероятностей (весов), которые смещаются в ту или иную сторону в зависимости от структуры запроса пользователя в диапазоне [0; 1].

Это означает, что существует функциональная зависимость поведения языковых генеративных моделей нейронных сетей от структуры запроса пользователя [2]:

$$f(i, j, k) = (x_1 \times w_1 + x_2 \times w_2 + x_3 \times w_3 + x_n \times w_n) + \varepsilon \times w_\varepsilon,$$

$$\varepsilon \times w_\varepsilon = 0 \vee \varepsilon \times w_\varepsilon \neq 0,$$

где $f(i, j, k)$ – функция запроса пользователя – совокупность различных форматов входных данных: букв, цифр, иных типов данных;

$x_n \times w_n$ – произведение вероятностей выдачи той или иной смысловой конструкции;

$\varepsilon \times w_\varepsilon$ – ошибки модели (случайные, общие и фильтрации) в выходных данных и вероятность их возникновения.

$\varepsilon \times w_\varepsilon = 0$ или $\varepsilon \times w_\varepsilon \neq 0$ – условие наличия или отсутствия ошибок в выходных данных.

Данной зависимостью можно описать общие принципы работы языковых генеративных моделей нейронных сетей архитектуры GPT, чтобы затем вывести специфические. Ранее зависимость обоснована для запросов и ответов бинарного характера (предполагается булев тип данных: True / False, что эквивалентно «Да» и «Нет» соответственно).

Обоснование для такого типа запросов выглядит следующим образом: ошибка ε , как уже было отмечено, может варьироваться в диапазоне от 0 до 1. В рамках бинарного типа данных результатов ошибок также два (они показывают ее наличие или отсутствие). Например, если пользователь задал вопрос вида: « $2 + 2 = 4$? Да или нет?». Если ответ «Нет», то ошибка $\varepsilon = 1$. В противном случае ошибки нет, ответ правильный. Следовательно, вероятность возникновения правильного или неправильного ответа выходных данных на такого типа вопросы равна 0,50.

Если разложить компоненты входных и выходных данных посимвольно, то получим, что на вход подается: $f(8i, 3j, 2k)$ единиц данных (8 букв, 3 цифры и 2 специальных символа). Если $\varepsilon = 1$, то выходные данные, представляющие собой произведение вероятностей выдачи конструкций и ошибки – ответ «Нет», который преобразовывается: «Нет» = (1, 1, 1). Одновременно учтем, что один из бинарных ответов, как правило, эквивалентен одному токenu, то есть, «Нет» = (1). Получим:

$$(1) = f(8i, 3j, 2k) + 1,$$

$$f(8i, 3j, 2k) = 0.$$

В итоге ответ на поставленный вопрос будет получен, но полезного результата пользователь не извлечет. Следовательно, содержательная часть ответа приравнивается к нулю. Однако запросы такого типа применимы в узких сферах. Перейдем к обоснованию зависимости для более сложных запросов, предполагающих наличие ошибки модели в диапазоне [0; 1].

Диапазон ошибки ε расположен именно в этих границах, так как в расширенных ответах с помощью языковых генеративных моделей нейронных сетей не может быть достигнуто полное совпадение ответа на поставленный вопрос с эталоном. Например, при запросе какого-либо определения модель будет давать выходные данные с тем условием, что они будут соответствовать общим направлениям (то есть, скорее верному и скорее неверному ответу). Вероятность того, что при взаимодействии с моделью выходные данные будут принадлежать крайним точкам, стремится к нулю: в глобальных моделях такая ситуация возможна лишь при прямом обращении к базе обучения со стороны разработчика.

Следует учесть наличие локальных моделей архитектуры GPT (те из них, которые созданы пользователями на основе собственных данных). В этом случае вероятность ошибок определяется качеством базы данных и «натренированностью» модели на нем (глубиной обучения).

Приведем пример из базы тестов [3]. Запрос, заданный модели, следующий: «К комплексным функциям при физическом распределении продукции потребителям не относится: а. грузопереработка; б. транспортировка; в. сортировка; г. экспедирование». Полученный ответ был неправильным.

Результаты тестирования одной из языковых генеративных моделей нейронных сетей представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты тестирования модели на вопросе с вариантами ответов

Функция запроса	Функция ответа	Совпадения с эталоном, %	Доля ошибок, %
$f(136i, 0j, 9k)$	$f(866i, 0j, 47k)$	1,31	98,69

Как видно из таблицы 1, в результате ответа на поставленный вопрос языковая генеративная модель нейронной сети архитектуры GPT в выдаче сгенерировала 866 буквенных и 47 специальных символов (без цифр), всего – 913 единиц. Полный правильный

ответ расположен в следующем варианте: «*в. сортировка*». Это – эталон, с которым сравнивались выходные данные. Он состоит из 12 единиц: 1 специального символа и 11 букв соответственно. Ошибочные выходные данные составляют 901 единицу.

Модель сразу дала неправильный ответ, но были дополнительные комментарии, за счет которых пользователь потенциально найдет подходящий вариант, а все остальные сведения можно отнести к ошибочным в рамках вопросов с вариантами ответа. Таким образом, получим, что в функциональной зависимости поведения языковых генеративных моделей нейронных сетей от структуры запроса пользователя наблюдается смещение распределения весов параметров в рамках базы обучения в сторону увеличения доли ошибок, то есть, произведения $\varepsilon \times w_{\varepsilon}$. В формате токенов это означает следующее: ошибочных больше, и пользователь не получает практически никакой полезности от модели в данный момент времени.

База обучения была выстроена разработчиками корректно, однако ответ – неправильный в результате ложного распределения вероятностей получения выходных данных внутри самой модели. Ошибка относится к типу общих наряду с двумя другими – случайными и фильтрации.

В случае, если языковая генеративная модель дает правильный ответ на поставленный вопрос, предполагается, что комментарии к ответу также будут правильными. Необходимо найти долю ошибок, которая будет сравнительно мала. Исходный вопрос – следующий: «*Наиболее часто в логистике приходится иметь дело с потоками: а. инфляционными; б. трудовыми; в. финансовыми; г. материальными*». Результаты тестирования, характерные для случая правильного ответа, представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты тестирования в случае правильного ответа модели на вопрос с вариантами ответов

Функция вопроса	Функция ответа	Совпадения с эталоном, %	Доля ошибок, %
$f(103i, 0j, 8k)$	$f(965i, 0j, 44k)$	94,7	5,3

Исходя из таблицы 2, на входной запрос было получено значительно большее количество выходных данных (в 9,368 раза и в 5,5 раз по типам соответственно), однако доля правильных дополнительных комментариев модели возрастает, следовательно, можно говорить о том. Совпадение с эталонным вариантом ответа стремится к 100 %, а доля ошибок в 5,3 % образуется только за счет фигурирования других вариантов ответа в выходных данных.

В этом заключена сущность взаимодействия пользователя и модели: цель – получить максимально точный ответ с одновременно минимальным объемом и временными затратами на генерацию, что ведет к оптимизации издержек на использование языковых генеративных моделей нейронных сетей в операционной деятельности предприятий и организаций.

Этими параметрами можно управлять за счет активации итераций в рамках одного набора данных (входных и выходных), без перехода в следующий с учетом ранее полученного контекста, а также через изменение некоторых других параметров, например, температуры. Функция итераций в одном запросе в различных моделях получила название DeepThink в DeepSeek, Think в Grok, Extended Thinking в Claude, Reason в ChatGPT и так далее [4].

Если же проводить тестирование модели на открытых вопросах, то здесь возникает вариативность в интерпретации ответов модели пользователем. Однозначного или эталонного варианта ответа нет. Возможно, данная ситуация может быть решена через

введение поправочного коэффициента на величину роста сомнений пользователя в правильности ответа (уменьшающего ошибку) и наоборот, спада уверенности пользователя в неправильности ответа (увеличивающего ошибку).

То есть, в том случае, если пользователь при получении в выходных данных правильного ответа будет уверен в его правильности, в открытых вопросах необходимо указать на то, что модель, возможно, ошибается, введя поправочный коэффициент. В противоположной ситуации модель может быть права, а пользователь – сомневаться, поэтому и величина итоговой ошибки также будет уменьшена.

Необходимо понимать, что в конечном итоге под такое тестирование подходят входные данные абсолютно любого характера, так как количественные характеристики входных и выходных данных выделены (кроме вероятностей появления выходных данных, которые изменяются в зависимости от структуры запроса пользователя к модели). Предполагается, что в случае с открытыми вопросами поправочный коэффициент регулирует долю ошибок для того, чтобы потенциально облегчить принятие решения для пользователя.

Значимость приведенного обоснования – в том, что при описании специфических для отдельных отраслей принципов работы необходимо будет тестировать эффективность моделей в различных сценариях. Более точный подсчет доли ошибок открывает возможности к целенаправленному их применению: не в масштабах всего предприятия, а точно, что оптимизирует величину совокупных издержек при внедрении данного инновационного решения в информационные системы. На его основе возможна разработка новых методов и подходов к тестированию моделей архитектуры GPT.

Таким образом, обоснование функциональной зависимости поведения языковых генеративных моделей нейросетей от структуры запроса пользователя было расширено на вопросы с вариантами ответов (в дополнение к ранее описанным запросам, предполагающим ответы бинарного характера: True / False). Для открытых вопросов требуются дополнительные исследования в виде экспериментов по вводу поправочных коэффициентов для различных ситуаций.

Литература

1. Туровец, А. М. Обоснование эффективности применения генеративного искусственного интеллекта для оптимизации логистических процессов на базе метода Ньютона / А. М. Туровец, А. Н. Кузьмин // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. науч. ст. / Ин-т бизнеса БГУ. – Минск, 2024. – Вып. 9. – С. 158–164.

2. Кузьмин, А. Н. Проблема минимизации общих ошибок языковых генеративных моделей нейронных сетей в логистических системах / А. Н. Кузьмин, А. М. Туровец // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. науч. ст. / Ин-т бизнеса БГУ. – Минск, 2024. – Вып. 10. – С. 155–160.

3. Тест по предмету «Основы логистики» // Веб-сайт oltest.ru. – URL: https://oltest.ru/tests/menedzhment_i_marketing/osnovy_logistiki/ (дата обращения: 20.10.2025).

4. Используем Deep Think в разных нейросетях // Веб-сайт timeweb.com. – URL: <https://timeweb.com/ru/community/articles/ispolzuem-deep-think-v-raznyh-neyrosetyah?ysclid=mh40binu88653570261> (дата обращения: 20.10.2025).

М. М. Ходжамаммедов
mekanhoja2021@gmail.com

А. Агаев
mekanhoja2021@gmail.com

Ш. Б. Аллаков
mekanhoja2021@gmail.com

Государственный энергетический институт Туркменистана, Республика Туркменистан

ИННОВАЦИОННЫЕ ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Развитие финансовых технологий способствует повышению эффективности управления капиталом, прозрачности операций и снижению операционных рисков. Инновационные платформы позволяют организациям интегрировать финансовые процессы с аналитикой больших данных, автоматизировать платежи и управлять инвестиционными портфелями в реальном времени [1].

Ключевые слова: инновационные платформы, управление финансами, автоматизация, электронные платежи, аналитика больших данных.

Введение

В современных условиях глобализации и цифровизации бизнеса организациям необходимо использовать передовые инструменты для эффективного управления финансовыми ресурсами. Традиционные методы бухгалтерского учета и финансового планирования не всегда обеспечивают оперативность и точность анализа данных. На фоне динамично меняющейся внешней среды, возрастания объема финансовых потоков и требований к прозрачности операций компании сталкиваются с необходимостью интеграции финансовых процессов с современными информационными технологиями.

Инновационные платформы финансового управления (FinTech) позволяют объединять учет, аналитические системы и автоматизированные инструменты планирования, создавая интегрированное решение для управления капиталом [1, с. 243]. Такие платформы включают электронные платежные системы, цифровые решения для управления инвестициями, модули для прогнозирования кассовых потоков и аналитические инструменты на основе искусственного интеллекта и больших данных.

Согласно исследованию PwC (2024), компании, внедряющие современные цифровые платформы для финансового менеджмента, сокращают затраты на 15–20 % и увеличивают скорость принятия решений на 30 %. Это обусловлено автоматизацией рутинных процессов, оперативной интеграцией данных из различных подразделений и повышением точности прогнозирования.

Внедрение FinTech-платформ не только повышает эффективность финансового менеджмента, но и оказывает значительное влияние на стратегическое планирование и конкурентоспособность организаций. Компании получают возможность прогнозировать финансовые показатели на основе исторических данных и моделей поведения клиентов, что позволяет своевременно корректировать стратегии развития и минимизировать финансовые риски.

Примеры успешного внедрения инновационных платформ включают:

– Revolut – цифровая платформа для управления финансовыми потоками, обеспечивающая автоматизацию платежей, интеграцию с банковскими системами и поддержку аналитики в режиме реального времени;

– Tesla – использование аналитики больших данных для планирования производственных и финансовых процессов, что позволяет снижать затраты и оптимизировать управление капиталом;

– Alibaba Group – интеграция платформ электронной коммерции с аналитикой данных и блокчейн-технологиями для управления финансовыми потоками и прогнозирования спроса [2, 3].

Дальнейшее развитие финансовых платформ предполагает более широкую интеграцию с облачными решениями, искусственным интеллектом и системами бизнес-аналитики. В перспективе это позволит организациям не только повышать прозрачность и управляемость финансовых процессов, но и создавать новые бизнес-модели, основанные на цифровых технологиях.

Таким образом, актуальность исследования внедрения инновационных платформ финансового управления обусловлена ростом объемов данных, потребностью в оперативном принятии решений и стремлением организаций повысить устойчивость и конкурентоспособность на современном рынке.

2. Основные типы инновационных платформ (расширенный вариант)

Современные организации используют различные типы инновационных платформ для управления финансовыми ресурсами. Эти платформы не только автоматизируют рутинные процессы, но и обеспечивают более точное прогнозирование, контроль и анализ финансовых потоков. Ниже рассматриваются основные типы таких платформ.

2.1. Системы электронных платежей и расчетов

Платформы электронных платежей, такие как PayPal, Revolut, Stripe, обеспечивают мгновенные расчеты между контрагентами, интеграцию с банковскими счетами и автоматизацию учета транзакций. Они позволяют:

- сокращать время проведения платежей и расчетов;
- снижать операционные издержки, связанные с ручной обработкой платежей;
- минимизировать ошибки бухгалтерского учета;
- обеспечивать прозрачность и отслеживаемость финансовых операций.

Например, использование платформы Revolut в международных расчетах позволяет организациям проводить трансграничные переводы за доли секунды с минимальными комиссиями, что существенно ускоряет оборот капитала [2].

2.2. Платформы для управления инвестициями и финансовыми портфелями

Инструменты вроде Bloomberg Terminal и Interactive Brokers позволяют компаниям отслеживать рыночные тенденции, управлять портфелями в реальном времени и прогнозировать доходность активов. Ключевые возможности таких платформ включают:

- мониторинг финансовых рынков в реальном времени;
- автоматическое формирование отчетности по инвестициям;
- анализ риска и оценку доходности различных инструментов;
- поддержку принятия решений при управлении капиталом.

Пример: инвестиционная компания использует Bloomberg Terminal для мониторинга курса акций и прогнозирования рисков портфеля, что позволяет сократить финансовые потери и повысить эффективность вложений [3].

2.3. Интеграция с ERP и CRM-системами

Платформы, такие как SAP, Oracle NetSuite и 1С:Предприятие, объединяют финансовые, производственные и маркетинговые данные, создавая единое информационное пространство для управления организацией. Преимущества интеграции:

- централизация данных для стратегического анализа;
- оптимизация бизнес-процессов и сокращение дублирующей работы;
- улучшение планирования ресурсов и прогнозирования финансовых показателей;
- повышение прозрачности операций для руководства и инвесторов.

Пример: компания Tesla интегрировала SAP с внутренними CRM и финансовыми платформами для автоматизации процессов управления производством и финансовыми потоками, что позволило сократить издержки на 10–15 % [4].

2.4. Аналитика больших данных и искусственный интеллект

Использование технологий Big Data и AI открывает новые возможности для прогнозирования и оценки финансовых рисков:

- прогнозирование кассовых потоков и доходности проектов;
- оценка кредитоспособности контрагентов на основе анализа исторических данных;
- выявление аномалий и потенциальных финансовых рисков до их возникновения;
- поддержка стратегических решений на основе предиктивной аналитики.

Пример: компания Alibaba применяет аналитические системы на основе AI для управления денежными потоками, оценки кредитоспособности поставщиков и прогнозирования спроса, что обеспечивает устойчивое развитие и эффективное управление капиталом [2, 3].

2.5. Дополнительные возможности инновационных платформ

Современные платформы также предлагают:

- инструменты для интеграции с облачными сервисами;
- мобильный доступ к финансовым данным;
- автоматическое формирование налоговой и управленческой отчетности;
- поддержку мультирегиональных и мультивалютных операций.

Таким образом, использование инновационных платформ финансового управления позволяет организациям повысить прозрачность финансовых потоков, ускорить принятие решений и минимизировать риски, обеспечивая устойчивое развитие и конкурентоспособность на рынке.

3. Преимущества и вызовы внедрения инновационных платформ

Инновационные платформы для управления финансами обеспечивают организациям существенные преимущества, но их внедрение сопряжено с определёнными вызовами. Ниже рассматриваются ключевые аспекты.

3.1. Преимущества внедрения

1. Автоматизация рутинных операций

Инновационные платформы позволяют автоматизировать стандартные процессы бухгалтерского учета, расчета зарплат, обработки платежей и формирования отчетности. Это:

- снижает нагрузку на персонал;
- ускоряет выполнение задач;
- минимизирует человеческий фактор и ошибки;
- обеспечивает стандартизацию операций.

Пример: внедрение платформы 1С:Предприятие в российской компании позволило сократить время на обработку платежей и составление отчетности на 40%, увеличив производительность бухгалтерского отдела [2, с. 58].

2. Повышение прозрачности финансовых процессов

Цифровые платформы обеспечивают возможность мониторинга всех операций в реальном времени, что повышает доверие со стороны руководства, инвесторов и контролирующих органов.

- автоматическое логирование транзакций;
- контроль за соблюдением финансовой дисциплины;
- отслеживание отклонений и выявление потенциальных нарушений.

3. Снижение ошибок и мошенничества

AI и аналитические системы позволяют выявлять аномалии в финансовых потоках и предотвращать мошеннические операции.

- выявление нетипичных операций;
- прогнозирование возможных финансовых рисков;
- минимизация потерь компании.

Пример: система Revolut анализирует платежи в реальном времени, блокируя подозрительные операции, что снижает финансовые риски клиентов и компании [4].

4. Оперативный доступ к аналитическим данным

Современные платформы обеспечивают доступ к ключевой информации о доходах, расходах и инвестициях в режиме онлайн, позволяя принимать стратегические решения на основе актуальных данных.

- дашборды с визуализацией финансовых потоков;
- предиктивная аналитика для планирования бюджета;
- возможность моделирования сценариев развития бизнеса.

3.2. Вызовы внедрения

1. Необходимость обучения персонала

Для эффективного использования платформ сотрудники должны освоить новые инструменты, что требует времени и ресурсов.

- проводятся обучающие тренинги и семинары;
- необходимо адаптировать внутренние инструкции и регламенты;
- внедрение без обучения может привести к неправильной эксплуатации платформ.

2. Стоимость внедрения и сопровождения платформ

Высокие затраты на лицензии, интеграцию и обслуживание могут быть значительным барьером для малых и средних предприятий.

- требуются инвестиции в оборудование и программное обеспечение;
- необходима поддержка специалистов по IT и финансовому анализу;
- срок окупаемости платформ может составлять несколько лет.

Пример: внедрение SAP в крупной производственной компании потребовало инвестиций свыше 500 тыс. долларов, однако через 2 года снизило операционные издержки на 15 % [2, с. 62].

3. Кибербезопасность и защита конфиденциальной информации

Цифровые платформы обрабатывают большое количество конфиденциальных данных, поэтому необходимо:

- защищать данные с помощью шифрования;
- проводить регулярные аудиты безопасности;
- обучать сотрудников правилам кибербезопасности;
- внедрять системы многофакторной аутентификации.

Пример: компания Tesla использует интегрированные системы защиты данных и регулярный аудит безопасности для предотвращения утечек финансовой информации и корпоративных секретов [4].

3.3. Вывод по разделу

Преимущества внедрения инновационных финансовых платформ значительно превышают риски, однако успешная интеграция требует системного подхода:

- планирование бюджета и ресурсов;
- подготовка персонала;
- обеспечение кибербезопасности;
- постоянный мониторинг эффективности платформ.

Компании, учитывающие эти аспекты, достигают более высокой прозрачности, скорости принятия решений и конкурентоспособности на рынке.

Литература

1. PwC. *Digital Finance Transformation 2024*. – London: PwC Publications, 2024.
2. KPMG. *FinTech Platforms in Corporate Finance*, 2023.
3. Bloomberg Professional Services. *Investment Management Tools Overview*, 2022.
4. Deloitte. *Enterprise Resource Planning and Financial Management*, 2023.

М. М. Ходжамаммедов
mekanhoja2021@gmail.com

С. Аманмырадов
mekanhoja2021@gmail.com

Б. Г. Гаррыбаев
mekanhoja2021@gmail.com

Государственный энергетический институт Туркменистана, Республика Туркменистан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕПОЧКАМИ ПОСТАВОК И ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Развитие глобальной экономики требует от организаций эффективного управления цепочками поставок. Внедрение цифровых технологий позволяет интегрировать процессы планирования, отслеживания и распределения товаров, минимизируя затраты и повышая качество обслуживания клиентов. Цифровизация логистики включает использование систем WMS/TMS, блокчейн-технологий, IoT и аналитики больших данных, обеспечивая прозрачность и контроль на всех этапах цепочки поставок [1, с. 112–115].

Ключевые слова: цифровизация, цепочка поставок, логистика, IoT, блокчейн, аналитика данных, оптимизация.

Введение

Современные организации функционируют в условиях высокой конкуренции, глобализации рынков и ускоренной цифровизации бизнес-процессов. Одной из ключевых задач компаний является оптимизация логистических процессов, поскольку от эффективности управления цепочками поставок зависит скорость обслуживания клиентов, себестоимость продукции и общая конкурентоспособность предприятия. Традиционные методы планирования и учета в логистике зачастую оказываются недостаточно оперативными и прозрачными, особенно при взаимодействии множества участников цепочки поставок, включая поставщиков, производителей, дистрибьюторов и розничные сети [1, с. 243].

Цифровизация логистики обеспечивает интеграцию всех этапов движения товаров – от закупки сырья до доставки конечному потребителю. Внедрение современных информационных технологий позволяет компаниям получать актуальные данные о состоянии запасов, перемещении грузов, сроках доставки и затратах, что существенно повышает точность планирования и снижает риски [2, с. 112–115]. Использование цифровых инструментов также способствует повышению прозрачности цепочки поставок и сокращению времени на принятие управленческих решений.

Одним из основных драйверов цифровизации логистики является использование технологий Интернета вещей (IoT). Сенсоры и устройства IoT позволяют отслеживать местоположение грузов в реальном времени, контролировать условия хранения (температуру, влажность), а также выявлять возможные отклонения в транспортировке. Например, компания DHL применяет IoT для мониторинга состояния грузов, что позволяет своевременно реагировать на отклонения и минимизировать потери [3].

Другим важным элементом цифровизации является использование блокчейн-технологий. Блокчейн обеспечивает надежную и прозрачную фиксацию всех операций, связанных с движением товаров и финансовыми транзакциями между участниками цепочки поставок. Такая прозрачность снижает риск мошенничества и обеспечивает доверие между партнерами. Так, Maersk внедрила блокчейн-платформу TradeLens, что позволило оптимизировать международные перевозки и ускорить документооборот [4].

Системы управления складом (WMS) и транспортом (TMS) являются неотъемлемой частью цифровых цепочек поставок. Они позволяют автоматизировать процессы планирования маршрутов, управления запасами и распределения ресурсов. Интеграция WMS и TMS с ERP-системами открывает доступ к аналитическим данным в реальном времени, улучшает точность прогнозирования и ускоряет процесс принятия стратегических решений. Использование таких платформ способствует снижению затрат на хранение и транспортировку, а также повышает оперативность выполнения заказов [2, с. 118–121].

Аналитика больших данных и искусственный интеллект (AI) играют ключевую роль в прогнозировании спроса, выявлении рыночных трендов и управлении рисками. Сбор и обработка данных о движении товаров, потребительских предпочтениях и внешних факторах позволяет моделировать сценарии развития цепочек поставок и оперативно корректировать стратегию. AI позволяет автоматизировать планирование маршрутов, распределение ресурсов и прогнозирование возможных сбоев в поставках, что значительно повышает устойчивость логистической системы [1, с. 247].

Цель статьи – проанализировать ключевые инструменты цифровизации цепочек поставок и их влияние на оптимизацию логистических процессов. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть современные цифровые технологии, применяемые в логистике;
2. Проанализировать практические кейсы внедрения цифровых инструментов в международных и локальных компаниях;
3. Выявить преимущества и вызовы цифровизации логистики;
4. Определить перспективы дальнейшей интеграции цифровых технологий с финансовыми и управленческими системами.

Таким образом, цифровизация логистики является стратегически важным направлением развития современных организаций. Она позволяет не только повышать эффективность процессов, снижать затраты и улучшать качество обслуживания клиентов, но и создавать устойчивые конкурентные преимущества на рынке.

2. Основные инструменты цифровизации цепочек поставок

2.1. IoT (Интернет вещей)

Использование сенсоров и устройств IoT позволяет отслеживать движение товаров в реальном времени, контролировать температуру и влажность, а также оптимизировать маршруты доставки. Например, компания DHL применяет IoT для мониторинга состояния грузов и снижения потерь при транспортировке [3].

2.2. Блокчейн

Технология блокчейн обеспечивает прозрачность транзакций, предотвращает мошенничество и гарантирует подлинность документов на всех этапах цепочки поставок. Maersk использует блокчейн-платформу TradeLens для обмена информацией с партнерами и управления логистическими процессами [4].

2.3. WMS/TMS-системы

Системы управления складом (WMS) и транспортом (TMS) позволяют автоматизировать планирование маршрутов, управление запасами и распределение ресурсов. Интеграция WMS и TMS с ERP-системами повышает точность прогнозирования и скорость принятия решений.

2.4. Аналитика больших данных и AI

Сбор и анализ больших данных позволяет выявлять тренды, прогнозировать спрос и оптимизировать маршруты доставки. Искусственный интеллект поддерживает принятие стратегических решений и автоматическое распределение ресурсов в цепочке поставок.

3. Преимущества и вызовы внедрения цифровых логистических платформ

Цифровизация логистики открывает перед организациями широкие возможности для повышения эффективности и конкурентоспособности. Основные преимущества внедрения цифровых платформ в управление цепочками поставок можно классифицировать следующим образом:

1. Снижение издержек на транспортировку и хранение.

Автоматизация процессов планирования маршрутов и управления запасами позволяет сократить количество простоев транспорта и излишков складских запасов. Использование аналитических инструментов для оптимизации маршрутов и распределения ресурсов снижает расходы на топливо, аренду складов и трудозатраты. Например, компании, применяющие интеллектуальные системы управления транспортом (TMS), сокращают логистические затраты на 10–15 % [2, с. 120–122].

2. Повышение скорости и точности выполнения заказов.

Цифровые платформы позволяют в реальном времени отслеживать статусы заказов, прогнозировать сроки доставки и оперативно реагировать на возможные задержки. Это особенно важно для компаний с большим объемом заказов и международными цепочками поставок. Применение систем WMS (Warehouse Management System) и интеграция с ERP-системами обеспечивает точность данных о наличии товаров на складе и позволяет избегать ошибок при комплектации заказов [2, с. 123–124].

3. Улучшение прозрачности и контроля цепочки поставок.

Блокчейн-технологии и интеграция IoT-устройств создают прозрачную систему фиксации операций на каждом этапе логистики. Благодаря этому компании могут отслеживать движение грузов, контролировать условия хранения и своевременно выявлять отклонения от норм. Прозрачность цепочки поставок укрепляет доверие между партнерами и минимизирует риск мошенничества [4, с. 45].

4. Снижение риска ошибок и потерь.

Автоматизация процессов позволяет минимизировать человеческий фактор, снизить вероятность ошибок при обработке данных и уменьшить потери продукции. Например, внедрение роботизированных систем на складах и автоматизированного учета поставок позволяет оптимизировать операции и сократить количество брака [2, с. 126].

Несмотря на явные преимущества, внедрение цифровых платформ сопряжено с рядом вызовов, которые необходимо учитывать при планировании цифровизации логистических процессов:

1. Высокая стоимость внедрения и поддержки цифровых систем.

Инвестиции в цифровые платформы, интеграцию с существующими ERP и WMS-системами, приобретение оборудования и программного обеспечения могут быть значительными. Дополнительно необходимо учитывать расходы на техническую поддержку, обновление программного обеспечения и обеспечение бесперебойной работы системы [2, с. 128].

2. Необходимость обучения персонала новым инструментам.

Эффективное использование цифровых платформ требует квалифицированного персонала. Организациям необходимо проводить обучение сотрудников работе с новыми системами, внедрять корпоративные стандарты использования технологий и стимулировать сотрудников к освоению инновационных инструментов. Без достаточного уровня подготовки персонала эффективность платформ может быть существенно снижена [4, с. 48].

3. Риски кибербезопасности и защита конфиденциальной информации.

Цифровизация логистики сопряжена с обработкой больших объемов данных о поставках, клиентах и финансовых транзакциях. Недостаточный уровень защиты данных может привести к утечкам информации, кибератакам и финансовым потерям. Поэтому важно интегрировать системы киберзащиты, проводить регулярный аудит безопасности и внедрять протоколы шифрования данных [2, 4].

4. Интеграционные и организационные сложности.

Внедрение цифровых платформ требует синхронизации с существующими корпоративными системами, включая ERP, CRM и TMS. Разные отделы компании должны работать в едином информационном пространстве, что может потребовать изменения организационной структуры и процессов управления.

Вывод.

Внедрение цифровых платформ в логистику является стратегически важным направлением для повышения эффективности цепочек поставок. Преимущества включают снижение издержек, ускорение процессов, повышение прозрачности и снижение рисков. Однако для успешной реализации необходимо учитывать вызовы: высокие инвестиционные затраты, обучение персонала, обеспечение кибербезопасности и интеграцию систем. Только комплексный подход позволяет организациям получить максимальный эффект от цифровизации логистических процессов.

4. Практические кейсы

1. Amazon применяет интегрированные цифровые платформы для управления складскими и транспортными процессами, используя роботов, IoT и AI для прогнозирования спроса и распределения ресурсов.

2. DHL использует IoT для мониторинга грузов и оптимизации маршрутов доставки, сокращая сроки транспортировки.

3. Maersk внедрил блокчейн-платформу TradeLens, что позволило повысить прозрачность международных перевозок и уменьшить административные издержки.

5. Перспективы развития

Дальнейшая интеграция цифровых технологий с финансовыми и управленческими платформами открывает возможности для:

- повышения эффективности и сокращения издержек;
- устойчивого развития и улучшения клиентского опыта;
- прогнозирования и автоматизации стратегических решений в логистике.

Литература

1. Ivanov D., Das A., 2022. Digital Supply Chain Management: Trends and Strategies. *Journal of Business Logistics*, 43(2), pp.112–120.
2. Christopher M., 2021. Logistics & Supply Chain Management. 6th Edition. Pearson Education.
3. DHL, 2023. Smart Logistics and IoT Applications. *DHL Trend Report*.
4. Maersk, 2022. Blockchain in Global Trade: TradeLens Platform Overview.

М. М. Ходжамаммедов
mekanhoja2021@gmail.com

О. Аманова
mekanhoja2021@gmail.com

Ш. Б. Акмырадов
mekanhoja2021@gmail.com

Государственный энергетический институт Туркменистана, Республика Туркменистан

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Современные информационные технологии (ИТ) играют ключевую роль в повышении эффективности экономической деятельности организаций. Их применение позволяет оптимизировать бизнес-процессы, повысить прозрачность операций, снизить издержки и ускорить взаимодействие с клиентами. Интеграция цифровых технологий, электронной коммерции и финансовых инструментов открывает новые возможности для устойчивого развития компаний в условиях глобальной конкуренции.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровая экономика, электронная коммерция, финансовые инструменты, инновации.

Введение

Современная экономика переживает глубокую трансформацию под влиянием цифровизации, глобализации и ускоренного технологического прогресса. Развитие цифровой экономики является ключевым фактором повышения эффективности деятельности организаций и устойчивого экономического роста. Цифровая экономика формируется на основе широкого применения информационных технологий (ИТ), больших данных, искусственного интеллекта, облачных вычислений и платформенных решений, что позволяет компаниям не только адаптироваться к изменениям внешней среды, но и предвосхищать их, создавая новые конкурентные преимущества [1, с. 243; 2].

Одним из ключевых аспектов цифровизации является интеграция информационных технологий в бизнес-процессы. Это включает автоматизацию управленческих функций, оптимизацию производственных и финансовых операций, повышение точности прогнозирования спроса и предложение персонализированных услуг для клиентов. Цифровизация позволяет организациям быстрее реагировать на изменения рынка, сокращать издержки и повышать прозрачность деятельности. В условиях глобальной конкуренции компании, не использующие цифровые инструменты, рискуют потерять конкурентоспособность и рынок сбыта [3].

Электронная коммерция (e-commerce) стала важнейшим компонентом цифровой экономики. Использование онлайн-платформ позволяет компаниям расширять географию продаж, оптимизировать взаимодействие с потребителями и интегрировать маркетинговые и финансовые операции. Развитие моделей B2B, B2C, C2C и платформенных экосистем открывает новые возможности для малого и среднего бизнеса, облегчает выход на международные рынки и снижает транзакционные издержки. Исследования показывают, что компании, активно внедряющие электронную коммерцию, демонстрируют стабильный рост выручки и повышение уровня удовлетворенности клиентов [2, 3].

Важным элементом является информационная интеграция финансовых инструментов. Современные цифровые платформы позволяют автоматизировать бухгалтерский учет, инвестиционное планирование, управление портфелями и рисками. Использование ИИ и аналитики больших данных позволяет более точно прогнозировать финансовые показатели,

выявлять скрытые риски и принимать стратегически обоснованные решения. Это особенно важно для организаций, работающих на высококонкурентных и динамичных рынках, где скорость принятия решений напрямую влияет на эффективность деятельности [4].

Кроме того, внедрение цифровых технологий способствует повышению прозрачности и доверия к экономическим операциям. Технологии блокчейн и распределенных реестров обеспечивают защиту данных, прозрачность транзакций и надежное хранение информации, что критически важно для финансовых и торговых организаций. Совместное использование аналитических инструментов, облачных сервисов и платформ электронного взаимодействия позволяет компаниям создавать интегрированные экосистемы, где различные функции – от маркетинга и продаж до финансового планирования – работают в тесной взаимосвязи [5].

Практический аспект внедрения цифровых технологий проявляется в интеграции ИТ в операционную деятельность организаций. К примеру, компании, работающие в розничной торговле, используют автоматизированные системы управления запасами и логистикой, онлайн-платежи и аналитические инструменты для прогнозирования спроса. В промышленности цифровизация позволяет внедрять интеллектуальные производственные системы (Smart Manufacturing), которые объединяют производство, управление поставками и финансовое планирование в единую цифровую экосистему. Таким образом, организации получают возможность оперативно адаптироваться к рыночным условиям и повышать производительность [3, 4].

В заключение, Введение должно подчеркнуть стратегическую значимость цифровизации как ключевого фактора развития современных организаций. Актуальность темы обусловлена глобальными тенденциями цифровой трансформации, необходимостью интеграции инновационных технологий и финансовых инструментов, а также ростом значимости электронной коммерции в обеспечении устойчивого экономического развития. Внедрение ИТ и цифровых платформ становится не просто инструментом оптимизации процессов, но и основой долгосрочной конкурентоспособности компаний в условиях быстро меняющегося рынка [1–5].

Цифровая экономика и электронная коммерция

Цифровая экономика – это экономическая деятельность, основанная на создании, обработке и передаче информации с использованием цифровых технологий. Электронная коммерция (e-commerce) обеспечивает организациям возможность продавать товары и услуги через интернет-платформы, оптимизируя процессы взаимодействия с клиентами.

Основные преимущества цифровой экономики:

- оптимизация бизнес-процессов;
- снижение транзакционных издержек;
- доступ к глобальным рынкам;
- персонализация услуг.

Модели электронной коммерции: B2B, B2C, C2C, платформенные экосистемы. Активное использование онлайн-продаж и цифровых платежных систем способствует росту доходов и устойчивому развитию [2] (таблица 1).

Пример: Alibaba Group использует интегрированную платформу электронной коммерции, облачные вычисления и аналитические системы на основе ИИ для управления цепочками поставок и прогнозирования спроса [2, 3].

Таблица 1 – Модели электронной коммерции и их характеристики

Модель	Описание	Преимущества
1	2	3
B2B	Продажа товаров/услуг между компаниями	Оптимизация закупок, снижение издержек

Окончание таблицы 1

1	2	3
B2C	Продажа компании конечным потребителям	Увеличение охвата рынка, персонализация
C2C	Продажа между потребителями	Упрощение взаимодействия, новые каналы продаж
Платформенные экосистемы	Интеграция множества участников	Масштабируемость, аналитика данных

Инновационные технологии в экономической деятельности

Инновационные технологии обеспечивают конкурентное преимущество организаций, повышая эффективность управления и снижая затраты.

Основные направления внедрения:

1. Искусственный интеллект и машинное обучение – прогнозирование спроса, автоматизация аналитики, оптимизация цепочек поставок.

2. Блокчейн – обеспечение прозрачности транзакций, защита интеллектуальной собственности, оптимизация финансовых потоков [3].

3. Большие данные и аналитика – выявление рыночных трендов, сегментация клиентов, поддержка стратегических решений.

4. Автоматизация финансовых процессов – робоэдвайзеры, цифровые платформы для управления инвестициями, электронные платежные системы.

Пример: Tesla интегрировала аналитические инструменты и блокчейн в финансовое и производственное планирование, что позволило оптимизировать затраты и увеличить прибыль [3, 4].

Финансовые инструменты и интеграция технологий

Цифровизация финансовых инструментов повышает прозрачность и эффективность финансовых операций.

Основные аспекты:

- электронные платежные системы – снижение затрат на обработку платежей;
- краудфандинг и венчурные платформы – привлечение инвестиций;
- финансовая аналитика на основе ИИ – прогнозирование рисков, управление инвестиционными портфелями [4].

Интеграция технологий и финансовых инструментов обеспечивает (таблица 2):

- оптимизацию управленческих процессов;
- ускорение финансовых операций;
- снижение рисков и повышение прозрачности транзакций.

Пример: Revolut использует автоматизацию и аналитику данных для управления цифровыми финансовыми потоками, улучшая клиентский опыт и снижая операционные риски [3, 4].

Таблица 2 – Интеграция технологий и финансовых инструментов

Инструмент	Используемая технология	Эффект
Электронные платежи	Автоматизация	Снижение транзакционных издержек
Краудфандинг	Платформы SaaS	Привлечение инвестиций
Финансовая аналитика	ИИ, Big Data	Управление рисками и портфелями

Практические кейсы и перспективы

Современные организации активно используют интеграцию цифровых технологий и финансовых инструментов для оптимизации своей деятельности, повышения эффективности процессов и укрепления конкурентных преимуществ. Практический опыт показывает, что успешная цифровизация бизнеса возможна лишь при комплексном подходе, который объединяет технологические решения, стратегическое планирование и аналитические инструменты. Ниже представлены несколько примеров компаний, достигших значительных успехов благодаря внедрению цифровых технологий и финансовых платформ.

1. Alibaba Group

Китайская компания Alibaba является одним из лидеров в сфере электронной коммерции и цифровых финансов. Основным элементом стратегии Alibaba является интеграция искусственного интеллекта (ИИ), блокчейн-технологий и аналитических платформ в процесс управления цепочками поставок. С помощью ИИ Alibaba прогнозирует спрос на товары, оптимизирует логистические маршруты и управляет складскими запасами, что позволяет существенно сократить издержки и улучшить клиентский опыт. Блокчейн используется для обеспечения прозрачности транзакций и защиты интеллектуальной собственности, а интеграция с e-commerce платформами позволяет объединять продажи, платежи и финансовую аналитику в единую цифровую экосистему [1, с. 243; 2].

2. Tesla Inc.

Американская компания Tesla активно применяет большие данные и аналитические инструменты для оптимизации финансовых и производственных процессов. Использование цифровых платформ позволяет Tesla прогнозировать спрос на автомобили, управлять цепочками поставок и финансовыми потоками, а также оптимизировать производственные мощности. Интеграция аналитики больших данных с автоматизированными системами управления позволяет компании принимать стратегически обоснованные решения, минимизировать риски и повышать прибыльность производства. Применение цифровых технологий в финансовом планировании обеспечивает более точное распределение ресурсов и повышение эффективности инвестиций [3, с. 112–114].

3. Revolut

Финансовая платформа Revolut демонстрирует возможности цифровизации в сфере управления инвестициями и банковскими операциями. Использование автоматизации, аналитики данных и цифровых финансовых платформ позволяет компании управлять инвестиционными портфелями клиентов, проводить мгновенные транзакции и снижать операционные риски. Интеграция технологий обеспечивает ускорение финансовых процессов, повышение прозрачности операций и улучшение клиентского опыта. Revolut активно использует алгоритмы машинного обучения для прогнозирования рисков и оценки кредитоспособности пользователей, что способствует развитию персонализированных финансовых сервисов [4, с. 78].

Перспективы интеграции цифровых технологий и финансовых инструментов Будущее цифровой экономики предполагает дальнейшее расширение применения инновационных технологий и финансовых платформ. Организации смогут достигать следующих целей:

- повышение эффективности бизнес-процессов: интеграция ИИ, больших данных и аналитических платформ позволяет автоматизировать рутинные операции и улучшать качество управленческих решений;
- устойчивое развитие: цифровизация способствует сокращению издержек, рациональному использованию ресурсов и снижению негативного воздействия на окружающую среду;
- конкурентоспособность организаций: внедрение новых технологий позволяет компаниям быстрее реагировать на изменения рынка, создавать персонализированные продукты и услуги, а также эффективно управлять финансовыми потоками;

– создание экосистем и платформенных решений: объединение процессов продаж, логистики, финансов и аналитики в единую цифровую инфраструктуру открывает возможности для масштабирования и выхода на международные рынки;

– развитие цифровых финансовых сервисов: использование алгоритмов ИИ и блокчейна в банковской сфере и инвестиционном управлении обеспечивает прозрачность, снижение рисков и повышение доверия клиентов к организациям.

Таким образом, практические кейсы компаний Alibaba, Tesla и Revolut демонстрируют эффективность комплексного подхода к цифровизации и интеграции финансовых инструментов. Анализ их опыта показывает, что дальнейшее развитие технологий откроет новые возможности для оптимизации процессов, устойчивого роста и повышения конкурентоспособности организаций на глобальном рынке. Внедрение цифровых платформ становится стратегическим инструментом, который позволяет бизнесу адаптироваться к динамичным условиям экономики, создавать новые бизнес-модели и обеспечивать долгосрочную устойчивость [1–4].

Литература

1. Котлер Ф., Келлер К. Маркетинг-менеджмент. – М.: Питер, 2020, с. 243.
2. Laudon K., Traver C. E-Commerce 2021. – Pearson, 2021, с. 110–145.
3. Marr B. Big Data in Practice: How 45 Successful Companies Used Big Data Analytics. – Wiley, 2020, с. 57–82.
4. Iansiti M., Lakhani K. Competing in the Age of AI. – Harvard Business Review Press, 2020, с. 98–123.
5. Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution. – Penguin, 2018, с. 12–48.

М. М. Шелест

em000612@g.bstu.by

П. С. Судибор

em000611@g.bstu.by

А. Г. Проровский

agprorovskij@g.bstu.by

БрГТУ, Республика Беларусь

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКОВ И ИОТ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Статья рассматривает зарубежный и белорусский опыт использования цифровых двойников (digital twins) и Интернета вещей (IoT) на промышленных предприятиях. Приведены количественные оценки эффекта, показатели окупаемости, типичные сложности и условия успешного внедрения. Проанализированы перспективы и рекомендации для внедрения в Беларуси, с учётом экономических, технологических и организационных факторов.

Ключевые слова: цифровой двойник; интернет вещей (IoT); промышленность 4.0; производственная эффективность; предиктивная аналитика.

Введение

1. Концепция цифрового двойника: виртуальный аналог физического объекта (машины, оборудования, производственной линии или процесса), включающий в себя данные сенсоров, моделирование, предиктивный анализ, способный интегрироваться с IoT.

2. IoT (Интернет вещей) как инфраструктура: сенсоры, передача данных, сбор больших объёмов данных, облачные платформы, аналитика.

3. Почему это важно: повышение эффективности, снижение простоев, улучшение качества, ускорение вывода продукции на рынок, снижение затрат.

Зарубежный опыт и опыт Республики Беларусь

Зарубежный опыт демонстрирует уверенный рост рынка цифровых двойников. По данным аналитиков, к 2030 году его объём может достиг 137,7 млрд долларов США при среднегодовом темпе роста около 42,6 % [5]. Практические кейсы подтверждают высокую эффективность: повышение точности прогнозов загрузки оборудования с 75 % до 90 %, сокращение незапланированных простоев на 50 % и затрат на обслуживание на 40 % [1; 3]. Компания Unilever, использующая цифровых двойников на 300 фабриках, обеспечивает ежегодную экономию в 2,8 млн долларов США [4]. Технологическая архитектура включает сенсорные сети, облачные вычисления и интеграцию с системами ERP и MES. Основными барьерами являются высокая стоимость, дефицит кадров и проблемы безопасности [1, 2].

Примеры успешного внедрения цифровых двойников:

1. Siemens – цифровые двойники для производства и городского управления. Siemens является одним из лидеров в области цифровых двойников и IoT. Компания использует цифровые двойники для управления производственными процессами на своих заводах, а также в проектировании и эксплуатации городских инфраструктур. Применение цифровых моделей на предприятиях Siemens помогает оптимизировать производственные

линии, прогнозировать возможные сбои и сокращать время на тестирование новых продуктов. В рамках городских проектов Siemens использует цифровые двойники для управления энергопотреблением, улучшения дорожного движения и управления ресурсами, что позволяет снизить расходы и улучшить качество жизни.

2. General Electric (GE) – цифровые двойники для мониторинга турбин и самолетов. В энергетической и авиационной отраслях GE активно использует цифровые двойники для мониторинга работы своих турбин и двигателей. Это позволяет компании не только оптимизировать процессы обслуживания, но и увеличивать сроки службы оборудования. В результате GE смогла существенно снизить расходы на техническое обслуживание и повысить эффективность работы своих мощностей.

3. Rolls-Royce – цифровые двойники для предсказания неисправностей в двигателях. В авиационной отрасли Rolls-Royce использует цифровые двойники для анализа и предсказания состояния своих двигателей. С помощью IoT-устройств и данных, поступающих от двигателей, компания может предсказать, когда тот или иной компонент выйдет из строя, и заранее заказать его замену. Это позволило значительно уменьшить время простоя воздушных судов и снизить операционные расходы авиакомпаний.

Белорусские предприятия также демонстрируют успешные примеры внедрения. На заводе «Амкодор» использование цифрового двойника для проектирования стрелы позволило сократить срок вывода продукции на рынок с 3 лет до 2 [4]. На Минском моторном заводе дефектность отливок из-за пористости была снижена с 80 % до 15 %, а на Бобруйском машиностроительном заводе достигнуто снижение брака на 31 % и общих затрат на 10 % [4].

В области сокращения дефектов зарубежный опыт демонстрирует впечатляющие результаты – до 40–75 % в зависимости от отрасли. Белорусские предприятия демонстрируют сопоставимые успехи. Ярким примером является Минский моторный завод, где долю дефектов пористости удалось снизить с 80 % до примерно 15 %. На Бобруйском заводе также было достигнуто снижение брака на 31 %, что подтверждает общую положительную динамику.

Что касается снижения времени разработки и выхода на рынок, мировая практика отмечает сокращение сроков проектирования на 20–50 %, уменьшение количества необходимых прототипов и ускорение запуска продукции. В Беларуси аналогичный эффект иллюстрирует пример компании «Амкодор», где общий срок вывода нового продукта на рынок сократился с 3 лет до 2, а этап проектирования, ранее занимавший 4–6 месяцев, был оптимизирован, хотя точные цифры не указаны.

В сегменте снижения эксплуатационных затрат зарубежные данные указывают на уменьшение расходов на обслуживание до 40 %, экономию энергии на 5–10 % и сокращение простоев оборудования примерно наполовину. Белорусские кейсы также подтверждают снижение затрат, в первую очередь за счет экономии материалов, уменьшения брака и оптимизации времени производства. Однако точные количественные показатели по энергопотреблению или простоям в открытых источниках по белорусским проектам на данный момент отсутствуют.

Перспективы и рекомендации для Республики Беларусь

Потенциал развития цифровых двойников в Республике Беларусь может быть реализован через комплексный подход, включающий адаптацию государственных программ НИОКР и налоговых льгот для стимулирования предприятий. Ключевым фактором является развитие кадровых компетенций в области IoT и анализа данных, чему способствует подготовка специалистов в вузах и повышение квалификации инженеров.

Одним из важных аспектов является создание эффективных образовательных программ и курсов повышения квалификации в области цифровых технологий, IoT и работы с большими данными. В Беларуси уже имеется ряд университетов, активно развивающих курсы и факультеты в области инженерии, программирования и аналитики данных.

Однако для создания действенного кадрового потенциала необходимо также тесное сотрудничество с промышленными предприятиями для разработки практических курсов и стажировок. Инвестиции в образование и развитие профессиональных навыков создадут прочную основу для роста и адаптации технологий цифровых двойников.

Республика Беларусь может получить значительные выгоды, поддерживая стартапы и малые инновационные компании в области IoT и цифровых технологий. Создание инкубаторов и акселераторов, которые поддерживают стартапы на начальных этапах, ускоряет внедрение новых решений и способствует технологическому развитию. Важно не только поддерживать крупных игроков, но и поощрять развитие малого и среднего бизнеса, который может стать катализатором для широкомасштабных изменений в промышленности.

Риски и барьеры

Однако, несмотря на потенциал, существуют объективные сложности. Одним из основных барьеров остаются высокие первоначальные инвестиции, особенно для малого и среднего бизнеса. Трудности возникают и при попытке интеграции с устаревшим оборудованием, не имеющим цифровых интерфейсов. Также ощущается нехватка отраслевых стандартов, обеспечивающих совместимость между программным обеспечением, оборудованием и данными. На фоне увеличения числа подключённых систем особенно остро стоят вопросы безопасности: защита от кибератак и утечек данных становится критически важной. Дополнительным вызовом выступают культурные и организационные препятствия: сопротивление сотрудников, необходимость перестройки процессов и систематическое обучение персонала.

Зарубежный опыт показывает, что цифровые двойники демонстрируют высокую рентабельность – в большинстве случаев точка окупаемости достигается менее чем за два года [1]. С учётом схожести технологических условий и уровня подготовки отдельных белорусских предприятий можно ожидать аналогичные сроки возврата инвестиций, при условии достаточной начальной поддержки, инвестиций и развития ключевых компетенций.

Для успешного внедрения цифровых двойников в Беларуси целесообразно начинать с пилотных проектов на отдельных участках, что позволит с минимальными рисками оценить выгоды и отработать технологии. Первоочередное внимание следует уделить отраслям с высокими затратами на брак и простои, таким как машиностроение, металлообработка и химическая промышленность, а также экспортно-ориентированным предприятиям, для которых качество и сроки являются ключевыми конкурентными преимуществами.

Важным драйвером развития станет укрепление кооперации между промышленностью и научными учреждениями. Интеграция уже существующих в стране прототипов и результатов НИОКР в производственную практику позволит ускорить внедрение и снизить затраты. Одновременно необходимо обеспечить доступ к финансированию через государственные программы грантов, субсидий и целевых налоговых льгот.

Неотъемлемым условием масштабирования технологии является решение вопросов стандартизации и кибербезопасности. Разработка единых стандартов обеспечит совместимость систем и устойчивый обмен данными, а внедрение надежных средств защиты информации минимизирует риски киберугроз, что критически важно для устойчивой работы цифровых решений.

Заключение

Цифровые двойники + IoT представляют мощный инструмент повышения конкурентоспособности промышленных предприятий. Зарубежный опыт показывает значительные выгоды – снижение дефектов, сокращение времени вывода продукции, уменьшение простоев и затрат, окупаемость часто в пределах 1-2 лет. В Беларуси уже есть примеры успеха (Amkodor, Минский моторный, Бобруйский машзавод), но потенциал далеко не исчерпан.

Для достижения устойчивого масштабирования таких решений необходимо сочетание технологической базы, кадров, государственной поддержки и культуры инноваций. Если все это будет (или уже начинает) формироваться, то Беларусь может существенно выиграть от внедрения цифровых двойников и IoT в промышленности.

Литература

1. Digital Twin Applications in Manufacturing Industry: A Case Study from a German Multi-National. Future Internet. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mdpi.com/>. – Дата доступа: 01.10.2023.
2. Digital Twin Statistics and Forecasts (Hexagon / Fortune Business Insights) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hexagon.com>. – Дата доступа: 01.10.2023.
3. McKinsey & Company. Digital Twins & Smart Manufacturing Insights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/>. – Дата доступа: 01.10.2023.
4. What is a digital twin and why are they so important for manufacturing? [Электронный ресурс] // uiip.bas-net.by. – Режим доступа: <https://uiip.bas-net.by>. – Дата доступа: 01.10.2023.
5. Industrial Insights on Digital Twins in Manufacturing: Application Landscape, Current Practices, and Future Needs. Cranfield University (UK), Big Data Cogn. Comput. 2023. MDPI.

M. A. Smetanko

clecha181206@gmail.com

T. I. Karachentseva

Kti8@mail.ru

Yanka Kupala State University of Grodno, Republic of Belarus

TRANSFORMATION OF THE GLOBAL ECONOMY IN THE CONTEXT OF DIGITALISATION: TRENDS AND CHALLENGES

The article examines the key directions of the digital transformation of the global economy, analyses current trends in digitalisation in various sectors and countries, and identifies the key challenges associated with the transition to digital business models.

Key words: digitalisation, global economy, innovation, transformation, technology, globalisation.

М. А. Сметанко

clecha181206@gmail.com

Т. И. Караченцева

Kti8@mail.ru

ГрГУ имени Янки Купалы, Республика Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ

В статье рассматриваются ключевые направления цифровой трансформации глобальной экономики, анализируются текущие тенденции цифровизации в различных секторах и странах, а также определяются ключевые вызовы, связанные с переходом к цифровым бизнес-моделям.

Ключевые слова: цифровизация, глобальная экономика, инновации, трансформация, технологии, глобализация.

The modern global economy is undergoing one of the most significant transformations in its history – the transition to a digital development model. Digital technologies are permeating all spheres of life: from industry and finance to education and public administration. Terms such as ‘blockchain,’ ‘artificial intelligence’ and ‘Internet of Things,’ which until recently sounded like elements of futuristic scenarios, are now an integral part of economic reality. Digital transformation has become a tool for increasing economic efficiency, a factor in achieving global competitiveness and a high quality of life.

The relevance of the topic is justified by the need for digital transformation in order to achieve sustainable economic development, increase competitiveness and improve the quality of life. In the context of globalisation, it is digital technologies that determine the speed of economic processes, the level of business innovation, the quality of life of the population and the ability of the state to adapt to new challenges. At the same time, digitalisation is not limited to the introduction of new software solutions and platforms, but requires a rethinking of the logic of the economy and the formation of a new model of the global economy based on data, network interaction and high technological integration.

The purpose of this article is to reveal the process of transformation of the global economy under the influence of digitalisation, to identify key trends and challenges facing states in this process.

In recent decades, the global economy has undergone rapid and multifaceted renewal, largely due to the introduction of digital technologies. These processes can be compared in scale to the industrial revolution of the 18th and 19th centuries. Today, data, information flows and algorithms have become the drivers of progress. Digitalisation affects not only economic indicators, but also the very nature of economic relations, changing how value is created, how resources are distributed and how markets function.

The term ‘digital economy’ first came into widespread use in the late 1990s. One of the first to introduce it was Canadian economist Don Tapscott, who viewed the digital economy as a new form of interaction between business, government and society based on information technology. At that time, digitalisation was understood as the transition from analogue to electronic data processing systems. The digital economy includes not only information technology, but also an entire ecosystem of interconnected processes – from production and distribution to consumption and management.

The digital economy brings with it not only a range of opportunities, but also new challenges and rules of the game in the global market. A country's positioning on the world stage largely depends on its ability to adapt to new conditions. The digital economy offers advantages that can help bridge the gap between rich and poor countries [1, p. 257].

The main feature of digital transformation is the transition from traditional production models to platform-based models that use intellectual resources, which have become a key factor in competitive advantage in the context of the changing global economy.

An analysis of the dynamics of global economic development under the influence of digital technologies, which shape the principles of competitiveness and global integration, has revealed and substantiated the following contemporary trends in the digitalisation of the global economy, namely: an increase in the number of countries integrated into the process of global digitalisation; the growing influence of digital flows and technologies on the global economy as a key driver of economic growth, the creation of new channels of global trade, the expansion of the investment market, and the formation of digital value chains; the formation of a new architecture of the global economy; an increase in the volume of information flows on a global scale compared to physical flows of goods and services.

There is a shift in the centres of technological leadership and a redistribution of global technological resources: the United States and Europe remain in the lead, while China and a number of Asian countries are actively strengthening their positions. This reflects the formation of a multipolar model of the digital world, where competition is built around technological independence and digital sovereignty.

To clearly illustrate the scale of the differences, let us consider comparative data on the level of digitalisation in three countries: the United States, China and Germany (table 1).

Table 1 – Comparison of digitalisation indicators for selected countries (2024)

Indicator	USA	China	Germany
Internet penetration rate, % of population	97	77	93
Share of e-commerce in GDP, %	10,5	9,3	7,1
Use of cloud technologies in companies, %	89	78	82
Digital Competitiveness Index (IMD), ranking	4	14	23
Note: Sources: 1. https://worldpopulationreview.com/country-rankings/internet-penetration-by-country ; 2. https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/digital-competitiveness-ranking/			

The data shows that the United States remains the world leader in most digital indicators. The American economy relies on powerful IT corporations – Google, Microsoft, Amazon, Meta – which form the core of the global digital market. China is demonstrating rapid growth and is already comparable to the US in terms of investment in artificial intelligence and e-commerce volume. Germany, as an industrial power, is focusing on the digitalisation of industry and the concept of ‘Industry 4.0’, but lags behind in terms of the scale of its digital ecosystems. Information resources are beginning to play the role of strategic capital. This is confirmed by statistics: global IP traffic increased by more than 3200% between 2006 and 2014, which became the basis for the emergence of a ‘new wave of globalisation’, where information, rather than raw materials or labour, is becoming the main resource for development [2].

The trends identified indicate the emergence of a new type of global economy – a digital knowledge economy, where information, the speed at which it is processed, and the capacity for innovation are becoming key factors in global development.

However, despite the impressive achievements of digitalisation, this process is accompanied by a number of problems and contradictions. The rapid introduction of technologies creates not only new opportunities, but also new threats – economic, social and ethical. While in previous stages of development the global economy faced mainly production or financial crises, today the challenges related to information security, technological inequality and labour market transformation are coming to the fore.

The first and perhaps most obvious challenge is the widening digital divide between countries. According to the International Telecommunication Union, more than one-third of the world's population still does not have stable access to the internet, which leads to an extremely uneven distribution of the benefits of digitalisation: some countries become centres of innovation and attract investment, while others are forced to settle for the role of consumers of ready-made technologies. As a result, peripheral economies are becoming increasingly dependent on global technology corporations.

The environmental risks of digitalisation are becoming increasingly apparent. Digital devices and information and communication technology (ICT) infrastructure have a direct impact on the environment throughout their life cycle: during production, use and end-of-life stages. The direct impact on natural resources, including minerals, energy and water used in the transition process, as well as greenhouse gas (GHG) emissions and environmental pollution from waste, constitute the ‘environmental footprint’ of the ICT sector [3].

Cybersecurity threats are no less significant. With the growth of digitalisation, the number of attacks on information systems is also increasing. Companies, government agencies and even individual users are becoming targets for hackers. Cyberattacks not only cause material damage, but also undermine trust in digital platforms, without which their further development is impossible (figure 1).

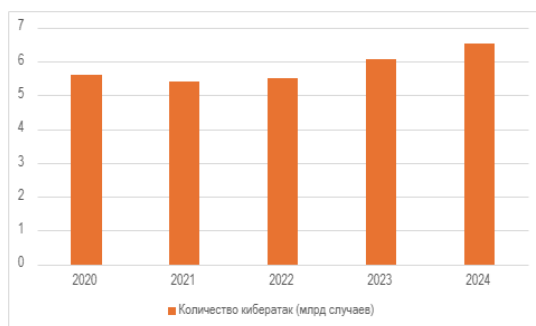


Figure 1 – Dynamics of the number of cyberattacks in 2020–2024, million cases,
[source: <https://www.captiveinternational.com/annual-global-cyber-attacks-double-from-2020-to-2024>]

The data presented demonstrates steady growth across all indicators. The number of cyberattacks has increased more than two and a half times over the past five years, and the cumulative losses to the global economy have exceeded \$8 trillion. This underscores that digitalisation, along with its economic benefits, carries serious risks.

The challenges of digital transformation are systemic in nature. They affect the economy, society and public administration. Ignoring these problems could lead to increased inequality, a loss of trust in technology and a decline in the stability of the global economy. However, with a sensible approach, the risks can become an incentive to improve institutions, develop international cooperation and shape a responsible approach to the digital future.

In conclusion, digital transformation has become an integral part of modern economic development, defining the contours of the future global economic system. Processes that were recently perceived as technological innovations have become the basis of the global economic model. Digitalisation has changed the structure of markets, production methods, the nature of labour and the very nature of competition. The pace of economic growth and a country's position in the global hierarchy now directly depend on the speed of technology adoption, the quality of infrastructure and the level of digital literacy of the population.

Digitalisation is not a temporary trend, but a long-term pattern that encompasses all spheres of life, affecting both global processes (international trade, finance, capital migration) and local aspects: small business development, employment, education, and culture. The influence of digital technologies is giving the global economy new features: flexibility, networked interconnectedness, and dependence on data and information flows.

Ultimately, the digital transformation of the global economy is a complex, contradictory and irreversible process. It combines the desire for innovation with the need for regulation, global interests with local characteristics, technological achievements with social challenges. The nature of the future economic order depends on how balanced this process will be. Digitalisation has already become the main driver of change, and it will determine what the new decade will be like – a time of progress, cooperation and sustainable development, or a period of widening gaps and new contradictions.

References

1. E. L. Davy'denko, Ya. V. Matyushevskij: "SOVREMENNY'E TENDENCII CIFROVIZACII MIROVOJ E'KONOMIKI", Belorusskij gosudarstvenny'j universitet, 2021. [Electronic resource]. Access mode – <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/286735/1/256-261.pdf>.
2. Korolev O. L., Krulikovskij A. P.: Tendencii transformacii mirovoj e'konomiki v kontekste cifrovizacii", Kry'mskij federal'ny'j universitet imeni V. I. Vernadskogo, Simferopol', Rossijskaya Federaciya, 2020. [Electronic resource]. Access mode – <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-transformatsii-mirovoy-ekonomiki-v-kontekste-tsifrovizatsii>.
3. UNCTAD: Doklad o cifrovoj e'konomike, 2024 god. [Electronic resource]. Access mode – https://unctad.org/system/files/official-document/der2024_overview_ru.pdf.

Научное электронное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Сборник научных статей

Выпуск 3

Подписано к использованию 23.12.2025.

Объем 4,96 МВ.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.
<http://conference.gsu.by>